Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

На правах рукописи

Шадурский Владимир Вячеславович

Рецепция русской литературы XV–XIX веков в творчестве М. А. Алданова

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени доктора филологических наук

Тверь 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава 1 Проблемы изучения рецепции русской литературы XV–XIX веков в прозе Алданова 25

1.1. Творчество Алданова и источниковедческие решения… 25

1.2. Проблемы восприятия русской литературы XV–XIX веков в прозе Алданова 48

Глава 2 Доклассическая литература в творчестве Алданова 69

2.1. Поэтика образа Нила Сорского в прозе Алданова… 69

2.2. Протопоп Аввакум в публицистике и художественной прозе Алданова 95

2.3. Образ М. В. Ломоносова в повести «Пуншевая водка» 106

2.4. Рецепция Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова в переписке и прозе Алданова… 115

2.5. Г. Р. Державин в творчестве Алданова 124

Глава 3 Литература первой половины XIX века в восприятии Алданова 140

3.1. А. С. Грибоедов в творчестве Алданова…..... 140

3.2. Рецепция А. С. Пушкина в художественной прозе и литературной критике Алданова 153

3.3. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в алдановском восприятии 185

3.4. Алданов как интерпретатор Н. В. Гоголя 197

Глава 4 Литература второй половины XIX века: комментарии и интерпретации Алданова 214

4.1. Слово и дело А. И. Герцена в восприятии Алданова 215

4.2. И. С. Тургенев и «литературный шоколад» 236
4.3. Стилистическая эклектика: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой 258
4.3.1. Интерпретация «слова» Достоевского 258
4.3.2. Использование приемов Достоевского и Толстого 278
4.3.3. Толстой в статьях и письмах Алданова периода эмиграции 301
4.4. А. П. Чехов в художественном мире Алданова 336
Заключение 385
Список литературы 406

Введение

То, что русская классическая литература стала основой для формирования творчества русских писателей последующего времени, вряд ли у кого-то вызывает сомнения. Однако в какой степени это влияние сказалось на литературе, которая существовала вдали от родины, еще потребуется выяснить. На наш взгляд, речь должна идти о понимании определенных основ, констант, которые становятся узнаваемыми и которые помогают сохранить идентичность отечественной культуры даже в тех условиях, когда, кажется, без этой культуры легче обойтись. По словам историка русского зарубежья, «русская эмиграция могла отчасти опираться на великую литературу, имеющую свои традиции и сыгравшую плодотворную роль в создании культурных ценностей и национального сознания русских вне зависимости от их убеждений и классовой принадлежности»[1]. Обращение к русской классической литературе превратилось в процесс, объединивший различные силы и стороны, казалось бы, совершенно не способные к диалогу и консолидации. Возникло даже представление о том, что «русскость» в эмиграции как понятие тесно связано с традициями отечественной классической литературы. Вспоминая М. Раева, выделим его слова: «Самыми яркими проявлениями “русскости” считались произведения выдающихся представителей русской словесности – от М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина до великих романистов XIX в.»[2]. В каком-то отношении эта мысль помогла нам организовать структуру диссертационного сочинения.

Русская классическая литература продолжает сохранять особый заряд, который определяет даже современный литературный процесс в России; она является важным средством понимания русской ментальности. К ней не угасает интерес и на Западе. Это обусловлено не только экзотичностью русской словесности для англичан, американцев или аргентинцев, но и ее значением в мировой литературе, в развитии художественного мышления и мировоззрения. М. А. Алданов (1886–1957), владевший несколькими

[1] Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939. Москва: Прогресс-Академия, 1994. С. 214.

[2] Там же. С. 214.

мировыми языками, читавший местную прессу во время пребывания в Германии, Франции, Великобритании, США и организовавший перевод своих произведений на более чем 20 языков, безусловно, знал об особенностях интереса зарубежного читателя к русскому менталитету и стал, по сути, посредником между культурами и литературами Запада и России. Поэтому изучение рецепции русской литературы в творчестве М.А. Алданова ведет к более полному пониманию как собственно русской словесности, так и ее места в мировом литературном процессе.

Степень научной разработанности проблемы

В России с конца 1980-х гг. накапливался большой опыт исследований содержания и поэтики алдановских произведений, произведено множество анализов текстов, опубликован большой объем эпистолярия Алданова, некоторыми литературоведами глубоко изучен архив писателя в США (А. А. Чернышев, С. К. Пестерев). В начале 2000-х гг. молодые российские филологи после выхода собраний сочинений Алданова проявили сильный интерес к творчеству писателя. Отечественное алдановедение, бурно развившееся в это время, явило миру несколько кандидатских диссертаций, в которых, однако, не подвергался рефлексии научный задел предшественников из США и Канады. Интерес материализовался в нескольких монографиях и многочисленных статьях в сборниках и журналах. Наследие Алданова стало изучаться в вузах, вошло отдельным блоком в учебники по литературе русского зарубежья, было представлено в различных энциклопедиях. Однако отечественные литературоведы вели себя не всегда профессионально: не использовали опыт западных предшественников, не опирались на содержание указателя, составленного Д. и А. Критеско[3], не читали диссертаций Ч. Н. Ли, И. Грабовски и статей других ученых, изданных на английском, немецком, французском, польском языках[4]. Публикации историков и литературоведов о жизни и творчестве Алданова, а также издания его писем и произведений превратились в громадный хаотичный массив, и на его поверхности у

[3] Cristesco D. Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov = Марк Александрович Алданов, библиография / établie par D. et H. Cristesco; sous la direction de T. Ossorguine; introduction de Marc Slonim. Paris: Inst. d' etudes slaves, 1976. XIII, 87 p.

[4] Шадурский В. В. Об изучении творчества Марка Алданова // Вестник НовГУ. Сер. Гуманитарные науки. Великий Новгород, 2005. № 33. С. 72–76.

исследователей стали популярны несколько тем: кроме собственно историософских и философских взглядов Алданова, это интертекстуальность его творчества, зависимость от наследия Л. Н. Толстого, нелюбовь к Ф. М. Достоевскому.

Несмотря на усиление интереса к эмигрантике[5], алдановедов по всему миру можно насчитать несколько десятков человек, но они, судя по редким упоминаниям работ соотечественников, игнорируют исследования друг друга. То же можно сказать и об использовании современных методах анализа литературы: алдановедение не вписывает предмет своего изучения в литературоведческие концепции, не обращается к новым методам науки о литературе. Возможно, такую тенденцию определило отсутствие комплексных, обобщающих работ и наличие строго тематических монографий[6]. Только в последнее годы появились разные по своей тематике, но очень глубокие публикации универсального характера А. А. Чернышева[7], М. Л. Уральского[8], Т. И. Дроновой[9].

Алданов – не только самый читаемый писатель русской эмиграции первой волны, но и один из видных публицистов, литературных обозревателей, перу которого принадлежат десятки статей, очерков, рецензий в ведущих изданиях русского зарубежья. Вместе с тем такие интересные стороны его деятельности, как литературная критика и публицистика, оказываются малоизученными. Эту лакуну требуется заполнить, ведь по сути, в своих литературно-критических статьях и публицистике Алданов

---

[5] Об этом опубликована концептуальная статья: Пономарев Е. Эмигрантика за тридцать лет: от возникновения до рассвета // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 378–396.

[6] Макрушина И. В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика. Уфа, 2004. 186 с.; Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. Саратов, 2011. 180 с.

[7] Чернышев А. А. Открывая новые горизонты. Споры у истоков русского кино. Жизнь и творчество Марка Алданова. М.: Паблит, 2017. 358 с.

[8] Уральский М. Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. СПб.: Алетейя, 2019. 802 с.

[9] Дронова Т. И. Марк Алданов // Русская литература 1920–1930 годов. Портреты прозаиков: В 3 т. Т. 1 № 2 / Редкол. А. Г. Гачева и др.; ред.-сост. С. Г. Семенова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 440–539; Дронова Т. Путь парадоксов Марка Алданова: монография. М.: Флинта, 2020. 256 с.

формировал предпочтения читателей и, воздействуя на читательскую аудиторию, влиял на литературный процесс.

Актуальность нашего исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, еще не созданы «“единая библиографическая база данных исследований и публикаций по Русскому зарубежью”, “Сводная библиография русской экстериорики”, “Сводная электронная библиотека эмигрантских изданий”, “Реестр архивных фондов Русского зарубежья”»[10], но благодаря новейшим технологиям и возрастающей открытости архивов и библиотек ожидают своей очереди изучения ранее неизвестные или недоступные исследователям материалы из эмигрантской печати; познание этих материалов существенно обогатит представление о ходе литературного процесса русского зарубежья: «…изучение эмиграции идет сейчас не только вширь, сколько вглубь»[11], необходимость введения в научный оборот обнаруженных документов и текстов Алданова, связанных с восприятием русской литературы очевидна. *Во-вторых,* целостного изучения прозы Алданова, выросшей на русской классической литературе, еще не проводилось, хотя многообразные аспекты рецепции отдельных писателей – А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова – неоднократно становились предметами научных изысканий, выраженных в статьях, диссертациях, монографиях; значения различных исследований требуется осмыслить, обобщить и дополнить. *В-третьих,* с помощью рецептивного анализа появляется возможность увидеть, как формировалась творческая личность Алданова-писателя и Алданова-критика, для этого применяется диахронический принцип – рассмотрение истоков этой рецепции в подходах Алданова к древнерусской литературе и литературе эпохи классицизма, а также к образцам собственно русской классической литературы XIX в. и ее ярким представителям. *В-четвертых*, благодаря изучению особого статуса Алданова-читателя и Алданова-общественника

[10] Шиюй Ван. Интервью с Олегом Коростелевым // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 447.

[11] Гентшке В. Л. Русское зарубежье: материалы к библиографическому указателю = Russian diaspora: materials to bibliographic index. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 47.

появляется возможность оценить его читательские и литературно-критические, издательские принципы восприятия наследия русской классической литературы, которые существенным образом влияли на собратьев по перу в эмиграции, на русского зарубежного читателя и даже на читателя-иностранца. *Пятое обстоятельство,* определяющее актуальность, – это необходимость исследовательского освоения ранее не изученных художественных и литературно-критических текстов Алданова для полного представления глубины и богатства литературного процесса русского зарубежья и в целом русской литературы XX века.

Объект исследования в диссертации – русская литература XV–XIX в рецепции М.А. Алданова, *предметом изучения* является сам феномен алдановской рецепции, способы и результаты ее осуществления в публицистике, литературной критике, переписке, общественно-литературных проектах, художественных произведениях Алданова. В диссертации речь идет о разных вариантах усвоения тем, образов, идей русской классики разными поколениями читателей, литературных критиков, писателей, и прежде всего самим Алдановым.

В диссертации прослеживается развитие отношения Алданова к русской литературе от древнерусского периода ее развития до золотого века, с включением знаковых имен русских писателей XIX столетия.

М. М. Бахтин подчеркивал, что «литература – неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры <…>. Литературный процесс есть неотторжимая часть культурного процесса»[12]. Именно потому представляется важным обратить внимание как на художественные произведения Алданова, содержащие рецепцию русской классической литературы, так и на литературно-критические и публицистические статьи, казалось бы, напрямую не связанные с художественностью. Разнообразные материалы, разножанровые публикации Алданова дают возможность увидеть более тесную связь как с историей литературы эмиграции, так и с интеллектуальной историей, а значит – обозначить проекцию идей и образов русской классики на современный

[12] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 344.

Алданову литературный процесс в новых культурных и мировоззренческих обстоятельствах.

Вместе с тем, рецепция литературы предшествующих эпох есть сложный и многомерный, подчас внутренне противоречивый процесс, реализующий себя в сложной комбинации притяжений и отталкиваний. Об этом, характеризуя взаимодействие традиций и новаторства в литературе, писал еще А. С. Бушмин: «…творческие связи писателей… могут приобретать характер *контактных* или *контрастных*, а порой и *конфликтных* отношений»[13]. Таков и наш материал. Например, рецепция творчества Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, к которым Алданов относился по-разному, приобретает даже эклектичный характер. При этом сам наследник традиций в процессе их творческого усвоения может оказаться одновременно в двух позициях – позиции и приятия, и, одновременно, отрицания. И это – норма для литературного процесса; как отмечал тот же А. Бушмин, сам А.С. Пушкин находился в этой двойственной, внутренне-конфликтной позиции, выступая одновременно «в… роли преемника и новатора по отношению к веку минувшему»[14]. Не является исключением и роль Алданова, воспитанного на традициях русской реалистической прозы, но вынужденного выходить за ее рамки, обращаясь к поэтике модернистской драматургии, литературе нонфикшн и приемам кинематографизации своих произведений.

В связи с этим *источником для проведения исследования* стали, во-первых, тексты Алданова разных лет написания, причем если большинство художественных произведений писателя выпущены в современных издательствах[15], то для работы с очерками, критическими статьями, рецензиями потребовалось обратиться к первоисточникам (изданиям русского зарубежья: журналам «Грядущая Россия», «Современные записки», «Новый журнал», газетам «Последние новости», «Дни», «Сегодня», «Новое русское слово»), эмигрантским и зарубежным сборникам. Во-вторых, значительную

[13] Бушмин А. Преемственность в развитии литературы. Л.: Худож. лит., 1978. С. 132–133.

[14] Там же. С. 45.

[15] Алданов М. Сочинения: В 6 кн. М.: Новости, 1994–1996; Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1991; Алданов М.А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Терра, 2007.

часть изучения составили алдановский эпистолярий и материалы музейного хранения.

Материалом для исследования стали тексты, написанные Алдановым и его современниками – рецензентами, критиками, историками литературы, то есть разнообразная алдановская проза в контексте литературно-критических и литературоведческих публикаций представителей русского зарубежья. Кроме того, для изучения рецепции использованы авторитетные тексты русских писателей XV–XIX вв., изданные отдельными книгами или в составе академических собраний сочинений (Нила Сорского, протопопа Аввакума, Г. Р. Державина, А.Н. Радищева, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова).

Таким образом, *цели* диссертационной работы – изучить особенности алдановской рецепции русской литературы XV–XIX вв., описать ее формы, осмыслить специфику репрезентаций образов, функции мотивов, сюжетов, использования приемов поэтики, цитат из произведений русской классической литературы в творчестве Алданова.

В соответствии с поставленными целями решаются следующие *задачи*:

1. произвести выборку информативных материалов из разнообразных справочных, биографических и библиографических изданий, из эмигрантской печати, фондов архивов и музеев, содержащих упоминание имени Алданова, для получения наиболее полной картины соотнесенности литературной деятельности Алданова с русской литературой XV–XIX вв.;
2. исследовать проблемы восприятия русской литературы XV–XIX вв. в прозе Алданова с учетом современного ему эмигрантского и зарубежного контекстов;
3. изучить различные аспекты алдановского прочтения русской классики в литературно-критических статьях, эпистолярии, очерках, путевых заметках, эссе и художественной прозе;
4. описать в исторической хронологии алдановское восприятие писателей – «вершин» русской литературы XIX в. и литературных традиций, интерес к которым у Алданова обнаружен от древнерусского периода и литературы XVIII в.;

5. обобщить наблюдения алдановедов над различными аспектами алдановской интертекстуальности и фактами преемственности творчества А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. Н. Гоголя, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова в прозе Алданова;

6. раскрыть значение разнообразных цитат из русской классики и многочисленных алдановских репрезентаций образов, использования приемов, мотивов, сюжетов русской классической литературы, выраженных в его художественной и документальной прозе (нон-фикшн);

7. с учетом рецепции русской классики у современников писателя – писателей, литературных критиков русского зарубежья, а также историков литературы обобщить опыт алдановской рецепции в 1920–1950-е гг. и выявить ее специфику.

Научная новизна исследования состоит в целостном осмыслении рецепции русской литературы XV–XIX в., осуществленной в художественной и документальной прозе Алданова, во введении в научный оборот статей и очерков писателя, опубликованных в эмигрантских изданиях (Латвия, Франция, США), в североамериканских научных сборниках, недоступных ныне российской научной общественности, в аналитическом прочтении статей и монографий зарубежных и отечественных алдановедов.

На основе обнаруженных фактов интертекстуального, мотивного присутствия русской классической литературы в творчестве М. А. Алданова выявлена его особая творческая концепция, воплощающая мировоззренческий и эстетический подходы к наследию отечественной словесности.

Введены в научный оборот публикации Алданова, документы, письма из его архива (Дом-музей Марины Цветаевой), рецензии на произведения из малодоступных европейских («Сегодня»[16]) и заокеанских («Новое русское слово») изданий. Определено, что эта концепция начала создаваться в 1920–е гг., ее формирование продолжилось писателем в 1930–1950-е гг.

[16] См. об источниковедческих проблемах работу: Трубилова Е. М. Русские периодические издания в Латвии. Газета «Сегодня» // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 290–328.

Впервые установлено, что в художественной и документальной прозе Алданова создается система принципов восприятия русской классики; рациональная часть этой системы сформулирована в нон-фикшн: литературно-критических статьях, рецензиях, очерках, путевых заметках, книге философских диалогов «Ульмская ночь», в эпистолярии; эмоциональная, эстетическая часть системы передана в виде художественных образов, аллюзий, цитат, мотивов, а также с помощью интерпретации различных сюжетов, в которые были вовлечены русские писатели.

Впервые показано, как на систему алдановских принципов восприятия русской классики оказывали воздействие историко-литературный контекст эмиграции первой волны, условия политической и общекультурной ситуации, трансформации сознания соотечественников, а также специфика познания и осознания русской литературы зарубежным читателем.

Определено, что восприятие русской классической литературы XIX в. у Алданова превратилось в многогранную рецепцию, вместившую в себя художественную преемственность, которая заключается в консервативном следовании реалистической поэтике, критическом отношении к вершинам отечественной словесности, переосмыслении проблематики и поэтики произведений русских писателей, что выразилось в оригинальных интерпретациях и сказалось на алдановской трактовке феномена русской литературной классики.

Установлено, что русская литературная традиция воспринималась Алдановым как мировоззренческая и эстетическая основа собственного творчества и поведения, в разные годы жизнь писателя наполнялась интересом к образцам древнерусской литературы (от сочинений Нила Сорского и «Жития» протопопа Аввакума), русской литературы XVIII в. и русской литературы XIX в.

Наши наблюдения за рецепцией русской классической литературы в творчестве Алданова впервые позволяют утверждать о существовании в его художественной и документальной прозе отдельных интертекстов классиков русской литературы: интертекста А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. В условиях хаоса и потери ориентира жизни

русского эмигранта эти писатели выбраны Алдановым для своеобразной канонизации, для утверждения нравственной и эстетической основы культурной жизни; в большей мере канонизации подвергается Л. Н. Толстой.

Впервые предлагается трактовка рецепции русской классической литературы как оригинальной концепции, с помощью которой Алданов смог выразить собственную аксиологию и философию в разнообразных эпических жанрах. Содержание романов Алданова, сориентированное на идеи и образы русской классики, соответствовало экзистенциальным запросам современников-эмигрантов, переживших исторические катастрофы, и в первую очередь тех, кто оказался в трудных условиях существования без духовной и нравственной опоры; вместе с тем это содержание имеет ценность и для последующих поколений читателей, вынужденных сталкиваться с проблемами экзистенциального характера.

Наблюдения за художественной прозой Алданова дают возможность утверждать, что для изображения исторических и вымышленных персонажей, их идей, поступков Алданов создал эклектичный, оригинальный стиль, позволивший объединить приемы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Благодаря воздействию стиля Ф. М. Достоевского в прозе Алданова развивались диалогичность и психологизм; влиянием эпических произведений Л. Н. Толстого обусловлена объективация повествования и представление эволюции главных героев художественной прозы Алданова.

Впервые представляется гипотеза, согласно которой восприятие русской классики у Алданова обусловлено его либерально-просветительским мировоззрением, определившим поэтику его творчества, а также оказавшим воздействие на литераторов, писателей русского зарубежья и читателей их произведений.

Пребывание писателя в странах, позволявших свободу творчества и мыслеизъявления, связывается не только с раскрытием творческих возможностей, но и с ответственностью за память, традиции предшественников, с нравственными ценностями и моральными ориентирами. Поэтому впервые делается оценка творчества Алданова как с эстетической, так и с общественно-политических позиций.

Теоретическая значимость исследования связана с несколькими новыми положениями, которые могли бы быть полезными при изучении литературы.

Во-первых, теоретически переосмысливается и углубляется понятие «рецепция». Под термином «рецепция» в диссертации понимается не только восприятие и интерпретация чужого текста, но и совершаемые реципиентом творческие действия, порожденные этими восприятием и интерпретацией (включая отзывы в письмах, отклики в публицистических и литературно-критических статьях, рецензиях, создание литературных произведений и реализацию литературно-общественных инициатив, переводов, репрезентацию в других видах искусств). В диссертации показано, что Алданов осуществляет рецепцию русской литературы в нескольких аспектах – и вполне автономных, и взаимопересекающихся: в своей художественной и документальной прозе он ведет себя и как комментатор, и как интерпретатор русской классической литературы; в литературно-общественных и издательских инициативах он выступает в роли редактора журналов, руководителя различных комитетов, фондов, участника просветительских и литературных акций: мысли, высказанные в литературно-критических статьях, находят художественное воплощение в прозе, и, наоборот, образы, созданные Алдановым-художником, уточняются и проясняются в его же публицистике. Теоретической значимостью также обладают принятые в диссертации и уточненные в связи с формированием описанной выше концепции методы исследования процессов рецепции литературы предшествующих эпох в творчестве Алданова.

Во-вторых, дается подробная характеристика таким формам рецепции как комментарий (возникающий в литературно-критических работах, публицистике, переписке), интерпретация (появляющаяся в рассказах, повестях, романах), использование приемов поэтики прозы русской классической литературы (используемых преимущественно в алдановских романах), общественно-литературная деятельность Алданова (от участия в праздниках в честь русской классики до выпуска изданий, продолжающих журнальную традицию русской литературы – «толстых» журналов «Грядущая Россия», «Новый журнал»).

Комментарием у Алданова называется толкование неясных мест, приведенных цитат, сопоставление их значения со значением ряда изображаемых событий, выявление контекстуальных связей актуализируемого фрагмента. Чаще всего это происходит в алдановских текстах нон-фикшн, где художественность редуцирована, но малые текстовые эпизоды тем не менее сохраняют литературный код, который нуждается в дешифровке. В роли комментатора Алданов проявляется в нехудожественных книгах, в статьях, большом количестве документальных и публицистических очерков. Как интерпретатор Алданов раскрывает себя при восприятии идей, образов, поступков русских писателей преимущественно в художественных произведениях. В диссертации разработан и опробован аналитический подход к изучению подобных форм многоаспектной рецепции.

В-третьих, в диссертации высказывается гипотеза, что из возможных путей наследования русской классической традиции Алданов выбрал самобытный путь без опоры на религию, которую по своей духовной сути заменила русская классическая литература, проявив себя как средство поддержания духовности и как инструмент укрепления национальной идентичности. В диссертации показано, как различные способы осуществления рецепции русской классической литературы сформировали в творчестве Алданова особенный образ России и образ русской литературы. Предложена трактовка рецепции русской классической литературы как процесса, в рамках которого Алданов смог сформулировать собственную аксиологию и философию в разнообразных эпических жанрах. В диссертации также предложены аналитические инструменты для изучения темы рецепции русской классической литературы в прозе других писателей русского зарубежья, а также для исследования рецепции отечественных авторов XX в. в русской эмиграции и на Западе в целом.

Практическая ценность в том, что материалы диссертационной работы могут быть применены в вузовских курсах преподавания истории русской литературы XX в., в дисциплине «История литературы и журналистики русского зарубежья», «Эмигрантика» при составлении различных программ историко-литературных дисциплин.

Теоретические основы исследования. Выносимые автором на защиту научные положения являются результатами многостороннего анализа, полученными с применением комплекса методов исследования. Основой для изучения рецепции русской литературы в творчестве Алданова послужили теоретические и историко-литературные труды в области интертекстуальности, нарратологии, исторической поэтики, сравнительного литературоведения, герменевтики, феноменологии и рецептивной эстетики.

В диссертации учитываются и представления о литературном процессе, высказанные в статьях и монографиях отечественных ученых Б. В. Аверина[17], М. М. Бахтина[18], И. И. Виноградова[19], В. Д. Днепрова[20], Ю. М. Лотмана[21], Н. Д. Тамарченко[22], В. И. Тюпы[23], а также в отдельных работах А. Компаньона[24], Ж. Старобинского[25], Х.-Р. Яусса[26].

В диссертации совмещаются синхронический подход, позволяющий оценивать творчество Алданова в контексте литературы и интеллектуальной мысли русской эмиграции, и диахронический подход, дающий возможность увидеть, как лучшие образцы русской литературы XIX столетия были прочитаны, оценены и восприняты одним из самых влиятельных читателей, живших в условиях политической свободы; применяются принципы культурно-исторического метода, принципы составления текстологических комментариев и рецептивный анализ.

---

[17] Аверин Б. В. От Толстого до Набокова. Из истории русской литературы. Санкт-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипсит», 2014. 390 с.

[18] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 423 с.

[19] Виноградов И. И. Духовные искания русской литературы. Москва: Русский путь, 2005. 672 с.

[20] Днепров В. Идеи времени и формы времени. Ленинград: Советский писатель, 1980. 598 с.

[21] Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 380–388.

[22] Тамарченко Н. Д. Лев Толстой // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1 / ИМЛИ РАН. Москва: Наследие, 2000. С. 336–389.

[23] Тюпа В. И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 22–39.

[24] Компаньон А. Демон теории: Литература и здравый смысл. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.

[25] Старобинский Ж. Поэзия и знание: история литературы и культуры. Т. 1. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

[26] Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С. 34–84.

Один из важнейших аспектов диссертации – понимание проблемы восприятия произведения, в частности, текстов русской классической литературы. В связи с этим в работе учтены различные идеи как представителей историко-функционального литературоведения, так и сторонников рецептивной эстетики, а также теоретические обобщения тех литературоведов, позиции которых нам близки в понимании тенденций читательского восприятия, рецепции и непростых возможностей интерпретации текстов.

«Читатель-современник воспринимает текст как факт собственной жизни, не заботясь о том, чтобы определить его место в иерархии литературных текстов. Читатель другой эпохи, видя в произведении факт литературной жизни прошлого, стремится оценить его эстетически. Поэтому те художественные “изъяны”, которые когда-то не замечались современниками, могут быть восприняты им как проявление художественной несостоятельности»[27], –

эти наблюдения в значительной мере осмыслены при анализе рецепции русской классики в творчестве Алданова. Алданов – это активный читатель, который привносит как в художественную (в пространстве романов, повестей, рассказов), так и в нехудожественную (в пространстве очерков, публицистики, литературной критики, переписки) сферы рецепции собственный читательский опыт, опыт русскоязычных современников и опыт прочтения русской классики иностранным читателем.

Для нас, после анализа различных интертекстуальных перекличек алдановских произведений с литературой предшествующих эпох, после выявления в них множества и литературных подтекстов[28], очень важно, что даже при наличии преемственности в творчестве, при сильном воздействии «чужого слова», Алданова невозможно назвать модернистским писателем или автором, просто использующим интертекстуальные приемы. Он писатель-эрудит, писатель культуры, который смог в меру своего таланта продолжил

[27] Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М., 2003. С. 14.

[28] Шадурский В. В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова. Великий Новгород: НовГУ, 2003. 90 с.; Шадурский В. В. Марк Алданов – комментатор русской классики. Великий Новгород: НовГУ, 2016. 111 с.

стиль великой русской литературы. «Культура – это примерно то же, что историки XIX века называли душой народа или его расой в филологическом смысле слова, то есть единство языка и символических проявлений данной группы[29]», алдановская рецепция русской культуры XIX в. – это следование ее стилю и традиции. Принадлежность Алданова к принципам и стилю ушедшей эпохи – это проявление культуры, гуманности, надежности и верности, которые писатель воспитывал в своем окружении, у своего читателя:

«Стиль в самом широком смысле слова – это комплекс опознаваемых формальных черт и в то же время симптом некоторой личности (индивида, группы, периода). Описывая, анализируя стиль в его сложных деталях, интерпретатор воссоздает душу этой личности»[30].

Алданов понимается нами как интерпретатор стиля, поэтики русской литературы XIX в.

В предлагаемой диссертации разные теоретические подходы применяются в зависимости от характера изучаемого материала. При анализе и интерпретации документальной прозы Алданова – эпистолярия, очерков – применяются принципы биографического метода и культурно-исторической школы. При восприятии художественной прозы используются принципы интертекстуального анализа, рецептивной эстетики и феноменологии. Вместе с тем целый ряд ассоциаций, упоминаний Алдановым различных историко-литературных фактов потребовал контекстуального анализа и реального комментария.

Мы полагаем, что под рецепцией русской литературы у Алданова лучше всего понимать разнообразные аспекты: его читательскую реакцию на прочтенные произведения – причем ту, когда он еще не стал писателем, но пробовал себя в эссеистике, его публицистическую, литературно-критическую деятельность, эпистолярий, а также художественную прозу и драматургию. Разного рода реминисценциями и цитатами пронизано буквально все, что говорил и писал Алданов. Чего, например, стоит его высказывания о собственной жене – Татьяне Марковне Зайцевой, наполненные ассоциациями

[29] Компаньон А. Указ. соч. С. 202.
[30] Там же. С. 203.

с отечественной литературой: «Бабушка Райского сердечно Вам кланяется…»[31] (письмо 15 февраля 1936 г. А. В. Амфитеатрову).

Представление об объеме работы, проделанной Алдановым в качестве читателя, критика и писателя, позволяет обобщить его взгляды на литературу, на развитие литературной критики и литературоведения XX в., а также более глубоко постигнуть литературу русского зарубежья и вместе с ней понять разноаспектную алдановскую рецепцию русской классической литературы XIX в.

В связи с этим на защиту выносятся следующие *положения:*

1. Литературно-критическая деятельность Алданова, осуществлявшаяся в эмигрантских журналах, газетах, сборниках, дала писателю возможность ярче обозначить свои эстетические и этические принципы и продемонстрировать свою близость традициям русской литературной критики. Различные начинания Алданова – от журнала «Грядущая Россия» до «Нового журнала», занятия литературной критикой – позволили ему в условиях политической свободы достичь творческой целостности, совместить интерес к точным и естественным наукам со страстью к литературе.

2. Алдановское восприятие русской литературной традиции содействовало успешному представлению русской литературы XIX в. русскоязычному читателю в Европе и США, иностранному читателю – на разных континентах.

3. Результаты рецепции русской классической литературы представлены в творчестве Алданова литературно-художественными, литературно-критическими и публицистическими текстами; в текстах первого типа рецепция и интерпретация русской литературы носит творчески-эстетический, художественный характер; литературно-критические и публицистические тексты Алданова уточняют, рационализируют формируемые образы, являясь по отношению к ним формой авторского комментария

[31] Супруга Алданова была полной тезкой Татьяны Марковны Бережковой, бабушки главного героя романа И. А. Гончарова «Обрыв». Об этом в изд.: «Парижский философ из русских евреев» (Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову). Указ. соч. С. 589, 596.

4. Персонифицированная рецепция писателей XIX в. в художественной прозе Алданова не имела мифотворческого и идеализированного характера. Восприятие отдельных писателей русской классической литературы (Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, А. С. Грибоедова, Ф. И. Тютчева, А. Н. Островского, Н. С. Лескова) и их произведений у Алданова было спорадическим, неупорядоченным, нелинейным. Вместе с тем рецепция творчества таких писателей, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, осуществлялась Алдановым, превращаясь в эстетическую и мировоззренческую концепцию, которая воздействовала на его художественное творчество в течение всей жизни. Алдановское восприятие Толстого и трактовка его произведений, оценка стиля повлияли на литературную атмосферу русского зарубежья, оказали воздействие на читательские приоритеты, на формирование в русской эмиграции образа Толстого как писателя-парадоксалиста, а также на трансляцию этого образа зарубежному читателю.

5. Особое отношение к русской классической литературе (от комментирования до интерпретации) позволило Алданову в прозе объединить аксиологию с мировидением, что соответствует экзистенциальным запросам современника-эмигранта, пережившего исторические катастрофы и оказавшегося без нравственных и духовных ориентиров; это отношение помогало Алданову как автору и личности сохранить национальную идентичность.

6. Благодаря традиции Л. Н. Толстого Алданов реализовал себя как автор «традиционного эпоса нового времени»; следуя традициям Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, он усовершенствовал «романический эпос»; продолжая традиции, заложенные Н. М. Карамзиным, И. С. Тургеневым, А. П. Чеховым, развил «очерковый эпос».

7. Алданову удалось осовременить русскую романную традицию и за счет этого избежать кризиса жанра романа. После тяжелейшего времени Второй мировой войны он нашел в себе силы отказаться от очерков и политических рассказов и сохранить верность роману как жанру, используя приемы поэтики классиков русской литературы XIX в.

8. От других крупных писателей русского зарубежья Алданова отличает литературно-общественная позиция ответственного носителя, хранителя и распространителя русской культуры, культуртрегера.

Апробация результатов.

Основные положения работы отражены в публикациях, в том числе в 3 авторских монографиях и 26 статьях в журналах из Перечня российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, а также в 6 статьях, размещенных в журналах реферативных баз Web of Science и Scopus, 2 статьях, опубликованных в иностранных сборниках, в 25 статьях, напечатанных в российских научных журналах и сборниках научных трудов. Общий объем публикаций составляет более 65 п. л.

По материалам диссертации сделаны доклады на 31 международной конференции: «Литературный текст: проблемы и методы исследования» (Тверь, ТвГУ, 2000), «Пушкин и мировая культура» (Санкт-Петербург, 2004, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН), «Русское зарубежье: приглашение к диалогу» (Калининград, Калининградский ГУ, 2004), «Биография Чехова: Итоги и перспективы» (Великий Новгород, НовГУ, 2006), «Молодые исследователи Чехова» (Москва, МГУ, 2008), «Образ Чехова и чеховской России в современном мире. К 150-летию со дня рождения А.П. Чехова» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, СПбГУ, 2008), «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской» (с. Хмелита Смоленской области, Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита», 2009), «Европа чете Чехов» (Велико Търново, България, 2010), XXXV Международные чтения «Достоевский и мировая культура» (Санкт-Петербург, 2010, Дом-музей Ф. М. Достоевского, 2010), «Набоковские чтения» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2016, 2018, 2020, 2021, 2022), «Мгновение как сюжет» (Тверь, ТвГУ, 2016), «Памяти И. В. Фоменко. Поэтика текста» (Тверь, ТвГУ, 2017), «Мусатовские чтения. Художественные традиции в русской литературе XX–XXI веков» (Великий Новгород, НовГУ, 2017, 2019, 2021, 2023), «Драма и театр» (Тверь, ТвГУ, 2015), «Поэтика текста» (Тверь, ТвГУ, 2019, 2023), «Зрелость как

сюжет» (Тверь, ТвГУ, 2019), «Проснуться знаменитым… “Стратегии литературного успеха в эпоху fin de siècle”» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2020), «Иван Бунин: контексты судьбы – история творчества» (ИМЛИ РАН, Москва, 2020), «Поколение как сюжет» (Тверь, ТвГУ, 2022), «Поэтика текста. Памяти Е. П. Беренштейна» (Тверь, ТвГУ, 2022), «Пушкин в культуре русского зарубежья» (Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2024), «Чехов в меняющемся мире» (Великий Новгород, НовГУ, 2024), «Emigrantica. Коростелевские чтения – 2025. Памяти Микелы Вендитти» (Москва, ИМЛИ РАН, 2025) и на 5 всероссийских конференциях: «Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русское зарубежье XX века» (Москва, Дом-музей Марины Цветаевой, 2009), «Мир романтизма» (Тверь, ТвГУ, 2010), «Н. В. Гоголь и его творческое наследие. X Гоголевские чтения» (Москва, Дом-музей Н. В. Гоголя, 2010), «Державинские чтения» (Чудово, 2023, 2024).

Структура и объем диссертации

Общий объем диссертации 438 с., в том числе основной текст 406 с., список использованной литературы на 32 с.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на разделы, заключения и списка использованной литературы.

В первой главе обращается внимание на проблемы источниковедения при изучении творчества Алданова и на проблемы алдановского восприятия русской классической литературы с учетом историко-литературного контекста зарубежья и Европы.

Содержание второй главы описывает рецепцию доклассической литературы в творчестве Алданова – периода развития отечественной словесности, под которым понимается древнерусская литература и литература «московского периода русской истории»[32]. Наиболее частотными из всех «древних» авторов в творчестве Алданова являются обращения к Нилу Сорскому и протопопу Аввакуму, чему в структуре диссертации посвящены соответствующие параграфы. У Алданова основой для восприятия русской классической литературы стали авторы-просветители, поэтому во второй главе изучается русская литература XVIII в., представленная в алдановском

[32] Алданов М. Ульмская ночь. Философия случая. Москва, 1996. Т. 6. С. 368.

творчестве именами и трудами М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, Г. Р. Державина.

Третью главу составили наблюдения за рецепцией русской литературы первой половины XIX в., осуществленной в критике и творчестве Алданова. В ней внимание уделено отражению личностей А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, а также восприятию их образов и приемов.

В четвертую главу вошли наблюдения за русской литературой второй половины XIX в. в литературно-критической деятельности и художественном творчестве Алданова. Она посвящена творчеству А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, ставших объектами рефлексии Алданова.

По причине эпизодичности обращения нами не выделяются в отдельные главы и параграфы случаи рецепции Ф. И. Тютчева[33], С. Т. Аксакова[34], Н. И. Некрасова, Н. С. Лескова, А. Н. Островского[35], хотя в различных фрагментах диссертации раскрывается алдановское отношение к ним и их творчеству.

Ввиду изученности и широкого представления темы «Алданов и Лев Толстой» в работах алдановедов последних лет рецепция Л. Н. Толстого не выделена в отдельную монографическую главу, но сопоставлена с рецепцией Ф. М. Достоевского, поскольку именно в отношении к Толстому и Достоевскому, как к разным «полюсам» русской литературы, определилось, прояснилось мировоззрение и обозначились эстетические предпочтения Алданова. Пожалуй, ни один писатель русского зарубежья не отличался такой эклектикой в объединении тем, образов таких разных художников слова.

Аналитическая часть диссертации завершается разделом, который содержит информацию об истории обращения Алданова к Чехову и его произведениям, а также демонстрирует опыт Алданова-драматурга, предложившего новаторское использование принципов чеховской поэтики в своей драматургической практике и в структуре эпических произведений.

---

[33] См.: Алданов М. Большая Лубянка // Алданов М. Большая Лубянка. Москва: Олма-Пресс, 2002. С. 150.

[34] См.: Алданов М. Бред // Алданов М. Повесть о смерти. Бред. Москва: Гудьял-Пресс, 1999. С. 676–678,

[35] См.: Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 649, 656, 659, 660.

В заключении содержатся выводы из всех разделов соответствующих глав диссертации.

В диссертации использовались материалы и цифровые копии эмигрантской периодики, обнаруженные в архивах и библиотеках, в разнообразных электронных хранилищах, в частности: в Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке, библиотеке Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, библиотеке Дома-музея Марины Цветаевой, Новгородской областной научной библиотеке, а также в электронной библиотеке http://emigrantika.imli.ru, сводном каталоге периодики http://emigrantica.ru, в электронной библиотеке Государственной публичной исторической библиотеке России http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9347-elektronnaya-biblioteka-gpib, в электронной коллекции Латвийской национальной библиотеки http://www.periodika.lv, в коллекции газет Европейской библиотеки The European Library https://www.theeuropeanlibrary.org, в базе данных West View https://dlib.eastview.com и на сайтах https://library.princeton.edu, https://newreviewinc.com, https://imwerden.de, http://elib.shpl.ru/indexes/values/38125, https://archive.org/. Немалый вклад в пополнение источниковедческой базы исследования внесли и зарубежные коллеги, проживающие в США, Канаде, Германии, Польше, Латвии, Эстонии, имеющие доступ к архивам и библиотекам, не всегда доступным гражданам России.

В диссертации цитируется содержание музейных предметов, хранящихся в фонде Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Дом-музей Марины Цветаевой» (ДМЦ КП-735/18; ДМЦ КП-746/54; ДМЦ КП-748/1; ДМЦ ПК-748/2; ДМЦ КП-782/2; ДМЦ КП-782/3; ДМЦ КП-826/2, ДМЦ КП-699/26).

Список использованной литературы насчитывает 389 наименований источников, исследовательских работ, литературно-критических статей и воспоминаний, из них источников – 116, библиографических источников – 25, исследований, литературно-критических статей и воспоминаний – 248.

Глава 1. Проблемы изучения рецепции русской литературы XV–XIX веков в прозе Алданова

1.1. Творчество Алданова и источниковедческие решения

Литература русского зарубежья в 1920–1930-е гг. вобрала в себя как традиции реализма, так и традиции модернистских направлений. Ее изучение по-настоящему помогает понять тот духовный и творческий потенциал, который русская классика передала литературе рубежа XIX–XX вв. и который оказался не востребован в раннесоветский период развития, но смог быть полезен для прозы и поэзии писателей русской эмиграции.

Особенности развития русской литературы рубежа веков предопределили эклектичный литературный процесс русского зарубежья, в результате на разных полюсах оказались такие писатели, как И. А. Бунин и А. М. Ремизов, М. А. Алданов и В. В. Набоков. Мировоззренческое и эстетическое размежевание произошло между крупнейшими литературными критиками В. Ф. Ходасевичем и Г. В. Адамовичем, спор о ветвях развития русской литературы велся М. Л. Слонимом и З. Н. Гиппиус.

Изменялось поколение: вместо старшего, выросшего в России до 1917 г. с ориентацией на мировоззрение, принципы поведения российского дворянства или интеллигенции, выросло новое поколение, вынужденное заявлять о себе в иностранной среде, выживать и развиваться за пределами родины и отечественной культуры. Соответственно, появились темы и приемы, несвойственные прежней литературе, – как в творчестве В. В. Набокова, так и в творчестве Г. И. Газданова, Б. Ю. Поплавского.

В литературе молодого поколения возникало содержание, которое в условиях эмигрантских реалий не было связано с русскими корнями, оно определяло поиски новых приемов и нового стиля. Примечательно, что литературная критика зарубежья, в 1920-е гг. представленная фигурами, чье методологическое и мировоззренческое становление произошло еще до 1917 г., по-разному воспринимала эксперименты эмигрантской молодежи.

Даже среди представителей старшего поколения литературной эмиграции не было единодушия и какого-то общего ориентира. Писатели-эмигранты словно поделились на традиционалистов-консерваторов (И. А.

Бунин, Б. К. Зайцев) и модернистов (А. М. Ремизов, Г. И. Иванов, М. И. Цветаева), на тех, кто следовал традициям Ф. М. Достоевского или А. П. Чехова, на тех, кто выбирал поэтическую стезю А. С. Пушкина (В. Ф. Ходасевич) либо М. Ю. Лермонтова (Г. В. Адамович), на тех, кого потомки стали называть неореалистами (Л. Ф. Зуров) и тех, кто экспериментирует с традициями русской классической литературы (В. В. Набоков).

Алданову, как представителю «среднего»[36] поколения, пришлось искать особое место в литературе зарубежья, он стал своеобразным посредником между старшим поколением русских эмигрантов, ориентированных на традиции и идеалы дореволюционной русской культуры, и молодым поколением, чье отношение к русской классике могло напоминать реакцию русского авангарда, бросавшего с парохода Пушкина и Достоевского. Как читатель, как гражданин России и как писатель он имел крепкие связи с русской классической традицией. Одна из них – это представление о том, что на характере русской литературы сказалась провиденциальность главных русских писателей XIX в., их пророческая миссия. Это обстоятельство определяло как художественное, так и литературно-критическое творчество самого Алданова. Именно «отношение к пророческой миссии русский писателей в эмиграции складывалось в контексте противопоставления двух разных поколений»[37]. Алданов оказался невольным сторонником поколения, выбравшего путь служения, понимания «векового заряда духовности»[38] русской классики. О духовной потребности писателя в чтении русской литературной классики свидетельствуют разные факты, в том числе из переписки, например, с А. В. Амфитеатровым: «Толстого, Гоголя, прозу

[36] Юрченко Т. Г. «Свидетель многих лет…» [Вступительная статья] // Терапиано Ю. К. Встречи: 1926–1971. Москва: Intrada, 2002. С. 5.

[37] Дэвидсон П. Переосмысление русской литературной традиции пророчества в диаспоре: Бунин, Набоков и Вячеслав Иванов // Век диаспоры. Траектории зарубежной западной литературы (1920–2020): сб. статей. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 94.

[38] Слова из его статьи «Введение в антологию “Сто лет русской художественной прозы” в изд.: Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. 1996. № 12. С. 164–175.

Лермонтова буду и на смертном одре, вероятно, читать с таким же наслаждением»[39] (письмо 10 ноября 1931 г.).

Алданов был видной фигурой зарубежья, входившей в многочисленные комитеты празднования писательских юбилеев, поэтому важно учитывать и его речи, интервью, письма. В связи с этим мы придерживаемся мнения, что рецепция русской классики – это форма ее восприятия, которое осуществлялось Алдановым и в общественном служении, и в документальной прозе, и в художественных произведениях.

Колебание литературных тенденций в русском зарубежье сказалось и на характере литературной критики. По словам В. В. Сорокиной, «специфической особенностью критики, развивающей магистральную линию русского зарубежья, связанную с традицией русской культуры и литературы в особенности, стало стремление к более благосклонному отношению к произведениям, продолжающим линию классической традиции и скептическое отношение к модернистским нововведениям, надвигающимся с Запада»[40]. Это бережное отношение не всегда проявлялось в русской эмиграции первой волны, его избирательность подчас зависела и от направления редакционной политики эмигрантского журнала или газеты. Отход от «большой традиции» А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого для литературы русского зарубежья «обернулся большими потерями»[41]. Алданов сыграл определенную роль не только в литературе зарубежья, но и в литературной критике, потому его деятельность наиболее репрезентативна.

Если принять за основу периодизацию зарубежной русской литературы, которую предложил Н. Андреев (первый – «до 1925 года включительно»[42], «второй этап продолжается до 1940 года, до момента вступления гитлеровских войск в Париж»[43]; «третий этап – с 1940 года (падение Парижа) и, примерно,

---

[39] «Парижский философ из русских евреев» (Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову) // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 22. Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 1997. С. 563.

[40] Сорокина В. В. Европейский модернизм и русский модерн // Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология». 2010. № 1. С. 99–100.

[41] Там же. С. 100.

[42] Андреев Н. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом: Опыт постановки проблемы // Русская литература в эмиграции. Питтсбург: Питтсбугский ун-т, Отд. слав. яз. и лит., 1972. VIII. С. 26.

[43] Там же.

до 1949–1950 года»[44], четвертый этап зарубежной русской литературы «с 1949–1950 года до начала шестидесятых годов с переломным, как будто бы, пунктом в 1956 году»[45]), то становится ясно, что творчество Алданова приходится на четыре этапа из пяти. Следовательно, оно является показательным и для того, чтобы обозначить отношение к русской классике разных поколений эмиграции. Однако настолько широко рамки представленной диссертации не раздвигаются.

Нужно учесть, что этическая, политическая (он был членом народно-социалистической партии, «энесом») и эстетическая позиции Алданова во многом были сформированы до эмиграции. Его реакция на произведения русской классической литературы, на личности русских писателей XIX в. выражена в огромной переписке, в литературной критике и в художественных произведениях. Более того, самого Алданова беспокоила проблема восприятия русской классики как иностранными читателями – писателями и обывателями, так и читателями в русском зарубежье. Вероятно, одни из самых острых, неприятных высказываний о русской классике, принадлежащих И. Л. Солоневичу, Алданов не мог знать, поскольку они появились в издании 1951 г., в далекой Аргентине: «Психология народа не может быть понята по его литературе. <…> Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни»[46]; «Литература есть всегда кривое зеркало жизни. Но в русском примере эта кривизна переходит уже в какое-то четвертое измерение»[47]. Соответственно, рефлексии по этому поводу мы не представляем. Но очевидно другое: Алданов был очень рациональным человеком, чтобы представлять историю и жизнь в России по образам и сюжетам русской классики. И тем не менее русская литература, особенно та, на которой выросло поколение, пережившее 3 русских революции, мировую и гражданскую войны, была необыкновенна важна для Алданова.

При всем его скепсисе в отношении будущего человечества особую боль у писателя вызывала утрата смыслов и образов русской литературы XIX в.,

[44] Там же. С. 28.
[45] Там же. С. 29.
[46] Солоневич И. Л. Народная монархия. Москва: Алгоритм, 2011. С. 34.
[47] Там же. С. 201.

теряя связь с которой, эмигрант утрачивал и культурное единение с родиной, лишался возможности идентификации себя как русского человека.

Алданова называют не только «одним из самых эрудированных писателей первой волны эмиграции», но и человеком, «способствовавшим интеллектуализации искусства 1920–1950-х гг.»[48]. При всем этом он был очень закрытым человеком и застенчивым писателем, о фактах жизни и творчества которого до сих пор приходится собирать информацию по крупицам, реконструировать по ним биографию писателя сложно.

Алданов тщательно скрывал факты своей биографии, не оставил мемуаров, ограничил публикации архивных документов. О том, насколько трудна и актуальна задача сбора информации о писателе, явствует из диспропорции. Его наследие в виде художественной и документальной прозы, переписки, находящейся на Западе, представлено в нескольких библиографических публикациях, к сожалению, устаревших к 2020-м гг.[49] Российские библиографические издания, вышедшие через несколько десятилетий после смерти Алданова и собравшие немногочисленные источники[50], кажутся лишь кратким дополнением к западным указателям.

Наиболее точным и хронологически выстроенным на данный момент является биографический материал «Основные даты жизни и творчества», подготовленный Т. И. Дроновой[51]. М. Л. Уральский отмечал, что есть «…объективные факторы, сильно осложняющие поиск биографических подробностей жизни Алданова. Во-первых, он два раза терял свои архивы... Во-вторых… по характеру был человек скрытный, тщательно оберегающий от

[48]Дронова Т. И. Марк Алданов // Русская литература 1920–1930 годов. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1 № 2. Москва: ИМЛИ РАН, 2016. С. 440.

[49] Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968: в 2 т. Boston: G. K. Hall & CO, 1970. Т. 1: А–К. С. 115–124; Cristesco D. Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov = Марк Александрович Алданов, библиография. Paris: Inst. d' etudes slaves, 1976. XIII, 87 p.

[50]Алданов [Ландау] Марк Александрович // Литература русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указатель публикаций 1986–1990 гг. Москва: Рудомино, 1993. Вып. 1, ч. 1. С. 26–29; Алексеев А. Д. [Алданов Марк] // Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940: материалы к библиографии: Наука, 1993. С. 11–14; Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918–1991: в 3 частях. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1997. Ч. 1. А–К. С. 32–35.

[51] Дронова Т. И. Марк Алданов. Указ. соч. С. 525–532.

посторонних глаз свою личную жизнь»[52]. Исповедальность и автобиографичность – это не те черты, которые свойственны художественной прозе Алданова, руководствовавшегося принципом: «В морали, как в искусстве, надо иметь чувство меры, надо знать, где кончается законная правда жизни и где начинается духовная порнография»[53]. Важно учесть и тот факт, что, будучи евреем по происхождению (настоящее имя Алданова – Мордехай-Маркус Израилевич Ландау), писатель очень долго и деликатно «встраивался» в русский литературный процесс, подписывал свои произведения и паспортным именем, и псевдонимом, и криптонимом: М. Ландау, М. Ландау-Алданов, M. Landau-Aldanov, Марк Алданов, М. А. Алданов, М. А., А. М., А. Многие аспекты его вхождения в русскую литературу приходится открывать или уточнять по разным исследованиям и указателям[54]. Деятельность Алданова в периодике русского зарубежья, его ключевая роль в открытии «толстых» журналов эмиграции («Грядущая Россия», «Новый журнал»), участие в различных печатных изданиях и литературных событиях эмигрантов уточнялась по библиографическим изданиям общего характера[55], архивным материалам «Современных

[52] Уральский М. Молодой Алданов // Новый журнал. 2018. № 292. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2018/292/molodoj-aldanov.html

[53] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 8.

[54] Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 552 с.; Гентшке В. Л. Русское зарубежье: материалы к библиографическому указателю. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 432 с.; Псевдонимы русского зарубежья: материалы и исследования. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 656 с.

[55] Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы. 1917–1996 гг. Москва: РОССПЭН, 1999. 464 с.; Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 1917–1995 гг. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 1996. 199 с.; Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 1917–1995 гг.: дополнения и новые поступления за 1996–1999 гг. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 2001. 96 с.

записок»,[56] летописям[57] и справочникам[58], по исследованиям этапов эмигрантской жизни[59].

Становление личности Алданова на перекрестье различных европейских культур, знакомство с миром и постижение истории привело к выбору пути жизни, лишенному религиозного содержания. Более того, в эмиграции Алданов проявил себя как деятельный масон: был основателем парижских лож «Северная звезда» (1924 г.) и «Свободная Россия» (1931 г.). Об экзистенциальной необходимости заполнить пустоту неверующего человека Алданов написал в одном из своих романов: «Он в масонстве видел тот компромисс свободомыслия с верой, который допускался просвещенными людьми»[60]. Н. Н. Берберова в своих мемуарах остроумно заметила в отношении другого знаменитого писателя-масона: «М. А. Осоргин… признался мне, что в Париже недавно восстановлена московская масонская ложа, и он не помнит себя от радости. Почему? Да потому что он – неверующий человек – ужасно любит всякие ритуалы и считает, что каждому человеку они необходимы: они дают чувствовать общность, соборность, в них играют роль всякие священные предметы, в них красота и иерархия»[61].

---

[56] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Москва: Новое литературное обозрение, 2011–2014. Т. 1–4.; Указатель имен к росписи содержания «Современных записок» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 450–483.

[57] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. (1–4). Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997; Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция: в 4 т. (5–8). Москва: Русский путь; Paris: YMCA-Press; 2000–2002.

[58] Казак В. Лексикон русской литературы XX века. Москва: РИК «Культура», 1996. 492 с.; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. Москва: Российская политическая энциклопедия, 1997. С. 18–21; Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Москва: РОССПЭН, 1997. Т. 1. Писатели русского зарубежья. Стб. 19–23; Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Москва: РОССПЭН, 2002. Т. 3. Книги. Стб. 29–45.

[59] Русский Берлин. 1920–1945: Международная науч. конференция, 16–18 дек. 2002 г. Москва: Русский путь, 2006. 463 с.; Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford: Stanford University Press, 1997. Vol. 13–17.

[60] Алданов М. А. Заговор // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 3. С. 205.

[61] Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; Москва: Прогресс-Традиция, 1997. С. 7.

У Алданова тоже была огромная тяга к общению, потому ему были важны и заседания масонских лож, и встречи писателями, и переписка, на которую он тратил по несколько часов в день. Интересна попытка объяснить поведение реалистического писателя, творчество которого не обладает религиозным содержанием: «Писатель-атеист, отрицающий Бога, но с любовью и уважением относящийся к человеку, верящий в идеального человека, видит духовность человека в его способности к романтически-возвышенным душевным состояниям»[62]. Конечно, Алданова нельзя назвать «верящим в идеального человека», тем более видящим духовность в экзальтированном душевном состоянии, его ценности – это свободная личность с внутренней порядочностью, с достоинством. Но все же и его литература, да и его вся деятельность определены одухотворенной жизнью интеллигентного, просвещенного гражданина России, напоминавшего «своей эрудицией и воспитанием (“европеизмом”) скорее человека XIX в.»[63].

Художественный мир прозы Алданова формировался под воздействием философии Декарта, философии случая. Многие алдановеды именно с этой философией связывают пафос иронии, скепсис большинства произведений автора, называют Алданова пессимистом. Вместе с тем рациональное, трагическое постижение мира вовсе не становится доминирующей основой художественных образов Алданова, мы солидарны с мнением М. М. Карповича (историка и литературного критика, автора нескольких статей об алдановских произведениях) о том, что «исторический пессимизм Алданова глубже толстовского»[64]. У Толстого в художественном способе изображения жизни философия более глубокая, чем та философия истории, которая декларирована. Так и у Алданова: его публицистические диалоги «Армагеддон», книги документальных очерков «Огонь и дым», «Земли, люди» философские диалоги «Ульмская ночь» – это декларация идей и принципов в безобразной форме. Но как только эти идеи приобретают аллегорические

[62] Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 348.

[63] Кузьменко О. Н. Адреса русской эмигрантской литературы в Париже (от Адамовича до Яновского). Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 12.

[64] Карпович М. М. [Рецензия на книгу] Алданов М. Истоки. Париж: YMCA-Press, 1950. Т. 1–2] // Новый журнал. 1950. №. 24. С. 287.

формы, растворяются в художественных образах, былая декларативность уступает место художественной правде. На наш взгляд, восприятие русского классического наследия в прозе Алданова в 1930–1940-е гг. в какой-то степени определялось воздействием Карповича. Алданов, как сторонник правды в изображении, почитатель документа, мог соотносить свои литературные представления с представлениями профессионального историка, по мнению которого как литературные, так и «…исторические интерпретации должны опираться на конкретные факты, а не на теорию…»[65].

Мы полагаем, что позиция Карповича как специалиста по интеллектуальной истории дает возможность показать, насколько Алданов был оригинален и убедителен в своих оценках русской истории и истории идей, которой жила отечественная классика. При восприятии идей и тенденций отечественной литературы у Карповича и Алданова обнаруживается единодушие как в утверждении, так и в отрицании.

Алданов не был сторонником идеи русского мессианизма, своеобразной идеологии, восходящей к Д. И. Фонвизину, развитой Ф. М. Достоевским и Н. А. Бердяевым. Врожденное «превосходство» русской души, о котором писал Н. А. Бердяев в «Русской идее» и которое якобы определяет особое историческое развитие России, более похоже на романтический национализм. Вместе с тем большинство русских интеллигентов оставалось не подверженным мессианству, этому «романтическому национализму», а народ был вообще безразличен к подобным идеям. В аполитичности А. П. Чехова и анархизме Л. Н. Толстого проявлялось разнообразие и независимость мировоззрений русской интеллигенции.

Сходные мысли мы обнаруживаем в высказываниях алдановских резонеров, будь то Браун в трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера» или герои романов «Истоки», «Самоубийство», а также в статьях Алданова, где указанные аспекты подчеркиваются.

[65] Перейра Н. Г. О. Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). Москва: Русский путь, 2012. С. 10.

Скепсис Алданова помогает быть его сознанию свободным. Его творчество дает урок релятивизма, но не лишает читателя основы, не подрывает моральные устои. Чего хочет Алданов-писатель, Алданов-ученый и Алданов-читатель? Чтобы сознание человека не было подчинено какой-либо одной идее, чтобы он не стал ослепленным, обманутым, чтобы мог владеть ситуацией – и жить свободно.

Необычным может показаться тот факт, что Алданов, оказавшийся в эмиграции, добивавшийся помощи у бывших союзников России для вооруженной борьбы с большевиками, оставался патриотом своей страны. Еще в очерках 1922 г. он напишет: «Горе тому, кто зовет в свою страну чужеземцев! Мы знаем, для чего мы их зовем. Но кто знает, для чего они к нам идут?»[66], а после вторжения Гитлера в СССР не только будет желать победы советского народа, но и создаст целую серию политических рассказов антифашистского содержания.

Алданов не верил в развитие человеческой цивилизации, в возможность ее нравственной эволюции, иначе как объяснить, что войны паталогически ужесточаются, пытки и убийства принимают настолько изысканно-извращенные формы, что становится понятно: человечество всегда готово сделать шаг в прошлое, к варварству; говоря словами современника: «Оппозиция цивилизации и варварства замирает в вопросительном равновесии. Это означает не отрицание цивилизации, но признание, что она неотъемлема от своей оборотной стороны»[67].

При всей масштабности событий, о которых пишет Алданов, – Великая французская революция, Октябрьская революция, Первая и Вторая мировые войны, – в его картине мира всегда есть возможность ощутить малое, почти неуловимое – психологию людей, атмосферу событий и простых людей, живущих в этой атмосфере. Картина мира, сформированная Алдановым, конечно, повлияла на его видение русской классики.

Феномен творчества Алданова состоит в том, что он, став самым читаемым автором русской эмиграции 1920–1930-х гг., в силу особенностей

[66] Алданов М. А. Огонь и дым. Париж: Изд-во «Франко-русская печать», 1922. С. 13.

[67] Старобинский Ж. Поэзия и знание: история литературы и культуры. Т. 1. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 149.

своего дарования и личности сыграл роль посланника русской культуры за рубежом. С помощью исторических романов и очерков Алданов знакомил европейского, американского и азиатского читателя с историей России, но одновременно сообщал о русской литературе, делился своим опытом прочтения русской классики. После эмиграции в США в 1940 г. писатель занялся возрождением «толстого» литературного журнала и либеральной газеты наподобие «Последних новостей», в возможном издании скромно отводя себе место заведующего «литературным отделом»[68]. По-настоящему же он был занят важным просветительским делом, которое трудно переоценить: продолжением русской литературной традиции, изданием в эмиграции уже третьего (после «Грядущей России» и «Современных записок») общественно-литературного журнала.

Историзм и философичность алдановской прозы, ее занимательность и остросюжетность – черты, которые, с одной стороны, помогают соединить принципы высокой классики с принципами массовой литературы, а с другой стороны, через эту неоднозначную художественность раскрывается аксиология Алданова.

Наибольшее притяжение у Алданова – к людям, которые выглядят одинокими, непонятыми, оторванными, подобно «лишним людям» русской классической литературы, подобно эмигрантам, оказавшимся заложниками исторических перемен и безвременья.

Ориентация Алданова на русскую классическую литературу, на наш взгляд, сказалась и на выборе персонажа, и на восприятии идей, и на работе над стилем. Из всех русских писателей XIX в., рецепция которых проявлена у Алданова, самые интересные для наблюдений представляют собой контрастирующие традиции Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Алданов и в области поэтики, и в области содержания объединяет эти две противоположные художественные стихии, они по-своему отражаются в его аксиологии и эстетике.

Об авторитете Алданова как критика свидетельствует даже сложившееся в кругах непосвященных лиц мнение, что он, наряду с четверкой

[68] Мартынов А. В. Письма Марка Алданова из США военного периода // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева. С. 465.

главных редакторов, определял редакторскую политику крупнейшего журнала зарубежья – «Современных записок». Секретарь этого журнала и его соредактор М. Вишняк вынужден был уделять внимание этому мнению: «М. А. Алданов был в дружеских отношениях с редакторами журнала, постоянным и ценным сотрудником…»[69].

Имело место быть и различие востребованности русской классической литературы в разные периоды жизни русской эмиграции, которое, конечно, в определенной мере учитывал Алданов. Так, в послевоенной статье замечен рост цен на книги и периодику во Франции, в том числе на произведения Алданова: «Ни за какие деньги в Париже сейчас нельзя достать русских классиков»[70]. Понятно, что аудитория читателей, так необходимых автору реципиентов, стремительно сокращалась, а потому ценителей алдановской рефлексии отечественной классической литературы становилось с каждым годом меньше.

М. Вейнбаум, рассуждая о нуждах эмигрантских писателей после Второй мировой войны упомянет о жизни Алданова в США как о счастливом исключении. «Воспитательное значение русской литературы хорошо известно. Но ее влияние на рабоче-крестьянскую эмиграцию в Америке далеко еще не учтено. <…> Очень хорошо, что роовцы на своей ферме поставили памятник Пушкину. Чтить мертвых писателей надо. Но необходимо также помнить о живых, нуждающихся»[71].

Алданов – это писатель-традиционалист, у которого своеобразное отношение к преемственности в литературе. Особенность этой традиционности, на наш взгляд, следует изучать именно потому, что серьезные исследования конца XX – начала XXI вв. стали обращать внимание на разные аспекты русского традиционализма в поисках ответов на вопросы, связанные с пониманием мотивов, образов, сюжетов общенациональной значимости. Примерами могут служить научные проекты, реализованные в

[69] Вишняк М. Годы эмиграции: 1919–1969. Париж – Нью-Йорк. (Воспоминания). Stanford: Hoover inst. press, Stanford univ., 1970. С. 104.

[70] [Б. п.] В русском Париже // Новое русское слово. 1945. № 12122. 04 июля. С. 3.

[71] Вейнбаум М. Литературный фонд // Новое русское слово. 1946. № 12631. 27 ноября. С. 3.

коллективных монографиях[72]. Вместе с тем в приведенных научных изданиях исследуются нюансы, не связанные с литературой первой волны русской эмиграции. Так, в монографии «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» указывается, что русский традиционализм своим происхождением обязан «деревенской прозе»[73].

Алданов заявил о почитании той традиции, которая стала определяющей в его мировоззрении и творческой деятельности, еще в период создания первого «толстого» журнала русского зарубежья «Грядущая Россия». Будучи одним из идейных руководителей этого издания и определяя как его задачи, так и собственные принципы, он указал конкретные имена, привел тезисы:

«По компасам Пушкина и Герцена “Грядущая Россия” хочет направить свой путь.

Пушкин рядом с Толстым – высшее достижение России в области искусства. Герцен последних лет, умудренный тяжелыми уроками, освободившийся от наивных иллюзий, – ее высшее достижение в области политической мысли. В этих своих вершинах русская культура равняется с самым высоким из того, что было дано культурой мировой, – и с мировой общечеловеческой культурой теснее всего сливается.

Названные имена определяют традицию, которой мы хотим следовать. Пусть не скажут, что это звучит гордо, – дело идет лишь о направлении: дорогу к новому континенту указал Колумб; следовать по ней может каждый»[74].

Еще один факт, который заставляет быть более внимательным именно к творчеству Алданова, – это его дружба с И. А. Буниным. Как известно, он вырос на традициях А. С. Пушкина, И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, дружил с автором «Войны и мира» и создателем «Вишневого сада».

Во многом эстетические и этические принципы Алданова зависели от мнения старшего современника, которого он совершенно искренне считал продолжателем великой русской литературы XIX в. В письме И. А. Бунину от

---

[72] Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. Серия «Универсалии культуры». Вып. VII: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. Москва: Флинта: Наука, 2016. 456 с.

[73] Русский традиционализм. Указ. соч. С. 8.

[74] Ландау-Алданов М. А. Огонь и дым (отрывки) // Грядущая Россия. 1920. № 1 (янв.). С. 177.

22 августа 1947 г. он напишет: «…дорогой друг, немного есть в русской классической литературе писателей, равных Вам по силе. А по знанию того, о чем Вы пишете, и вообще нет равных: конечно, язык “Записок охотника” или чеховских “Мужиков” не так хорош, как Ваш народный язык»[75].

Однако вопрос о бунинской преемственности русской классической традиции очень непростой, так, в монографии Е. Р. Пономарева переворачивается привычное представление о бунинском творчестве как о «творческом пути классика XIX века»[76]. По мнению современного исследователя, «…творческий процесс Бунина существенно отличается от привычного творческого процесса классиков XIX века…»[77], однако очевидно, что приемы модернистской поэтики, которые использовал Бунин, Алданов не мог оценить, и потому сложная бунинская рецепция русской классической литературы вряд ли может быть воспринята как некая основа рецепции, которую осуществлял в своем творчестве Алданов. Более того, если Бунин в эмиграции мог в какой-то степени мифотворчески относиться к традициям русской классики и в целом пересоздавать их[78], то Алданов такой вольности позволить себе не мог. Истории открытия русского писателя-эмигранта во Франции была посвящена целая выставка, предваренная специальным изданием[79]. Очевидно, что это открытие было непростым, но в отличие от Бунина, Алданов, тоже не любивший публичности и докладов, все же выступал с лекциями и участвовал в различных событиях, посвященных чествованию русской литературы во Франции и США.

Находясь в условиях политической свободы, Алданов воспринимал ее как высшую свободу и непременное условие для полноценного творчества. Ко всему прочему, свобода художника, свобода выражения, свобода интерпретации – это понятия, ставшие предметами исследования в художественной и документальной прозе Алданова. Это в значительной

[75] Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым // Новый журнал. 1983. № 152. С. 179.

[76] Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. Москва: Литфакт, 2019. С. 7.

[77] Там же. С. 8.

[78] См. об этом в изд.: Марченко Т.В. Поэтика совершенства: О прозе И. А. Бунина. Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. 208 с.

[79] Марченко Т. В. Бунин и Франция. Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2020. 80 с.

степени определило и рецепцию русской классической литературы, ведь многое из русской классики Алданов взвешивал на весах политической или внутренней свободы автора. Выбор Алданова – это преимущественно независимые и сильные художники слова, оставившие потомкам либо идеи, либо образы, или совершившие поступки, вызвавшие разнообразную реакцию у современников и последующих поколений.

При интерпретации творческого подхода Алданова к русской классике нужно учитывать и то обстоятельство, что писатель развивался вне литературных направлений, выбрав, условно говоря, консервативное, реалистическое следование традиции, и ведь действительно «…отдельное произведение или творчество писателя в целом может существовать вне любимых направлений или же тяготеть к нескольким направлениям одновременно»[80]. Алданов не писал о своих любимых или нелюбимых направлениях, его более интересовали конкретные личности писателей и их произведения. Непосредственное читательское восприятие Алданов дополнил собственной литературной критикой и художественным творчеством. Из критических статей можно узнать об алдановском правиле отделять идеи, тенденциозность писателя от его образов, от жизни произведения. В одной из статей он написал: «Русскую литературу западноевропейские критики часто попрекали тенденциозностью. Однако на своих вершинах она этим грешит всего меньше: величайшие из наших писателей в своем художественном творчестве как бы считали долгом забыть о своих политических (и других) взглядах, настроениях, симпатиях. Право, трудно рассматривать “Хаджи Мурат” иначе как насмешку над учением Толстого; да и в “Воскресении” есть страницы, весьма плохо вяжущиеся с проповедью непротивления злу насилием <…>. Достоевский тоже в своих романах не всегда доказывал то, что ему полагалось бы доказывать…»[81]. Вопреки собственному скептическому миросозерцанию Алданов видел в русской литературе особую созидательную

[80] Маркович В. М. Вопрос о литературных направлениях и построение русской литературы XIX века // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения: в 2 т. Москва: Наследие, 1997. Т. 1. С. 245–246.

[81] Алданов М. О новой книге Бунина [Рец. на кн.:] Бунин И. Избранные стихи [1900–1925]. Париж: Современные записки, 1929 // Последние новости. 1929. 18 июля. № 3039. С. 3.

силу и потому выделил ее главное качество, о котором напишет еще не раз: «Особенность русской классической литературы по сравнению с классической литературой других стран заключается не в умышленном, наперед заданном пессимизме, а в беспощадной правдивости <…>. Эту особенность русской литературы далеко не всегда одобряла критика»[82]. Вместе с тем очевидно, что Алданов гордится именно «беспощадной правдивостью» произведений Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого.

Осознание алдановской рецепции русской классики в соотнесенности с политическими, общественными и литературными факторами дает представление как о сути многомерного литературного процесса зарубежья, так и о судьбах литературы в сознании и памяти читателей. Если вспомнить слова М. М. Бахтина:

> «Так называемый литературный процесс эпохи, изучаемый в отрыве от глубокого анализа культуры, сводится к поверхностной борьбе литературных направлений, а для нового времени (особенно для XIX века) в сущности к газетно-журнальной шумихе, не оказывающей существенного влияния на большую, подлинную литературу эпохи»[83],

то можно сказать, что творчество Алданова как преемника русской классики XIX в. помогает гораздо глубже понять эпоху эмигрантской литературы и эпоху утраты иллюзий современников, переживших революции и мировые войны.

Объяснение литературных фактов, истолкование идей, интерпретация сюжетов и образов, учет контекста их восприятия и суда потомков, предвидение развития литературной жизни – все это дает возможность говорить об Алданове, как о фигуре, многоаспектно воспринимающей русскую классическую литературу, обретающей в ней основу для своего творчества и прогнозирующей различные варианты литературных судеб.

Вместе с тем одни из важнейших задач алдановедения – обработка архивных материалов и публикация переписки Алданова, текстологическая работа с неизданными текстами, содержащимися в архивах, интерпретация

---

[82] Там же. С. 3.

[83] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. С. 330.

алдановской рецепции русской литературной классики XIX в., составление нового библиографического указателя.

Интеллект, заряженный идеями просветительской литературы, мучительно заставлял Алданова осмыслять и переживать нравственную красоту, со времени Сократа и Платона получившую терминологическое закрепление в непривычном для русского слуха термине «калокагатия». В 1940-е гг. Алданов задумывается об особом пути развития русской литературы, что отражается в его статье «Введение в антологию “Сто лет русской художественной прозы”», а также в романах 1940–1950-х гг. и в книге философских диалогов «Ульмская ночь». Этот исследовательский опыт очень важен для нас в постижении различных возможностей интерпретации художественного и документального текста, в поиске адекватного прочтения.

Алданов, не получивший филологического образования, но необыкновенно начитанный, знакомый с разными литературоведческими методами, не мог пройти мимо популярных трудов представителей русской культурно-исторической школы. В первую очередь, это работы известного западника, либерала А. Н. Пыпина[84] (четырехтомная «История русской литературы», «Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в.»). Во-вторых, научные труды другого представителя этого же литературоведческого метода С. А. Венгерова[85] («Русская литература в её современных представителях», «Критико-биографический словарь русских писателей и учёных»). В-третьих, на Алданова, по нашему мнению, мог существенно повилять очень известный датский филолог конца XIX – начала XX века Георг Брандес[86], собрание сочинение которого вышло на русском языке в родном городе Алданова, его «Литературные характеристики и разбор произведений» были опубликованы в Киеве в 1908 г. – во время, когда молодой Алданов запоем читал разнообразную литературу. Универсальность интересов

[84] Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Ист. очерки А. Н. Пыпина. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1873. 514 с.

[85] Очерки по истории русской литературы / С. А. Венгеров. Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. [8], 488 с. (Библиотека «Светоча» / Под ред. С. А. Венгерова. Серия «История и теория литературы» № 4; №№ 56-65).

[86] Собрание сочинений Георга Брандеса в двенадцати томах: С портр. авт. и вступ. ст. / Пер. с дат. под ред. [и с предисл.] М. В. Лучицкой. Т. 1-12. Киев: Б. К. Фукс, ц1902-ц1903-1903. 12 т.; 24. (Библиотека избранных критиков; 1902).

филолога-либерала Брандеса поразительна: от биографических книг о Микеланджело Буонарроти до современных ему авторов; именно его охранительная позиция в отношении реалистического искусства могла отразиться на консервативном восприятии Алданова, который, подобно И. А. Бунину, скептически относился к русскому модернизму и различным экспериментам Серебряного века.

Может показаться, что различные упоминания русских писателей в творчестве или эпистолярии Алданова – это всего лишь литературная «мелочишка», а разговор надо вести о чем-то более серьезном, весомом. Однако жизненную потребность в слове писателя-классика, в ассоциациях с ними Алданов испытывал всегда, более того эта потребность проявлялась даже в очень драматических условиях. Так, А. А. Чернышев очень точно обозначил важность писем Алданова: «Порою переписка становилась для Алданова своеобразным полигоном: в ней уточнялись концепции, оттачивались документы, а на последнем этапе они становились частью художественной прозы»[87]. Тем более важным оказывается след литературной классики; так, в одном из писем, обращаясь к ней, Алданов утешает своего старшего друга, В. А. Маклакова, ощущающего, что прожил свою жизнь впустую:

> «Та “радость”, которую будто бы почувствовал в последнюю минуту Иван Ильич не очень успокаивает после предшествующих страниц этой повести, может быть, самой страшной в мировой литературе. А вот помните ли вы страницу, в которой Жуковский описывает лицо мертвого Пушкина? (Если только Жуковский по своей обычной слащавости не приврал)»[88].

Апелляция к «Смерти Ивана Ильича» Толстого и память о Пушкине на смертном одре – это проявление не только эрудиции, но и литературоцентричности сознания Алданова, в значительной степени сформированной ассоциативным рядом русской литературы XIX века.

---

[87] “Приблизиться к русскому идеалу искусства...”: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/october/1998/6/vos.html (дата обращения: 31.05.2019).

[88] Алданов М. А. Письмо Маклакову В. А. 27.03.1950. Там же.

Эти же обстоятельства мотивируют проводить исследование деятельности писателя как в крупных периодических изданиях русской эмиграции, так и в небольших газетах, сборниках, издававшихся единожды. Обращает на себя внимание и тот факт, что Алданов как человек, как педантичный ученый и талантливый литератор, быстро приобрел репутацию, позволившую организаторам крупнейшего журнала русского зарубежья рассматривать его кандидатуру на «место заведующим литературным отделом»[89]. Известно, что Алданов отказался, но объем его публикаций в «Современных записках» впечатляет: 94 наименования авторских работ – отрывков романов, очерков, сталей, рецензий[90], больше только у самого редактора М. В. Вишняка – 104 и у критика П. М. Бицилли – 106 статей и рецензий. К тому же «в дальнейшем здесь увидели свет все крупнейшие художественные произведения Алданова, написанные до его отъезда в Америку <…>»[91]

Наконец, особую тему составляют публикации на английском и французском языках, которые подготовил сам Алданов, множество публикаций в его честь, рецензий на его книги в англоязычной периодике до сих пор остаются непрочитанными русским читателем. Более того, остаются перспективы для изучения рецепции самого Алданова в Северной Америке или в Западной Европе (в 1920–1950-е гг. – при жизни писателя, и в 1960-е–1980-е гг. после его смерти).

Основу для нашей исследовательской работы подготовили библиографические труды, опубликованные на Западе.

Первая систематизация произведений Алданова была предпринята в комплексной библиографической работе Людмилы А. Фостер «Библиография

---

[89] Михайлов О. Н., Азаров Ю. А. Журнал «Современные записки»: литературный памятник русского зарубежья // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 13.

[90] Указатель имен к росписи содержания «Современных записок» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2010. С. 450.

[91] Млечко А. В. Символика «хаоса истории» в романах М. Алданова и «русский текст» «Современных записок» («Мыслитель», «Ключ. Бегство. Пещера», «Начало конца») // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2003–2004. Вып. 3. С. 77.

русской зарубежной литературы 1918–1968»[92]. В этом труде по состоянию на 1970 г. были приведены сведения о вышедших в свет художественных произведениях писателя, публицистики, статья и рецензиях – всего несколько сотен библиографических указаний на публикации в журналах, сборниках, в издательствах; упомянуты 2 диссертации, защищенные в Гарварде и Торонто. Двухтомник Фостер был обзорным, потому естественно, что не были приведены газетные публикации Алданова, как и не упоминалась критика, исследования алдановского творчества.

С 1971 г. по инициативе Т. А. Осоргиной Парижским институтом славяноведения была издана серия персональных библиографий «Русские писатели во Франции». Среди них – труд «Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov», который появился на свет в 1976 г.[93]. Эта работа – в переводе на русский «Марк Александрович Алданов: библиография» – стала первым персональным библиографическим указателем Алданова. Она представила сведения о художественных, научных, публицистических и литературно-критических публикациях писателя, причем даны были описания и русскоязычных и переводных изданий автора. В указателе были использованы сведения, вошедшие в библиографию, составленную Л. Фостер, а также включены работы, связанные с исследовательской деятельностью зарубежных алдановедов: А. И. Гершун-Колина, Ч. Н. Ли, И. Грабовски. Составители указателя применили сквозную нумерацию, которой обозначили отдельные книжные публикации, а также периодические издания, в которых напечатаны как целые произведения Алданова, так и отрывки из них. Для группировки разнообразных алдановских материалов, опубликованных в одном периодическом издании (например, «Дни», «Сегодня», «Последние новости», «Современные записки») они руководствовались хронологическим принципом: под отдельным номером сквозной нумерации перечислили публикации по времени их появления. К этой сквозной нумерации были

[92] Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968: В 2 т. / Сост. Людмила А. Фостер. Boston, 1970. Т. 1. С. 115–125.

[93] Cristesco D. Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov / Établie par D. et H. Cristesco; sous la direction de T. Ossorguine; introduction de Marc Slonim. Paris, Inst. d’ etudes slaves, 1976, XIII, 87 p.

привязаны и вспомогательные указатели (заглавий произведений, имен и т.д.). Надо понимать, что география одних только русскоязычных изданий различных романов, повестей, рассказов и очерков Алданова очень обширна: Париж, Берлин, Прага, Рига, Нью-Йорк. Поскольку ни в одной библиотеке мира нет собрания всех газет и журналов эмиграции и нет систематизирующих каталогов, которые бы могли помочь составителям библиографии, то, соответственно, и в указатель 1976 г. не могли войти все сведения из периодики эмиграции, где печатался Алданов. Естественно, что некоторые источники, приведенные в указателе, не могли быть проверены de visu, а это неминуемо привело к недоразумениям и опечаткам. Однако какие-то огрехи и лакуны не умаляют ценности проведенной работы.

Вместе с тем этому указателю явно не повезло. Зарубежным исследователям, которые бы могли воспользоваться результатами столь кропотливой и добросовестной работы, не суждено было открыть моду на изучение творчества Алданова. А русскому литературоведу он так и не открылся даже в 1980-е, 1990-е гг. И все же именно эта работа стала для нас отправной точкой для сбора материалов по изучению творчества Алданова.

К настоящему моменту не создано указателя, который восполнил бы пропуски издания, вышедшего под редакцией Т. Осоргиной, и собрал бы все имеющиеся материалы об Алданове – опубликованные как при жизни писателя, так и после 1976 года. Подготовка такого рода указателя определяет актуальность работы, которая должна быть проделана алдановедами. Есть прекрасный опыт издания крупных библиографических указателей, которые систематизировали многие набоковедческие штудии[94]. Однако, на наш взгляд, в стремительно меняющейся жизни и ускоряющейся науке о литературе, даже переиздания таких указателей[95] оказываются уже несостоятельными из-за естественного временного отставания и финансовых проблем.

[94] В. В. Набоков: Библиографический указатель / Автор-составитель Г. Г. Мартынов; вступ. ст. В. П. Старка. СПб., 2001. 496 с.

[95] Мартынов Г. Г. В. В. Набоков: Библиографический указатель произведений и литературы о нем, опубликованных в России и государствах бывшего СССР (1920–2006). СПб., 2007. 508 с.

Есть и причины для проблем с атрибуцией. Даже свои не законченные произведения Алданов выпускал в журнале «Современные записки» и одновременно – в газете «Сегодня», поэтому в некоторых случаях алдановеды могут приводить даты публикации текста по периодике, хотя произведение могло быть еще не завершено. Непроста и судьба самих изданий, в которых печатался Алданов; так, его публикации в рижской газете «Сегодня» дополнялись публикациями в другой рижской газете «Понедельник»[96], которую со временем «поглотило» «Сегодня». Те же произведения Алданов публиковал в составе собраний сочинений или отдельными изданиями, наконец, некоторые его тексты впервые появились на иностранном языке, а уже потом издавались в русских версиях («Ленин», «Бред»). В итоге алдановеды сталкиваются с текстологической проблемой: как атрибутировать тексты, что считать датой появления текста на свет? В отношении Алданова до сих пор не учтены зарубежные рецензии, выходившие как на английском, так и на других языках, ведь художественные и документальные произведения Алданова переведены на множество языков. Более того, выходят ли научные публикации об Алданове на Западе, мы до сих пор не знаем. Как следствие этого положения вещей, в научных статьях по возвращенной литературе трудно избежать ошибок и неточностей.

Обнаруженные проблемы заявляют о необходимости решать вопросы изданий библиографических указателей с учетом возможностей цифровизации и Интернета. Вместо выпуска объемных и дорогих библиографических изданий, которые могут стать доступны лишь ограниченному числу читателей, предлагается размещать указатели на сайтах библиотек, научных центров, с регистрацией их в библиографических базах. Выполнение рекомендаций, на наш взгляд, поможет не только систематизации материалов по творчеству Алданова и по литературе русского зарубежья, но и ускорению процесса изучения истории литературы в целом.

[96] См. об этом детальное исследование в изд.: Трубилова Е. М. Русские периодические издания в Латвии. Газета «Сегодня» // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 3. М., 2004. С. 313, 318.

Работая над диссертационным исследованием, мы пользовались различными монографиями и диссертациями предшественников[97], а также многочисленными статьями историков литературы, литературных критиков, чьи имена зафиксированы в списке литературы, в случае если на содержание их материалов дается ссылка в тексте.

[97] Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Саратовский гос. соц.-экон. ун-т. Саратов, 2011. 180 с.; Дронова Т. И. Марк Алданов // Русская литература 1920–1930 годов. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1 № 2 / редкол. А. Г. Гачева и др.; ред.-сост. С. Г. Семенова и др. Москва: ИМЛИ РАН, 2016. С. 440–539; Дронова Т. И. Путь парадоксов Марка Алданова: монография. Москва: Флинта, 2020. 256 с.; Макрушина И. В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика / АН Респ. Башкортостан. Отд-ние гуманит. наук, Стерлитамакский гос. педагогический ин-т. Уфа: Гилем, 2004. 186 с.; Чернышев А. А. Открывая новые горизонты. Споры у истоков русского кино. Жизнь и творчество Марка Алданова. Москва: Паблит, 2017. 358 с.; Уральский М. Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции / предисл. С. Пестерева, С. Гарциано. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. 802 с.; Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. 405 p.; Lee C. Nicholas. The Novels of Mark Aleksandrovič Aldanov / University of Colorado. The Hague: Mouton&Co. N.V. Publishers, 1969. 389 p.

1.2. Проблемы восприятия русской литературы XV–XIX веков в прозе Алданова

Особенности читательского восприятия и творческой рецепции русской литературы XV–XIX вв. отчасти можно связать с тем, что Алданов был преимущественно автором исторической прозы; в первую очередь он интересовался вопросами построения истории, оценки исторических событий, на фоне которых строилась судьба литературных произведений русских писателей. Примечательно, что его способ художественной рецепции обнаруживает общее с известными беллетристами, например, с Вс. С. Соловьевым. Так, по мнению С. А. Васильевой, Соловьев, изображая историю Великой французской революции, опирается не только на исторические труды: «Он синтезирует многие идеи, нашедшие отражение в произведениях Достоевского, Пушкина, Салтыкова-Щедрина, и на их основе создает свою собственную картину мира, интересную и многоплановую, в которую и вписывает судьбу реальных и вымышленных герое»[98]. Такой подход к репрезентации истории применяет и Алданов; происходит это как в ранних публицистических текстах, вошедших в книгу «Огонь и дым» (1922), так и в поздних произведениях, например, в романах 1940–1950-х гг. «Истоки», «Бред».

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что объектами исследования у известных ученых не раз становился корпус художественной прозы XIX столетия, рассмотренный «сквозь призму представлений в литературной форме исторического прошлого»[99] или на примере творчества отдельного автора русского зарубежья[100].

В данной диссертации объем восприятия «ранее существовавшей» литературы расширяется с учетом того, что интересы и читательские запросы Алданова связаны как с русской классической литературой XIX в., так и с

[98] Васильева С. А. Пушкинские традиции в «Хронике четырех поколений» В. С. Соловьева // «Чужое: мое сокровище!»: сборник статей памяти В. А. Кошелева. Великий Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2022. С. 50.

[99] Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореферат дис доктора филологических наук: 10.01.01. Тверь, 2008. С. 5.

[100] Злочевская А. В. Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века: моногр. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2002. 185 с.

ранними подступами к ее созданию – литературой древнерусского периода, литературой русского классицизма.

Вместе с тем В. Казак отметил, что «романы Алданова написаны под влиянием А. Франса и Л. Толстого»[101], тем самым определив, что влияние русской классики на алдановское творчество осуществлялось совместно с воздействием современной европейской литературы, что, в конечном итоге, говорит об особой избирательности Алданова и осознанности его выбора.

О восприятии русской литературы в творчестве авторов зарубежья уже написано немало статей, докторских диссертаций и различных монографий. Среди них наиболее близкие автору данной диссертации – это работы А. В. Громовой[102], А. В. Злочевской[103], Л. Н. Целковой[104] .

Гораздо острее стоит вопрос об изучении рецепции русской литературы в европейских странах, в США и на Востоке. Из наиболее полных и глубоких публикаций о рецепции русской литературы в Германии нам известна монография Ю. Лемана[105]. Очевидно, что Германия начала 1920-х гг., в которой волею судьбы оказался и Алданов, очень настороженно, а иногда и с ожесточением, воспринимала все иностранное, в том числе русских и русскую литературу[106]. О сложностях восприятия русской литературы на Западе писал известный рижский критик Петр Пильский. Так, в отзыве на статью немецкого историка литературы А. Лютера о русских эмигрантских писателях он упрекает зарубежных критиков и читателей в незнании русской литературы, в недооценке литературы эмиграции, что в целом свидетельствует о невысоком

---

[101] Казак Вольфганг. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. С. 9.

[102] Громова А. В. Проза Б. К. Зайцева: поэтика жанра и стиля. Москва: МГПУ, 2018. 404 с.

[103] Злочевская А. В. Указ. соч.

[104] Целкова Л. Н. Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция. Москва: Русское слово, 2011. 232 с.

[105] Леман Ю. Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

[106] См. об этом целый раздел «Анти-интеграционная политика германского правительства и всплеск ксенофобии в начале 1920-х гг.» в изд.: Котельников К. Д. Русский Берлин 1919–1933: проблемы и механизмы адаптации русской эмиграции в Германии. М.: ДПК-Пресс, 2022. С. 60–77.

культурном уровне Запада[107]. О попытке французов воспринимать Бунина как наследника русской классики отмечено в обстоятельной работе А. Ф. Строева[108].

Восприятие произведений Алданова, переведенных на 24 языка, само может стать предметом научного рассмотрения, тем более что переводы алдановских текстов продолжаются в наши дни.

Вместе с тем термины, используемые в отношении алдановского творчества и наследия русской классики, нуждаются в научном представлении. Одними из последних исследовательских толкований дефиниции рецепция являются работы С. Е. Трунина[109] и М. С. Слоистовой[110].

В частности, С. Е. Трунин понимает рецепцию как «текст-реакцию», или «текст-отклик»[111], что включает в себя процесс восприятия произведения другого автора, и текст, созданный реципиентом на основе воспринятого. Соответственно, его типология предполагает различение текстов, воспринимаемых автором-реципиентом, и текстов, создаваемых на основе воспринятого. Объектом культурфилософской рецепции ученый называет дневники, письма, личную переписку и научную литературу, созданную писателем, которые воспринимает реципиент. «Художественная рецепция, в отличие от культурфилософской, представляет собой более узкую форму восприятия, объектом которой выступает художественный текст, а продуктом – интертекст с многочисленными отсылками к первоисточнику в виде аллюзий, реминисценций, цитат»[112]. Вместе с тем, с учетом специфики творчества и общественно-литературной деятельности Алданова в диссертации значение термина «рецепция», в его художественной разновидности, нами дополняется. Объектом художественной рецепции

[107] П. П. [Петр Пильский] Немецкий критик о русских зарубежных писателях // Новое русское слово. 1934. № 7679. 04 февр. С. 8.

[108] Строев А. Ф. К вопросу о восприятии И.А. Бунина во Франции в 1933 г. // Литературный факт. 2020. №2 (16). С. 206–207.

[109] Трунин С. Е. Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX – начала XXI вв. Минск: Логвинов, 2006. 154 с.

[110] Слоистова М. С. Типология и стратегии креативной рецепции на примере английской поэзии и прозы постмодерна // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 110–119.

[111] Трунин С. Е. Указ. соч. С. 17.

[112] Слоистова М. С. Указ. соч. С. 112.

может являться текст писателя, но способов ее осуществления у Алданова больше, чем при создании своего интертекста; такими дополнительными способами осуществления художественной рецепции следует признать общественно-литературную деятельность в виде проведения лекций, литературных вечеров, работы в организационных комитетах памяти писателя, а также участие в судах над литературными персонажами.

Таким образом, в широком смысле под термином «рецепция» нами понимается восприятие чужого текста, приводящее читателя к собственным суждениям и оценкам этого текста, творческим действиям (включая отзывы в письмах, отклики в публицистических и литературно-критических статьях, рецензиях, создание литературных произведений и реализацию литературно-общественных инициатив, переводов, репрезентацию в других видах искусств).

Алданов осуществляет рецепцию русской литературы в разных видах: в своей художественной и документальной прозе, в литературно-общественных инициативах; в прозе он ведет себя как комментатор и интерпретатор русской классической литературы.

Комментарием у Алданова мы называем толкование неясных мест, приведенных цитат, сопоставление их значения со значением ряда изображаемых событий, выявление контекстуальных связей актуализируемого фрагмента. Чаще всего это происходит в алдановских текстах нон-фикшн, где художественность редуцирована, но малые текстовые эпизоды тем не менее сохраняют литературный код, который нуждается в дешифровке. В роли комментатора Алданов проявляется в нехудожественных книгах, в статьях, большом количестве документальных и публицистических очерков.

Очевидно, что литературно-критические и литературоведческие интерпретации не в состоянии исчерпать содержания творений словесного искусства, произведения побуждают новые варианты репрезентации содержания и формы литературной классики. Как интерпретатор Алданов раскрывает себя при восприятии идей, образов, поступков русских писателей преимущественно в художественных произведениях.

Вместе с тем наличие почти 100-летней дистанции между написанием и аналитическим прочтением произведений предполагает необходимость рассмотрения произведений Алданова в связях с политическими, литературными, общекультурными событиями, которые сопутствовали их созданию.

По словам О. А. Казниной, на многих писателей зарубежья «сказалось общее устремление эмиграции к возрождению прошлого, сохранению образа ушедшей России в жанрах документальных и стилизованных под них»[113]. Алданов, благодаря сочетанию интеллекта ученого-химика, эрудиции философа, трудоспособности журналиста и литературного дара, оказался в более выигрышном положении, так как идеи, не проясненные в его художественной прозе, актуализировались и разъяснялись в прозе документальной: в очерках, литературной критике, эпистолярии.

В данной работе интерпретация произведений основывается на имманентном (внутритекстовом) и контекстуальном подходах. Литературная репутация Алданова претерпевала изменения, да и сам писатель прошел непростой путь своими произведениями: от автора, которым зачитывалась русская эмиграция, которого издавали миллионными тиражами в «перестройку», до предмета исследования нескольких десятков отечественных литературоведов. Мера соответствия умонастроений авторов духу последующих эпох – это едва ли не главный фактор «читаемости» произведений и динамики их репутаций. Переломные события 1980–1990-х гг. вызвали новый интерес к творчеству Алданова. Более того, можно предположить, что алдановскую позицию в отношении литературы целесообразно рассматривать в зависимости от исторического контекста. Очевидно, для современников он, большой, значимый писатель первого ряда эмигрантской литературы, был авторитетным критиком. Но читателям в 1980–1990-е гг. Алданов мог показаться беллетристом, использовавшим популярные приемы и потому превратившимся в представителя массовой литературы, соответственно, и его позиция в отношении к образцовой или массовой литературе уже не являлась столь интересной и значимой. Вместе с

[113] Казнина О. А. Цветаева // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 243–244.

тем Алданов в качестве критика по-особому воспринимал перипетии развития литературы, а также нюансы понимания произведений разными поколениями, в том числе зарубежными читателями. Принимая во внимание тезис Ю. М. Лотмана о том, что «…с текстом изменений не происходит – меняется лишь его место и функция в общей системе»[114], можно признать, что интерес Алданова к литературе русской классики мог быть связан с его представлением о том, как изменяется мировосприятие, эрудиция современников, читательская мода, какие изменения претерпевает общественно-политический контекст.

Но таким же «колеблемым треножником» оказалась классика, причем не только в восприятии массового читателя, но и в восприятии писателей XX в. Осознавая высоту намерений русских писателей, эстетическое значение их образов, глубину их художественных идей, благородство помыслов, Алданов выработал что-то вроде определенного набора приемов, техник, которые в разных видах использовал для своеобразного комментария русской классики в литературных статьях, рецензиях и даже в виде интерпретации сюжетов и образов писателей-классиков в собственной художественной прозе. Благодаря этому крупные эпические произведения Алданова становятся романами «культуры».

Говоря об использовании Алдановым различных вариантов комментария, нами имеется в виду, что он применяет слова из произведений русской литературы, чтобы комментировать ими события, атмосферу, поступки собственных персонажей. В таких комментариях, литературных или реальных по своему содержанию, может быть дана не только информация, но и оценка, интерпретация образа, мысли персонажа или поступка писателя. Цитирование русской классики у Алданова происходит так часто, как будто автор обращается не к «чужому слову», а к пословицам, поговоркам, вообще устойчивым сочетаниям слов; однако цитаты могут быть понятны только образованному и эрудированному читателю.

Следует сказать, что творчество Алданова приходит к читателю и исследователю волнами. Первая волна – при жизни писателя. Алданов был

[114] Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 381.

одним из самых популярных авторов русского зарубежья; постоянные публикации в крупнейших изданиях эмигрантов («Современные записки», «Новый журнал», «Последние новости», «Сегодня»), издания художественных сочинений и очерков, публицистики, переводы; многочисленные рецензии критики – все это признаки востребованности у русскоязычного и зарубежного читателя в 1920–1950-е гг. Однако надо понимать, что популярность эта не давалась легко. З. Н. Гиппиус отмечала политизированность самой эмиграции и тенденциозность подходов к писателям: «Художникам не полагается писать статей»[115]. Такая разносторонность, разножанровость Алданова – дело сложного труда. Но этот труд находил отклики как у массового читателя, так и у взыскательного литературного мэтра: современному читателю надо знать и то, что И.А. Бунин, получив Нобелевскую премию по литературе, все оставшиеся ему годы жизни выдвигал на эту премию именно Марка Алданова.

Вторая волна приходится на конец 1960-х – начало 1970-х гг., однако она оказалась совершенно иной. Связана она только с интересом исследователей из Европы и Северной Америки. Время критики прошло, наступило время научных прочтений Алданова, чему были посвящены первые диссертации в Торонто и Гарварде и публикации И. Грабовски, Ч. Н. Ли, М. Демарра. В это время появились издания библиографий Алданова: сначала отдельной частью в работе Людмилы А. Фостер «Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968» (Бостон, 1970), а затем в виде специализированного указателя «Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov» (в переводе на русский «Марк Александрович Алданов: библиография»), выпущенном А. и Д. Критеско под редакцией Т. А. Осоргиной (Париж, 1976).

Третья волна в 1990-е – начале 2000-х гг. вернула Алданова в Россию: его узнали миллионы российских читателей, исследователи русского зарубежья посвятили ему многочисленные статьи. Стараниями А. А. Чернышева были изданы многотиражные собрания сочинений Алданова, большая часть

[115] Антон Крайний. Литературная запись: Полет в Европу // Современные записки. 1924. № 18. С. 125.

переписки с писателями и общественными деятелями; молодыми российскими алдановедами защищались кандидатские диссертации, появились и первые монографии российских исследователей творчества Алданова (И. Макрушина, Е. И. Бобко).

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что литература русского зарубежья – это уникальный феномен, сам контекст восприятия, вкусы, эрудиция, потребности русскоязычных читателей, имеющих опыт прочтения и осознания литературы Серебряного века, литературы классической традиции очень сильно воздействовали эту саму литературу. М. Рубинс полагает, что «переосмысление литературного корпуса диаспоры <…> необходимо еще и потому, что основная критическая рецепция, за некоторыми исключениями, продолжает игнорировать его инаковость»[116]. Алданов раскрылся как писатель именно в эмиграции, оторванность от родины и использование русского языка и литературы как моста связи с Отечеством превратились в обстоятельства, которые способствовали идентификации, причем не этнической, а именно культурной идентификации.

Рецепция русской литературы в зарубежных странах является важной частью современного культурного процесса. Для того чтобы это лучше осознать, необходимо понимание этой рецепции на разных этапах литературного развития, в том числе в сложном литературном процессе «некалендарного» XX в. Значение русской классической литературы за рубежом наиболее остро было почувствовано русскими писателями-эмигрантами. В европейских, американских и азиатских странах еще до русской эмиграции 1920-х гг., конечно, уже существовала какая-либо рецепция русской литературы, но за счет русских эмигрантов, принесших свое видение русской классики, которое в значительной степени отличалось от зарубежного восприятия, она стала обогащаться и усложняться.

Да и в самой литературе русского зарубежья развитие и видоизменение восприятия русской классической литературы обусловлено эпохальными изменениями, вызванными Первой мировой войной, Великой октябрьской

[116] Рубинс М. Невыносимая легкость диаспорического бытия // Век диаспоры: Траектории зарубежной западной литературы (1920–2020): Сборник статей. М., 2021. С. 22.

революцией, Гражданской войной и в целом – переворотом в общественном сознании русскоязычных граждан.

Рецепция русской классической литературы в отечественной литературе XX и XXI вв., в литературах европейских стран и Америки, Азии – это и творческий способ освоения тем, идей, раскрытых писателями, разные возможности интерпретации их образов, одновременно это направление, определяющее новые перспективы для исследователей как в России, так и за рубежом. Очевидно, что в различных странах восприятие русской классики не может быть одинаковым, линейным, универсальным[117].

Германия, Великобритания, Франция, Швейцария по-разному продолжают изучать русскую классику, например: «Наиболее изучаемым явлением в русской литературе остается роман XIX века. Главными фигурами для Германии традиционно выступают Достоевский, Тургенев и Толстой, только потом уже следуют Пушкин, Гоголь, Чехов. Изучаются, но уходят на задний план Лермонтов, Герцен, Гончаров <…>»[118].

Однако совершенно очевидно, что академическое изучение рецепции русской классической литературы в зарубежных литературах – всего лишь малая научная часть постижения восприятия русской классики. Творчество Алданова оказалось одним из средств популяризации русской классической литературы как среди читателей-эмигрантов, так и среди иностранных читателей. И восприятие этой литературы Алдановым-писателем, Алдановым-критиком было особенным делом, ответственность за которое он очень сильно ощущал.

В значительной степени на моду или неприятие, игнорирование, отсутствие интереса к литературе влияет политика. Памятна история, когда после прихода к власти нацистов, в Германии запрещались советские писатели, но издавались сочинения русских классиков «в списках неугодных

[117] Например, в публикациях: Кузнецов С. В. Рецепция русской классической литературы в немецкоязычных славистических изданиях и прессе конца XX – начала XXI веков // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М., 2017. С. 385–427; Петухов Т. М. Русская классика в англоязычных изданиях (Великобритания и США) последних десятилетий. Там же. С. 435–458; Ганошенко М. Е. Рецепция русской классической литературы в современных франкоязычных изданиях. Там же. С. 459–487.

[118] Кузнецов С. В. Там же. С. 386.

режиму писателей отсутствовал Чехов», «в театрах шли пьесы А.Н. Островского, а немецкие киностудии экранизировали произведения Л.Н. Толстого и А. С. Пушкина[119]. Нацистская пропаганда делала акцент на противостоянии национального, русского советскому, большевистскому. Вся русская культура попала под пропагандистский пресс лишь после того, как началась война Германии с Советским Союзом. Соответственно, Алданов, начавший делать свои самостоятельные писательские шаги именно в Германии 1920-х гг. и наблюдавший эти факты в 1930-е гг., не мог не реагировать на подобные нюансы рецепции русской литературы.

Очевидно, что в русском зарубежье главными, знаковыми личностями, связывавшими эмиграцию с родиной, были представители русской классической литературы, прежде всего А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, в честь которых устраивались празднества, и во многих этих мероприятиях, проходивших в разное время в разных странах, был задействован М. А. Алданов. Другим писателям русской классической литературы с этой формой рецепции повезло меньше, тем не менее в художественном и литературно-критическом творчестве эмигрантов они заняли важное место. У того же Алданова можно найти примеры обращения не только к указанным писателям, но к Н. М. Карамзину[120], Н. М. Языкову, М. Ю. Лермонтову, Ф. И. Тютчеву, Н. В. Гоголю, Н. А. Некрасову, А.В. Сухово-Кобылину, Н. С. Лескову, А. Н. Островскому, А. П. Чехову, к различным литературным критикам XIX в. По причине такой широкой рецепции русской классики творчество Алданова трудно свести к следованию традиции какого-то конкретного писателя. Так, в работе одного и того же ученого можно найти на этот счет разные мысли: «Популярность исторических романов Марка Алданова во многом объясняется тем, что он следовал манере письма Толстого

[119] Кудрявцева Т. В. Русская литература в Германии: культурные горизонты // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретация. М., 2015. С. 34.

[120] Например, есть мнение, что Алданов, выстраивая художественное время и пространство в тетралогии «Мыслитель», следует «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина: «Марк Алданов прямо отсылает читателя к произведению Карамзина <…>»: Grabińska Gizela (Грабиньска Гизела). «Русские путешественники» Николая Карамзина и Марка Алданова (“Russkie puteszestvenniki” Nikolaja Karamzina i Marka Aldanova). (Publication in a book) // Rosja literacka od Karamzina do Sołżenicyna. Warszawa, 2004. P. 68. (Studia Rossica, XV).

<…>»[121]; «Почти все оказавшиеся в изгнании известные прозаики принадлежали к реалистической традиции русской литературы <…>. Бунин, Зайцев, Шмелев и Алданов могут считаться продолжателями традиций Тургенева, Толстого, Чехова»[122]. Но в таком разномыслии нет противоречия: Алданов в своей преемственности русских писателей XIX в. был разносторонним и даже эклектичным.

Рецепция русской классики и в пределах культурного сообщества отдельной страны осуществляется по-разному, причем речь не только о формах рецепции, но и об отношении к самой традиции русской литературы – положительном или отрицательном. Например, в 1910-е годы «в Финляндии существовали две тенденции восприятия русской литературы. И если одна тенденция проявлялась в почитании русской словесности <…>, то другая – в отрицании, в неприятии»[123]. Интересно, что после Октябрьской революции 1917 г. эти крайние точки восприятия русской литературы могли расходиться еще дальше. Эти полярные тенденции в стране, приютившей русских беженцев, сказывались и на характере рецепции русской классической литературы. Заметим, что в творчестве Алданова словно учитывалось, с одной стороны, восприятие этой литературы русским и иностранным читателем в XIX в., с другой стороны – русским и зарубежным читателем первой трети XX в.

Приходится учитывать и внутренние процессы развития эмигрантской литературы, которая, по представлению Н. Андреева, может быть разделена на пять этапов[124]. На всех этих этапах Алданов показал себя и как писатель, и как публицист, и как литературный критик, а потому процессы рецепции русской классической литературы XIX в., проявившиеся в его творчестве, видятся репрезентативными.

---

[121] Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 128.

[122] Там же. С. 144–145.

[123] Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М., 2017. С. 48.

[124] Андреев Н. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом: Опыт постановки проблемы // Русская литература в эмиграции = Russian emigre literature / Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. VIII. С. 26–29.

Мы делаем акцент на рецепции, осуществлявшейся в условиях эмиграции первой волны – 1920–1930-х гг., однако в связи с тем, что Алданов продолжал свое творчество и в 1940-е гг. и в начале 1950-х гг., затрагиваются разные периоды истории литературы. Очевидно, что характер этой рецепции обусловливается различными особенностями субъекта: «Роль субъектов рецепции в создании того или иного образа объектов культурной рефлексии – русских писателей и созданных ими произведений – зависит от многих факторов, поэтому в разных обстоятельствах восприятие характеризуется аксиологическими параметрами (эстетическими, идеологическими и пр.) различной степени объективности»[125]. Но с учетом времени жизни и творчества М. А. Алданова, а также реакции на его произведения со стороны современников, в качестве историко-литературного контекста приводятся литературно-критические статьи эмигрантов первой волны, статьи, опубликованные после смерти писателя в 1950–1960-е гг. Воссоздание различных аспектов рецепции русской классической литературы осуществлялось как по обзорным справочникам, так и по различным мемуарам, воспоминаниям и специальным исследованиям современных литературоведов.

О том, насколько важно понимание степени воздействия русской классики на разные сферы жизни эмигрантов, в частности, на развитие философской мысли можно судить по научным статьям современников. О. А. Казнина заметила: «О том, что литература XIX века стала для религиозной философии неисчерпаемым источником идей, свидетельствуют также статьи, посвященные творчеству Пушкина, Гоголя, Толстого, Тютчева, Чехова, Блока»[126]. Эта статья содержит обзор содержания журнала «Путь», но в принципе обозначает тесную связь идей русских писателей XIX века с философскими исканиями мыслителей XX века. Неудивительными в этом контексте являются научные работы историка М. М. Карповича, изучавшего через призму русской классики интеллектуальную историю России и

[125] Кудрявцева Т.В. Русская литература в Германии: культурные горизонты // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретация / Ред.-сост. М.Ф. Надъярных, В.В. Полонский; отв. ред. А.Б. Куделин. М., 2015. С. 34.

[126] Казнина О.А. Путь: орган русской религиозной мысли // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Отв. ред. Ю.А. Азаров. Вып. 5. М., 2013. С. 9.

повлиявшего на некоторые мировоззренческие идеи и эстетические взгляды Алданова[127]. При отсутствии религиозных основ мировидения Алданова русская классическая литература у него становится важной шкалой ценностей – в понимании поведения человека, ситуаций выбора пути, сохранения нравственности и достоинства.

Очевидно, что разнообразные формы рецепции русской классической литературы имеются не только в творчестве Алданова, но и в творчестве других писателей, раскрывших свой талант в эмиграции. О следовании традициям русской классики в творчестве И.А. Бунина написано много; Бунин как старший друг и писатель, значительно повлиявший на Алданова, не может быть рассмотрен в этой диссертации, но стоит отметить младшего современника Алданова, с которым его связывает литературная, «эпистолярная» дружба – В. В. Набокова. В частности, Е. И. Коган, обобщив разные наблюдения о рецепции русской классики в набоковском творчестве, эмоционально написала: «Пушкин был его кумиром <…>. Теми же словами он характеризовал свое отношение к Чехову <…>. К Гоголю <…> испытывал двойственное чувство. <…>»[128]. Коган вспоминает о проявлении большого интереса американского читателя к Достоевскому и отмечает на этом фоне причины нелюбви к нему создателя «Лолиты»: «Набокову же он однозначно не нравился <…>»[129], тот «называл его пророком, журналистом, любящим дешевые эффекты, никудышным комедиантом»[130]. Из череды русских классиков XIX в., к которым обращался Набоков, исследователь выбрала только Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова и завершила Толстым: «Ему нравился Лев Толстой, хотя воспринимал его произведения неоднозначно»[131]. Об интертексте как способе литературной рецепции у Набокова мы писали

[127] См. об этом нашу статью: Шадурский В. В. Рецепция русской классической литературы: случай Михаила Карповича и Марка Алданова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2017. № 4 (12). С. 1–7.

[128] Коган Е. И. Российская книжность в Америке: Статьи. Портреты. Рецензии. СПб., 2005. С. 130.

[129] Там же. С. 131.

[130] Там же.

[131] Там же.

ранее[132]. Но в отличие от Алданова Набоков не писал публицистику, не создавал очерков, не занимался общественной деятельностью, и потому можно сказать, что по формам рецепции русской классики он уступал Алданову. Алдановская же рецепция благодаря своей разносторонности более показательная.

Осознание особенностей рецепции русской классической литературы, осуществленной в эмигрантской литературе, актуально еще и потому, что, осознавая эту рецепцию, исследователи лучше понимают причины отказа советской идеологии от писателей XIX в., от их творчества в целом. По словам З. Н. Гиппиус, характеризовавшей литературную политику СССР в начале 1920-х гг., «принялись за коренное очищение и от всего русского литературного наследия <…> в списке этом и Толстой, и Достоевский»[133]. Рецепция же русской классики в эмиграции, напротив, оказалась своеобразной компенсацией за утрату интереса к ней на родине.

Более того, русские эмигранты-писатели в Европе и на Дальнем Востоке, и в США, оказались в роли проводников традиций русской классической литературы; Алданов, с его знаниями европейских языков, литературным и общественно-политическим авторитетом, стал, наподобие И. С. Тургенева, своеобразным послом русской культуры в Германии, Франции, Великобритании и США. Ценность этой просветительской работы важна тем более, что в разных европейских странах интерес к России не развивался и вообще упал под воздействием политических факторов: так, в 1920–1930-е гг. даже в Финляндии, некогда входившей в состав Российской империи, было воинственное отторжение всего русского: «В толстых финских журналах, в критике, в университетских курсах интерес к русской литературе практически не поддерживался <… >. Редкими, даже случайными были упоминания о Л. Толстом, А. Пушкине, И. Тургеневе»[134].

---

[132] Шадурский В.В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова. Великий Новгород, 2003. 90 с.

[133] Антон Крайний. Полет в Европу // Современные записки. 1924. № 18. С. 126.

[134] Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 43.

Большой событийный и временной охват литературной жизни по Франции демонстрирует особое издание[135], подготовленное по различным эмигрантским материалам. По этой хронике можно многое узнать о фактах общественного обращения к русской классике, в том числе участие Алданова в литературных мероприятиях: лекциях, собраниях, чествованиях писателей. Аналог такого издания отражает литературную жизнь Чехословакии[136], но хроники литературной жизни в Германии, Югославии, Болгарии или других странах нами не обнаружено. Академические сборники отечественных литературоведов посвящены различным аспектам литературы или журналистики русского зарубежья, изучение рецепции русской классики в таких исследованиях не могло быть первостепенной задачей. В основном это были научные статьи, сборники, монографии и диссертации, в которых изучались традиции русской классической литературы и интертекст русской классики в творчестве В. Набокова, Б. Зайцева, Л. Зурова.

Тем не менее о связи литературы и периодических изданий эмиграции с дореволюционной литературой отмечалось часто, более всего оказались изученными материалы журнала «Современные записки», который внес «огромный вклад в дело сохранения лучших традиций отечественной словесности»[137]. Одним из редакторов в пору его становления мог стать Алданов. Традиции лучших журналов XIX в. – «Современника» и «Отечественных записок» этот парижский журнал выдержал с честью, Алданов мог в нем занять место заведующего литературным отделом, но отличился несколькими десятками публикациями, приобретшими ценность для читателя-эмигранта, литературы русского зарубежья, но еще не вошедшими в историю литературы и историю литературной критики.

---

[135] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. В 4 т. М.; Paris; 1995–1997; Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция: В 4 т. (5–8). М.; Paris; 2000–2002.

[136] Хроника. Чехословакия. Т. 1–2. Хроника научной, культурной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике / под общ. ред. Л. Белошевской. Прага, 2000. Т. 1. 1919–1929; Прага, 2001. Т. 2. 1930–1939.

[137] Михайлов О. Н., Азаров Ю. А. Журнал «Современные записки»: литературный памятник русского зарубежья // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 7.

Начало литературной деятельности Алданова в эмиграции связано с Германией, поэтому важно понять историко-литературный контекст, в рамках которого эта деятельность стала возможной. Д. Д. Николаев обстоятельно изучил характер русских периодических изданий в Германии, вместе с тем его наблюдения дают возможность понять отношение берлинского сообщества эмигрантов к дореволюционной литературе, к классике отечественной литературы.

Так, говоря о публикациях газеты «Голос России», исследователь сообщает о «заметном событии в литературной жизни русского Берлина»[138] – «публикации романа в стихах Менестреля (Б. Я. Шнейдера)»[139], в котором пушкинские герои – Онегин, Ленский, Татьяна – перенесены «сначала в предреволюционную и революционную Россию, а затем и в современный Берлин»[140]. Таким образом, одной из возможностью рецепции у русских в Германии могли стать фантастические произведения по мотивам русской классики или, говоря современным языком, пастиши, фанфики. Но Алданов был очень консервативным литератором, традиционалистом и, несмотря на использование приемов массовой литературы, в своем творчестве придерживался высоких принципов реалистической литературы, обращаясь с классикой бережно и деликатно. В той же газете в 1919 г. публиковались ранее выпущенные издательством И. Ладыжникова рассказы Л. Н. Толстого «Алеша Горшок» и «Тихон и Маланья». Это показатель, что «пушкинская тема» и «тема Л. Н. Толстого» оказались востребованными в читательской среде эмиграции.

В берлинском журнале «Жизнь: Вестник мира и труда» среди статей, посвященных русской литературе и вызвавших особый резонанс, Д. Д. Николаев выделяет статью В. Станкевича «Нансен или Достоевский? Парадоксы», в которой истоки всех бед России объясняются увлечением художественной литературой, а «Евгений Онегин», «Война и мир», «Преступление и наказание» называются «выдумкой», «литературной схоластикой», отвлекающей от «фактов» и «жизни»[141]. Вряд ли Алданов успел

[138] Николаев Д. Д. Русские периодические издания в Германии. Там же. С. 210.
[139] Там же. С. 210.
[140] Там же. С. 210.
[141] Там же. С. 233.

познакомиться с этой статьей, но статьи похожей тональности выходили и позднее. Поэтому рецепция русской классики даже в среде соотечественников не была каким-то безусловным благостным приятием.

Интерес Алданова к Л. Н. Толстому уже выразился в нескольких очерках, задумывалась и книга о и Ф. М. Достоевском, которую Алданову было не суждено написать. С учетом этого факта алдановская рецепция отечественной дореволюционной литературы выглядит настоящим патриотическим делом. Отметим и другую особенность рецепции Алданова: ни в художественной прозе, ни в литературно-критических статьях, ни в переписке он не обращает внимания на идеологию произведений классиков, не пишет о главных героях, об их мировоззрении, но часто упоминает их слова и различные детали из текстов или биографий их создателей.

Исследователь замечает, что В. Станкевич упрекает граждан России в том, что у них «художественные образы заслонили действительность»[142], а для того чтобы «вернуть себе способность действовать, необходимо отказаться от беллетристики»[143]. Однако Алданов, живший в то время в Берлине и вынашивавший план издания первого толстого журнала эмиграции (в 1920 г. в Париже появится первый номер журнала «Грядущая Россия»), думал совершенно иначе.

Алданов поднял различные вопросы рецепции русской литературы как в творчестве эмигрантских писателей, так в творчестве европейских писателей, в виде переводов с русского языка, театральных постановок и кинематографа. Он рассматривал различные аспекты восприятия русской литературы в творческой среде и в среде обычных читателей и по сути предвосхитил осмысление этой рецепции, последовавшее во второй половине XX в., а также в начале XXI в. Проблема восприятия русской классики современниками Алданова – эмигрантами – в большей мере связана с их читательскими предпочтениями и желанием, читая классику, сохранить свою идентичность; проблема ее восприятия зарубежным читателем обусловлена еще и потребностью распознать русскую ментальность и понять русскую действительность, историю. Именно потому Алданов создал литературного

[142] Там же. С. 234.
[143] Там же. С. 234.

персонажа – иностранца, который бы оценивал факты русской жизни, соотнося их с образами русской литературы. Как вариант ошибочного понимания жизни, основанном на восприятии образов русской литературы, – это поступки англичанина Клервилля в алдановской трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», который станет изучать Россию и объяснять поведение своей жены по романам Ф. М. Достоевского.

Присутствие образов и идей русских писателей в сознании эмигрантов первой волны очевидно. Вместе с тем любому здравомыслящего иностранцу очевидно, что мнение о подлинном мироощущении русского человека, о его славянской душе не должно быть сформировано постижением одних только произведений Достоевского, Толстого и Чехова. Но нужно понимать и другое: воздействие образов литературы способно менять отношение к России, например, с отрицательного на положительное, как это произошло в истории Австрии в 1840-х гг., когда «поэзия Пушкина и сам его образ» <...> растопили «исключительно политизированное», однозначное <...> представление о России»[144]. Собственно такой реабилитацией России в глазах иностранцев и занимался Алданов в своем творчестве.

В том же берлинском журнале «Жизнь» Г. Росимов, рассуждая о блоковской поэме «Двенадцать», рассматривает ее, обращаясь к образам Достоевского, и полагает, что «смердяковщина», «карамазовщина» – «основной мотив нашей литературы»[145], в том числе в поэме Блока. А при характеристике «Скифов» находит «переклички с Пушкиным»[146].

Не менее сложной была рецепция русской классики и в других центрах русского зарубежья. Это и отдельные статьи и целые книги. В статье О. А. Казниной, обозревающей русскоязычную периодику в Великобритании, зафиксированы факты и направления этой рецепции, – это и отдельные статьи и целые книги. Например, в еженедельнике «Новая Россия», выпускавшемся с 1919 г. под редакцией В. Д. Набокова и другого кадета – П. Н. Милюкова

[144] Стрельникова А. А. Австрийская литература XIX – начала XX вв. О поисках ценностных ориентиров: осмысление русской классики // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретация. М., 2015. С. 61.

[145] Николаев Д. Д. Русские периодические издания в Германии. Указ. соч. С. 236.

[146] Там же. С. 238.

(последнему же принадлежит статья “Лев Толстой и русский народ”»[147]), в 1921 г. опубликована статья П. Б. Струве «Ф. М. Достоевский», «написанная к столетию со дня рождения писателя»[148]. Другой случай: А. Тыркова-Вильямс, эмигрировав в 1918 г. в Великобританию, почти 30 лет потратила на работу над биографией А. С. Пушкина, что «объяснялось желанием хотя бы мысленно окунуться в русскую среду, приблизиться к истокам русской духовной жизни. Пушкин для Тырковой – символ национальных традиций, “гениальный обруситель, от духовного родства с которым вряд ли отрекутся нерусские народы России”»[149]. И, по словам Тырковой, через Пушкина шло просветление русского лика, затемненного «чадом марксистского искушения»[150]. Для Алданова Пушкин тоже стал символом национальных традиций литературы. Известно, что та же Тыркова, в пору увлечения толстовством, посещала Л. Н. Толстого, о чем оставила запись в своем дневнике еще в 1903 г.: «Но когда он тут живой, незнакомый и в то же время такой близкий, как-то резче задевает это несходство взглядов»[151]. Ее удивляло, с одной стороны, видение величия Толстого, с другой стороны, возможность с ним спорить. У Алданова случая посетить Толстого еще не было, а потому рецепция Тырковой ему была бы очень важна и интересна.

О. А. Казниной подробно освещены даже те русскоязычные издания в Англии, у которых было несколько сотен подписчиков, однако, несмотря на отсутствие масштабности и, казалось бы, недостаточную репрезентативность, они в полной мере отражали разные способы притяжения русского читателя к родной дореволюционной литературе. Так, в газете «Русский в Англии» публиковались отчеты о деятельности театрального кружка, поставившего 120 пьес, большая часть «спектаклей оказалась классикой»[152]: Фонвизин,

---

[147] Казнина О. А. Русские газеты и журналы в Великобритании // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 3. М., 2004. С. 249.

[148] Там же. С. 250.

[149] Канищева Н. И. Предисловие // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М.: РОССПЭН, 2012. С. 20.

[150] Там же. С. 20.

[151] Тыркова-Вильямс А. 1903 г. 12/X. У Толстого // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М.: РОССПЭН, 2012. С. 60.

[152] Казнина О. А. Русские газеты и журналы в Великобритании // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. М., 2004. С. 265.

Грибоедов, Пушкин, Гоголь. Здесь же давалась информация о праздновании юбилея А. С. Пушкина, о публичных лекциях, концертах, выставках в его честь. У Алданова с Англией тоже были связаны интересы: и книгоиздательские и родственные. Поэтому можно допустить, что ему, с его аналитическим сознанием, приходилось изучать интересы читателей, в том числе через эмигрантскую английскую периодику.

Но линейности этой рецепции в русскоязычной английской периодике не наблюдается, спорадические обращения к русской классике, юбилейные статьи кажутся случайными на фоне устойчивого алдановского восприятия.

Важно помнить, что рецепция русской классики осуществлялась Алдановым в художественной прозе, в литературно-критических статьях и многочисленных письмах. Об авторитете-Алданова как критика свидетельствует даже сложившееся в кругах непосвященных лиц мнение, что Алданов, наряду с четверкой главных редакторов, определял редакторскую политику крупнейшего журнала зарубежья – «Современных записок». Секретарь этого журнала и его соредактор М. Вишняк вынужден был уделять внимание этому мнению: «М. А. Алданов был в дружеских отношениях с редакторами журнала, постоянным и ценным сотрудником <…>»[153].

Вместе с тем очевидно, что необходимость рецепции русской классики в творчестве Алданова должна иметь объяснения. Одна из возможностей этого – продолжение традиций русской литературы в эмигрантских условиях как выполнение мессианской роли, то есть попытка сохранения русской культуры за рубежом. Актуальность подобной рецепции для русской культуры особенно в 1920–1930-е гг. в целом была очень остра, с учетом того, что в начале 1920-х гг. в Советской России отношение к дореволюционной литературе было негативным, «для ее лучших вещей характерно почти полное забвение линии Тургенева и Толстого и память о Гоголе и Достоевском, воспринимаемых через Ремизова и Белого»[154]. И только во время формирования советской литературы, с ее методом социалистического реализма, ситуация изменилась. Классику стали использовать, но в строго идеологических целях.

[153] Вишняк М. Годы эмиграции. 1919–1969. Париж; Нью-Йорк, 1970. С. 104.
[154] Степун Ф. Мысли о России // Современные записки. 1925. № 23. С. 362.

Ф. Степун развитие линии «Гоголя – Достоевского» в советской литературе связывает с натурализмом в изображении и развитием приемов фантастики, но не разъясняет специфику линии Тургенева и Толстого.

В творчестве Алданова возникает уникальная ситуация своеобразного сплава: соединение линий разных, казалось бы, взаимоисключающих писателей, при неочевидном использовании их приемов. У Алданова не обнаруживается фантастичности Достоевского, но диалогичность сцен, речевая напряженность эпизодов, вовлеченность дискуссии героев-резонеров в экзистенциальную проблематику во многом объясняются зависимостью Алданова от поэтики, образности и тематики Достоевского. Это лишь один пример, который мотивирует изучать рецепцию русской классической литературы как в прозе, так и в целом в литературно-общественной деятельности Алданова.

Глава 2. Доклассическая литература в творчестве Алданова

Документальная и художественная проза, публицистика и литературная критика Марка Алданова развивались под воздействием европейской культуры и русской классической традиции в самом широком ее понимании. Алданов на протяжение всей жизни апеллировал и к идеям древнерусских писателей, пользовался цитатами из их сочинений, на их основе создавал образы, но изучение алдановского восприятия этой литературы еще только началось[155].

2.1. Поэтика образа Нила Сорского в прозе Алданова

Для представителей русского зарубежья – религиозных философов, историков церкви, знатоков древнерусской книжности, объединенных высоким отношением к духовным традициям России, – обращение к учению подвижников православной церкви было естественным. По словам Г. П. Федотова, «в Ниле Сорском… обрело свой голос безмолвное пустынножительство русского Севера. Он завершает собой весь великий XV век русской святости. Единственный из древних наших святых, он писал о духовной жизни и в произведениях своих оставил полное и точное руководство духовного пути»[156].

Но как слово Нила Сорского могло оказаться в произведениях «западника», масона М. А. Алданова? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно восстановить историко-литературный контекст.

По мнению И. К. Смолича, Нил Сорский «развил и обосновал идею скитского житья, явился основателем русского старчества»[157] и только ему «дано русским православным народом имя “великого старца”»[158]. О высоком месте Нила Сорского в истории русской духовности очень подробно и

[155] Шадурский В. В. Поэтика образа Нила Сорского в произведениях Марка Алданова // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1. С. 178–204.

[156] Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Москва: Московский рабочий, 1990. С. 166.

[157] Смолич И. К. Великий старец Нил Сорский // Путь. 1929. № 19 (ноябрь). С. 60.

[158] Там же. С. 69.

убедительно написано в работе Г. М. Прохорова[159]. Заключение виднейшего специалиста по древнерусской и византийской литературам о том, что Нилу Сорскому был чужд путь прямой борьбы за исправление пороков окружающего его общества, могло бы особенно пригодиться Алданову, исповедовавшему в своем литературе принцип «калокагатии» и не верившему в успех назидательной и нравоучительной словесности.

Для нас сейчас важно понимание литературной части деятельности Нила Сорского. В емком по своему содержанию исследовании М. С. Боровкова-Майкова указала на отличительные качества особенной прозы старца: «Центральное место среди сочинений Нила занимают его “Предание учеником” и Устав, подробно излагающий учение о “мысленном делании”. Здесь содержатся все основы учения “нестяжателей” и подробное изложение теории нравственного совершенствования, на которой Нил хотел заново построить жизнь русского монашества»[160]. Исследовательница обращает внимание на пафос и стиль этих сочинений – все это довольно неожиданно открывается для современников, у которых даже в вузовском курсе древнерусской литературы вряд ли творчество Нила Сорского могло быть предметом изучения. «Все изложение пронизывают гуманность, терпимость, мягкость, характеризующие личность “великого старца», как называли Нила его современники. В Уставе ярче, чем в других сочинениях Нила, сказалась и его литературная манера, незаурядное художественное дарование и наблюдательность, которые помогли ему дать глубокий и тонко разработанный анализ психической жизни человека с ее страстями, с описанием этих страстей и с указанием средств борьбы с ними»[161]. Удивительно, зачем все это могло пригодиться атеисту Алданову?

Сохранение преемственности традиций древнерусской книжности у писателей русского зарубежья осуществлялось по-разному.

---

[159] Прохоров Г. М. Преподобный Нил Сорский и его место в истории русской духовности // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / изд. подгот. Г. М. Прохоров. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 5–42.

[160] Боровкова-Майкова М. С. Нил Сорский // История русской литературы: в 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1945. Т. II. Ч. 1. С. 318.

[161] Боровкова-Майкова М. С. Указ. соч. С. 319.

Усиление интереса к православию для представителей старшего поколения эмиграции, оказавшихся в ранге «классиков», – А. М. Ремизова, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева – способствовало поиску новых тем и героев. Эти писатели все чаще обращались к именам русских святых, прославленных праведников, к летописям, сказаниям, апокрифам. К православию как духовному мосту с родиной пришла и А. Тыркова-Вильямс. Примечательно, что она состояла в переписке с Алдановым, а когда-то задумывалась об использовании аввакумовского сюжета в художественном творчестве. В своем дневнике она отметила возможность исторического сюжета на такую тему: «Хороший сюжет для исторической повести. Семья русского боярина. Он уже западник, его тянет к новшеству, к внешним прелестям чужой жизни. Она, тонкая, духовная, немного мистическая натура, духовная дочь Аввакума. Вся порыв, в поисках истины и света. Муж приводит в дом иностранца… блестящего авантюриста, красивого, обаятельного… …А та влюбляется со всей силой страстной и чистой натуры. И сама уже в ужасе перед глубиной своего греха. Кается Аввакуму и кончает в ссылке[162]». Но, к сожалению, произведения эту тему не появилось, да и о задумках Тырковой Алданов не знал и, конечно, не мог их применить в своем творчестве.

Среди писателей русского зарубежья Алданов был известен как исторический романист, признавался «занимательным беллетристом, но никак не “классиком”»[163].

Несмотря на присутствие в произведениях писателя цитат из сочинений Нила Сорского и протопопа Аввакума, рецепция древнерусской литературы в творчестве масона Алданова кажется совершенно неестественной и неуместной. Однако исследователи пока к этому вопросу не обращались. Диссертации, посвященные творчеству Алданова, касаются преимущественно теоретических аспектов[164], а монографии и учебные пособия последнего

[162] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н. И. Канищева. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2012. С. 48–49.

[163] Рогачевская Е. Марк Алданов в журнале «Современные записки»: финансовые и творческие аспекты сотрудничества // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 106.

[164] Орлова Ю. А. Историософская повесть М. А. Алданова: проблематика, образная система, мотивные ряды: диссертация на соискание ученой степени канд. филологических

десятилетия сведений о рецепции средневековой литературы в творчестве писателя не содержат[165].

Одно из очевидных обращений Алданова к наследию Нила Сорского обнаруживается в неопубликованной при жизни писателя статье «Введение в антологию “Сто лет русской художественной прозы”». В этой работе дается общая характеристика русской литературы, но внимание уделяется стереотипам, предвзятым мнениям («говорят, что русская литература “печальна”…»[166], элементам поэтики и даже конкретным цитатам. Рассуждая о русской литературе XIX в., Алданов обозначает ее специфические черты. Он сопоставляет пути развития прозы в России и на Западе, находя истоки оригинальности творчества А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского в особом потенциале предшествовавшей им традиции – средневековых сочинениях, у «старых русских писателей»[167]. По его мнению, у русской литературы был «огромный заряд “духовности”, уходивший далеко в глубину веков»[168]. В качестве примеров, «заряжающих» своей энергией, Алданов приводит слова из «Поучения Владимира Мономаха», «Устава о скитской жизни» Нила Сорского, «Жития протопопа Аввакума». Впрочем, из сочинения Нила Сорского цитируются всего два фрагмента, но зато автор статьи выбрал те, в содержании которых проявлены заботливое сочувствие к человеку, искреннее сострадание, деликатная мудрость.

Алданов цитирует второй отдел «Устава…», а в нем, практически дословно, «Третий помысл – сребролюбия», направленный против страсти

наук. Владивосток, 2015. URL: http://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/2015/orlova/orlova-dissertacia.pdf; Пестерев С. К. Способы создания образа человека в малой прозе М. А. Алданова: диссертация на соискание ученой степени канд. филологических наук. Томск, 2017. 261 с.

[165] Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Саратовский гос. соц.-экон. ун-т. Саратов, 2011. 180 с.; Лагашина О. Марк Алданов и Лев Толстой: К проблеме рецепции. Таллинн: ТЛÜ КИРЯСТУС, 2010. 266 с.; Макрушина И. В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика / АН Респ. Башкортостан. Отд-ние гуманит. наук, Стерлитамакский гос. педагогический ин-т. Уфа: Гилем, 2004. 186 с.

[166] Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе / подгот. текстов и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 12. С. 165.

[167] Там же.

[168] Там же.

обогащения. Однако в алдановском воспроизведении текста Нила Сорского осуществлены незначительные замены некоторых слов (см. сравнительную таблицу).

Отрывок из статьи Алданова	Отрывок из Устава, изд. 1912 г.
«…Нил Сорский учил: “Не токмо же злата и сребра и имений ощаятися (избегать) подобает нам, но – и всяких вещей, *кроме нужныя* потребы… Истинное же *одоление* сребролюбия и вещелюбия – не точию не имети имения, но не желати то стяжавати”»[169].	«Не токмо же злата и сребра, имѣніи подобаетъ ошаятися намъ, но и всякыхъ вещеи, *развѣ нуждныа* потребы… Истинное же *отдаленіе* сребролюбіа и вещелюбіа не точию не имѣти имѣніа, но ни желати то стяжати»[170].

Это при том, что Алданов, используя исторические детали и чужие слова, был педантичным. Отмечая его точность в передаче любого факта, тем более исторического, А. А. Кизеветтер писал: «Здесь под каждой исторической картиной и под каждым историческим силуэтом вы смело можете пометить: “с подлинным верно”. Вы можете быть совершенно уверены в том, что здесь тщательно обоснована на исторических данных каждая самомалейшая деталь»[171]. И. С. Грабовски тоже высоко оценивала художественный принцип Алданова не изменять исторические факты: «Aldanov could not “invent”; everything he portrayed in his works had to have a firm basis in reality» («Алданов ничего не изобретал; все, что он изображал, имело непосредственную основу в реальности» (перев. с англ. наш. – *В. Ш.*))[172] Стилю Алданова не свойственна литературная игра, поэтому допущенные им неточности, скорее всего, вызваны ошибками памяти или отсутствием возможности свериться с каноническим текстом. В анализируемом фрагменте Устава греховным признается не столько богатство, сколько вожделение его. Неслучайно семантика глагола «стяжать» (*церк.* «стяжавати») актуализировалась в названии сторонников старца – «нестяжатели».

[169] Там же.

[170] Предание и Устав. [Сочинения] Нила Сорского / вступ. ст. М. С. Боровковой-Майковой. Санкт-Петербург: Тип. М. А. Александрова, 1912. С. 47.

[171] Кизеветтер А. А. Алданов. «Чертов мост» [Рецензия на книгу] Алданов М. Чертов мост. Берлин: Слово, 1925 // Современные записки. 1926. № 28. С. 477.

[172] Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. P. 3.

Героиню алдановского романа «Бред» Наташу, которая читает книги о нестяжателях, отличает отсутствие желания приобретать, добывать, умение довольствоваться малым, жить духовным. Человек слаб, быть «нестяжателем» ему нелегко. Та же Наташа, человек особенной нравственной чистоты, испытывает неловкость из-за своей бедности: «Все ее вещи были дешевенькие. Только французские духи были очень дорогие: подарок Шелля»[173]

Сам Алданов являлся выходцем из состоятельной семьи. Но в эмиграции финансовый вопрос оказался для него острым: «Печатаюсь, перевожусь, а между тем, только-только свожу концы с концами»[174]. О материальном положении Алданова и зависимости от гонорара после каждой литературной публикации было известно многим современникам. Е. Рогачевская писала, что «платили ему по более чем умеренным расценкам», «по нижней ставке»[175]. При всем этом Алданов, признавая наиболее важными духовные ценности, помогал деньгами друзьям.

Стоит заметить, что в тексте «Введения в антологию…» цитата из сочинения преподобного Нила приводится сразу за цитатой из «Поучения Владимира Мономаха», напоминавшего о необходимости соблюдения чести. Алданов, правда, несколько неточно цитирует этот фрагмент Поучения: «…Владимир Мономах, говоря о войнах, призывал русских воинов во время походов не “пакости деяти ни своим, ни чюжим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнут”»[176]. Алданов мог допустить опечатку в машинописи, воспроизводя фразу «не дайте пакости деяти»[177], но смысл изречения Владимира Мономаха сохранился.

---

[173] Алданов М. Бред Указ. соч. С. 467.

[174] Суражский Н. (Брешко-Брешковский Н. Н.). Четыре звена Марка Алданова (От нашего парижского корреспондента) // Для Вас. 1934. № 39 (22 сент.) С. 3–4 URL: http://www.russianresources.lt/archive/Bresko/Bresko_22.html.

[175] Рогачевская Е. Марк Алданов в журнале «Современные записки»: финансовые и творческие аспекты сотрудничества // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 106–107.

[176] Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе / подгот. текстов и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 12. С. 166.

[177] Поучение Владимира Мономаха // «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). Москва: Художественная литература, 1969. С. 154.

Для писателя особенно важен этот порядок высказываний учителей нравственности, понимающих слабости, но заботящихся о достоинстве человека.

В алдановской статье цитируется еще один отрывок из третьего отдела Устава – размышлений Нила Сорского «О памяти смертной и Страшном суде».

Отрывок из статьи Алданова	Отрывок из Устава, изд. 1912 г.
«Дым есть житие сие… Се бо зрим *в* гробы и видим *нашу* красоту безобразну и *без славы*… Зряще кости *обнаженны*, речем в себе: кто есть царь или нищ, славный или неславный? Где красота и наслаждение мира сего? Не все ли есть злообразие и смрад? И се *вся честная* и вожделенная мира сего отнюдь в непотребстве быша и яко цвет увядшее – отпадоша, и яко синь мимогрядет: тако *разрушится* все человеческое»[178].	«Дымъ есть житіе се… <…> Се бо зримъ *во* гробы и видимъ *созданную нашу* красоту безобразну и *безславну*… зряще кости *обнажены*, речем в себе: кто есть царь или нищь, славныи или неславныи? Гдѣ красота и наслажденіа мира сего? Не все ли есть злообразіе и смрадъ? И се *всечестная* и въжделѣннаа мира сего отнудь, в непотребство быша и яко цвѣтъ отпадоша увядше, и яко сѣнь мимо грядетъ, тако *раздрушіся* все человѣческое»[179].

Алданов заостряет внимание на провидческих способностях старца. Нил Сорский обладает особым духовным даром – видением событий и ситуаций со стороны, из будущего, видением отстраненным и объективным, потому он «несколько опередил свое время – и не только свое»[180].

По словам архимандрита Иустина (Полянского), бывшего с 1875 г. ректором Костромской духовной семинарии, «преимущественным предметом наставлений преподобного Нила служит сокровенная духовная жизнь. Но верно ли у нас думают, что сокровенная духовная жизнь относится только к отшельникам, скитникам? Нет и нет: это дело, необходимое и для всех – не только иноков, но и мирян православных, потому что все мы – в Крещении –

[178] Алданов М. Введение в антологию… Указ. соч. С. 166.

[179] Предание и Устав. [Сочинения] Нила Сорского / вступ. ст. М. С. Боровковой-Майковой. Санкт-Петербург: Тип. М. А. Александрова, 1912. С. 65–66.

[180] Алданов М. Введение в антологию… Указ. соч. С. 166.

умерли для жизни плотской и греховной, возродились в жизнь духовную, святую»[181].

Вопросами духовной жизни был обеспокоен и Алданов. Даже его принадлежность к масонству была, по словам М. Уральского, «не модной забавой или формой “полезного” общения, а духовным выбором»[182] . Для Алданова, пусть и неверующего, жизненно важными могли оказаться сочинения Нила Сорского, проницательно оценивавшего человеческие слабости и проявлявшего деликатную снисходительность к естественной порочности человека.

Одним из комментаторов алдановского трактата «Ульмская ночь» удачно определена формула, которая помогает прояснить не сам факт цитирования чьих-либо сочинений, а некое сверхзначение цитируемого: «Алданов не пытается уточнить, о чем думал Декарт в ульмскую ночь. Он вообще старается понять не то, что *сказал* Декарт, но то, что *сказалось* им»[183]. Хотя написано это о Декарте, в отношении Нила Сорского можно произнести то же самое: Алданову важно понять символическое значение жизни старца, то, как его деяния и слова преобразовали или могли преобразовать мир. Пусть «свет жизни» Нила Сорского остался только в литературе и истории монашества, – это благодатный неугасимый свет, необходимый человеку в ситуации экзистенциального выбора. Обращение эмигранта Алданова к древнерусской литературе в 1940-е гг. обостряет его чувство оторванности от корней отечества, поиск самосознания.

Размышления Алданова о судьбе и счастье человека, о его предназначении, о духовных основах жизни проявляются в каждом произведении: «Aldanov does not believe in the immortality of soul and he rejects the doctrine of compensation in after-life. Consequently, he believes that, to achieve happiness, man has to be able to achieve it here on earth» («Алданов не верит в бессмертие души и отвергает идею воздаяния в загробной жизни.

[181] Иустин, архимандрит. Вместо предисловия // Преподобный Нил Сорский. Устав о скитской жизни. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 4.

[182] Уральский М. Молодой Алданов // Новый журнал. 2018. № 292. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2018/292/molodoj-aldanov.html

[183] Федякин С. Комментарий к Алданову. Знаменитый писатель – и «маленький человек» // Независимая газета. 1996. 24 авг. С. 7.

Следовательно, он считает, что человек обладает возможностью достигнуть счастья здесь, на земле» (перев. с англ. наш. – *В. Ш.*))[184]. Таким, не скорбящим и унижающим, а окрыляющим человека, наполняющим его жизнерадостностью оказывается учение Нила Сорского.

В романе «Бред», опубликованном на английском языке в 1957 г. под заглавием «Nightmare and Dawn», проявляется образ духовного учителя XV века, старца Нила Сорского. Приметы наследия Нила Сорского у современников не обнаруживаются, они проявляются только опосредованно: во-первых, в изобретении его далекого потомка – советского ученого Николая Аркадьевича Майкова, придумавшего средство продолжения жизни, во-вторых, в интересе к религии и учительской литературе, который есть у другого вымышленного персонажа – Наташи.

Сам факт цитирования Алдановым фрагментов Устава свидетельствует о присущей творчеству писателя духовной напряженности, о личных терзаниях, о той борьбе, которую Алданов вел внутри себя. Более того, устойчивость алдановского внимания к идеям автора Устава, как и в целом интерес к деятельности старца, подтверждается тем, что в 1950-е гг., работая над романом «Бред», писатель обращается не только к трудам преподобного Нила, но создает вымышленного героя, унаследовавшего мирскую фамилию старца – Майков (Нил Сорский «происходил из боярского рода Майковых»[185]) и изобретшего средство продления человеческой жизни. Однако, если общество XV в. не стало жить по принципам, изложенным в «помыслах» Нила Сорского, заботившегося о спасении человеческой души, то общество XX в. оказалось не готово к принятию чудесного средства, продлевающего жизнь плоти, от профессора Николая Аркадьевича Майкова.

В романе «Бред» подтекст древнерусской словесности и, в частности, сочинений Нила Сорского используется автором как средство характеристики персонажей и как способ увеличения длительности художественного времени. Н. Н. Горбачева, анализируя романы Алданова, объясняла такое «взаимное

[184] Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. P. 72.

[185] Замалеев А. Ф. Интуиции русского ума: Статьи. Выступления. Заметки. Санкт-Петербург: Университетская книга, 2011. С. 84.

“врастание” текстов о прошлом и настоящем»[186] не интертекстуальной игрой, а тем, что «двойственная сущность и подлинное значение любого исторического феномена могут быть поняты только “в перспективе вечности”». «Историческое событие, – писала исследовательница, – “иррадиирует” в будущее не на год и не на десятилетия, но на века. Для Алданова век XX является не столько следствием, сколько “иссяканием энергии” предшествующих эпох»[187]. Неудивительно, что «Бред», один из последних романов писателя, воспринимается ею как роман-катастрофа, в нем «больной XX век знаменует собой начало заката человеческой эры»[188]. Таким образом, расширение хронотопа алдановского романа – это не обычный стилистический прием, а тенденция, связанная с пессимистическим мировидением Алданова. Но пессимизм Алданова не означает осознания мрачного и беспросветного бытия. Это своеобразное предчувствие трагического исхода человеческого бытия, уничтожения как пространства, так и времени. И. С. Грабовски объясняла это пессимистическим восприятием жизни: «The obsession with death is the most oppressive part of Aldanov’s philosophy» («Навязчивая мысль о смерти составляет наиболее тяжелую часть алдановской философии. Ее тень беспрестанно ужасает настоящее» (перев. с англ. наш. – *В. Ш.*))[189]. Главный герой романа, разведчик Шелль, сохраняет эту инерцию пессимизма, хотя неожиданно возникшая любовь заставляет его на время усомниться во власти лжи и смерти.

Имя Нила Сорского возникает в эпизодах, где изображаются видения Шелля и его путешествия в разных временах и пространствах, их герой называет «привычным бредом». В бред он погружается после приема галлюциногенного снадобья и всякий раз перевоплощается в графа Сен-Жермена. День, проходящий в ясном сознании, мучителен для Шелля. Тем не менее, он обдумывает возможность выполнения задания для американской разведки, осознавая, что предложенный план тайного вывоза из СССР ученого

[186]Горбачева Н. Н. XX век в прозе М. Алданова: постановка проблемы // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 1997. Вып. 3. С. 135.

[187] Там же. С. 136.

[188] Там же. С. 136.

[189] Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. P. 85.

Майкова смертельно опасен. Американской разведке Майков важен как изобретатель средства для продления жизни. Но Шелль узнает и другие ценные, неожиданные для него подробности: Майков является родственником Нила Сорского и когда-то до Второй мировой войны был знаком с Наташей. Судя по алдановскому повествованию, персонаж Николай Аркадьевич Майков не только сохранил фамилию своего далекого «предка», но и прекрасно знал о его духовной деятельности. Такую информацию о Наташе читатель узнает от повествователя: «Это она слышала до войны от Николая Майкова. “Он ведь из семьи Нила и все это знает”»[190]. Не случайно, наверное, что сама Наташа читает книги именно о времени жизни Нила Сорского и его деяниях. Шелль у Алданова – начитанный персонаж, он постоянно цитирует авторов на разных языках и вообще демонстрирует высокий уровень эрудиции и образованности. Возможно, те же книги о Ниле Сорском, что и Наташа, читал Шелль. Не случайно при общении с ней он вспоминает старца и даже в бреду произносит его слова. Имя преподобного Нила упомянуто и в кульминационной сцене бреда – в воображаемой беседе Сен-Жермена с Николаем Майковым. Руководствуясь содержанием этой «беседы», Шелль принимает решение не ехать в СССР и оставить Николая Майкова в покое. Художественное время романа из-за видений Шелля усложняется, в нем перемешиваются приметы XVIII и XX вв., в передаваемой психологической атмосфере совмещаются искренние побуждения и корыстные интересы героев.

Упоминания Нила Сорского и его трудов встречаются в эпизодах, связанных с другим главным персонажем, – Наташей. Она, русская по происхождению, в 1941 г. была вывезена в Германию. После освобождения из концлагеря Наташа училась в Белградском университете и писала исследовательские работы. Она много читала, изучала историю, в частности «писания нестяжателей», фокусируя свое внимание на Ниле Сорском. И этот интерес героини тоже относит читателя к событиям конца XV в. Увлечение Наташи средневековыми книгами на религиозные и монашеские темы удивляет Шелля: «Были истории русской церкви митрополита Макария и Голубинского… Было “Сказание о новоставшей ереси”, – Иосифа Волоцкого

[190] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 471.

она не любила, но это тоже был полезнейший труд для первой диссертации. <…> Основная ее диссертация была “О первых проявлениях русского социализма в писаниях нестяжателей”»[191].

Вторая диссертация, которую Наташа писала «по заданию» Белградского университета, была посвящена Ленину. Находясь на острове Капри, она хотела описать период жизни, проведенный Лениным в гостях у Максима Горького. Очевидно, что попасть на этот остров Наташа смогла только по инициативе своего возлюбленного. С пребыванием героев на Капри связана актуализация и другого исторического времени – периода правления императора Тиберия. Автор романа сопоставляет события разных времен: жизнь жестокого тирана Тиберия на острове (начало I в. н. э.) соотносится с недолгим пребыванием здесь Ленина (начало XX в.), что усиливает политический контекст романа. Это сопоставление – окончание царствования римского тирана и первые ростки агрессивной теории будущего российского тирана – создает нелицеприятную аналогию преемственности деспотичной власти в разные эпохи. Ленин на райском острове Капри словно подхватил эстафетную палочку Тиберия и, проделав кровавый путь, передал ее более жестокому и более коварному, нежели Тиберий, правителю новой Советской империи – Сталину.

Постараемся понять, чем, кроме как университетскими задачами, мог быть предопределен исследовательский выбор Наташи, читающей «сводную книгу о стригольниках, жидовствующих, нестяжателях и иосифлянах»[192]. О причинах усиления ее интереса к религии, истории монашества Алданов сообщает: «О том, есть ли вечная жизнь, Наташа сама думала часто, особенно с тех пор, как стала кашлять. К тому, что историк называл рационализмом стригольников и жидовствующих, у нее симпатий не было»[193].

Вместе с тем понятно, что за «интересом» к этой теме героини таятся знания и интерес самого автора. Конец XV – начало XVI вв. – сложное время и для русской государственности, и для русской церкви, когда, по многим поверьям, ожидался всеобщий хаос и конец света, происходит «расподобление

[191] Там же. С. 467.
[192] Там же. С. 471.
[193] Там же. С. 471.

государственности и церковности»[194] и первостепенное значение придается жизни «общества социоцентричной или антропоцентричной культуры»[195] Проще говоря, светский уклад жизни начинает вытеснять церковный, и происходит усиление внимания к личности – то, чего хотел бы Алданов. Но в его романе, наоборот, героиня, настрадавшаяся от безбожного общества, подумывает о духовном пути, затворничестве, о монастыре и предании себя церкви. Но этого возможного желания ее возлюбленный даже не допускает. Вспоминаются слова исследователя культуры той далекой эпохи: «Государственное и христианское в социоцентричной культуре уже не мыслятся как нечто неслиянно-нераздельное и постепенно становятся в оппозицию друг другу, что через несколько десятилетий реально отразится в возникновении псково-новгородских рационалистических ересей (“стригольников” и “жидовствующих”)»[196]. Таким образом, лежащий в подтексте романа Алданова пласт церковной истории, связанный с учением Нила Сорского, оказывается не раскрытым.

По тексту романа невозможно определить, чью именно «сводную книгу» читает Наташа. Труды известных историков (Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и др.) в повествовании Алданова не упоминаются. А потому соловьевская фраза о ереси, пришедшей в Новгород из Киева, названной им «смесью иудейства с христианским рационализмом»[197], не становится предметом осмысления Наташи. Но чтение этой «сводной» книги отразилось на ее эмоциональных предпочтениях – Наташа не приняла «безутешности» учения стригольников и жидовствующих: «Не могла понять, *что* эти люди предлагали, какое утешение, и зачем писать безутешные, безотрадные книги: “На что тогда их Аристотель и их звездозакония?..”»[198].

Человеческие качества, особенности воспитания и образования преподобного Нила привлекли внимание Наташи. Кроме духовного делания, Нил Сорский отличался и другими достоинствами, которые были

---

[194] Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск: Экономпресс, 2001. С. 200.

[195] Там же.

[196] Там же. С. 201.

[197] Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. (29 т.). Москва: Соцэкгиз, 1960. Кн. 3. (Т. 5–6). 815 с.

[198] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 471.

небезызвестны автору «Бреда». Как отмечает Е. В. Романенко, «привычка к постоянному “книжному учению”, точность и аккуратность в любом деле – эти яркие черты преподобного Нила были выработаны им, видимо, еще в годы дьяческой службы»[199].

В круг чтения Наташи попал труд Е. Е. Голубинского «История русской церкви», изданный в полном объеме в 1900-е гг. Отметим, что Голубинский, представитель так называемого критического направления церковной историографии, высказался в поддержку позиции Нила Сорского по вопросу устроения религиозного быта. Вероятно, проникнувшись учением Нила Сорского о монастырской жизни, в тяжелые минуты героиня думает о своем спасении в монастыре. В одном из эпизодов романа, едва допустив мысль о возможном предательстве возлюбленного, она переживает сильный стресс. Считая свою жизнь обреченной, героиня мысленно направляет себя в обитель – для покаяния:

«Наташа вдруг почувствовала сердечную боль. <…> У нее вдруг полились из глаз слезы. Уже через час после того она и понять не могла, что такое с ней случилось. Но теперь самые странные, самые неожиданные мысли вдруг ею овладели. “Неужто ошибка? Неужто все было ошибкой! <…> …Что же теперь делать? Уйти в монастырь!”»[200].

Однако она нашла причины отговорить себя от ухода: «В какой монастырь! Нет тут православных монастырей... И я люблю его…»[201].

Еще одним возможным предметом чтения Наташи мог стать историко-литературный очерк А. С. Архангельского[202]. Е. В. Романенко называет эту работу первым основополагающим трудом об эпохе и взглядах Нила Сорского: «Для “лучшей” части еретичества, по мнению Архангельского, были характерны критика внешней обрядности, стремление к внутреннему совершенствованию, большая духовность; этим они оказались близки к Нилу Сорскому, который “внешнеобрядовой религиозности и искусственным

[199] Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. Москва: Памятники исторической мысли, 2003. С. 7.

[200] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 644.

[201] Там же.

[202] Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: их литературные труды и идеи в Древней Руси. Санкт-Петербург: Тип. И. Вощинского, 1882. Ч. 1. 320 с.

приемам монашеского аскетизма противополагал евангельскую почву “духа и истины” и требовал внутреннего “умного” самосовершенствования”»[203].

Другая особенность учения Нила Сорского, к которой мог быть расположен Алданов, – это вера в лучшее, вера в силу любви, умение утешать. Именно поэтому морально больному, порочному Шеллю противопоставляется спасающая его и приподнимающая над суровой реальностью «тургеневская девушка» Наташа. Она умеет прощать, быть снисходительной: «Во-первых, я всех люблю… <…> А во-вторых, он хороший человек, хоть с недостатками, как все мы»[204]. О значительной разнице душ Наташи и Шелля читатель узнает только из внутренних монологов героя. Среди… классиков она особенно выделяет Тургенева, которого не любит Шелль: «Вот у них у всех, у Толстого, у Тургенева, у Чехова, есть и жестокое, но преобладает доброе»[205]. Она ценит Нила Сорского больше всех иных духовных наставников, мысленно называя его по имени, обращаясь к нему ласково, как к родному и близкому человеку, как к надежному отцу: «…она нежно любила нестяжателей, особенно Нила, который ушел на реку Сору от злообразия мира»[206] .

И как религиозная личность, и как духовный писатель Нил Сорский, безусловно, мог стать для Алданова учителем жизни. Преподобный «умной» молитвой достигает того, чего не может ни один герой Алданова, не может, к своей горечи, и сам автор – «любовь преподобного Нила исключает осуждение, хотя бы вытекающее из ревности о добродетели»[207]. Достигнуть молчания ума, его сосредоточенности в глубину сердечную – задачи в художественном мире алдановских произведений почти невыполнимые. Одной героине романа – Наташе – удается их выполнить: она обретает божественную радость, преодолевая думы о смерти. Но не узнает этой радости ее возлюбленный – Шелль: «Вспоминал самое страшное, самое постыдное в своей страшной и постыдной жизни. “Изменилась душа? Это бывает не чаще,

[203] Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. Москва: Памятники исторической мысли, 2003. С. 276.

[204] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 648.

[205] Там же. С. 660.

[206] Там же. С. 471.

[207] Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Москва: Московский рабочий, 1990. С. 173.

чем меняется пол!” – подумал он и, как с ним бывало прежде, почувствовал, что душа его пуста, пуста, совершенно пуста»[208].

Шелль фатально отравлен знанием человеческих страстей, тайных душевных механизмов, ему невозможно вытеснить все это из души, но ему повезло встретить Наташу, которая своей одухотворенностью развила в нем способность к самоочищению: «Главное для человека – приложиться к чему-нибудь, к семье, к службе, к карьере. Теперь приложился, и слава Богу... Вся моя жизнь была бред... всё бред. И то, что в мире происходит, тоже бред, как только они не замечают? И какой скучный»[209].

В финале романа Шелль становится более снисходительным к людям: «Сама Наташа – ангел. Полковник № 1 просто хороший человек, советский полковник тоже недурной, хоть полоумный…»[210]. Снисходительным (правда, на время) становится и еще один герой алдановского «Бреда» – полковник № 2, советский разведчик. Разумеется, если изменение Шелля можно связать с воздействием на него молодой одухотворенной жены, то перемены в полковнике не могут быть объяснены ни влиянием любимой женщины, ни религией, ни учением Нила Сорского, а только достигнутым успехом и принятым решением оставить службу. Но в том-то и дело, что, когда вместо успеха – провал, а вместо вожделенной генеральской пенсии грозит служебное наказание, снисходительность униженного полковника может легко превратиться в грубость, ведь у него нет той одухотворенности, которая свойственна Нилу Сорскому.

Но мягкость, снисходительность Нила Сорского не означают отсутствие внутреннего стержня. И кроткая любовь Нила не исключает мужественной борьбы за истину. О сильной воле, необходимой, чтобы отстоять душу в духовной борьбе, говорится в Уставе: «Несть убо добре еже всем человеком хотети угодно быти. Еже хощеши убо избери: или о истине пещися и умерети ее ради, да жив будеши во веки, или яже суть на сласть человеком творити и любим быти ими, Богом же ненавидимым быти»[211].

---

[208] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 665.

[209] Там же. С. 653.

[210] Там же. С. 664.

[211] Предание и Устав. [Сочинения] Нила Сорского. Санкт-Петербург: Тип. М. А. Александрова, 1912. С. 173.

Такая готовность к отстаиванию истины обрекала Нила и его учеников на скорбный путь. Но этот путь не стал причиной уныния. И Наташа, словно избегая признания горестей жизни, в финале романа читает «Шестый помысел уныния» Нила Сорского: «Лют сей дух и тяжчайши есть, съпряжен сущь и споспевающи духу скорбному, – читала об унынии Наташа. – В безмолвии сущем сиа рать зелне належит. Егда волны оны жестокыя въстанут на душу, не мнит человек в той час избавление от сих приати когда... Яко же бо и той злолютный час не мнит человек, яко претерпеть ему в подвизе жительства благаго, но вся благаа мерзостна показует ему враг...»[212].

В сочинении Нила Сорского «О восьми главных страстях и победе над ними» в части «VI. Против духа уныния» сказано:

«Лют сей дух – дух уныния; а совокупляясь с духом скорби и чрез него подкрепляясь, он становится лютее и тягостнее. Он нападает с наибольшею силою против живущих в безмолвии. Когда воздвигнутся на душу жестокие волны уныния, человек теряет надежду видеть конец их... <…> Как в злолютый оный час человеку представляется невозможным пребывать долее в своем месте, в своем устроении и деле, враг все, даже самое доброе показывает ему в виде отвратительном…»[213].

Наташа, читая этот фрагмент и вспомнив о своей болезни, пришла к выводу: «Как верно, как хорошо! Так и буду жить, не поддаваясь, и не будет злолютного часа...»[214].

В романе Алданова Наташа пишет исследование о стригольниках и нестяжателях, но учение старца настолько проникает в ее впечатлительную натуру, что заряжает ее энергией, придает воодушевленное настроение и определяет благожелательное поведение. Об этом свидетельствует внутренний монолог Наташи: «О чем я думала? Да, что я теперь для себя ничего не могу желать и не желаю: лишь бы всё было так, как теперь, только совсем выздороветь, больше ничего. И людям, всем людям, желаю того же: чтобы никто не знал нужды, чтобы не было неизлечимо больных, чтобы никто из-под кнута не работал на подземных заводах, чтобы везде были сады и вот

[212] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 667.

[213] Нил Сорский. О восьми главных страстях и победе над ними. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2346

[214] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 667.

такие дома отдыха, книги, добрый труд и, главное, чтобы у каждого был любимый, нежно любимый человек, как у меня. Это и будет жительство благое...»[215] .

От исследовательского интереса к наследию Нила Сорского Наташа приходит к вселенскому желанию добра, счастья и любви, а испытание ее любви – это чувство к весьма противоречивому Евгению Шеллю, который неожиданно для самого себя меняется в лучшую сторону.

В отличие от всех персонажей алдановской прозы, образ Наташи – это образ человека верующего и совершающего добрые поступки. Один из ее внутренних монологов говорит о твердости духа, помогающего ей преодолевать страдания, сомнения в людях, переживать «припадки»: «Ничего хуже прошлого случиться не может. Бог меня не забудет и все мне зачтет!»[216]. Наташа уже видела опустошающий ужас мировой войны, но у нее сохранились силы верить в лучшее, силы любить, создать семью, желать новой счастливой одухотворенной жизни.

Как добросовестный исследователь, выполняя учебные задачи, она читает труды историков русской церкви и монашества. До войны она только слышала от Николая Майкова, что «к восьми главным человеческим порокам Нил Сорский причислял печаль и уныние»[217]. Теперь же сочинения преподобного Наташа открывает и тогда, когда решает укрепить свою жизнерадостность. В алдановском повествовании сочинения Нила Сорского «Предание» и «Устав скитской жизни» упоминаются как части одного издания: «Так и теперь Наташа прочла несколько страниц из книги, остановилась на цитатах из “Предания и устава”, и ей стало еще радостней»[218]. Книгу героиня читает не от тоски, а в предвосхищении радости.

Таким образом, соотнося последствия распространения еретической точки зрения, к которым пришло общество половину тысячелетия назад, с катастрофичным характером жизни человека в середине двадцатого столетия, автор связывает аксиологические проблемы разных времен. Во многом учение стригольников выступило разрушителем гармонии средневекового

[215] Там же.
[216] Там же. С. 456.
[217] Там же. С. 471.
[218] Там же.

верующего человека, оказалось попыткой персонализации, отделения личности от целого. Более того, оно появилось во время острого переживания грядущего конца света: «Важен тот факт, что в конце XV столетия ожидание “конца миру” было для самых широких слоев русского общества»[219].

«Безутешностью» было наделено и все мировидение Марка Алданова. Оно объясняется не столько эмигрантским феноменом, сколько состоянием настрадавшегося в XX в. гражданина России – обманутого обстоятельствами и подавленного ужасом исторических событий. «Aldanov is overwhelmed by a constant horror of death which to him becomes the embodiment of the infinite evil existing in this world» («Алданова потрясает постоянный ужас смерти, который для него становится воплощением огромного зла, существующего в мире» (перев. с англ. наш. – *В. Ш.*))[220]. Образы его мрачных персонажей (Ламор в тетралогии «Мыслитель», Браун в трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера») – это образы людей, зачастую не нашедших поддержки, разочарованных в религии, в возможности нравственного усовершенствования. Вот и главный герой «Бреда» – шпион Евгений Карлович Шелль, человек, вынужденный жить в постоянной лжи, с «острой неврастенией»[221].

В подтексте романа остаются и скрытые от посторонних поступки Шелля, человека азартного, любящего острые ощущения и, возможно, способного на убийство, ведь не случайно Наташе до свадьбы казалось, что он мог быть «страшным» и вызывать «безотчетную тревогу»[222]. Душа Шелля – это душа разочарованного интеллектуала. Полковник американской разведки, предлагающий работу Шеллю, весело замечает: «В старых романах о вас было бы, верно, сказано, что вы “человек с опустошенной душой”»[223]. Душа Шелля наполнена ложью. Даже в отношении к женщинам, до встречи с Наташей, Шелль пользовался услугами легкодоступных красоток (две недели он был

[219] Переверзенцев С. В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии: монография. Москва: Вече, 2019. С. 232.

[220] Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. P. 85.

[221] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 644.

[222] Там же. С. 463.

[223] Там же. С. 417.

«влюблен» в Эдду) и воспринимал себя всего лишь любовником, более того, свою поездку на Капри обосновывал желанием соблазнить Наташу. Он, человек необыкновенных способностей, ума, прозорливости, точных и справедливых оценок, настолько долго являлся агентом нескольких разведок, настолько далеко запрятал историю своего происхождения, свое настоящее имя, настоящие чувства и мысли, так долго говорил на нескольких европейских языках, что даже боится признаться себе, что он русский и родом из Петербурга. Но именно ангельски чистой Наташе, подавить душу которой оказались не властны ни большевики, ни нацисты, ни страдания, связанные с ними, – такой Наташе, которую он встретил впервые в жизни, Шелль боится открыть даже самую малую часть себя. Наташа боится допустить мысль о возможном обмане: «Правда лишь то, что он никогда о себе не говорит»[224]. Он слишком ценит свободу и возможность сохранить личность от чужого взгляда, от чужого влияния. Не случайно Шелль так любит отмечать тлетворное, на его взгляд, воздействие Достоевского на читателей: завороженные, они попадают во власть его идей и образов. Ф. М. Достоевский – один из духовных ориентиров человечества, но алдановский герой относится к автору «Идиота» свысока по причине особой заразительности и влиятельности его творчества. Эту черту персонажа Н. Н. Горбачева называет «патовой», не дающей возможности сделать ход, ведущий в будущее: «Отказ XX века от культурных ценностей и нравственных ориентиров прошлого обозначен также в отчетливом пародировании классического сюжета (игра на “снижение” в проблемы и сюжетные положения “Преступления и наказания” Ф. Достоевского)»[225].

С точки зрения Алданова, бред, который создает человечество в двадцатом столетии, оказывается непреодолимым; спасительного пути, очищающего сознание человека и возвращающего его к разумной трезвости, не обнаруживается. Рационализм ереси XV в. ничего, кроме безотрадности существования, не несет, рационализм XX в. оказывается способен довести цивилизацию до самоуничтожения ядерным оружием. Интересно, что

[224] Там же.

[225] Горбачева Н. Н. XX век в прозе М. Алданова: постановка проблемы // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 1997. Вып. 3. С. 137.

современный исследователи показывают, насколько была важна деятельность русских книжников, работы которых изучает алдановская Наташа. Ощущая атмосферу конца света, они не впадают в панику, а наоборот, понимают мессианскую роль России: «…продолжая традицию предшествующих русских мыслителей, стремящихся понять место России во всемирной истории в контексте Божиего Промысла, русские книжники уже на рубеже XV–XVI вв. по-своему и совершенно оригинально переосмыслили важнейшие эсхатологические христианские учения… <…> Если гибель “Нового Рима” не связывается с “концом мира” или воцарением антихриста, то значит, что Русь может принять на себя исполнение миссии вселенского православия, которую к этому времени Византия уже утеряла»[226]. Наташа становится для Шелля спасительницей, ее миссия – в спасении этого авантюриста, символизирующего страшный бездуховный XX в.

Именно потому так важен подтекст романа, формируемый отсылками ко времени жизни Нила Сорского: позиция старца, которого так любит Наташа, выглядит спасительной, его «созерцательное настроение»[227] по своему характеру жизнеутверждающее, и через это настроение героиня романа обретает противодействие печали и унынию.

Таким образом, аллюзии на сочинения Нила Сорского и его эпоху, проявление в тексте романа еще более древней истории – правления Тиберия – дают возможность Алданову существенно расширить контекст прошлого, каким бы трагичным и мрачным оно ни было. Но культурный контекст современности, напротив, сужается и мельчает.

Среди иных причин, побудивших Алданова обратиться к наследию Нила Сорского, могло быть особое отношение старца к свободе и проблеме власти. Алданов из-за желания быть свободным эмигрировал и впоследствии анализировал творчество писателей старшего поколения с точки зрения их отношения к свободе; по степени независимости мысли и поведения он выделял только А. И. Герцена и Л. Н. Толстого. По Алданову, отношение к свободе русские писатели могли формировать и под воздействием такой

[226] Переверзенцев С. В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии: монография. Москва: Вече, 2019. С. 232.

[227] Смолич И. К. Великий старец Нил Сорский // Путь. 1929. № 19 (ноябрь). С. 60.

свободолюбивой и тем самым совершенно не характерной для средних веков позиции Нила Сорского, очень метко об этом сказано у исследователя еще в XIX в. «Через все воззрения Нила Сорского проходит одна общая идея – идея свободы. <…> В воззрениях Нила открываются для русской мысли начала живой деятельности, начала более свободного и разумного развития русского народа»[228] .

Этот особый в отношении к свободе высокий статус Нила Сорского отмечают разные исследователи: преподобный Нил был «предшественником вольнолюбивого течения русской интеллигенции»[229]; «от всей его личности веет необычайной духовной свободой»[230]; «все направление, идущее от Нила Сорского… свободно от… церковно-государственной идеологии…»[231]. Интуитивно и сам Алданов, и его герои тянутся к подобному пониманию свободы, однако глубокого постижения учения Нила Сорского у них не происходит, остается только эстетика чувства, вера не обретается.

Алданову всегда были интересны яркие, неординарные для своего времени личности, с независимыми суждениями и даже не вполне понятными поступками. И персонаж «Бреда», Шелль, – тоже образ человека оригинального, который называет себя «разведчиком-психологом»[232], изучающим личность человека. Шелль в первую очередь представлен читателю как скептик по отношению к модному в Европе экзистенциализму (идеями его якобы увлечена любовница Шелля – Эдда), во вторую – как непримиримый антибольшевик; можно только догадываться, при каких обстоятельствах он покинул Россию, если его брат оказался в подвале Лубянки, в «Корабле смерти». Шеллю открывается духовная связь, устанавливаемая через половину тысячелетия: связь между деятельностью Нила Сорского и делами его родственника – советского ученого Майкова. Майков изобретает средство для продолжения жизни вопреки всем

[228] Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. Часть I // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1881. Январь–Март. Кн. 1. С. 33.

[229] Бердяев Н. А. Русская идея. Париж: YMCA-PRESS, 1971. С. 11.

[230] Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Ленинград: Эго, 1991. Т. 1. С. 60.

[231] Там же. С. 51.

[232] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 416.

обстоятельствам, но в условиях внутренней свободы, той духовной свободы, в которой пребывал когда-то его давний родственник – Нил Сорский.

Сюжетные линии других героев оканчиваются печально и даже трагично. На этом фоне мечты Шелля и Наташи, пусть ненадолго, но выглядят исполнимыми, их воплощение выстрадано и одухотворено: «Нет, все это не так, Петр Ильич, – мысленно отвечал он Чайковскому. – Через все авантюры прошел граф Сен-Жермен и попал в тихую пристань… Вы ошибаетесь, Петр Ильич, есть в жизни радости, и большие, и малые. Быть может, есть даже счастье»[233].

Вера Нила Сорского дает этим алдановским персонажам силы бороться с унынием, а победа в такой борьбе могла бы их сделать целостными, убедительными.

Главные герои у Алданова, причем как вымышленные (Ламор, Браун, Лейден, Штааль), так и исторические (Байрон, Ломоносов, Суворов), зачастую ощущают свое одиночество. Но оно не возводится в культ, персонаж его не лелеет, напротив, он ищет средства, чтобы избыть уныние, но часто не находит этих средств. В целом в творчестве Алданова сильно выразились симптомы болезни умного, совестливого, доброго человека, который расположен к традиции, но не находит опоры в религии, ощущает катастрофу будущего. В возможности преодолеть уныние с помощью сокровенного слова Нила Сорского и есть та скрытая искра, которая способна вызвать горение души.

Алданов писал роман «Бред» в то время, когда человечество с ужасом ожидало новой мировой войны – атомной, способной вмиг уничтожить сотни тысяч человек. Изобретение атомной бомбы и применение ядерного оружия в Японии глубоко потрясли писателя. Мысли о последней войне человечества, которая может начаться в любой момент, не покидали его со времени бомбардировки японских городов. Это запечатлено во многих письмах. Так, Алданов пишет Я. Г. Фрумину 10 августа 1945 г.: «События меня потрясли. Я совершенно растерян атомной бомбой. <…> Об атомной бомбе. Кстати, она потрясла больше, чем война и революция 1917 года»[234]. Позднее этот период

[233] Там же. С. 668.

[234] «Они служили своим идеям, и служили им с честью…» (Из политической переписки М. Алданова)// Октябрь. 1996. № 6. С. 129.

истории назовут началом «холодной войны». Почти 5 лет спустя, уже находясь во Франции, Алданов в письмах снова проявляет свою одержимость ужасом возможной войны. Так, 15 июля 1950 г. он пишет Погребецким: «Если войны не будет… Если же война будет…»[235]; 4 декабря 1950 г. – А. И. Погребецкому: «Если война начнется до 12 января (такая возможность не исключается), то все пароходы или места на них будут немедленно реквизированы, и мы тогда окажемся в западне»[236].

Смысл сочинений Нила Сорского в романе Алданова предельно актуализируется, но воспринимается его персонажами по-разному. Наташа интуитивно ощущает внутреннюю потребность в учении старца, чье слово приобретает спасительный характер, убеждая ее в необходимости веры. Шелль, напротив, относится к вере и исследовательскому интересу Наташи как к признакам ее чудаковатой, но милой русской натуры; все это его не отталкивает, но заставляет задуматься, остановиться на грани безысходного отчаяния.

Духовные искания героев Алданова внешне схожи с религиозным чувством, но на мировоззренческом уровне самого автора эти метания души отвергаются, разум и память не позволяют достичь жизнерадостности, остается ощущение оставленного, брошенного человека – весьма трагичное состояние и для нашего времени. Алданову импонирует отношение Нила Сорского к человеку, снисходительность и понимание причин греховности. Персонажи писателя пытаются найти утешение в учении старца, найти способы обретения спасительной целостности.

Благодаря включению в повествование рефлексии о сочинениях и подвижнической деятельности Нила Сорского текст Алданова приобретает черты, обогащающие жанр политического романа историческими и провиденциальными, эсхатологическими мотивами. Это обстоятельство дает повод не согласиться с И. С. Грабовски, назвавшей роман «Бред» «probably the weakest work by Aldanov» («Возможно, слабейшим

[235] «…Интерес к вам есть…» (неосуществленные проекты поездки М. А. Алданова в Израиль и его издания на иврите). Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. Т. 6. С. 247.

[236] Там же. С. 259.

произведением Алданова» (перев. с англ. наш. – *В. Ш.*)[237]. В данном тексте Алданов не изменяет принципам добросовестного исторического романиста, но вместе с тем сохраняет статус вдумчивого аналитика общества, который в художественных образах запечатлевает психологию современников. Более того, он становится публицистом, выражающим злободневную обеспокоенность судьбой человечества, философом, осмысляющим трагичные следствия человеческого прогресса. В романе «Бред» автор использует и другие художественные приемы, которые поднимают его над уровнем обычной беллетристики, насыщая хронотоп историческими и общекультурными событиями.

В данном произведении Алданов обратил внимание на изменение сознания и сдвиги в поведении общества разных эпох – Средневековья и современного ему XX в. События русской революции 1917 г., по поводу которых традиционно рефлексировал писатель, ушли из центра повествования и выступили подспудно, но по-прежнему оставались основой российских и мировых трагедий. Мировоззренческий кризис человечества в XV столетии не мог привести к мировой войне, но идейные брожения марксистов вылились в российскую революцию, обострили межклассовые, национальные и этнические противоречия во всем мире.

Если говорить в целом о значении наследия Нила Сорского в творчестве Алданова, то можно привести некоторые аналогии и высказать несколько обобщающих заключений.

Обращение Алданова к наследию Нила Сорского в 1940-е гг. не отразилось в его критических и художественных текстах. Реконструировать факт этого обращения оказалось возможным благодаря статье «Введение в антологию…», обнаруженной А. А. Чернышевым в Бахметевском архиве Колумбийского университета. Это свидетельствует о том, что тема Нила Сорского для Алданова не только не была случайной, но и развилась в самостоятельную сюжетную линию послевоенного политического романа.

Имя Нила Сорского как носителя особого учения, как символ деликатного отношения к человеку запечатлевается в российской истории в

[237] Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. P. 26.

эпоху кризиса. Алданов вспоминает имя старца в самый разгар Второй мировой войны, а затем в 1950-е гг., остро чувствуя возможность третьей мировой войны, которая стала бы, по сути, концом человеческой истории.

Впервые образ преподобного Нила воплотился Алдановым в тексте статьи, но ей суждено было пролежать в архиве более полувека. Второй раз образ старца приобрел художественное воплощение в романе «Бред». Алданов не создал образ исторического героя, как это часто делал в своих предыдущих романах, но показал, как идеи, слова подвижника воспринимаются современниками. Герои романа Николай Майков, Наташа приближаются по своей нравственной направленности к Нилу Сорскому, преодолевают трагический пафос бытия. Наташа следует этическим принципам старца, о нравственной основе ее жизни задумывается Шелль, и это наводит на мысль о возможности нравственного и счастливого продолжения их жизни. Благодаря учению Нила Сорского в романе «Бред» – едва ли не впервые в алдановском творчестве – раскрыта тема духовного преображения.

На примере обращения Алданова к наследию Нила Сорского видно, насколько устойчивым был интерес писателя к древнерусской литературе и даже к церковной литературе. Рецепция доклассической литературы в произведениях Алданова соединяется с рецепцией русской классической литературы XIX в., ценность древнерусского слова оказалась воспринята им в поздних произведениях. Если же говорить в целом о рецепции Нила Сорского в литературе русского зарубежья, то на ее фоне алдановское обращение к наследию подвижника выглядит уникальным: других видов такой рецепции в художественных текстах зарубежья нами не обнаружено. В свою очередь, это наблюдение показывает эрудицию Алданова, свидетельствует об избирательности его читательского вкуса, но также позволяет предположить о том, какие его знания древнерусской литературы оказались за рамками художественного творчества. Духовная потребность в чтении подобных сочинений представляет собой знак особой литературоцентричной ментальности и говорит о глубоком патриотизме читающего.

2.2. Протопоп Аввакум в публицистике и художественной прозе Алданова

Для понимания рецепции Аввакума в литературе XX в. важны разные комментарии. Писали, что в начале XX в. протопоп Аввакум становится актуальной фигурой «неожиданно»[238] и, напротив, что появление аввакумовской темы, с “пророческими” откровениями, естественно в условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны[239]. У Алданова обращение к Аввакуму происходит тоже в связи с осознанием фактов российской истории. Но слово автора «одного из самых интересных и своеобразных произведений русской литературы XVII в., созданного в переломную эпоху развития русской культуры»[240], приобретает особое звучание в текстах Алданова.

В публицистической книге «Армагеддон», из-за запрета большевиков, изданной несколько десятилетий спустя[241], Аввакум называется предтечей Владимира Ленина. Для показа отрицательных черт Аввакума Алданов использует его же уничижительную фразу: «Ни ритор, ни философ, дидаскальства и логофетства не искусен, простец человек и зело исполнен неведения»[242]. Позднее в очерке «Советские люди (в кинематографе)» это высказывание будет применено при характеристике «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Изысканная риторика гнева, которой искусно владел «вождь мирового пролетариата», словно позаимствована из сочинений Аввакума: «Совершенно так же честил Аввакум ученика, который как-то пошел против его воли: “Не помышляй себе того, дурак, еже от Бога тебе, кроме покаяния, помиловану быти… Да придет на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжет тя огнь яко содомлян, аще не зазришь души своей треокаянной! Кайся,

---

[238] Базанов В. Г. «Гремел мой прадед Аввакум!» (Аввакум. Клюев. Блок) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. Москва: Наука, 1976. С. 338.

[239] Розанов Ю. В. Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 438.

[240] Демкова Н. С. Предисловие // Житие протопопа Аввакума. Санкт-Петербург: Наука, 2019. С. 8.

[241] Алданов М. А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. Москва: НПК «Интелвак», 2006. С. 5–112.

[242] Там же. С. 62.

трехглавый змий, кайся, собака дура!”»[243]. Алданов приводит неполную цитату из «Письма к Алексею Копытовскому»[244], воедино собирая ругательства, которые создают обманчивое впечатление, будто Аввакум ненавидел своих учеников. В процессе написания «Армагеддона» Алданов мог обратиться к нескольким редакциям «Жития…» Аввакума[245], но цитирует так называемый «дружининский» автограф. И даже при таком деликатном цитировании он допускает грубую контаминацию образов Ленина и Аввакума. Удивительно то, что Алданов не почувствовал и другого. В «“Книге толкований и нравоучений”… Аввакум рассуждает не только о скором конце света, но и… о том, как никониане подготавливают приход антихриста в мир»[246]. Эсхатологические настроения двух авторов были очень близки. Алданов предвидел, как европейскую цивилизацию влечет за собой в темное будущее «колесница Джагернатха»[247], но его мировоззрение облекается в эстетические формы и символы («дракон», «колесница»), тогда как сознание Аввакума полно религиозного смысла.

В сборнике «Огонь и дым» Алданов использует сведения из биографии Аввакума, чтобы создать образ Ленина-«раскольника»: «Да, он раскольник. Или вернее, в нем есть и раскольник. В душе Ленина живет подлинная жгучая ненависть к старому миру. Он ненавидит и презирает все проявления буржуазной цивилизации…»[248]. Но Ленин – это влиятельный лидер. Влиятельностью отличался и его знаменитый предшественник, например, о необычайной силе воздействия Аввакума на окружающих в Пустозерске писали так: «К Аввакуму, как к пророку, стекались массы, жаждущие чудес и

[243] Там же. С. 63.

[244] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Москва: Гослитиздат, 1960. С. 237.

[245] Демкова Н. С. Предисловие. Указ. соч. С. 6–7.

[246] Сочива Т. А. Апокалиптические мотивы в «Книге толкований и нравоучений» протопопа Аввакума Третьи Мяндинские чтения: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции, 8□9 июля 2015 г., г. Сыктывкар / отв. ред. Т. Ф. Волкова; ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина». Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 45.

[247] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 112.

[248] Алданов М. А. Огонь и дым. Париж: Изд-во «Франко-русская печать», 1922. С. 75.

исцелений»[249]. Ленин же в очерках этой книги представлен более опасным, чем Аввакум, потому что он «знаток гражданской войны, ее законов и психологии», у него хищная натура[250]. И все же позиция Алданова в отношении Аввакума очень неожиданная: протопоп, отстаивающий традиции старого церковного уклада, вносится им в список тех исторических героев, которые препятствовали естественному развитию жизни, именно потому в их деятельности критик видит предвестие большевизма. Так, в очерке «Третий Рим и Третий Интернационал» притягательность коммунистических идей Алданов объясняет бунтарской удалью русских вождей: «Здесь уместно помянуть Ткачева, Нечаева и Аввакума, Гришку Отрепьева и Стеньку Разина, и многих других»[251]. Аввакум указан в перечне удалых бунтовщиков. В последующих литературно-критических статьях и художественных произведениях Алданов не станет корректировать эту эмоциональную мысль, и Аввакум как «фанатик» навсегда окажется в его «черном» списке.

К образу и творчеству Аввакума также обращались Д. С. Мережковский, М. А. Волошин, А. И. Несмелов, М. М. Пришвин, М. А. Кузмин, другие писатели. Важный этап развития рецепции Аввакума в русском зарубежье связан с именем Д. П. Святополк-Мирского. Так, в 1924 г. в Англии вышла книга переводов «Жития», которую Мирский сопроводил восторженным предисловием. Однако К. В. Мочульский эту оценку воспринял прохладно: ему показалось, что в преклонении перед Аввакумом прослеживается неприятная тенденция литературы эмиграции: «намечающаяся реакция против художественного канона XIX века»[252]. Пользу от открытия Аввакума критик не оспаривает, но горестно замечает: «В настоящую минуту Аввакум нам, пожалуй, нужнее Толстого – но будет ли он нам нужен завтра – это покажет будущее».

---

[249] Соколов А. Н. Православная Церковь и старообрядчество. Нижний Новгород: Кварц, 2012. С. 277.

[250] Алданов М. А. Огонь и дым. Указ. соч. С. 76.

[251] Там же. С. 103–104.

[252] Мочульский К. В. [Рецензия] The life of the Archpriest Avvakum by himself. Translated from the seventeenth century Russian by Jane Harresson and Hope Murrlees with a preface by Prince D. P. Mirsky. London, 1924 // Звено. 1925. № 117. 27 апр. URL: https://religion.wikireading.ru/102685

Мирский свое понимание Аввакума и значение его для литературы изложил в нескольких работах, самая известная – «О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка)»[253]. Образ Аввакума создается Мирским в рамках его евразийской трактовки истории русской литературы. В частности, он говорит о том, что «…в допетровской Руси не было литературы, т. е. не то что совсем не было, но не было в том смысле, как у нас есть со времен Ломоносова... Не было литературы как особой, необходимой, автономной отрасли национальной культуры, со своей непрерывной развивающейся традицией… Только строго необходимые вещи писались вновь…»[254]. Интересно, что Мирский обращает внимание на особые исключения из этого стиля, «с однообразной устойчивостью» просуществовавшего до конца XVII в., когда его «сменил стиль новый, Киево-Могилянский»[255]. Это и отдельные повести, ставшие настоящим событием словесности, и «литовское модничанье Курбского, и великолепная ирония царя Ивана Васильевича». Алданов в статье о вековом заряде русской духовности тоже выделил несколько личностей и их текстов, а в других публикациях отзывался о повести о Савве Грудцыне.

Но евразийский подход Алданову, конечно, был чужд. Вместе с тем и разобраться столько глубоко в нюансах культуры и истории, чтобы понять глубину литературного значения Аввакума он вряд ли мог. Аввакум для Алданова – гениальный писатель и бунтарь-варвар, человек, в котором совмещаются удивительные черты. Но именно такие удивительные люди и притягивали Алданова. Алданов вписывает Аввакума в политическую историю, историю идей. У Мирского понимание этой фигуры и филологическое, и человеческое: «Сильные места “Жития” действуют не одним стилем, а глубокой внутренней правдой и заразительным чувством…»[256]. Аввакум освободил русский язык от стертых клише, сохранив сами тексты. Вместе с тем Мирский отмечает, что созданный Аввакумом новый литературный язык, со свежими московскими, народными оборотами,

[253] Мирский Д. О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка) // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 338–350.

[254] Там же. С. 341.

[255] Там же. С. 342.

[256] Там же. С. 345.

тот самый язык, который своим красочным варварством восторгал и возмущал Алданова, оказался невостребованным: «Из-за особых условий развития русской культуры пример Аввакума пропал для современников и ближайшего потомства. Книжный язык, да еще не московский, а новый, киевский, остался победителем и от него пошла традиция Ломоносова, Карамзина, Пушкина»[257]. В целом Аввакум Мирским понимается как «самобытный русский гений», который впервые для литературных целей применил русский язык[258]. В книге Мирского есть целая глава, связанная с протопопом: «Конец старой Московии: Аввакум». Естественно, Мирский обращает внимание на известную сторону Аввакума: его особый подвиг – подвиг раскольника, бунтаря, проявление небывалой мужественности: «Он пламенный и твердый боец, настоящий враг и настоящий друг»[259]. Мирский оценивает сочинения Аввакума и с эстетической стороны, ведь в его творчестве претворилось много того, что достойно создания новой традиции: «Аввакум – великий художник слова, и каждому русскому писателю есть чему у него поучиться»[260]. Но традиции этой не было суждено появиться. По логике книги Мирского, если бы не упрямство Аввакума и не последовавшие испытания, он бы написал что-то еще более выдающееся, чем послания и «Житие».

Но вскоре в другом издании Мирский даст возможность Аввакуму заговорить иным голосом. В 1926 г. журнал «Версты» опубликует «Житие протопопа Аввакума», переписанное рукой А. М. Ремизова, в сопровождении его же примечаний. Этот новый текст был составлен на основе трех ранее известных редакций жития и переписан поморским полууставом. Ремизову Аввакум был близок как личность и творец. В его художественном сознании протопоп Аввакум тоже стал образцом героя, пожертвовавшего жизнью за убеждения. В зарубежье интерес Ремизова к Аввакуму только усилился, и благодаря идее редакции «Верст» он претворился в своеобразное «продвижение» «Жития». Позднее герой ремизовского произведения увидит себя последователем протопопа Аввакума и даже «отправится» с ним в

[257] Там же. С. 347.

[258] Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2005. С. 31.

[259] Там же. С. 75.

[260] Там же. С. 75.

ссылку: «Я никогда не скрывал своей привязанности к протопопу, даже когда протопопа в Сибирь загнали, и стало выражать к нему свои чувства опасно, и в спорах всегда я защищал наш природный русский язык его проповедей» («Царский венец» из кн. «Пляшущий демон», 1949)[261]. Более того, он станет очевидцем казни своего «духовного наставника, любимого протопопа Аввакума»[262]. Ремизов настолько высоко оценивал оригинальный слог Аввакума, что в книге «Подстриженными глазами», насыщенной аввакумовскими аллюзиями и реминисценциями, склад речи его жития он противопоставит даже стилю «Слова о полку Игореве», который назовет «невылазно-книжным». В «Мерлоге» целая глава будет отведена Аввакуму. «Ремизов, как Марина Цветаева, идентифицировал себя с бунтарями – Аввакумом, Разиным и Пугачевым, которые играли ключевую роль в русской истории и становлении национального самосознания в поворотные, связанные с насилием периоды, знаменовавшие собой переход от церковной культуры к светской»[263], очевидно, что между Ремизовым и Аввакумом обнаружилась бунтарская связь. Алданов же в начале своего творчества был ярым противником подобных мятежников, его либеральное сознание могло принять только золотую середину.

Вероятно, что Алданов, восхищавшийся языком Пушкина и языком Аввакума, не увидел этого противоречия: разной природы происхождения гения каждого из этих писателей. Каких-либо свидетельств алдановского прочтения евразийских работ Мирского нами не обнаружено, хотя сомнений в том, что Алданов читал критические работы Мирского, быть не может.

Отметим другой аспект рецепции Аввакума в зарубежье. Стихотворные переложения «Жития» были сделаны современниками Алданова. Мережковский изображал страдающего и смиряющегося протопопа, Волошин – страдальца за Христа и веру, Несмелов – сильный характер,

[261] Ремизов А. М. Огонь вещей. Москва: Советская Россия, 1989. С. 293.
[262] Там же. С. 294.
[263] Слобин Грета Н. Проза Ремизова. 1900–1921. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. С. 50.

противопоставленный «измельчавшим» потомкам[264]. Но поэтический образ Аввакума Алданова не мог заинтересовать.

Остается открытым вопрос о влиянии на алдановскую рецепцию восприятия Аввакума русскими классиками XIX в. По наблюдениям Е. А. Маймина, идеолог-Аввакум Толстому был не интересен, но его высказывания, меткие, образные, тщательно отбирались писателем для своих будущих произведений; выписки, сделанные Толстым из сочинений протопопа Аввакума, «являются некими стилевыми образцами»[265]. Для нас пока остается непонятным, знал ли Алданов об интересе Л. Н. Толстого к биографии и сочинениям Аввакума. И мог ли он знать об отношении к Аввакуму А. И. Герцена или И. С. Тургенева? Все же предполагаем, что на него могла произвести впечатление тургеневская реплика, переданная А. Н. Луканиной[266]. «Я вспомнил житие протопопа Аввакума, вот книга! Груб и глуп был Аввакум, порол дичь, воображая себя великим богословом, будучи невеждой, а между тем писал таким языком, что каждому писателю следует изучать его. Я часто перечитываю его книгу»[267]. Как бы то ни было, рецепция творчества Аввакума была продолжена в очеркистике и художественной прозе Алданова в 1930-е гг.

В основе очерка «Советские люди (В кинематографе)» представлен просмотр хроники с записью парада Красной Армии. Повествователь изображает разные планы: от вождей на мавзолее до созерцающей толпы. Выделим один нюанс: для описания главы советского государства М. И. Калинина Алданов использует ту же цитату из «Толкований» Аввакума, что применял в «Армагеддоне»: «Ни ритор, ни философ, дидаскальства и логофетства не искусен, простец человек и зело исполнен неведения»[268].

---

[264] Мазунин А. И. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XIV. С. 408–412.

[265] Маймин Е. А. Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого // Труды Отдела древнерусской литературы. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 504.

[266] А. Л. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // Северный вестник. 1887. № 2. С. 55–56.

[267] Робинсон А. Н. Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века // Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: исследование и тексты. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. С. 4.

[268] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 409.

Аввакумовский мотив приобретает еще одно политическое воплощение: сначала в образе Ленина, теперь в образе Калинина.

В повести «Пуншевая водка» Алданов передает рассуждения Ломоносова об Аввакуме. Но как они могли появиться у Ломоносова? Первое издание «Жития» состоялось только в 1861 г., почти 200 лет этот текст находился под запретом, тайно переписывался старообрядцами и распространялся в рукописных списках. Выходит, что Ломоносов, тайно раздобыв «четкий список» «Жития», тайно его и читает. В этом эпизоде повести ученый перечитывает не сам текст «Жития», а другие произведения Аввакума. Сначала цитируется «Беседа первая. Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания»[269]. Второй фрагмент упомянутого сочинения Аввакума – это «Письмо к Симеону: («Чадо богоприимче! <…>»)»[270], в тексте повести он размещен Алдановым после многоточия, будто Ломоносов, перевернув страницы списка аввакумовских произведений, продолжил чтение наугад: «А хотя и бить станут или жечь: ино и слава господу богу о сем. На се бо изыдохом из чрева матери своея. А в огне том здесь небольшое время потерпеть – аки оком мгнуть, так душа и выступит. Боишься пещи той? Дерзай, плюнь на нее, небойся»[271]. Третий фрагмент – это почти точная цитата из «Из беседы восьмой. [Об Аврааме]»[272], она тоже приведена после многоточия: «Много никониане людей перегубили, думая службу приносити Богу. Мне сие гораздо любо: освятилася русская земля кровью мученическою...»[273]. Все три фрагмента передают важный посыл Аввакума: оставить добрую память, помня о смерти; не бояться страданий, принять необходимость самопожертвования на мученическом пути, в этом счастье, посланное Богом. Мысли Аввакума помогают Ломоносову обрести цельность, осознать смысл жизни: «Оттого ли, что этот человек не только так

[269] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Москва: Academia, 1934. С. 127.

[270] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Москва: Гослитиздат, 1960. С. 226–227.

[271] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Москва: Academia, 1934. С. 500.

[272] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Москва: Academia, 1934. С. 142.

[273] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 2. С. 500.

говорил, но в самом деле погиб на костре, хоть погиб ради мыслей и чувств, совершенно чуждых, даже просто непонятных профессору Ломоносову, или из-за собственных размышлений о близости смерти, о тщете жизни, – страница эта чрезвычайно его взволновала: вот кто не думал ни о высоком, ни о среднем, ни о подлом штиле, – а как писано, и не вздор ли штили! Он смахнул слезу, опустил книгу на колени и долго думал об Аввакуме, о себе: при всем различии, чувствовал в себе и какое-то, хотя отдаленное, сходство с сожженным протопопом, надеявшимся убедить мир, что в костре – счастье. “Да, “затем что? не гроб ли?”»[274]. Так, никем не узнанное счастье победы Аввакума, непостижимое торжество его любви к Богу, обретенное в смертельном пламени, сопоставляется с тайным представлением о счастье умирающего Ломоносова, который размышляет «о самосожжении во имя счастья других»[275]; «вся его жизнь ему казалась полной мук и горя, но было в ней несколько мгновений счастья, недоступного обыкновенным людям»[276]. Образ Ломоносова обретает метафизическую глубину благодаря подразумеваемому диалогу с Аввакумом.

Формирование образа Аввакума-«собеседника» продолжено Алдановым в книге «Ульмская ночь». В «Диалоге о русских идеях» стиль Аввакума сопоставляется со стилем старца Нила Сорского и опального князя-эмигранта Курбского[277]. В «Диалоге о тресте мозгов» вспоминаются слова А. С. Хомякова, который называет лютеранскую церковь «немецкой Аввакумовщиной»[278], – а по сути это рефлексия, вводящая новое отрицательное понятие: «Чуждыми гегельянству остались в Германии только непобедимое тупоумие строгих лютеран, так сказать, немецкая аввакумовщина…»[279]. «Аввакумовщина» – это признак неуступчивости,

[274] Там же. С. 500–501.

[275] Шадурский В. В. Анализ и интерпретация повести М. А. Алданова «Пуншевая водка» // Производство смысла: сб. статей и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2018. С. 351.

[276] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 2. С. 501.

[277] Алданов М. Собрание сочинений. Указ. соч. Кн. 6. С. 363.

[278] Там же. С. 419.

[279] Хомяков А. С. О современных явлениях в области философии (Письмо к Ю. Ф. Самарину) // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. 3-е изд. Москва: Университетская типография на страстном бульваре, 1900. Т. 1. С. 301.

оковы жизни, который наряду с «достоевщиной», «окуровщиной» не принимается свободолюбивым сознанием Алданова.

Аввакумовская рецепция продолжена в «Повести о смерти». Этот роман содержит всего несколько ассоциаций с «Житием», чтобы подчеркнуть верность и преданность героини, ведущей себя подобно жене Аввакума: «Ведь смысл жизни Ольги Ивановны был в муже и в дочери, особенно в муже: дочь скоро выйдет замуж и уедет, а с мужем они будут неразлучны до могилы. Тятенька прочел ей как-то из бывшего у него списка знаменитый разговор протопопа Аввакума с женой. Слова “Марковна, до самыя смерти” умилили Ольгу Ивановну до слез…»[280]. Алданов вспоминает эпизод, когда обессилившая протопопица обращается за поддержкой к мужу, но в утешение получает только новое обещание страданий[281]. Ольга Ивановна тоже страдает в разлуке со своим любимым мужем, не зная о том, какая страсть препятствует его возвращению домой. Ей суждено умереть в счастливом неведении, в печальном ожидании мужа, разрушившего семью. Но это сопоставление оказывается не таким уж и оригинальным в общем контексте литературы зарубежья. Возможно, и сам Алданов не знал о том, что в 1939 г. в Харбине А. Несмелов в поэме «Протопопица» уже изображал Анастасию Марковну. У Несмелова она тоже трагический характер, ее муж увлечен страстью борьбы за старую веру и потерял любовь к жене и детям. Другой мотив «Жития», раскрывающий страдания детей Аввакума и Анастасии Марковны[282], Алдановым не используется, так как взаимоотношения дочери Лейдена и Ольги Ивановны не напоминают страданий героев «Жития».

В романе «Бред» создается образ другого известного писателя допетровской Руси, Нила Сорского. Героиня романа изучает нестяжателей и стригольников, пишет диссертацию об истории русской церкви, поэтому даже в таком тексте подспудно осуществляется рецепция протопопа Аввакума. Если Нил Сорский воплощает собой символ переделки священных текстов, то

[280] Алданов М. Повесть о смерти // Алданов М. А. Повесть о смерти. Бред. Москва: Гудьял-Пресс, 1999. С. 46.

[281] Житие протопопа Аввакума. Санкт-Петербург: Наука, 2019. С. 32.

[282] Туфанова О. А. «Кто ково любитъ, тотъ о томъ печется…»: мотив любви к детям в творчестве протопопа Аввакума // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 89.

протопоп Аввакум символизирует отказ от правки церковных книг – зеркальная ситуация с разницей более полутора столетий.

Можно увидеть тенденцию того, как образ Аввакума воплощается в разных текстах Алданова. В первых публицистических работах выражена озлобленность на советскую власть, подчеркнута антибольшевистская позиция, эмоции определили выбор художественных средств. Отрицательные черты Аввакума собраны Алдановым для того, чтобы выразить еще большее неприятие гиперболического преемника «огнепального протопопа» – В. И. Ленина. По мнению Алданова, в характерах этих исторических деятелей общим является разрушительная страсть, различия их небольшие: Аввакум полон заблуждений, он незлобивый, гонимый мученик, а Ленин – живет ненавистью и является источником социального и политического зла. Содержание аввакумовской рецепции Алданова не столько объемно, как его восприятие Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского или Чехова. Остается сожалеть, что многие мотивы, образы Аввакума и даже тот факт, что «аввакумовская автобиография принадлежит к числу “тюремных” произведений»[283], остались без рефлексии Алданова.

А вместе с тем в древнерусской литературе он отыскивал то, чего не находил в творчестве Л. Н. Толстого, ведь «думы о смерти каким-то образом сочетались в нем с отсутствием способности к вере, как внутреннему озарению, сопереживанию и диалогу с Творцом»[284]. В ней же Алданов обнаруживал огромный заряд духовности. Использование этого «заряда» было нужно Алданову для культурной и духовной самоидентификации, – ощущения себя частью русской культуры. Вместе с тем, воспринимая себя ее частью, Алданов развивал лучшие качества «русского европейца», как некогда именовали П. Б. Козловского, И. С. Тургенева. С. Гарциано в предисловии к книге М. Уральского «Марк Алданов – «русский европеец», историософ и идеолог российского европоцентризма» назвал Алданова «…человеком, для

[283] Кожурин К. Я. Протопоп Аввакум в русской литературе и поэзии. URL: https://protopop-avvakum.ru/protopop-avvakum-v-russkoy-literature-i-poezii/ (дата обращения: 15.08.2020).

[284] Уральский М. Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. С. 133.

которого русская и европейская культурные традиции образуют единое поле историсофского дискурса»[285].

2.3. Образ М. В. Ломоносова в повести «Пуншевая водка»

В творчестве М. А. Алданова наряду с древнерусской литературой, русской классической литературой XIX в. предметом рефлексии была и русская литература XVIII в. На страницах его произведений и писем упоминаются М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, Г. Р. Державин. Алданов, который, подобно другому «русскому европейцу» – И. С. Тургеневу, находился под сильным влиянием либеральных идей Запада, был картезианцем, поклонником идей эпохи Просвещения, много внимания уделил русским просветителям, а также представителям классицизма. Писатели, отличившиеся вольнолюбивыми взглядами, передовыми идеями, независимостью, неоднозначностью, создававшей ореол загадочности, привлекали его внимание. Отсюда интерес Алданова к поэтам-революционерам, к литераторам-масонам, к писателям, общавшимся с императорами, к их ярким, смелым и остроумным высказываниям.

Используя хронологический подход, дадим характеристику этим упоминаниям. В разных алдановских текстах они могут быть в форме неприметных деталей, но также превращаться в художественные образы.

Образ М. В. Ломоносова, создающийся в произведениях Алданова, отчасти предопределен историко-культурным контекстом, особым отношением к веку Просвещения, которое было у эмигрантской интеллигенции. Благодарными потомками в эмиграции изучалась личность ученого, деятельность Ломоносова становилась темой вечеров памяти, наконец, в качестве персонажа он появлялся на страницах художественных произведений писателей зарубежья.

Так, известно, что Русский народный университет в Париже (1921–1940) в рамках программы «Беседы о русской культуре» проводил вечер памяти Ломоносова. Алданов тоже мог побывать на таком собрании, потому что был не только гостем таких вечеров, но и активным участником

[285] Там же. С. 16.

деятельности университета, выступившим с курсом лекций «Русская литература на рубеже XIX и XX веков»[286].

Мы уже обращали внимание на то, что имя Ломоносова упоминалось Д. П. Святополк-Мирским в статье 1925 г. как продолжателя победившей традиции киевского книжного языка[287].

В. Ильин в берлинской газете «Новое слово» посвятил личности Ломоносова отдельную статью[288]. Позднее в газете «Парижский вестник» появилась публикация А. Величковского[289] .

Поэты эмиграции, например В. Ф. Ходасевич, Н. А. Оцуп, использовали метр, предложенный Ломоносовым. У Ходасевича самая известная рецепция – это ода русскому четырехстопному ямбу «Не ямбом ли четырехстопным…»; Роберт Хьюз отмечает, что это стихотворение – похвала Ломоносову и Державину, «родоначальникам новой русской литературы»[290] . Оцуп в своем произведении «Дневник в стихах: 1935–1950»[291] применил редчайшую строфу – одическую, или ломоносовскую[292]. Очевидно, что прозаики акцентировали внимание на сюжетах, связанных с Ломоносовым, – его открытиями, познанием жизни, биографией.

И в творчестве Алданова имя Ломоносова встречается часто, каждый раз это упоминание наполнено особым смыслом. Кульминацией такого обращения к гениальному ученому и писателю стал его образ в повести «Пуншевая водка». В этой повести представляется ломоносовское отношение к счастью. Ломоносова волнует несгибаемая сила, с которой человек отстаивает свою правду и обретает мученическое счастье, подобное тому, что испытывает горящий в костре Аввакум. Алданов создавал повесть, «…ориентируясь на те

---

[286] Азаров Ю. А. Русский народный университет в Париже // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. Москва: РОССПЭН, 2000. С. 399.

[287] Мирский Д. О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка) // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 347.

[288] Ильин В. Чудо архангельского мужика // Новое слово. 1940. 24 нояб.

[289] Величковский А. Леонардо да Винчи и Ломоносов // Парижский вестник. 1942. 26 июля.

[290] Хьюз Р. Ходасевич: ода русскому четырехстопному ямбу. URL: https://www.ruthenia.ru/reprint/blok_xiii/hjus.pdf

[291] Оцуп Н. А. Дневник в стихах: 1935–1950. Париж: [Б. и.], 1950. 366 с.

[292] Домогацкая Е. Г. «Дневник в стихах: 1935–1950» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 3. Книги. Москва: РОССПЭН, 2002. С. 442.

высокие образцы, которые предлагала ему отечественная классика (М. Ломоносов, Д. Фонвизин, А. Сумароков)»[293], Ломоносов изображен высоким по духу и загадочным персонажем. Пунктирно изображенная судьба Ломоносова – это повествование о счастье, которое каждый раз подвергается сомнению каким-то высшим разумом. Если любовь курьера Михайлова к господской водке – слишком мелкое счастье, то счастье ученого, у которого нет сил радоваться применению своих открытий, – это призрачное счастье одержимого одиночки.

Отметим, что Ломоносов здесь изображен Алдановым как ученый и ценитель книг мудрости (он читает запрещенное «Житие протопопа Аввакума»), но не как писатель. Но все же в повести создан его образ, причем Ломоносов представлен как один из главных героев, связанный с раскрытием важной сюжетной линии. Ломоносов – это мыслитель, и «Пуншевая водка» становится философской повестью во многом благодаря мыслям русского ученого; интересно, что впервые о жанре философской повести у Алданова писал еще Ч. Николас Ли в 1960–1970 гг.[294].

Отечественные исследования этого не самого большого эпического текста Алданова уже составляют солидный перечень, одно из последних – диссертация Ю. А. Орловой, в которой проведен анализ различных аспектов алдановской повести. Но авторы этих исследований по разным причинам не ссылаются друг на друга, а какой-то обобщающей работы еще не написано, и потому предложенные интерпретации нуждаются в осмыслении и дополнении.

Так, в статье Т. Д. Долгих произведение Алданова сравнивается с модными в XVIII в. инвенциями – сочинениями представлений к различного рода знаменательным событиям. Пермская исследовательница убедительно показывает, как и почему в «Пуншевой водке» «так сложна и разветвлена система образов, тем и идей»; в структуре повести она выделяет кольцевую композицию и «рифмовку» эпизодов, полагая, что изложение событий

[293] Орлова Ю. А. Историософская повесть М. А. Алданова: проблематика, образная система, мотивные ряды: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филологических наук. Тамбов, 2015. С. 17.

[294] Lee C. Nicholas. The philosophical tales of M. A. Aldanov // The Slavic and East European Journal. 1971. Vol. 15, no 3. P. 273–292.

«подчинено раскрытию нескольких важнейших тем произведения: власть, смерть, счастье»[295]. Кроме обращения внимания на основные темы, в работе зрение сосредотачивается и на деталях, которые рядовому читателю могут показаться несущественными. В словесной ткани повести много необычных слов, цитат, реминисценций. Пожалуй, выспренней и непонятной для современного читателя выглядят архаизмы, анахронизмы, а также лексика, передающая чужеродную дикость далекой сибирской жизни трехсотлетней давности. Т. Д. Долгих отмечает различие использования лексических единиц в речи повествователя и речи персонажей. Так, по ее словам, Миних составляет «прожекты» усовершенствования жизни, но устаревшее и потому комичное слово «прожект», приобретая в авторской речи современный вид – «проект» – проявляет иронию повествователя: «Проекты Миниха воистину большей частью остаются “прожектами”: ему приходится бороться с тем, с чем он “как и Петр Великий, боролся в России всю жизнь” – с бездействием»[296]. Что же касается многих реминисценций в повести Алданова, то, по мнению Т. И. Долгих, они крайне необходимы автору, чтобы показать страницы русской истории как страницы «вечной книги бытия»[297]. В частности, ею дается характеристика ироничного образа Клеопатры, истолковываются древнеегипетский код и библейские образы, оцениваются цитаты Державина, Ломоносова, а одна из сюжетных ситуаций соотносится с событиями в «Капитанской дочке». Автор статьи обращает внимание и на другие интертекстуальные явления, но главное – что приходит к емкому и очень перспективному для понимания всего творчества Алданова выводу о том, что назначение реминисценций в «намеке на безграничное разнообразие и сложность мира и вместе с тем – на удивительное сходство, повторение, “рифмовку” прошлого и настоящего; в плане же историческом и культурном подобное “сопряжение” позволяет не замыкаться на мысли об особости, уникальности исторической и культурной участи России»[298]. В статье дано и

[295] Днепров В. Идеи времени и формы времени. Указ. соч. С. 101.

[296] Долгих Т. Д. Историческая повесть М. Алданова «Пуншевая водка» // Художественный текст и историко-культурный контекст: (на материале русской литературы XX в.): межвузовский сб. науч. трудов. Пермь: ПГПУ, 2000. С. 106.

[297] Там же. С. 110.

[298] Там же. С. 115.

подробное осмысление художественного пространства и времени, в частности пространства Петербурга и Сибири, определено значения переходов от настоящего времени к прошлому. Автор обнаруживает контраст алдановских наблюдений: в столице событиями управляют какие-то группы людей, «сибирское же пространство обладает независимой от человека жизнью»[299]; настоящее упорно не принимает попыток Миниха представить его новым человеком, а прошлое его трагически тяготит. В итоге анализа алдановской повести, она заключает, что «настоящая тема Алданова – не трагические случаи в истории, а История как трагедия»[300].

Статья того же автора, опубликованная в 2001 г., содержит много интересных замечаний об источниках интертекста повести. Так, по мнению Т. Д. Долгих, «…своеобразным “ключом” к более глубокому пониманию алдановской концепции может служить трагедия Сенеки “Октавия”: система образов, тем и идей античного автора сложно соотносится с произведением Алданова»[301]. Исследователь характеризует даже цитируемые «Буколики» Вергилия[302] и полагает, что тема власти и тема счастья связана с образом Клеопатры, а цитирование античных художников слова стало следствием тщательного отбора, сделанного Алдановым, чтобы показать великих свидетелей или «прямых участников государственных потрясений»[303].

В другой статье Т. Д. Долгих продолжает свои мысли об алдановском творчестве, отмечая другую интертекстуальную особенность «Пуншевой водки»: «Как очень часто в этой повести Алданова цитаты из классических произведений изменены или оборваны автором, источник не указан»[304]. Замечание литературоведа дает возможность понять, что текст Алданова предназначен для образованного современника, а вовсе не для наивного любителя развлекательной литературы, примером которой иногда называют

---

[299] Там же. С. 107.

[300] Там же. С. 115.

[301] Долгих Т. Д. Система цитат и реминисценций в повести М. Алданова «Пуншевая водка» // Карамзинский сборник: Россия и Европа: диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 263.

[302] Там же. С. 267.

[303] Там же. С. 272.

[304] Долгих Т. Д. Цитаты и реминисценции в повестях М. Алданова // Русская литература 1920-х годов. Художественный текст и историко-культурный контекст: материалы. научн. конф. памяти И. А. Смирина. Пермь: ПГПУ, 2002. С. 146.

творчество Алданова: «Это обстоятельство возможно объяснить надеждой писателя на то, что его читатель обременен гуманитарными знаниями хотя бы в объеме гимназической программы и способен вспомнить обозначенных и необозначенных авторов самостоятельно…»[305]. Такое наблюдение позволяет разомкнуть исследование, вывести его из интертекстуального анализа к пониманию концепции автора «Пуншевой водки». Но в этом есть и понимание причины того, почему нынешние читатели не воспринимают алдановский текст во всей его сложности и глубине, для этого нужно быть, как минимум, русским человеком, имеющим филологическое образование.

Вместе с тем, интерпретируя подзаголовок повести – «Сказка о всех пяти земных счастьях» – и отмечая, что у каждого алдановского героя представление о счастье свое, Т. Д. Долгих полагает, что Алданову ближе понимание счастья, которое формулировал Штелин: «возможность делать в жизни твое малое… дело»[306]. А вот то счастье, которое испытывает Миних, автор статьи оценивает отрицательно, называя этого персонажа «авантюристом», стремящимся к «исключительному»[307].

Другой исследователь обращает внимание на то, что произведение создавалось Алдановым в 1930-е гг., но важным для писателя оказывается не событие и не воздействие его на судьбу человека, а «горькая ирония человеческого бытия»[308], потому и выбран прозаиком новый жанр – «философская сказка». По мнению Н. Н. Горбачевой, «Пуншевая водка» сохраняет все приметы исторической повести притом, что в ней есть персонажи, которые, как в атмосфере сказки, надеются стать счастливыми. Нам важно отметить и то, как в этой статье учитывается контекст русской классической литературы; так, сибирская исследовательница полагает, что Алданов в подходе к счастью своих персонажей руководствовался пушкинским взглядом («…предполагаем жить… И глядь – как раз – умрем») и что формула Пушкина раскрывается в «мотиве пути» [309]. Причем мотив пути

[305] Там же. С. 146.
[306] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 2. С. 493.
[307] Долгих Т. Д. Цитаты и реминисценции в повестях М. Алданова. Указ. соч. С. 152.
[308] Горбачева Н. Н. Сибирские реалии в прозе М. Алданова 1930-х годов // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2002. № 2. С. 158.
[309] Там же. С. 158.

приобретает сибирскую «психологизацию»: страсть не просто к быстрой езде, а к полету на большие расстояния, поэтому в качестве примера цитируется ужасающее открытие фельдъегеря Михайлова: «Казалось, что он несется на взбесившихся животных, которыми правит сошедший с ума звероподобный человек»[310]. Н. Н. Горбачева обращает внимание, что при всей пространности описаний и многостраничности, повесть имеет некоторые особые умолчания: не назван год, в который происходят основные события – 1762-й, год дворцового переворота, не назван губернатор Сибири, хотя почти все даже незначительные персонажи носят имена. Тюменская исследовательница считает, что «мысль об относительности обретенного каждым варианта счастья», по Алданову, связывается с понятием времени: тот, кому дано осознать течение времени, счастлив может быть только краткий миг» [311].

Н. А. Николина указала, что подзаголовок повести нарочито усложнен и специально вводит читателя в заблуждение: «…он содержит авторское определение жанра – “сказка”, не совпадающее с традиционным пониманием этого термина»[312]. По ее мнению, слово «счастье», употребленное в ненормативной для литературного языка форме множественного числа, содержит авторскую иронию, ведь даже само ограничение счастья пятью судьбами центральных персонажей – это вовсе не исчерпывающая возможность. Исследователь очень подробно характеризует вымышленного персонажа – Валю, в образе которой сочетаются признаки, «объединяющие разных персонажей, различные мотивы и сюжетные линии»[313], и, что совершенно неожиданно для интерпретации алдановского текста, «воплощающую молодость и любовь, преодолевающие временные границы повествования»[314]. Соответственно, и открытый финал повести, завершающейся описанием чувств наивной влюбленной девушки, «подчеркивает вечную повторяемость «земного счастья», неподвластность любви законам времени»[315]. И хотя финальное словосочетание в анализируемом эпизоде статьи – «трагическая обреченность», думается, что

[310] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 2. С. 458.
[311] Там же. С. 160.
[312] Николина Н. А. «Сказка о всех пяти земных счастьях»: «Пуншевая водка» М. А. Алданова // Русский язык в школе. 2006. № 5. С. 56.
[313] Там же. С. 58.
[314] Там же. С. 59.
[315] Там же. С. 59.

только здесь впервые сказано о жизнеутверждающей основе бытия, о допущении Алдановым возможности простого человеческого счастья, пусть непрочного и недолговечного на фоне мировых катаклизмов.

В диссертации Ю. А. Орловой, целая глава посвящена «Философеме счастья и ее интерпретациям в повести М. Алданова “Пуншевая водка”». Автор исследования характеризует «историософские представления Алданова о человеке и мире» и пытается обстоятельно писать о пяти вариациях счастья: Михайлова, Штелина, Ломоносова, Вали и Володи, «авторской концепции счастья», подробно рассуждая о четырех из них, как сюжетно оформленных. К несомненным достоинствам проведенной работы следует отнести детальную характеристику композиции, сюжета, хронотопа повести.

Представление о счастье М. В. Ломоносова формулируется ею как «устремленность к истине». Ломоносову, угасающему от болезней, а потому еще больше раздраженному, мешает заснуть «обилие мыслей, которое составляло и радость, и гордость, и несчастие его жизни»; замученный болью, герой чувствует, что «окончательный отпуск близок»[316]. И хотя главное его дело – научные планы и жажда открытий – обещает новые свершения, он уже думает не о своей карьере, а размышляет о судьбе народа и о будущем страны, которой старается принести пользу: «А до смерти надо мне закончить мои химические труды, в которых я столь много лет упражняюсь. Бесплодно потерять их мне будет несносное мучение»[317]. Служение науке и просвещению для героя Алданова подобно подвигу Аввакума. «Самосожжение» во имя счастья других становится для Аввакума подлинным счастьем, и для Ломоносова счастье – в преодолении соблазна обычного земного счастья во имя обретения «вершин духа». «Вся его жизнь ему казалась полной мук и горя, но было в ней несколько мгновений счастья, недоступного обыкновенным людям»[318]. Счастье Ломоносова оказывается таким же неустойчивым, как и счастье Михайлова: как курьер умел от недостижимости одного счастья перейти к уловлению другого счастья, так и Ломоносов Алданова, осознавая невозможность абсолютного знания, ограничивается счастьем свершения и

[316] Алданов М. А. Указ. соч. С. 448.
[317] Там же. С. 457.
[318] Там же. С. 502.

достижения знания относительного»[319]. Ломоносовское понимание счастье – это понимание ученого, ощущающего трепет постижения истины, постижения, которое может принести пользу человечеству, но жизнь коротка, а потому печальна.

Исследователь указывает на духовные, нравственные ориентиры алдановской прозы, «…на те высокие классические образцы, которые предлагала ему отечественная литература XVIII в., среди которых были произведения М. Ломоносова, Д. Фонвизина, А. Сумарокова, Г. Державина, ярких представителей русского литературного классицизма, принципы литературных открытий которых наследовал современный писатель»[320]. От русской классики, по мнению Ю. А. Орловой, берут начало и разные приемы алдановского стиля, включая «монологизацию» речи персонажей.

Повесть – это история о разуме, который переживает за пять чувств человека, за их наполненность счастьем. Но ведь жизнь не ограничивается одной только радостью зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, и потому только какой-то высший разум осознает перспективу и причины, подлинную ценность счастья.

В романе «Живи как хочешь» будет подчеркнута избранность и ученого, и поэта. Николай Юрьевич Дюммлер, рассуждая о российских революционерах, приведет имя Ломоносова в виде исключения из правил бунтарского поведения русского человека: «…все наши классические писатели, музыканты, художники, за исключением разве двух или трех, были и в жизни, и в политике никакие не бескрайние, а очень умеренные люди: Ломоносов, Пушкин, Гоголь, Тютчев, Тургенев, Гончаров, Чехов, Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков»[321].

В «Ульмской ночи» это высказывание почти повторится: «А все другие наши писатели, художники, композиторы? Они и в политике, и в своем понимании мира были умеренные люди, без малейших признаков максимализма. Ломоносов, Крылов, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Грибоедов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Лесков, Фет, Чайковский, Мусоргский… были в

[319] Орлова Ю. А. Указ. соч. С. 154.
[320] Там же. С. 154.
[321] Алданов М. Собрание сочинений. Указ. соч. Кн. 5. С. 459.

политике самые умеренные люди, либо консерваторы, либо либералы, без малейших признаков бескрайности»[322]. Конечно, в списке Алданова Ломоносов оказывается первым по хронологии, но с другой стороны – и самым важным, просветителем, сознание которого вмещало и передавало многие смыслы, недоступные обычным людям.

Алданов создал образ Ломоносова – как предмет своей мировоззренческой рефлексии и как героя произведения, вместе с тем он избежал мифологизации Ломоносова. Его значение в рефлексии Алданова связано с необходимостью представить мнение ученого о смысле жизни, о том, что такое счастье – о вопросах, которые наиболее обострились в эмиграции. О вопросах, которые задает себе интеллектуал, химик и писатель Алданов.

2.4. Рецепция Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова в переписке и прозе Алданова

В прозе Алданова Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев и Н. И. Новиков не представлены в виде персонажей, но очевидно, что их личности и поступки вызвали интеллектуальную реакцию писателя – преимущественно в переписке и книге философских диалогов «Ульмская ночь».

Д. И. Фонвизин у многих читателей ассоциируется с дидактичными, нравоучительными пьесами, изучение которых важно для молодого поколения. Не исключением стало такое его восприятие и в зарубежье.

«Земское и городское объединение российских граждан за границей» – организация, которая имела свою полиграфическую базу и книгоиздательство, которое в Париже в 1921 г. успело выпустить первый том собрания «Русские писатели», вобравший в себя комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир», В. В. Капниста «Ябеда» и «Горе от ума» А. С. Грибоедова[323]. В Эстонии русское издательство «Альфа», возникшее в Тарту в 1920 г., выпустило серию изданий

[322] Там же. Кн. 6. С. 348.

[323] Быстрова О. В. Парижские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. Москва: РОССПЭН, 2000. С. 304.

для школ, в которой вышли сочинения Д. И. Фонвизина и А. С. Грибоедова[324]. Даже в чопорной Англии, где русских эмигрантов было меньше всего, имя Фонвизина было на слуху благодаря прошедшим спектаклям: газета «Русский в Англии» сообщала о деятельности театрального кружка Общества Северян. Из классики, ставившейся на сценах этого объединения эмигрантов, «Недоросль» Фонвизина, конечно, была пьесой номер один – хотя бы по хронологии[325].

Фонвизин оказался среди тех писателей, которые попали в своеобразный эксперимент И. Г. Эренбурга, выпустившего совместно с О. Савичем книгу «Мы и они: Франция»[326]. В книге были представлены выдержки из произведений многих русских авторов, начиная с Тредиаковского и Фонвизина, посвященные Франции[327].

Имя драматурга XVIII в. возникало в переписке Алданова и в книге философских диалогов.

Так, Бунин написал Алданову 26 марта 1950 г.: «Нынче прочел, что Фонвизин называл излишнее богатство языка, которым уже и при нем щеголяли некоторые писатели, “дурацким богатством” – и опять почувствовал, что я обожаю этого толстяка, – главное, за его письма о Европе и пуще всего о французах: до чего был умен и как беспощадно великолепно “крыл” их! Удивительно, сколько талантов и умниц среди толстяков! Вот хоть Фонвизин, Крылов, актер Давыдов... Есть еще и один мой современник и друг – Вы его слишком хорошо знаете»[328]. Бунин очень тонко вписывает как в литературную, так и в интеллектуальную историю своего друга, используя две приметы Алданова – ум и полноту.

Алданов быстро отреагировал на это высказывание друга и в ответном письме 29 марта 1950 г. поделился своими соображениями: «Фонвизин был умница, это верно. Не помню, был ли он толст, но, помилуйте, какой же я толстяк. Маленькое брюшко и вес небольшой, – если будет кондрашка (а она

[324] Исаков С. Г. Эстонские издательства. Там же. С. 508.

[325] Казнина О. А. «Русский в Англии». Там же. С. 387.

[326] Савич О. Г., Эренбург И. Г. Мы и они: Франция. Берлин: Петрополис, 1931. С. 294.

[327] Фрезинский Б. Я. «Мы и они. Франция» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 3. Книги. Москва: РОССПЭН, 2002. С. 663–664.

[328] Этому человеку я верю больше всех на земле...» // Октябрь. 1996. № 3. С. 142.

будет), то не от этого, а от высокого давления крови»[329]. Словно не придавая значения ценности главного сопоставления, Алданов будто бы оправдывается за свое «брюшко» и переводит разговор с литературы на тему здоровья. Обращает на себя внимание тон ответа Алданова: он, человек, привыкший все проверять в архивах, по документам, в данном случае ссылается на память.

В ином тексте, предназначенном для публикации, Алданов не мог не использовать своим записи и конспекты. Другое дело, что диалогическая форма эссе позволяла свободный стиль и необязательность ссылок на источники. Так, в «Ульмской ночи» собеседник А., рассуждая о значимости людей разного происхождения для русской культуры, называет имя Фонвизина вместе с другими «русскими» немцами и с сожалением замечает, что современников вопрос «крови» интересует слишком остро: «В старину, в средние века, еще раньше это людей интересовало гораздо меньше» [330].

Писатели-интеллектуалы А. Н. Радищев и Н. И. Новиков, оказавшиеся в опале за инакомыслие, могли привлечь Алданова-эмигранта своим бунтарским характером, сформированными либеральными ценностями.

Упоминание о Радищеве появляется в романе Алданова «Девятое Термидора», первые главы которого стали выходить в «Современных записках» еще в 1921 г., а весь текст позднее был включен в серию «Мыслитель, состоящую из 4 произведений. Поведение Радищева становится предметом беседы сановников на обеде, устроенным графом А. А. Безбородко. Граф рассказывает о реакции императрицы Екатерины II на «Путешествие из Петербурга в Москву»: «Ее величество оную читать изволила и, нашед ее наполненною самыми вредными умствованиями и дерзостными изражениями, производящими разврат, указала… <…> указала исследовать о сочинителе сей книги. Сочинителем книги есть Радищев, советник таможенный. Слыл человеком изрядным и бескорыстным, но, заразившись, как видно, Францией, стал проповедовать равенство и бунт против помещиков, да еще пренеприличную впутал в книгу оду, где озлился на царей и Кромвеля аглицкого хвалил, что “научил он в род и роды, как могут мстить себя

[329] Там же. С. 142.
[330] Алданов М. Собрание сочинений. Указ. соч. Кн. 6. С. 365, 366.

народы”»[331]. Примечательно, что в вину Радищеву вменяют французскую «заразу», а по сути – идеи просветителей о свободе мысли, те самые идеи, которые так близки самому Алданову. В речи Безбородко цитируется ода Радищева «Вольность», временем написания которой считается 1783 г. В этом произведении, написанном от лица раба, воспевающего вольность, царь забыл данную Богу и народу клятву и ему противостоят люди, стремящиеся к свободе. Политически острую оду, в большом сокращении, Радищев включил в свое «Путешествие…». Сатирически изображенный царь противопоставляется вольнолюбивому народу.

В речи графа Безбородко меняется лишь форма одного личного местоимения: вместо второго лица «ты» «Но научил *ты* в род и роды, / Как могут мстить себя народы…»[332] звучит «он». Безбородко, с присущим ему благодушием, называет Радищева «этаким шельмой», намекая, что «владимирский кавалер» после получения высокой награды не оправдал особого признания. Орден Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени был вручен Радищеву в 1785 г. Алданов мог узнать эту информацию из общедоступных источников, однако вручение ордена служащему по существовавшим правилам могло произойти, если его чин был не ниже седьмого класса (надворный советник, капитан второго ранга, полковник), и было, в общем-то, рядовым делом. Кажется, что сведения о вручении такого ордена Радищеву не могли быть интересны одному из самых высоких вельмож, поэтому профессиональный читатель не сможет поверить, что граф Безбородко размышлял о незаслуженном «кавалерстве» Радищева, ведь он хоть бунтовщик, но всего лишь «советник таможенный».

Другое дело, что прочие персонажи романа «Девятое Термидора», в частности молодые карьеристы, спешат выразить свое отвращение к Радищеву, надеясь, что его своевременное осуждение укрепит их репутацию и будет способствовать карьерному росту: «Сей Радищев есть сущий жакобен!»[333].

---

[331] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 1. С. 78.

[332] Радищев А. Н. Вольность // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Москва; Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1938–1951. Т. 1. 1938. С. 8.

[333] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 1. С. 79.

Сам граф Безбородко, будучи кавалером ордена Святого Владимира 1-й степени, в романе Алданова совершенно естественно и искренне негодует о бунтовщике: «Сочинитель развратной книги, оный Радищев, взят под стражу и Сенатом, по силе воинского устава 20-го артикула, к смертной казни присужден. Ее величество, матушка императрица, по ангельской своей доброте… по ангельской своей доброте приговор сей не конфирмовала, но смягчила, хоть молвить изволила – и совершенная правда, – что оный Радищев есть хуже Пугачева»[334]. Алданов изображает удивительную ситуацию, когда приговоренного к смерти бунтовщика, более куда опасного, чем Пугачев, «матушка императрица» помиловала и заменила смертную казнь ссылкой. Это великодушное проявление царского «деспотизма» не могло не восхищать Алданова.

Вместе с тем именно молодому человеку, помощнику графа, Иванчуку Алданов доверяет задать вопрос о том, что же такое происходит в обществе, что вольнодумцами в XVIII в. становятся не иностранцы и рабы, а российские дворяне: «Достойно удивления… что русские жакобены – люди нашего круга, les gens de notre rond, такие же дворяне, как мы все: Радищев, Новиков, Ладыженский, Трубецкой, Тургенев. Très bons noms, ma foi»[335]. Именно его высказывание помогает оформить мысль и вельможам: «Ростопчин, с отвращением выслушавший французскую фразу Иванчука, подумал, что из этого замечания, отточив и приправив его как следует, можно будет при случае сделать недурной афоризм, – надо запомнить. Безбородко тоже воспользовался словами молодого секретаря и навел разговор на тему, которая должна была всем понравиться»[336]. Передавая вымышленным персонажам функции говорить об истории, Алданов избавляет себя от домысливания в изображении реальных государственных деятелей. Если вымышленные герои могут «своевольничать» и читатель их простит, то высказывания их могут облекаться в прямую речь, а она может быть острой и особенной. Соответственно, мысли исторических лиц передаются только в форме внутренних монологов и виде косвенной речи.

[334] Там же. С. 79.
[335] Там же. С. 81.
[336] Там же. С. 81–82.

В повествовании Алданова легко укладываются в один эпизод и новости о Радищеве, и новости о Н. И. Новикове, другом опасном человеке, которого деликатный Безбородко называет «скучным ханжой»[337]. На встрече с русским послом в Англии С. Р. Воронцовым ветреный и несамостоятельный Штааль «больше не знал, что следует думать о таких людях, как Новиков и Радищев»[338]. Он удивляется резкости независимого суждения посла о деле Новикова: «Воронцов заявил категорически, что Николай Иванович Новиков благороднейший, прекраснейший человек. Вся его вина заключается, по-видимому, в том, что он желал вывести из невежества наш темный, дикий народ, желая предупредить в России возможность событий, много худших, нежели французская революция, тоже достаточно ужасная и отвратительная»[339].

В другой сцене Алданов изображает реакцию императрицы на новость о казни короля Людовика XVI. В припадке истерики она перечисляла различные угрозы Франции и «грозила казнями философам, мартинистам, Радищеву…»[340]. В этой припадочной угрозе и проявляется страх перед Радищевым, который Екатерина, наверное, мужественно переносила.

Таким образом, с помощью реакции светского общества на поведение мятежного писателя создается эмоциональная картина, появляется живое, «человеческое» отношение к Радищеву как к неблагодарному сыну отечества, правда, оценщиком такого смутьяна оказываются весьма порочные современники.

Имя Радищева упоминается в очерке «Поездка Новосильцева». Рассуждая о Комитете общественного спасения и удивительной радикальности взглядов его членов, Алданов пишет о бунтарском характере писателя, сопоставляя его с радикальностью самого царя: «Если судить по записям Строганова, то Александр I был даже самым “левым” из членов Комитета. Собственно, лишь по стилю и можно отличить то, что тогда говорил царь, от того, что писал Радищев»[341]. Алданов с иронией показывает

[337] Там же. С. 80.
[338] Там же С. 121.
[339] Там же. С. 121.
[340] Там же. С. 98.
[341] Алданов М. Собрание сочинений. Указ. соч. Кн. 1. С. 134.

интеллектуальную и эмоциональную близость монарха и врага монархии, такая причудливая ситуация могла возникнуть только в России XIX в. Писатель словно любуется этим своеобразным историческим анекдотом.

В повести «Святая Елена, маленький остров» Алданов изобразит графа де Бальмена, разбирающего присланные ему книги: «Это были в большинстве старые новиковские издания. “О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания. Сочинение, в котором открывается Примечателям сомнительность изысканий их и непрестанные их погрешности, и вместе указывается путь, по которому должно бы им шествовать к приобретению физической очевидности о происхождении Добра и Зла, о Человеке, о Натуре вещественной, о Натуре невещественной и о Натуре священной, об основании политических правлений, о власти государей, о правосудии гражданском и уголовном, о науках, языках и художествах”»[342]. В образе молодого графа Алданов показал создание нового поколения передовых дворян, которые, подобно Новикову, увлекутся идеями мартинизма Луи Клода де Сен-Мартена.

В романе «Заговор» Алданов изображает молодого генерала Талызина, живущего в конце уходящего века Просвещения и продолжающего масонскую деятельность: «В последние годы восемнадцатого века от масонов в России немного отвыкли. О Новикове вспоминали почти так, как о графе *Калиостросе*»[343]. Само воспоминание о великом русском масоне превращается в сказание о легендарном герое, в реальность поступков которого, как и в подвиги великого авантюриста, люди не особенно верили.

В том же романе Штааль рассуждает об императоре Павле I и о Екатерине Великой: «Он не любил царя, не прощал своего дела в Тайной экспедиции. Но и ненависти к царю у него не было. Да и в деле этом царь не был, собственно, виноват. “Точно при государыне не было Тайной экспедиции? Ведь Новикова, говорят, пытали, и Княжнина драли за “Вадима”»[344]. Факт пыток Новикова сначала порождает у Штааля страх, но потом, во время царствования Павла I, вызывает понимание. Этот герой, в

[342] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 2. С. 378.
[343] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 1. С. 38.
[344] Там же. С. 181.

силу пошлости и циничности своей натуры, как бы подтверждает подлую способность человека смиряться с истязаниями и даже объяснить их естественность и целесообразность.

В «Загадке Толстого» Алданов рассуждает о человеческом разуме и о том, как по-разному его воспринимали гении человечества: «Толстой-моралист переоценивает человеческий разум, Паскаль – человеческую глупость»[345]. Для доказательства призрачности политического учения Толстого писатель обращается к историческому курьезу: «Помнится, императрица Екатерина в одну из либеральных пятниц своей недели убеждала сына в том, что насилие не устоит в борьбе с людьми идеи. Радищев и Новиков могли бы, пожалуй, увидеть в этом утверждении некоторую игру ума»[346]. Под «некоторой игрой ума» здесь тоже следует понять избирательность внимания автора, любящего рассматривать ситуации, которые порождают настоящие исторические анекдоты.

Очерк «Взрыв в Леонтьевском переулке» содержит описание места в Москве, напрямую связанного с именем известного книгоиздателя и журналиста: «Где-то здесь же находилось в конце XVIII века одно из многочисленных учреждений Н. И. Новикова, – полукоммерческих, полупросветительных и масонских; расположенный поблизости Газетный переулок (прежде Вражский Успенский) назван так потому, что тут впервые, по инициативе Новикова, стали продаваться газеты»[347]. Эрудиция Алданова позволяет ему вписывать в литературный контекст даже географию события революционного времени. Это делает повествователя более убедительным и существенно приближает читателя к произошедшему событию.

Интересно, что после смерти Алданова, неравнодушного к интеллектуальной истории, рецепция Радищева была продолжена в особом, критическом смысле. В 1960 г. статья Н. И. Ульянова[348] была подвергнута критике М. В. Вишняка, отметившего, что «вся русская интеллигенция, от Радищева и декабристов до наших дней, привлекалась к коллективной и круговой ответственности за преступления и грехи, действительные и

[345] Алданов М. Собрание сочинений. Указ. соч. Кн. 6. С. 116.
[346] Там же. С. 117.
[347] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 6. С. 540.
[348] Ульянов Н. И. Ignorantia est // Воздушные пути. 1960. № 1. С. 223–247.

вымышленные»[349]. По мнению Ульянова, передовая интеллигенция была виновата в появлении Ленина и большевизма. Будучи историком, писателем и литературным критиком, Ульянов написал много взвешенных статей, в том числе и об Алданове, однако эта статья полна эмоций. Так, у интеллигенции XIX в. и у декабристов в частности он обнаруживает одну черту, которая не всегда отмечается историками: «глубокое презрение к народу»[350]. Ульянов полагает, что интеллигенция была уверена в добровольном отказе народа от свободы: «Радищев, в “Беседе о том, что есть сын отечества”, доказывавший, что “под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем”, исключал из их числа мужиков, “тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека... коим наималейшее желание заказано и самые маловажные предприятия казнятся”. Это было нелогично и непоследовательно, но это выражало отношение Радищева к простому народу»[351]. Эта точка зрения отвергалась Вишняком, в прошлом редактором «Современных записок» – журнала, тщательно сохранявшего чистоту передовой интеллигенции XIX в. и не опубликовавшего скандально известную четвертую главу набоковского романа «Дар», которая нелицеприятно изображала Н. Г. Чернышевского. «Вишняк выступил с отповедью в “Социалистическом вестнике”; его статья называлась “Суд над русской интеллигенцией – скорый и неправый”. Его поддержал Ф. А. Степун в статье “Суд или расправа?”»[352]. Но это полемическая история еще долго не утихала.

Можно только пожалеть, что участники полемики не ссылались на трактат Алданова «Ульмская ночь», где было множество мыслей об истории интеллигенции и свободе, а также горевать по поводу того, что сам Алданов уже не мог принять участия в этом публицистическом споре. Н. Ульянов много писал о том, что стало основой экзальтированного поведения интеллигенции XIX в. О том, что русский человек чужд «бескрайностям», описанным

[349] Вишняк М. Годы эмиграции: 1919–1969. Париж – Нью-Йорк, 1970. С. 242.
[350] Ульянов Н. И. Ignorantia est. Указ. соч. С. 224.
[351] Там же. С. 224.
[352] Цит. по изд.: Ревякина А. А. «Годы эмиграции: 1919–1969. Париж – Нью-Йорк (Воспоминания)» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 3. Книги. Москва: РОССПЭН, 2002. С. 135.

Достоевским, много рассуждал и Алданов. В сложных психологических и политических процессах ушедшего века Ульянов обнаруживал истоки поступков людей гордого вызова, людей чрезмерного самомнения: «Эмигрантские колонии в Лондоне (“Колокол”) и в Швейцарии, шестидесятничество, студенческие забастовки, хождение в народ, народовольческое, потом эсеровское подполье, нечаевщина, ленинское сектантство, все сколько-нибудь значительные проявления интеллигентской активности, все они отличались той взвинченностью, одержимостью, беснованием, которое впервые появилось в русском обществе в 30-х годах»[353]. Вишняк же опровергал истинность публикации Ульянова, указывая даже на то, что она была не оригинальной и повторяла уже ранее заявленную позицию: «Автор ее повторял то, что ровно пол столетием раньше писали “Вехи” о русской интеллигенции и повторял в еще более вызывающей и аподиктической форме без всякого учета исторической и политической обстановки России и эмиграции и последующей перемены взглядов у некоторых авторов “Вех”»[354].

Мы вынуждены допустить, что в этих аспектах Ульянов является последователем алдановских идей и чувствований, а маркером такого отношения является восприятие идей Радищева.

2.5. Г. Р. Державин в творчестве Алданова

Рецепция личности и творчества Г. Р. Державина в произведениях писателей русской эмиграции, конечно, становилась предметом изучения. Например, в одной из статей говорится о преемственности традиций поэта: «В 1920–1930-х годах державинские традиции отчетливо прослеживались в литературе русского зарубежья…»[355]. Однако не всегда этому есть

[353] Ульянов Н. И. Ignorantia est // Воздушные пути. 1960. № 1. С. 238.

[354] Вишняк М. Годы эмиграции: 1919–1969. Париж – Нью-Йорк, 1970. С. 242.

[355] Желтова Н. Ю. Державинская традиция в русской литературе первой трети XX века // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Межд. научн. конф. Тамбов: Издательский дом ТГУ им Г. Р. Державина, 2010. С. 49.

аргументированное пояснение. Так, например, в статье И. В. Труфановой[356] определены общие черты поэтики Державина и Набокова (поиски ответа на вопрос о бессмертии, синестезия, стремление к синтезу искусств), но, к сожалению, не указана причина обращения Набокова к державинской поэтике в условиях эмиграции, по сути разговор шел только о типологических связях.

Вместе с тем поэзия Державина в зарубежье была одним из средств идентификации «русскости» и приобретала разные формы восприятия. Конечно, этот вид идентификации не может быть сопоставим с лермонтовской или пушкинской рецепциями, но тем не менее она осуществлялась и в Русской Европе, и в Русской Америке. Известно, что эмигрантами открывались новые тексты поэта, писались критические статьи. Например, в «Новом русском слове»[357] обзорная статья вместила в себя отзыв о книге В. Ф. Ходасевича «Державин». И. Л. Тартак, назвав биографию писателя «занимательной», выразил упрек «тонкому знатоку русской поэзии и поэту», что от него читатели не дождались «более глубокого, более пророческого Державина»[358]. По мнению критика, «“громе лиры” Державина, в ее дерзании предчувствуется не только грядущий Пушкин, но и Толстой»[359]. То, что не мог об «эффекте» державинской поэзии сказать Ходасевич, по-своему отметил Тартак.

В той же газете в 1935 г. была напечатана «Коллекция писем и автографов Б. В. Штюрмера». Литературная находка, обнаруженная в Белграде, – это стихи Державина, написанные «гусиным пером» на «клочке пожелтевшей бумаги»[360]: «По воле вашей, к вам / Мы будем завтра кушать…». Удивительно, что в эмиграции всплывали, казалось, никогда не существовавшие тексты русской классической литературы.

---

[356] Труфанова И. В. Г. Р. Державин и В. В. Набоков // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Межд. научн. конф. Тамбов: Издательский дом ТГУ им Г. Р. Державина, 2010. С. 129.

[357] Тартак И. Л. «Современные записки», книга 43-я // Новое русское слово. 1930. № 6412. (17 авг.). С. 10.

[358] Там же С. 10.

[359] Там же.

[360] Офросимов Ю. Коллекция писем и автографов Б. В. Штюрмера // Новое русское слово. 1935. № 8076 (10 марта). С. 8.

Для понимания того, что Алданов создал настоящий образ Г. Р. Державина в своих произведениях, нужно представить историко-литературный контекст русского зарубежья. Отметим, что Алданов не обошелся одними только упоминаниями великого поэта и цитированием его стихов. И в демонстрации своего отношения к Державину он, конечно, не был единственным эмигрантским автором. Так, вышеуказанный Д. Святополк-Мирский часто обращался к имени Г. Р. Державина как к носителю классической традиции.

В статье «Веяние смерти в предреволюционной литературе» называл его наряду с Пушкиным носителем «подлинно классического сознания»[361], а также «насквозь живым и здоровым»[362] (ранее статья была опубликована в газете «Евразия», 1929, 10 авг., № 33). Критик даже противопоставлял Державина его биографу – В. Ф. Ходасевичу, «самому мертвому и “трупному” из всех когда-либо живших писателей»[363]. Но, как известно, Алданов высоко ценил и творчество Державина, и творчество Ходасевича, написавшего о нем книгу, так что отрицательные аспекты на «державинской теме» не сказались.

Последние 16 лет жизни, прожитые Державиным в XIX в., дают право называть его поэтом именно этого века. Но алдановская репрезентация автора «Фелицы» позволяет воспринимать его именно в рамках культуры XVIII в.; Державин – и поэт-современник Екатерины Великой, и государственный деятель эпохи классицизма. Существует еще одна причина интереса Алданова воспринимать личность и творчество Державина в контексте XVIII в.: его включенность в традицию века классицизма, времени открытий, просветительские идеи, рационализм которого очень близок Алданову.

Д. П. Святополк-Мирский в 1926 г. в критической работе «О консерватизме. Диалог», написанной в излюбленной Алдановым форме диалогов[364], отвечал на вопрос о том, нужно ли русскому человеку, любящему отечественную культуру, «быть в наши дни литературным и культурным

---

[361] Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 158. Ранее статья Д. Мирского была опубликована в журнале «Версты», 1927, № 2.

[362] Там же. С. 215.

[363] Там же. С. 215.

[364] Статья Д. Мирского впервые была опубликована в журнале «Благонамеренный», 1926, № 2, с. 87–93.

консерватором?»[365]. По нашему мнению, консервативная позиция Алданова может быть сходной с точкой зрения Мирского, поскольку именно в представителях русской классики, в том числе в Державине, он видел основу русской культуры, которую в эмиграции стоило тщательно оберегать.

Его собственный ответ разбивает понятие литературного процесса на несколько этапов, один из которых связан с традицией, а второй с ее разрушением: «Основывать культурный консерватизм можно было на Ломоносове, Державине, Пушкине, мужах силы и крепости. <…> Хотя некоторые наши зарубежные литераторы как будто упражняются в этом, но, боюсь, что их попытка построить маленький культурный дом на огромном культурном океане (Толстого и Достоевского) кончится так же бесплодно, как попытка крыловской синицы»[366]. Алданов не рассматривал литературный процесс в таких аспектах; его отношение к литературе допетровского времени, как и к литературе рубежа XVIII–XIX вв. было не «системным», а выборочным. Тем не менее сделанный им навсегда выбор в пользу Л. Н. Толстого – это осознанное оправдание гения, который многим непонятен, чужд и даже противен. Для Мирского такой странный выбор консервативного писателя, коим, конечно, является Алданов, непонятен, потому что Толстой, в его понимании, – это не традиция, а революция: «Вся сила “Войны и мира” в совершенной, почти наглой *новизне*»[367]. Алданов ощутит новизну приемов Толстого, как раз того автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», который как бы стал в оппозицию к автору «Исповеди», «Хозяина и работника», в оппозицию и к литературе Ломоносова и Державина.

В разных текстах, образовавших в 1920-е гг. тетралогию «Мыслитель», Алданов не только упоминает поэта, но даже создает образ-персонаж Державина.

Так, в романе Алданова «Девятое термидора» читатель видит Державина в двух ракурсах. Во-первых, с точки зрения повествователя, нарратора. Во-вторых, с точки зрения актора, невежественного героя-авантюриста Штааля. Так, на приеме во дворце у Екатерины Великой поэт изображен «сидевшим

[365] Мирский Д. О литературе и искусстве. Указ. соч. С. 146.
[366] Там же. С. 146.
[367] Там же. С. 148.

молча в углу и мечтавшим о том, чтобы к была к ужину стерлядь»[368]. Читатель ощущает отрешенность от света, усталость Державина, но также узнает и об его гастрономических наклонностях. Вероятно, информацию о любимом блюде поэта Алданов мог почерпнуть из его знаменитого стихотворения «Приглашение к обеду», в котором упомянута «шекснинска стерлядь золотая…», другое дело, что алдановский повествователь иронически передает потаенное сознание Державина, на светском приеме якобы «мечтающего» о получении любимой стерляди.

В тексте романа молодой человек произносит «великому сочинителю» что-то вроде комплимента и в ответ получает только хмурый взгляд, потому что Державин «…любил быть при дворе сановником, а не поэтом»[369]. Вместе с тем наблюдательность повествователя оказывается вездесущей, при чтении стихов, написанных императрицей, он видит даже подобострастное выражение лица искушенного царедворца: «Гости точно ждали, застыв от восхищения. А Гавриил Романович Державин даже зажмурил от восторга глаза, услышав два прочтенных Нарышкиным стиха императрицы»[370]. Как понимает читатель, Екатерина отказалась читать свои стихи, доверив чтение красноречивому вельможе, тем комичнее оказались гримасы восхищенных слушателей, в том числе и «великого сочинителя», участвующего в общем придворном восхищении. По сути, это исторический анекдот в исполнении алдановского повествователя – безликого и всезнающего нарратора.

В другой сцене императрица пытается написать стихи с посвящением своему новому возлюбленному Зубову и понимает, что, подбирая эпитет, она не может определить род слова «ландыш», но не бросает своего начинания, зная, у кого получит нужный ответ: «Нужно будет узнать у Гаврила Романовича. Пусть он потом посмотрит мои стихи»[371]. Алданов, делая живым образ императрицы, рисует ее легкой и в то же время человечной. Так, его повествователь показывает, как Екатерина много помнит, не упускает никаких деталей и мыслит ассоциативно: «При этом она с досадой вспомнила, что на тещу Гавриила Романовича Державина, за ее поборы с просителей опять

[368] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 1. С. 85.
[369] Там же. С. 85.
[370] Там же. С. 87.
[371] Там же. С. 92.

поступили жалобы. Одна из них как раз лежала в пачке бумаг, оставшихся со вчерашнего дня»[372].

В другом эпизоде этого романа «Чертов мост» молодые люди, находясь во дворце князя Безбородко, обсуждают стихи Державина, иронически посвященные хозяину. Предполагаем, что речь шла об утрате половой функции Безбородко: «Стихотворение, в котором Державин, недолюбливавший Безбородко, высмеял его немощь, пользовалось большой популярностью у молодежи. Штааль тотчас продекламировал:

...Что, сказал я, так слезами
Льется сей крылатый бог?
Иль толикими стрелами
В сердце чье попасть не мог?
Иль его бессилен пламень?
Тщетен ток опасных слез?
Ах! Нашла коса на камень:
Знать, любить не может Крез.

Рибопьер, схватившись руками за приглаженные виски и сжимая их так, чтобы не расстроить прически, заливался неудержимым смехом»[373].

Алданов цитирует 2 последних строфы державинского стихотворения 1796 г. «Крезов Эрот», которое в составе собрания сочинений имеет несколько другую пунктуацию, но в целом его слова в тексте романа точны; его герой показывает знание стихов, видимо, из-за своей пикантности быстро распространившихся среди охочих до такой информации молодых людей. Штааль не прочел вслух два первых четверостишия:

Я у Креза зрел Эрота:
Он, расплакавшись, сидел
Среди мраморного грота,
Окруженный лесом стрел.
Пуст колчан был, лук изломан,
Опущенна тетива,

[372] Там же. С. 93.
[373] Там же. С. 458.

Факел хладом околдован,
Чуть струилась синева[374].

У Алданова поэт оказывается представлен остроумным, но безжалостным царедворцем. Державин, со своим стихотворением, оказывается включенным в ритм событий времени, более того, раскрывается ироничная подоплека создания стихов, «оперативно» запечатлевших слухи о «мужских» проблемах Безбородко. Алданов изобразил комичную сцену, полную драматизма, из которой, однако, Безбородко выходит с честью, посрамив своих обидчиков, в том числе и самого поэта:

– Ты это что, из “Крезова Эрота” читаешь? – спросил канцлер остолбеневшего от смущения Рибопьера. – Славные стишки!.. Он сказал это как бы равнодушным тоном, но по сердитому выражению его глаз Штааль почувствовал, что едва ли князь находит стишки славными.

– Славные стишки...– повторил Александр Андреевич. – Хоть и то сказать: экой Геркулес нашелся Гаврила Романович! Из самого песок сыплется – и туда же!.. А ты, голубчик, поживи с мое, молоко на губах подсохнет – тогда посмеешься...»[375].

Это, опять-таки, исторический анекдот, только не политического, как в случае с Екатериной Великой, а интимного характера.

В повести «Святая Елена, маленький остров» просвещенный граф де Бальмен, выписывающий произведения Байрона, рассуждает о стихах, вспоминая имена известных поэтов и выражая иронию к создателю «Фелицы»: «У нас сочинители, впрочем, еще не вошли в моду. Не будь покойник Державин министром, кто стал бы его читать? «Гляди, Алкид, на гидру дерзку, смири ее ты лютость зверску…» C’est complètement idiot… Кто у нас еще пишет стихи? Ce pauvre batard Joukovsky… Un brave homme d’ailleurs… Или Гаргантюа Крылов… Да еще несколько мальчишек. Чаадаев говорил, будто в Царскосельском лицее два мальчика пишут прекрасные стихи. Энгельгардт тоже их хвалил. Того, что поталантливее, зовут, кажется, Илличевский. А

[374] Державин Г. Р. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Народное образование, 2015–2018. Т. 1. С. 357.
[375] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 1. С. 459.

другого… Забыл… Diable!.. Забыл…»[376]. Де Бальмен цитирует стихотворение Державина «Орел», написанное в 1799 г. Его реакция на стихи – живой отклик современника, на глазах которого раскрывается еще не узнаваемый гений Пушкина, но звезда Державина уже погасла.

Таким образом, в разных частях тетралогии Алданова «Мыслитель» Державин предстает в виде эпизодического героя, к которому современники не испытывают должного пиетета, в условиях отсутствия временной дистанции Державин им не кажется великим поэтом, достойным славы.

В очерке «Сперанский и декабристы» имя поэта-политика упоминается в ряду тех, кто был противником «гениального бюрократа»[377]: «Врагов Сперанский имел множество, и были среди них умные люди: Державин, Розенкампф, Армфельд, Ростопчин»[378]. Алданова интересовали причины противостояния умных людей, крупных государственных деятелей, много сделавших для укрепления и процветания России, эти причины он обнаруживает в эмоциональной сфере, на, которую, в свою очередь, воздействовали нравственные нюансы.

Известно, что в 1800 г. по решению Павла I Г. Р. Державин как сенатор был направлен в Белоруссию для проведения следствия. Официальной целью поездки было выявление помещиков, ради собственного обогащения оставляющих своих крестьян без пропитания. Но кроме самого следствия сенатор подготовил аналитическую записку «Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев»[379], в которой обозначил роль местных евреев, состоящую в том, что они, по словам редакции сборника «Антисемитизм», «в широких масштабах спаивают местное население и являются существенной причиной голода крестьян»[380]. Державин выступил с предложениями: «устроить их политически и нравственно подобно просвещенным народам», «поставить евреев, относительно общежительских обязанностей, наравне с прочими России подвластными народами»[381]. Но

[376] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 328.
[377] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1994. Кн. 1. С. 246.
[378] Там же. С. 246.
[379] Антисемитизм. Москва: Изд-во «Крафт+», 2003. С. 117–211.
[380] Там же. С. 8.
[381] Там же. С. 8–9.

самое печальное, в финале этой записки он напишет нелицеприятные слова представителя Великороссии: «… евреев род строптивый и изуверный, враги христиан… А Павлу Первому предоставится в род незабвенная слава, что он первый из монархов российских исполнил сию великую заповедь: “Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас”»[382].

В Еврейском комитете, созданном в 1802 г. по указу императора Александра I, Сперанский, будучи управляющим этого комитета, отличился противостоянием юдофобскому настроению многих государственных деятелей. Алданов, который находится явно на стороне Сперанского, пишет, что «…для его очернения ничего путного не могли придумать. Обвинения, которые возводились против государственного секретаря, почти всегда бессмысленны. “Сперанский совсем был предан жидам”, – пишет Державин»[383]. Вспоминая осуждаемую современниками расположенность Сперанского к евреям, Алданов цитирует известное изречение Державина: «Сперанский совсем был предан жидам чрез известного Перетца, которого он открытым образом считал приятелем и жил в его доме»[384]. Безусловно, этот аспект полемики Державина со Сперанским очень был интересен Алданову. Вместе с тем выраженное отношение Державина к еврейскому народу, мягко говоря, было неоднозначным, и это, конечно, не могло не задеть еврея Алданова.

Но Державин оказался среди очернителей Сперанского по субъективным и специфическим причинам. Исследователь этой темы пишет: «Г. Р. Державин, который знал, что в отношении всех чиновников, принимавших участие в делах Еврейского комитета, предпринимались попытки подкупа, расценивал действия Сперанского в пользу евреев в качестве верного доказательства того, что он получил от них взятку. Вместе с тем Гавриил Романович видел здесь влияние еврейского дельца Абрама Израилевича Перетца, в доме которого Сперанский проживал в период деятельности Еврейского комитета»[385]. Причина неприятия Сперанского

[382] Там же. С. 211.

[383] Алданов М. Указ. соч. Кн. 1. С. 246.

[384] см.: Державин Г. Р. Записки Державина» // Русская беседа. 1859. № 5. С. 476. Цит. по изд.: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Москва: Статут, 2014. С. 89.

[385] Томсинов В. А. Сперанский. Москва: Молодая гвардия, 2006. С. 35.

настолько очевидна, что ее легко можно «реконструировать»: искушенного царедворца Державина поведение государственного секретаря выводило из себя потому, что тот мог быть замешан в коррупционном деле.

Еще один этап рецепции творчества Державина у Алданова – это рецензия на биографическое повествование В. Ф. Ходасевича «Державин», вышедшее в 1931 г.[386] Алданов неожиданно поставит ее автора в один ряд с А. С. Пушкиным: «Это чисто пушкинская проза; последний отрывок… одной звуковой своею формой вызывает в памяти читателя “Пиковую даму”»[387] Интересна оценка этого труда современным исследователем: «Замечательная книга Ходасевича… быть может, более всего значила для оживления интереса к Державину у более широкой интеллигентной читательской публики…»[388] – Вяч. Вс. Иванов отмечает популяризаторскую роль книги Ходасевича. Алдановская рецензия, в свою очередь, тоже стала продолжением популяризации Державина в эмиграции. По мнению Алданова, упоминание Пушкина волшебным образом содействовало успеху этой книги. «Отчасти забытый», «отчасти затемненный» образ Державина Алданов тоже по-своему открывает, обращая внимание на отношение историков, несправедливое к поэту. В частности, для отрицательного примера он выбрал цитату, в которой поэт-сенатор сравнивается с другим великим поэтом, тоже вынужденным находится при императрице: «Державин играл при дворе Екатерины или, вернее, при дворе Платона Зубова такую роль, по сравнению с которой роль Тредиаковского при дворе императрицы Анны представляется исполненной достоинства»[389]. Алданов мог цитировать книгу польского историка и писателя Казимира Валишевского «Вокруг трона». Стоит привести более подробное высказывание, которое звучит в переводе на русский язык так: «Прежде чем сделаться министром в царствование Александра I, и притом не министром народного просвещения, но юстиции, поэт Державин играл при дворе Екатерины, или скорее Платона Зубова, роль, по сравнению с которой

[386] Алданов М. [Рецензия на книгу] Ходасевич В. Ф. Державин. Париж: Современные записки, 1931 // Современные записки. 1931. № 46. С. 496–497.

[387] Там же. С. 496.

[388] Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. Статьи о русской литературе. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 10.

[389] Алданов М. [Рецензия на книгу] Указ. соч. С. 496.

роль Тредьяковского при дворе Анны кажется почетной. <…> Сам высокопоставленный певец “Фелицы”, является уже очень опытным в проведении влияния исподтишка, – это интриган восемнадцатого века, в котором его собратья девятнадцатого могут видеть своего учителя»[390].

Алданов, конечно, знает об этой обличительной характеристике, но такому пасквильному изображению Державина и противостоит Ходасевич, и автор рецензии с ним солидарен, изображение поэта поэтом кажется ему более проникновенным, оно «гораздо вернее и в психологическом, и в историческом отношении»[391]. Более того, он обнаруживает, что недоброжелателей и врагов Державина Ходасевич изобразил как-то иначе, вразрез с исторической картиной, ибо даже враги его были «выдающимися людьми». Алданов, знаток политики и интеллектуальной истории, ценит сделанное Ходасевичем описание политической деятельности Державина, но сожалеет, что автор книги слишком мало своих страниц посвятил поэзии Державина. По мнению Алданова, лучше всего Ходасевичу удались строки об оде «Бог». В этом мнении читатель узнает настоящего Алданова – не историка, а прежде всего писателя. В качестве образца блистательной прозы Ходасевича он приводит описание похорон Державина, которое завораживает своей траурной красотой и необычностью. В частности, изображалась церемония перевозки гроба усопшего поэта: июльской ночью, по водам Волхова, при свечах, под чтение псалмов: «Лучше о Державине, вероятно, никто не напишет»[392]. И потому алдановское отношение к книге Ходасевича можно назвать отношением благодарного и восхищенного читателя. Завершается рецензия похвалой Ходасевича в создании «превосходного образца и трудного искусства биографии», а также ожиданием новой книги о Пушкине. Таким образом, в этой статье Алданов невольно подчеркивает и собственный литературный путь Ходасевича, ориентированного на пушкинскую традицию, истоки которой обнаруживаются в поэзии Державина.

В упомянутом выше очерке «Поездка Новосильцева» Алданов представит только одну черту Державина – искушенного политика,

[390] Валишевский К. «Вокруг трона». Москва, 1909. URL: http://az.lib.ru/w/walishewskij_k_f/text_vokrug_trona.shtml

[391] Алданов М. [Рецензия на книгу]. Указ. соч. С. 496.

[392] Там же. С. 497.

ретрограда, который не мог быть в восторге от перемен, задуманных либеральной молодежью, в частности – деятельностью организованного Негласного комитета (в шутку называвшегося «Комитетом общественного спасения»), а также идеи организовать европейскую Лигу наций: «Влияние Негласного комитета ослабело, очень усилилось давление со стороны “старорусской партии”. Чарторыский жалуется на происки Державина, которого называет “прощелыгой”, – знаменитый поэт в политике не любил возвышенных замыслов»[393]. Алданов приводит нелицеприятное слово Чарторыского, чтобы показать, насколько заносчивой и смелой была либеральная молодежь в тайном комитете при царе. Однако это слово совсем не бросает тени на «великого сочинителя», тем более что критике от этой молодежи подвергались многие, в том числе и сам император Александр I. Снова мы видим своеобразное разоблачение Державина, принижение его личности, но вряд ли в этом проявляется желание Алданова создать карикатурный образ великого поэта.

Например, в очерке «Юность Павла Строганова» Алданов изобразит знаменитого Александра Сергеевича Строганова и отметит не только его богатство, но и образованность, либеральный западный дух, вкус, умение разбираться в искусстве, но также то, что многие известные люди бывали у него в доме, среди них и Державин[394]. Знакомство с Державиным, таким образом, воспринимается как общение с великим человеком, с выдающимся деятелем государства, фигурой, знаковой для истории России.

Пожалуй, одним из последних текстов Алданова, в котором будет упомянут Державин, станет роман «Бред». Невеста шпиона Шелля устроит своему жениху игривый разговор на литературную тему:

« – <…> Скоро буду так крепка, что просто хоть бычка танцуй!

– Какого бычка? – спросил он, бледнея.

– Разве ты не помнишь? Я тебе на третий день после нашего знакомства читала стихи Державина.

– Какие стихи?

[393] Алданов М. Указ. соч. Кн. 1. С. 148.

[394] Там же. Кн. 2. С. 10.

– Неужели не помнишь? “Зрел ли ты, певец тиисский, – Как в лугу весной бычка – Пляшут девушки российски – Под свирелью пастушка? – Как, склонясь главами, ходят, – Башмачками в лад стучат, – Тихо руки, взор поводят – И плечами говорят...”

– Да, да, помню, – перебил ее Шелль»[395].

Удивительно в этом фрагменте то, что Наташа, прошедшая ад фашистского лагеря, сохранившая чистоту и веру, произносила понравившемуся ей мужчине такие милые и беззаботные стихи. «Русские девушки» написаны Державиным в далеком 1799 г., но, когда они так весело и задорно читаются приговоренным смертельной болезнью человеком, кажется, что и болезнь может быть побеждена – столько силы и жизни в поэзии «Певца Фелицы».

Имя Державина упоминается не только в произведениях, но и в переписке Алданова. В письме от 3 августа 1949 г. Алданов, пытаясь мотивировать больного И. А. Бунина к писанию, вероятно, по памяти процитирует великого классика: «<…> У меня мысли о смерти постоянные, с пятидесяти лет. У Державина есть стихи, и глуповатые, и очаровательные:

И смерть, как гостью, ожидает,
Крутя, задумавшись, усы.

Такой человек, как Вы – конечно, Вы думали о смерти всю жизнь. <...> Значит, всё-таки главное сводится к тому, что радостей жизни становится всё меньше. Это так. Ну, что ж, надо себе доставлять те, которые еще остаются»[396]. По мнению Алданова, писательство – это та радость, которой больной Бунин не должен себя лишать, а приведенные державинские строки свидетельствуют о прочности ассоциаций, связывающих алдановское сознание с творчеством Державина. С одной стороны, эта малозаметная деталь эпистолярия показывает, что поэзия создателя «Фелицы» имеет для Алданова большое значение, что он умеет ею наслаждаться и одновременно критически оценивать. С другой стороны, тяготение к творчеству Державина выглядит

[395] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 657–658.

[396] Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным // Новый журнал. 1965. № 81. С. 129.

несколько архаичным на фоне весьма консервативных эмигрантских обращений к русской классической традиции. Но эта архаика, своеобразная верность патриархальной старине, и сближает Алданова с Буниным.

Алданов цитирует стихотворение Державина «Аристиппова баня», написанное в 1811 г. Композиция этого текста нетривиальна: в речь повествователя, дающего характеристику жизни философа Аристиппа, вмонтирована песнь Ареты, его ученицы-дочери, обращенная к смертным. Историки упрекают Аристиппа за любовь к роскоши, которую ему позволяла жизнь при дворе тирана Дионисия. В песне же дочери звучит своеобразный кодекс мудрого человеческого поведения, и в нем упомянутые выше слова:

Себя лишь мудрый умеряет
И смерть, как гостью, ожидает,
Крутя, задумавшись, усы[397].

Песня прерывается появлением прелестных искусительниц, посланных Дионисием, реакция мудреца Аристиппа мгновенна: «Но выдьте вон: я философ». Но повествователь завершает свой рассказ очередными собственными инвективами и заключениями.

Алданов же из всего драматичного текста Державина выбирает только тот фрагмент, который связан со смертью. Естественно, богатый образный и ассоциативный ряд этого стихотворения он оставляет в стороне, чтобы не раздражать больного, почти прикованного к постели Бунина.

На примере художественной и документальной прозы, переписки Алданова мы увидели, что он в своем творческом сознании сформировал своеобразный образ Державина – и как персонажа, и как поэта, и как государственного деятеля. Именно с Державиным, как с великим поэтом – предшественником А. С. Пушкина – и государственным деятелем связано представление Алданова о русской классической традиции и государственности, которую помогали укреплять лучшие дворянские силы. Вместе с тем очевидно, что Державин появился на страницах Алданова не как

[397] Державин Г. Р. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Народное образование, 2015–2018. Т. 3. С. 91.

автор стихов, несущих правду и бодрость духа, не как творец, восстающий против духовного пессимизма. Писатель XX в. не выбрал эту ипостась поэта Державина; видимо, алдановский удел был не замечать восторг жизни и относиться к чужим одухотворенным радостям скептически. Но само отсутствие литературной составляющей образа Державина дало возможность Алданову избежать рефлексии по поводу мифологизации поэта как предтечи Пушкина и как представителя классицизма, который нарушал каноны его поэтики. В результате алдановский Державин получился несколько куцым, но все же живым – прежде всего как человек, как личность.

Как видно, обращение Алданова к русским писателям XVIII в. спорадическое, оно отличается от обращения к русской классической литературе XIX в., о котором пойдет речь в последующих главах. Конечно, Алданова привлекали прогрессивные взгляды писателей-классицистов, но отражать их в своем творчестве он не стремился. Трудно сказать, что кто-то из них повлиял на мировоззрение Алданова и на принципы его поэтики. Вероятно, могла сказаться отдаленность от времени участников событий.

Предполагаем, что для поиска различных фактов биографий этих писателей, для понимания эпохи Алданов мог обращаться к журналам «Русский архив», «Русская старина», «Русское богатство». Вместе с тем мы не можем обнаружить у него знания литературно-критических и научных работ, посвященных творчеству писателей XVIII в. Алдановым показано как восприятие их произведений, так и применение их духовного опыта в собственных художественных текстах и в переписке. Ломоносов и Державин, в отличие от других упомянутых писателей, превращены им в художественные образы, участвующие в развитии сюжетных линий: Ломоносов – как один из главных героев повести «Пуншевая водка», Державин – как эпизодический персонаж тетралогии «Мыслитель».

Писатели XVIII в. через призму восприятия Алданова превратились в свидетелей эпохи. Читатель с помощью знаний, наблюдений и остроумных исторических параллелей автора получил возможность увидеть историю живой, почувствовать ее эмоции. Вместе с тем нелогичные поступки, нелепые ситуации, неразумные мотивы поведения героев в изображении Алданова показывают иронический подход автора. Этот подход определен не желанием

их изобличить и унизить, а скепсисом в отношении адекватного восприятия современниками масштаба их деятельности, а также пониманием искренности, но тщетности их усилий по разумному усовершенствованию мира.

Глава 3. Литература первой половины XIX века в восприятии Алданова

3.1. А. С. Грибоедов в творчестве Алданова

Интерес к А. С. Грибоедову русской эмиграции первой волны в какой-то степени можно представить по объему публикаций в сборнике «Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов»[398], а также по отдельным эмигрантским рецензиям на монографии советских литературоведов[399].

Примечательно, что если не писателям, то критикам и литературоведам зарубежья создатель «Горя от ума» и его образы были важны: некоторые из них осмысляли путь Чацкого как путь инакомыслящего, покинувшего родину, сопоставляли с собственным изгнанием.

Один из крупнейших литературных критиков эмиграции А. Л. Бем обратил внимание на то, как реагировали классики русской литературы на образы Грибоедова. В частности, им обстоятельно изучена грибоедовская рецепция Ф. М. Достоевского: «Наблюдение над творчеством Достоевского показывает, что цитаты из того или иного произведения появляются у него не только в применении к подвернувшемуся случаю, по простой ассоциации памяти, а почти всегда вызывают известную идейную связь с цитируемым произведением»[400]. Позиция Достоевского в отношении грибоедовского героя, наверное, самая оригинальная: это суровая оценка критика, видящего в Чацком участника декабристского восстания, и потому не принимающего этого предполагаемого декабриста; Бем вспоминает настоящую отповедь Чацкому, произнесенную Шатовым в «Бесах». Вместе с тем отношение Достоевского к грибоедовскому герою двойственное: «В своих критических отзывах он рассматривает Чацкого как общественный тип (“московский барин и помещик”) и определенное историческое явление (“декабрист”); в художественном же истолковании исходит от Чацкого-человека, трагедию

[398] Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / сост. и предисл. М. Д. Филина; ред. и коммент. В. А. Кожевникова. Москва: Русскій міръ, 2001. 320 с.

[399] Бахрах А. Тайна Грибоедова [Рецензия на книгу] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. Москва, 1947 // Русские новости. 1948. № 139 (30 янв.). С. 4.

[400] Бем А. Л. Грибоедов и Достоевский // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: сборник статей под редакцией А. Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. Москва: Русский путь, 2007. С. 416.

которого он усматривает в его идеализме»[401]. Бему, анализирующему высказывания Достоевского, грустно видеть их необычные акценты: Чацкому сделан упрек в «белоручничестве», а будущее Молчалина расценено как «посвящение себя отечеству». Важно заметить, что эмигрантский критик усмотрел желание Достоевского представить судьбу образов грибоедовской пьесы, а также обнаружил прием в его художественной манере, очевидно связанный с персонажами и сюжетными ситуациями «Горя от ума»: «…*прием транспонирования* какого-нибудь сюжетного положения, взятого из другого автора, перенесение его в другую историческую обстановку и социальную среду»[402]. Такой прием в более позднее время исследователи назовут интертекстуальным; очевидно, что этим художественным средством воспользовался и сам Алданов в отношении романа Достоевского «Преступление и наказание», но об этом будет сказано в соответствующей главе.

Значение автора «Горя от ума» в художественном творчестве писателей русского зарубежья изучено не столь глубоко. М. А. Алданов, выступавший в своих рецензиях, литературных статьях, портретных очерках по различным темам как исследователь русской классики, не написал о Грибоедове отдельной работы. Но почему? Потому ли, что Грибоедов был не очень интересен Алданову? Или потому, что сила воздействия его творчества намного меньше влияния других классиков русской литературы? Ответы на эти вопросы мы и пытаемся дать.

Совершенно очевидно, что Алданов был знаком с различными изданиями сочинений Грибоедова, среди которых выделяется дореволюционный трехтомник[403].

Во-первых, заметим, что алдановские тексты, в которых выражена оценка личности Грибоедова, можно сосчитать на пальцах одной руки. Выражается она в небольших репликах, характеризующих персонажа или ситуацию. Так, в повести «Святая Елена, маленький остров», вошедшей в тетралогию «Мыслитель», вымышленный герой, русский посланник де

[401] Там же. С. 418.
[402] Там же. С. 423.
[403] Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Издание Разряда изящной словесности Имп. акад. наук, 1911–1917.

Бальмен, пребывающий в месте ссылки Наполеона, читает письма из Европы. В одном из писем, адресованных посланнику, сообщается о новостях из России – о политике и масонах. Любознательный де Бальмен был знаком с положением дел на родине и проявлял осторожность: «…недолюбливал надменного Пестеля и видел в нем человека, готового на вещи очень опасные», «не слишком много доверия внушали ему и другие два масона, о которых писал Ржевский: Чаадаев и Грибоедов, хотя их де Бальмен нисколько опасными не считал. “А пожалуй, и правы старички Аглицкого клуба. Доиграются эти господа до Сибири”»[404]. В своем предвидении конца опасной игры «господ» русский посланник почти не ошибся. Любопытно, что у Алданова, очень живо интересовавшегося интеллектуальной историей, историей идей, был устойчивый интерес к прототипу главного героя Грибоедова – П.Я. Чаадаеву. Еще в первой своей публицистической работе «Армагеддон» Алданов целую страницу посвятит Чаадаеву, вспоминая его резкие слова об отечестве: «Мы еще очень далеки от сознательного патриотизма старых наций»[405]; «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок»[406]. Начинающий литератор будет о нем отзываться только почтительно. Цитируя автора «Апологии сумасшедшего» и «Философических писем», Алданов заметит: «…его прогноз поистине принадлежит к самым замечательным страницам этого трудного и рискованного жанра мысли. <…> Странная судьба необыкновенной мысли Чаадаева: понять ее можно было только через столетие»[407].

Уже приобретя известность писателя, в 1930 г. Алданов опубликует под заглавием «Из записной тетради» свои писательские наблюдения, среди которых будет отдельная страница с обращением к прототипу Чацкого: «Как некоторые гениальные мысли Чаадаева, роман “Бесы” не был понятен до событий последнего десятилетия. В минуты мрачного вдохновения зародилась

[404] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 2. С. 343.

[405] Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. URL: http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html.

[406] Чаадаев П. Я. Философические письма. URL: https://library.khpg.org/files/docs/1462098690.pdf.

[407] Алданов М. А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. Москва: НПК «Интелвак», 2006. С. 93.

эта книга в уме Достоевского»[408]. Алданов отметит у Чаадаева и Достоевского пророческое значение непостижимых современниками идей. Неудивительно, что неприятный для современников Чаадаев как бы будет продолжен в Достоевском, «провидце глубины и силы необычайной»[409].

Алданов интересовался судьбой прототипа грибоедовского персонажа, кое-что о нем знал. Так, рецензируя биографию Пушкина, написанную М. Л. Гофманом, Алданов отметит «маленькую неточность»: «На стр. 52 М. Л. Гофман сообщает, что Чаадаев был “объявлен сумасшедшим и заключен в дом умалишенных”, – вторая часть этого утверждения неверна»[410]. Стало быть, редкую для того времени информацию о биографии Чаадаева Алданов знал по другим источникам и знал лучше, чем авторитетные исследователи литературы. Более того, Алданов следил за новыми публикациями по теме «Чаадаев». Этот прототип Чацкого мог быть очень интересен Алданову и своим отношением к истории цивилизации, к судьбе России, и взглядом на человечество – редкое сочетание скепсиса, даже пессимизма, с верой в будущее России. Позднее в печати (но, может быть, и ранее – в лекциях американским студентам) Карпович удивительно точно передаст мировидение Чаадаева, заодно раскрывая и алдановское мировоззрение, вот как он напишет в статье «Чаадаев и его контекст»: «Все эти пессимистические утверждения (в той же “Апологии сумасшедшего” в случае с Чаадаевым) соседствуют с выражением твердой веры в будущее России. Это показывает, что в действительности пессимизм не был полным и нигилистическим, раз и навсегда приговаривающим страну. Это была попытка привлечь внимание к недостаткам России, чтобы сделать ее лучше, чем она была в то время»[411]. Думается, что подобное сочетание было свойственно и самому Алданову, который, с одной стороны, не принимал идеологию коммунизма, с другой стороны – верил в сильную, свободную Россию и, как патриот, желал ей процветания.

---

[408] Алданов М. А. Из записной тетради // Современные записки. 1930. № 44. С. 359.

[409] Там же.

[410] Алданов М. А. [Рецензия на книгу] Hofmann M. L. Pouchkine / traduction de Nicolas Pouchkine. Paris: Payot, 1931 // Современные записки. 1932. № 48. С. 478.

[411] Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). Москва: Русский путь, 2012. С. 99.

Даже в рецензии на эмигрантский сборник, содержащий исследования и публикации новых материалов, Алданов отметит находки, «так как русским исследователям удалось найти много ценного вдали от музеев и архивов (неизвестный автограф Пушкина, сборник английских брошюр, принадлежащий Тургеневу)», а особенно опубликованный во втором номере «Временника» текст «письма Чаадаева к кн. И. С. Гагарину»[412].

Если же путь Чацкого, обладателя «мильона терзаний», воплотившего черты Чаадаева, – это путь к декабризму, то таким же мог быть исход его автора. Еще одно обстоятельство жизни Грибоедова, которое обыгрывается в повести «Святая Елена, маленький остров», – принадлежность масонству. Опять-таки обратим внимание, что темы масонства и декабристов, по известным причинам, у Алданова всегда находились на особом счету.

Еще одна реплика критика – это оценка Грибоедова: слова, произнесенные Алдановым в очерке о М. А. Осоргине[413], которые почти полностью будут повторены в книге философских диалогов «Ульмская ночь» (часть пятая, «Диалог о русских идеях»). Алданов указывает на целый ряд российских художественных деятелей, которые «и в политике, и в своем понимании мира были умеренные люди, без малейших признаков максимализма». Среди них, «консерваторов, либо либералов, без малейших признаков бескрайности», между Тютчевым и Гоголем, назван Грибоедов[414].

В очерке «Ольга Жеребцова» Алданов пишет об относительности оценок, выносимых персонажам истории. В литературных текстах эта относительность поразительна: «Очень вдобавок расходятся разные оценки людей того времени. Пример поистине поразительный: Марья Дмитриевна Ахросимова “Войны и мира” и Хлестова “Горя от ума” писаны якобы “портретно” с одной и той же дамы. Толстой *хотел найти* красоту и поэзию, – нашел. Грибоедов *хотел найти* пошлость и безобразие, – тоже нашел»[415]. Таким образом, создатель «Горя от ума» оказался включенным в цепь

[412] М. А. [Алданов М. А.] [Рецензия на книгу] Временник Общества друзей русской книги / ред. Г. Д. Лозинский, Я. Б. Полонский. Париж, 1932. Кн. 3 // Современные записки. 1932. №. 50. С. 466–467.

[413] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 537.

[414] Там же. С. 348.

[415] Там же. Кн. 2. С. 211.

алдановских рассуждений о превратностях судеб в восприятии потомков, которые одно и то же историческое лицо могут воспринять диаметрально противоположно.

Другие тексты Алданова утроены так, что в них либо упоминаются имена персонажей пьесы «Горе от ума», которые приводятся в целях аргументации мыслей, либо алдановские герои вмещают в себя какие-то идеи, оказываются в ситуациях, близким действующим лицам грибоедовской пьесы.

Следующее произведение, в котором замечен грибоедовский след, – это первая часть трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера». В романе «Ключ» есть аллюзия на знаменитую пьесу Грибоедова. Следователь Николай Петрович Яценко, пытаясь вспомнить отчество своего знакомого Фомина, ошибается в отчестве:

«– Картины покупаете, Платон Иванович?

– Платон Михайлович…

– Простите, Платон Михайлович… Это ведь в “Горе от ума” Платон Михайлович?..»[416].

Очевидно, что такая литературная ассоциация у следователя могла появиться при том условии, что он либо хорошо усвоил русскую классику еще в гимназические годы, либо обращался к ней в зрелом возрасте, любя и запоминая даже подробности изображенных сцен. Такой ситуативной деталью Алданов создает образ просвещенного, эрудированного и тем более опасного сыщика.

Отсылки к Грибоедову осуществляются и во второй части этой же трилогии Алданова, в романе «Бегство». Среди многочисленных диалогов двух «лишних» людей, людей, выброшенных историей из России, Брауна и Федосьева, есть эпизод, в котором персонажи предвидят процессы развития русского общества. Мрачный Федосьев, в прошлом глава политического сыска, спрашивает не менее мрачного ученого – в прошлом нелегального революционера Брауна: «У нас в России были Гамлеты, Чайльд-Гарольды, дон-Кихотами хоть пруд пруди. Только Фаустов не было. Итак, ваш скорбный листок?..» Браун по привычке парирует: «Нет болезни, нет и скорбного листка». Федосьев не унимается: «Болезнь есть: чрезмерная независимость».

[416] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 3. С. 49.

Браун отвечает: «Золотая середина между Юлием Цезарем и Молчалиным»[417]. В таком контексте действующее лицо грибоедовской пьесы выступает символом покорности и терпения, противостоящим другому символу – властолюбия, тщеславия и агрессии. А золотая середина – это возможность жизни русского человека между двумя крайностями. Но подобная антитеза, сопоставление крайностей, вряд ли избежала иронии автора. Образ Молчалина превращается в настоящий мотив алдановского романа. Так, несколькими страницами ниже цитируются известные слова Грибоедова, а именно: ироничная реплика Чацкого:

> Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
> А чем не муж? Ума в нем только мало;
> Но чтоб иметь детей,
> Кому ума недоставало?
> Услужлив, скромненький, в лице румянец есть[418].

Желчный Чацкий, умаляя интеллект Молчалина, оставляет своему сопернику только естественную ущербную способность «ума» – «иметь детей». Алдановым эта реплика применяется в сцене своего романа: Витя Яценко, вдохновленный первым удачным обладанием женщины, игриво и весело произносит слова Александра Андреевича:

«Елена Федоровна, вернувшись в спальню, прервала его глубокие размышления.

– Ты был очень мил, – сказала она, гладя его по голове. – Ты далеко пойдешь.

– Правда?

В ее устах эти слова были для него то же, что для молодого офицера похвала знаменитого полководца. Витя не был самодоволен, но он чувствовал, что, независимо от его воли, самодовольная улыбка все глупее расплывается на его лице.

– Иметь детей кому ума недоставало, – сказал он, и ему стало еще веселее: ответ показался Вите очень удачным. “Вот и находчивости теперь прибавилось...” Елена Федоровна тоже засмеялась, догадавшись, что это цитата»[419].

---

[417] Там же. С. 394.
[418] Грибоедов А. С. Указ. соч. Т. 1. С. 67.
[419] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 3. С. 399.

Юный Витя не замечает, что такая находчивость сродни пошлости, но фраза из пьесы Грибоедова его выручает, становясь поводом для милой шутки.

В романе «Пещера», третьей части трилогии, Алданов не использовал цитат из грибоедовских текстов. Однако в одном из главных персонажей угадываются черты, сближающие его с Чацким. Так, вышеупомянутый химик Браун, в молодые годы много работавший за границей, будто бы познал истинную цену духовной и материальной жизни Европы, превратившись в революционера. Отметим, что и персонаж Грибоедова мог познать немало за те «три года», что находился за пределами России: о своеобразной специфике пребывания Чацкого за границей указывает комментатор грибоедовского собрания сочинений А. Л. Гришунин[420]. Браун и Чацкий близки психологически, по своему темпераменту: Чацкий вспыльчивый, Браун – человек неспокойный. Чацкий остроумный, сыплет афоризмами, и Браун эрудированный и красноречивый. Чацкий – человек активной жизненной позиции, но оказывается лишним не только в доме Фамусова, но и в современном обществе. Браун, неравнодушный к судьбе России, осознает, какой несвоевременной оказывается его жизнь: «На моих глазах человечество шло не вперед, а назад. Может быть, это случайность, но это так. Да, назад и всё назад! Значит, неудачно родился… Неудачно родился»[421].

Именно с Брауном связано алдановское исследование открытий и тупиков человеческого разума, но по сути – бесприютности благородного ума. Именно Браун пишет философскую повесть о разуме и чувствах, об уме и сердце, взвешивая разные части опытом своей жизни. Алданов, переживший несколько войн и революций, наблюдает за тем, как в просвещенной Европе набирает обороты фашизм. Частично эти наблюдения переданы в художественно-философском произведении персонажа, задумавшего подытожить свою жизнь. Во вставной повести «Ключ» представлен образ воплощенного разума, совершенного одиночества. Браун, наверное, не лишен «мильона терзаний»; по той умственной работе и поступкам, оказывающимися «внесценическими», по тому количеству кофе и коньяка, выпитому им из желания быть постоянно бодрым, взвинченным, ясно, что это

[420] Грибоедов А. С. Указ. соч. Т. 1. С. 301.
[421] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 4. С. 245.

человек и много думающий, и много переживающий. Но читателю он виден только как воплощение дерзкой гордости и вспыльчивого самолюбования. Это образ философа Декарта, который тем не менее в отличие от Чацкого «привык скрывать все свои чувства и видел в этом необходимейшую добродетель»[422]. Престарелый Декарт обладает чувством меры, ощущает уместность и, так сказать, коммуникативную целесообразность проявления ума. Он говорит, что никто из живших до него людей не верил крепче в мощь и права разума. Но Декарт никогда не станет фанатиком разума, «этого он не стоит» [423]. В тексте Брауна приводится характеристика средневекового Чацкого, Галилея, рискнувшего открыть истину недостаточно просвещенной Европе: «…то, что он сказал, сказал он либо слишком рано, либо слишком шумно. Осудившие его люди невежды перед ним в науке о звездах. Но он перед ними невежда – в науке о людях»[424]. Другое дело, что Чацкий Грибоедова не замечает, как становится смешным, Браун Алданова, напротив, все замечает и надевает на себя демоническую маску.

Исходя из принципа, столь почитаемого в науке о литературе М. В. Строгановым, – принципа человековедения[425], можно сказать, что и Галилей в Европе, и Чацкий в доме Фамусова не могут выйти победителями не потому, что метали бисер перед свиньями. А потому, что слишком плохо знали людей. Галилей – из-за той человеческой ограниченности, что, к сожалению, является частым изъяном учености, Чацкий – по отсутствию умения сдерживать эмоции, налаживать общение и смотреть на ситуацию со стороны. Оттого в речи Чацкого и господствуют страстные монологи, что ум его глубок, но сконцентрирован на себе, а не анализе реплик участников диалога. Чацкий не то чтобы не слышит, он не прислушивается к собеседникам, их слова воспринимает за чистую монету и потому выглядит жестокосердным и глуповатым. Чего стоят только его реплики по поводу Молчалина: «Она его не уважает», «Она не ставит в грош его», «Шалит, она

[422] Там же. С. 379.
[423] Там же. С. 384.
[424] Там же. С. 384.
[425] Строганов М. В. Современные задачи изучения Грибоедова и как к ним подойти. URL: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8885.

его не любит»[426], – хотя читатель-то должен быть уверен, что именно Молчалин разбил сердце Софье. «Мудрый Картезий» – Декарт – в изображении Алданова эдакий антиЧацкий, потому как он придерживается иного закона общения, еще сформулированного древними римлянами: хорошо живет тот, кто скрытен: «Роскошь собственной правды я держу про себя: не говорю людям того, что о них думаю»[427].

Памятна публикация И. Золотусского, в которой, на наш взгляд, очень точно говорится о содержании пьесы: «Резонный вопрос, обостряющий диспут об уме, который развёртывается в комедии Грибоедова. Горе Уму вознёсшемуся, говорит автор, горе Уму, лишённому сострадания. Такой Ум несёт горе и его обладателю. <…> Чацкому недосуг задуматься, что Скалозуб воевал с Наполеоном (причём в пехоте), имеет боевой орден, что Молчалин из бедной семьи, из Твери, откуда его вытащил Фамусов и вытащил за усердие в службе. Разве Молчалин не должен быть благодарен тому за это? <…> Входя в глубину текста, мы начинаем понимать, что Молчалин и Скалозуб не мальчики для битья, а оппозиция уму Чацкого. <…> Христианское чувство выше гордости, выше обиды, выше “сатиры”. И именно им завершается “Горе от ума”. Это победа сердца над умом»[428] . Об оппозиции уму пишет и Алданов. Браун, подобно Чацкому, соблазняется борьбой, неприятием, сопротивлением. Когда-то и он, полный иллюзий, боролся против лжи имперской власти, затем против лжи большевиков. Но, как и Чацкий, он не способен выйти на путь достижения человеческого счастья; он не умеет любить, и это главная печаль для ума. Люди горделивого принципиального ума, люди с «неуступчивым благородством на челе» часто не имеют семьи или несчастливы в браке. Лишенным родительской любви и ласки оказался Чацкий, лишенным истории детства, юности, молодости оказывается Браун. Алдановский герой бежит от своего ума, от чрезмерной зависимости от работы мозга, но путь и формы его бегства незавидны: философская повесть-итог и самоубийство.

[426] Грибоедов А. С. Указ. соч. Т. 1. С. с. 65–66.
[427] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 4. С. 384.
[428] Золотусский И. Прости, Отечество! // Литературная газета. 2005. № 1.

Положительный опыт остается лишь у героя повести Брауна, Декарта. Философ никогда не станет бунтарем: «Кому этот мир не нравится, – говорит Декарт, – тот в любую минуту волен уйти в другой: незачем отравлять жизнь себе и товарищам по сомнительному несчастью. В месте же общественном, как эта планета, надо вести себя по правилам» [429]. Декарт в интерпретации алдановского Брауна – это современное понимание и отрицание позиции Чацкого, которая привела в пещеру, откуда нет обратного пути.

Стоит обратить внимание на то, что грибоедовские мотивы открываются именно в современных, политически заостренных произведениях Алданова. Рассмотрим эти тексты.

В романе «Начало конца» генерал Тамарин, хорошо знающий русскую литературу, вынужден обсуждать военную науку с профессиональным революционером Вислиценусом. Тот прохладно отнесся к труду почитаемого стратега Клаузевица: «Генерал посмотрел на него так, как очень терпимый, но верующий мусульманин мог бы смотреть на человека, отзывающегося пренебрежительно о Магомете. “Ну, знаете, – сказал он, – это как кто-то говорил, что “Горе от ума” – плагиат: всё состоит из поговорок, там Марья Алексеевна и всё прочее”…»[430]. Благодаря этой литературной вставке, очеловечивающей, окультуривающей контекст диалога, общение двух недоверчивых людей переходит на другой уровень: «Разговор сразу оживился, и через несколько минут оба уже беседовали с увлечением»[431]. Как мы помним, Тамарин всего-навсего упомянул слова заключительных строк грибоедовской комедии – реплику Фамусова: «Ах! Боже мой! Что станет говорить / Княгиня Марья Алексеевна!»[432]. Но как пригодились эти слова! И неудивительно ли, что их помнит военный человек, правда, в прошлом офицер царской армии.

Тайному агенту Вислиценусу, сироте, человеку без детства и юности, очень подходят ассоциации с грибоедовским образом, с лишними людьми. Возникающие в его сознании ассоциации подтверждают его догадки о

[429] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 4. С. 384.
[430] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 4. С. 44.
[431] Там же. С. 44.
[432] Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Нотабене, 1995–2006. Т. 1. С. 122.

несвоевременности его жизни и об обреченности искреннего труда во имя идеалов революции. Ирония истории и в том, что одно из его конспиративных имен было Чацкий[433]. Вислиценус, разуверившись в революционной идее, пытается выйти из политической игры: «…*служить* больше не могу. Все преступления, все гнусности, всю пролитую кровь можно было терпеть, пока была вера, что мы строим новую жизнь…»[434]. На одной странице Алданов помещает имя Чацкого и выделенный курсивом глагол «служить», который произносится героем с отвращением. В отличие от Чацкого разведчику Вислиценусу и «прислуживаться», и служить «тошно». Разрушительная машина революции настигает его тогда, когда он пытается отказаться от секретной службы и уйти на покой.

Иногда в алдановском тексте всего одна фраза Грибоедова становится средством характеристики «интеллекта» и других свойств персонажа. Так, в романе «Истоки» Мамонтов, отправившийся в путешествие по Европе, «вспомнил о петербургских обедах, о водке, об икре, но тут же решительно себе подтвердил, что нисколько не сожалеет о своей поездке. «“Когда, пространствуя, воротишься домой, – И дым отечества...” Все у нас, кстати, думают, что дым отечества это из Грибоедова. А Грибоедов это взял у Гомера как нечто общеизвестное... Месяца три-четыре можно провести и без дыма отечества и даже без отечества...»[435]. Мамонтов неточно вспоминает строки из первого действия «Горя от ума» («Когда ж пространствуешь, воротишься домой / *И дым Отечества нам сладок и приятен»*). К тому же персонаж не к месту умничает, ведь известно, что на заимствованный характер стиха указал сам Грибоедов, выделив его курсивом[436]. Очевидно: Мамонтов не очень внимателен, но очень высокомерен. И Алданов таким образом, с одной стороны, показывает «начитанность» своего героя, с другой – насколько поверхностны его знания, насколько он не глубок в принципе.

В романе «Живи как хочешь» Виктор Яценко обдумывает, где вообще возможно сохранение романтики, романтического, и взвешивает

---

[433] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 4. С. 307.
[434] Там же.
[435] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 4. С. 446.
[436] Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Нотабене, 1995–2006. Т. 1. С. 28, 307.

обстоятельства жизни человека на Западе и в СССР: «Уж больше всего действия в России, особенно у советских людей, посылаемых за границу, но какая у них романтика! Там смесь Рокамболя с Молчалиным, солдатчина и дисциплина, как в армии Фридриха II, с той разницей, что при Фридрихах это вдалбливалось в кадетских корпусах и закреплялось в день присяги, а здесь вдалбливается в комсомоле, а закрепляется в день получения партийного билета. Нигде в мире ничего романтического не осталось, всего же меньше в политике. Теперь и заговоры ведут через пытки к признаниям...»[437]. В этом же романе, изображая полемику писателя Яценко и продюсера Пемброка, Алданов еще раз прибегнет к грибоедовской ассоциации. Вспоминая разных персонажей, ставших нарицательными именами, Яценко упомянет Скалозуба и отметит, что для изображения типов «почти всегда нужно огрубление»[438]. Его точка зрения связана с возвеличиванием индивидуального, хар*а*ктерного в человеке, а Пемброку импонирует типизация как составляющая часть массового искусства. Скалозуб же в восприятии Яценко – это огрубленный образ. Парадоксально: Скалозуб как художественное решение Грибоедова начинающему драматургу кажется выспренним, старомодным, однако образ Молчалина – тип, созданный Грибоедовым, Яценко легко использует как один из символов покорного молчания советского человека.

Очевидно, что Грибоедов для Алданова являлся одним из ориентиров культурного прошлого. Не случайно, что персонаж-современник оценивает качества Грибоедова как личности. Алдановым же, как писателем XX века, в определенной степени проявлен интерес только к одному произведению классика, а точнее – к системе образов пьесы «Горе от ума» и к не самым главным ее идеям.

Ю. И. Айхенвальд в одноименном очерке отметил, что в пьесе Грибоедова «глубокая трагедия и роковая невзгода, постигшая Чацкого, представляет собою лишь частичный отзвук мировой судьбы идеализма. Главный алдановский аналитик жизни, испивший горечь своего ума, Александр Браун, тоже увидел бытие во всей его низменности и лжи. Но в отличие от Чацкого, в своем осуждении жизни он достигает страшной

[437] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 5. С. 33.
[438] Там же. С. 114.

философской глубины, становясь критиком бытия и мира. Чацкий XIX в. не может всецело уйти в тоску, в «бесплодный сарказм отрицания». Чацкие XX в. преисполнены этого сарказма. Только какой-то автоматической волей они еще способны проявлять энтузиазм к жизни, но жизни они уже не строят. С афоризмами Чацкого принято считаться всем интеллигентным людям России. С афоризмами Брауна или Вислиценуса тоже нужно считаться, но это слова приговоренных к смерти – вряд ли они могут быть полезны живым. Алдановским Чацким, кипучим и напряженным душам, не достает веселости, молодого задора и свежести чувств героя Грибоедова. Их мрачность – эмоция автора, увидевшего тупик многих современников. Автора, который пока не знает, что им предложить взамен веры, утопии, иллюзии. Это действительно алдановская проблема, унаследованная от Грибоедова, – горе от ума, точнее, от разума, не совмещающегося с религиозным чувством.

Таким образом, общее направление восприятия грибоедовского слова в творчестве Алданова – это представление о том, как ум современного человека, желающего открыть истину, становится опасным оружием, способным истребить счастье и человечность.

Подводя итоги, можем сказать следующее. Судя по всему, Алданов даже не пытался написать отдельную работу о творчестве автора «Горе от ума». И вероятно, дело как раз в том, что в творческом сознании автора «Армагеддона» запечатлелся всего один текст главной комедии Грибоедова. Признаков цитирования других драматических произведений и лирики Грибоедова нам не удалось обнаружить. Алданов сторонился поэзии, говорил, что не понимал ее, хотя писал о ней в различных рецензиях. Очевидно, что эта алдановская отстраненность не позволяла постичь всего Грибоедова в лирико-драматическом масштабе или не позволила нам узнать всецело об алдановском восприятии Грибоедова.

3.2. Рецепция А. С. Пушкина в художественной прозе и литературной критике Алданова

Рецепция творчества А. С. Пушкина на Западе не могла быть такой разнообразной и обширной, как рецепция творчества Ф. М. Достоевского, Л.

Н. Толстого или А. П. Чехова. Вместе с тем для наших соотечественников, оказавшихся в европейских и заокеанских странах, именно наследие Пушкина было важным средством духовной идентификации. О пушкинских мотивах и интертекстах написано немало, в том числе специально отмечалось нами[439], о пушкинских словах в прозе Алданова упоминается и в других статьях[440]. Примечательно, что Алданов, в разное время живший в Германии, Франции, США, посещавший Англию, был постоянно вовлечен в мероприятия, связанные с чествованием А. С. Пушкина. И потому, чтобы лучше понять пушкинскую рецепцию в творчестве эмигранта-Алданова, необходимо рассмотреть историко-литературный фон, специфику рецепции Пушкина в разных государствах.

В научной и справочной литературе, посвященной вопросам зарубежья, имя Алданова встречается в числе участников мероприятий, чествующих память А. С. Пушкина: «12 июня 1924 г. Сорбонна. Торжественное чествование памяти А. С. Пушкина по случаю 125-летия со дня его рождения, устраиваемое комитетом помощи русским писателям и ученым, Союзом русских писателей и журналистов и русским народным университетом. Выступили представители русский и французской литературы и науки: Н. В. Чайковский, проф. Буайе, П. Н. Милюков, М. Алданов»[441]. Включение молодого литератора в список докладчиков на пушкинскую тему является знаком признания среди коллег по литературному цеху. Чуть ранее он

[439] Шадурский В. В., Степанова М. В. Тема А. С. Пушкина в критике и публицистике М. А. Алданова. «Ученые записки НовГУ», 2015, № 2, с. 1–6; Шадурский В. В. Пушкинское слово в творчестве Марка Алданова. «Художественные традиции в русской литературе XX–XXI веков»: Сб. статей и матер. IV межд. науч. конф. «Мусатовские чтения – 2013», Великий Новгород, 2014, с 361–370.

[440] Шадурский В. В. Русские классики в творческом восприятии М. А. Алданова и В. В. Набокова: схождение и полемика (по материалам переписки) // Вестник РГГУ. № 2 (35). 2018. С. 90–99; Шадурский В. В., Степанова М. В. Публикации Марка Алданова в журнале «Современные записки» (отдел «Критика и библиография») // Вестник НовГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (87). С. 88–92; Шадурский В. В. Рецепция русской классической литературы: случай Михаила Карповича и Марка Алданова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2017. № 4 (12). С. 1–7.

[441] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997. Т. 1. С. 141.

отметится небольшой заметкой на пушкинскую тему в специальном номере газеты «Дни»[442].

8 июня 1927 г. Союз русских писателей и журналистов и комитет помощи литераторам и ученым выпустили однодневную газету, посвященную Дню русской культуры, одним из ее редакторов был Алданов[443]. Несколькими годами позднее имя уже известного писателя Алданова в составе участников Пушкинского комитета было вполне естественным, 26 февраля 1935 г. встреча комитета в Париже проходила с Алдановым как с именитым писателем эмиграции[444].

В 1937 г. вышел 64-й номер «Современных записок», большая часть материалов которого была связана с Пушкиным, в нем появилось даже оригинальное эссе М. И. Цветаевой «Мой Пушкин»[445], но вот алдановской публикации о Пушкине не оказалось.

Если для празднования юбилея Пушкина во Франции создавался специальный комитет и вырабатывался целый комплекс мероприятий, то даже в Великобритании газета «Русский в Англии», распространявшаяся среди нескольких сотен русскоязычных эмигрантов, освещала подготовку к Пушкинским дням и публиковала «Заметки о Пушкине» Г. П. Струве[446]. Под председательством А. В. Тырковой был учрежден английский пушкинский комитет, в начале 1937 г. был прочитан ряд лекций о русском поэте, среди лекторов как раз были и А. В. Тыркова, Г. П. Струве, в Лондонской библиотеке устраивалась «выставка изданий произведений Пушкина и документов пушкинской эпохи»[447], торжества, посвященные Пушкину, проходили в Лондоне при участии славистов. Вместе с тем в специальном пушкинском выпуске газеты отмечалось, что большевики тоже смогли организовать пушкинские торжества в Лондоне, что сам Пушкин превратился в фигуру для политических интриг. Для англичан и эмигрантов было очевидным, что «нет

[442] Алданов М. Отрывки // Дни. 1924. 8 июня. № 481. С. 2–3.
[443] Русское Зарубежье. Указ. соч. С. 344.
[444] Там же. Т. 3. С. 34.
[445] Цветаева М. Мой Пушкин // Современные записки. 1937. № 64. С. 196–234.
[446] Струве Г. П. Заметки о Пушкине // Русский в Англии. 1937. № 3/27 (16 февр.)
[447] Казнина О. А. Русские газеты и журналы в Великобритании // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. Москва: ИМЛИ РАН, 2004. С. 264.

ничего более чуждого большевизму, чем мировоззрение Пушкина, для которого безусловен примат духа над материей», что «пушкинский язык исчез», а «Сталин пытался обмануть общественное мнение торжественным празднованием Пушкина»[448]. Пушкин для многих эмигрантов ассоциировался со свободой. Таким он мог быть и для Алданова.

Наследие Пушкина становилось предметом изучения не только литературоведов, литературных критиков, но и эмигрантских философов. Творчество поэта отразилось на страницах журнала «Путь». Так, «в 1930-х годах С. Л. Франк написал несколько статей о духовной проблематике творчества»[449] Пушкина. Разумеется, Алданов, чуждый религиозной философии, не мог разделять представление Франка о том, что в «содержании духовного мира Пушкина религиозное чувство и сознание играет первостепенную роль»[450].

Специальных исследований, посвященных выявлению значения А. С. Пушкина в прозе Алданова, почти не проводилось. Впервые к этой теме обращается В. Сечкарев[451]. Согласно его наблюдению по частоте упоминания в произведениях Алданова Пушкину принадлежит третье место – после Л.Н. Толстого и Ф. М. Достоевского[452].

Первые отсылки Алданова к Пушкину встречаются в дебютном исследовании «Толстой и Роллан». Алданов сравнивает Пушкина и других классиков со своим «кумиром» – Л. Н. Толстым. Лев Толстой был для Алданова образцом политической свободы, свободы сохранять свое достоинство и демонстрировать моральные принципы. На его фоне даже Пушкин кажется совершенно зависимой личностью. Обращаясь к бытовым подробностям, молодой автор удручен тем фактом, что поэт писал шефу жандармов «письма, которые нельзя читать без чувства унижения и боли. Он мог написать “Стансы”, когда кости повешенных декабристов еще не истлели

[448] Там же. С. 266.

[449] Казнина О. А. Путь: орган русской религиозной мысли // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 5. Москва: ИМЛИ РАН, 2013. С. 58.

[450] Там же. С. 58–59.

[451] Сечкарев В. Пушкин и Гоголь в произведениях Алданова // Отклики: сб. статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В. Сечкарев. Нью-Хэвен, 1986. С. 170–185.

[452] Там же.

в могиле… Он брал денежные подарки от правительства Николая I… …Пел гимны, которым, впрочем, даже не старался придать хотя бы художественное достоинство. <…> Так ли писал Пушкин, когда писал для вечности?»[453]

О непосредственном отношении к Пушкину и его наследию можно узнать из публицистических статей и очерков Алданова: «Неизданные произведения Пушкина (В связи с конгрессом спиритов)» («Дни». Берлин, 1925, № 807); «Пушкин на итальянской сцене» («День русской культуры». Париж, 1926); «О “Памятнике”» («Пушкин». Однодневная газета, Париж, 1937, февраль) и других.

Когда на Западе задумывалось издать антологию русской литературы для иностранцев, то в предлагаемую Алдановым «табель о рангах» русских писателей XIX в. Пушкин не вошел: была указана причина: «…главное и бессмертное в Пушкине – его стихи – никому, кроме русских, не доступно»[454], а оценить поэзию Пушкина в переводе невозможно. Но в статье «Сто лет русской художественной прозы» Алданов по-особому выразит свое отношение к Пушкину: назовет «одним из наиболее жизнерадостных людей, когда-либо посетивших землю»[455].

И все же необходимо выяснить: почему же творчество А. С. Пушкина, вопреки устоявшейся традиции, оказывается не на первом месте среди художнических интересов Алданова?

Одиночных упоминаний имени Пушкина в критических статьях Алданова мы не касаемся, перспектив для исследователя в этом мало. Гораздо важнее раскрытие целой пушкинской темы у Алданова, а еще шире – в литературе и критической мысли русской эмиграции, которое будет содействовать более объемному и глубокому пониманию значения личности Пушкина во всей русской культуре.

---

[453] Алданов М. А. Загадка Толстого. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1923. С. 107.

[454] Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. 1996. № 12. С. 169.

[455] Там же. С. 165.

Естественно, что для писателей-эмигрантов образ А. С. Пушкина оказался символом Родины, которую они покинули. «Имя Пушкина оказалось центром, вокруг которого могла объединиться вся зарубежная Россия, оставив в стороне политические и идейные разногласия»[456]. Людям в изгнании нужен был символ, лозунг, с помощью которого они могли примириться с эмиграцией. «Пушкин фактически стал наиболее популярной и распространенной, разработанной и влиятельной эмигрантской идеологией»[457]. Думается, что и Алдановым Пушкин был признан недосягаемой вершиной, этаким совершенством, чего не скажешь о более противоречивом и потому более интересном Л. Н. Толстом.

Но любой символ имеет разные интерпретации, каково же его толкование у Алданова?

Как уже отмечалось, «Армагеддон», одна из первых публицистических работ Алданова, появилась в 1918 г.[458]. Несмотря на политическую заостренность, она содержит много литературного материала, цитат, ассоциаций с русской классической литературой. И если политическое содержание «Армагеддона» уже, наверное, сохраняет интерес только для историка публицистики, литературное содержание, вопреки мнению автора, сетовавшего на перегруженность своих записок цитатами, оказывается более интересным, заслуживающим изучения. В этой книге начинающий писатель рассуждает о войне и октябрьском перевороте, часто вспоминая тех русских авторов, которые писали о волнениях, бунтах, революциях. Самое важное для нас, что в «Армагеддоне» появляются цитаты из пушкинских текстов.

В первой части книги, композиционно оформленной в виде диалогов Писателя и Химика, звучит фраза, которая, с одной стороны, неожиданно связывает научные наблюдения за чертами национальной психологии с биографией Пушкина, с другой стороны – содержит очевидную неточность: «Ваша химия еще не научилась искусству дозировать человеческую кровь по

[456] Березовая Л. Г. Культура русской эмиграции 20–30-е гг. URL: http://ricolor.org/europe/stati/ruev/4/

[457] Филин М. От составителя // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 8.

[458] Алданов М. А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. Москва: НПК «Интелвак», 2006. С. 5–112.

национальности. Иначе я спросил бы вас, сколько немецкой крови текло, например, в жилах Пушкина, внука Христины фон Шеберг, Герцена, Михайловского – сыновей немок…»[459]. Неточность в том, что алдановский Писатель, вскользь обращаясь к генеалогии Пушкина, словно подзабыл, что Христине фон Шеберг Александр Пушкин приходился правнуком, а не внуком. Интересно, что и в некоторых других своих пассажах тот же Писатель цитирует как бы по изменяющей ему памяти: передавая суть, но путая слова, лишая цитаты точности. Возможно, в этом проявлен умысел самого автора: Писатель слишком эмоционален, а потому не всегда может продемонстрировать остуженную научную безукоризненность и педантичность. Вместе с тем аргументы Писателя, облеченные в метафорическую форму, гораздо эффективнее, чем доводы Химика, потому с такой легкостью опровергается фактор «национального элемента» в российской истории, но потому же подвергается сомнению и провиденциальная функция отдельных наций, и их особый социально-политический дар.

Тот же Писатель позднее будет обозначать свое отношение к войне, не давая повода уличить себя в пацифизме: «За долгий век я, слава Богу, сколотил маленький капитал “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет”»[460]. Заключительные строчки «Посвящения» из романа «Евгений Онегин» в этом контексте становятся синонимом неизбежного очерствения души современного человека.

Во второй части «Армагеддона», названной «Колесница Джагернатха (Из записной книжки Писателя)», Алданов приводит фразу, авторство которой приписывают Пушкину: «Ленин компрометирует революцию и подготовляет реакцию. Прежде мы могли утешаться формулой, завещанной России Пушкиным: “Чем хуже, тем лучше”. Теперь, к несчастью, чем хуже, тем хуже. <…> Русская революция, как дочь родную мать, напоминает русскую войну»[461]. Этот же оборот встречается в письме А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому (от 24–25 июня 1824 г.): «Хотелось мне с тобою поговорить о

[459] Там же. С. 26.

[460] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние. 1977–1979. Т. 5. С. 7.

[461] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 57.

перемене министерства. Что ты об этом думаешь? Я и рад и нет. Давно девиз всякого русского есть чем хуже, тем лучше»[462]. Очевидно, что такое распространенное выражение не могло быть впервые произнесено Пушкиным. Но алдановский персонаж готов видеть автором этих слов именно Пушкина, и теперь уже читателю очевидно: Писатель оказывается начитанным персонажем, проявляет эрудицию, особенно знание пушкинского эпистолярия.

В другой части заметки «Колесница Джагернатха» приводится отрывок из повести «Капитанская дочка». Алданов цитирует его в связи с размышлениями о сущности революции и революционеров: «“Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим и своя шейка копейка и чужая головушка полушка”. Революционеры времен Пушкина, за редкими исключениями, его совершенно не понимали»[463]. Однако отношение к пушкинским словам у алдановского героя отличается от устоявшегося мнения. Персонаж Алданова отмечает гениальность мысли Пушкина в его оценке бунта («Замышлять бессмысленное (т. е., вернее, лежащее вне области “смысла” нельзя. Революция, которую замышляют, невозможна»), но предпочитает позицию декабристов, склоняя голову перед их поступком: «…в числе деятелей русского революционного движения были люди и не молодые, и не жестокосердные; были даже (хоть в очень небольшом числе) люди, знающие наш народ. Но другого пути перед ними не было»[464].

Интерес Алданова к Пушкину начал по-настоящему проявляться в публицистике и литературной критике тогда же, когда и в художественной прозе, то есть, начиная с 1920-х гг., этот интерес этот оказался неизбывным: идеи и образы Пушкина всегда занимали важное место в художественном и литературно-критическом творчестве Алданова.

---

[462] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние. 1977–1979. Т. 10. С. 75.

[463] Алданов М. А. Указ. соч. С. 93–94.

[464] Там же. С. 94.

Так, в некрологическом очерке 1922 г. Алданов перечисляет достоинства покойного В. Г. Короленко – как человека и писателя, – называя его «символом гражданской чести и литературного достоинства», и для сравнения упоминает Пушкина. Удивительно, но по такому «алдановскому» критерию, как отсутствие ошибок, проза Короленко превосходит пушкинскую: «Короленко описывал только то, что видел, и потому никогда не попадал впросак, как это случалось с величайшими мастерами слова. Древняя музыка пушкинских стихов: “Ночной зефир струит эфир, шумит, бежит Гвадалквивир” – вызывает невольную улыбку у тех, кто видел своими глазами речонку-лужу, именуемую Гвадалквивиром»[465]. Тот же В. Сечкарев обратил внимание, что публикации Алданова, которые представляют собой «замечания и суждения о писателях и поэтах… иногда разрастаются в маленькие эссе позитивного или полемического характера»[466], а зачастую они воплощают собой отношение эмиграции к наследию А. С. Пушкина. Миссия эмиграции была и в том, чтобы, воспользовавшись сложившимися историческими обстоятельствами, донести до западноевропейского читателя духовные, интеллектуальные, эстетические ценности пушкинского творчества. А заодно – охранять читателя от дурных публикаций, от недостойных проекций этого творчества.

Одним из таких охранительных и в то же время иронических текстов Алданова стали «Неизданные произведения Пушкина (В связи с конгрессом спиритов)». Алдановский текст появился в 1925 г. в парижской газете «Дни». Алданов пишет о курьезе современной французской «пушкинианы»: «Очень рад, что могу предложить читателям такую редкость, никому не известные произведения Пушкина. Их, правда, немного: всего два рассказа, – оба небольшие и оба на французском языке. Есть у них еще особенность: они не написаны Пушкиным при жизни, а продиктованы совсем недавно его духом медиуму и со слов этого медиума точно воспроизведены спиритом Шарлем Дорино»[467]. Алданов предлагает читателю ознакомиться с одним из рассказов Пушкина на французском языке. Рассказ представляет собой набор

[465] Алданов М. А. Короленко // Современные записки. 1922. № 9. С. 53.

[466] Сечкарев В. Пушкин и Гоголь в произведениях Алданова // Отклики: сб. статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью-Хэвен, 1986. С. 170.

[467] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 30.

возмутительных клише, который Пушкин никогда бы не создал. Напротив, после таких публикаций настоящий Пушкин отдаляется, он оказывается недоступен иностранному читателю. Рассказы Пушкина в переводе с французского называются «Прощание» и «Русская история». Действие первого рассказа «происходит в Сибири между деревней Мокоткин и городом Иркустом», главным действующим лицом является «бедный, забитый крестьянин Арсантье Владимиров, жертва самодержавного режима». У Владимирова есть жена Маша, но крестьянин, будучи рекрутом, должен быть отправлен в солдаты. И вот он «вместе с тысячами других несчастных, лежит, распростершись перед иконой, в вокзальной часовне», затем «с обычным русским смирением встает и садится в вагон, который увозит его на смерть»[468]. Содержания второго «пушкинского» рассказа, тоже «из сибирской жизни», Алданов не приводит. Однако очевидно, что этот выпад Алданова направлен и в отношении иностранцев, и в отношении эмигрантов – любителей спиритических сеансов, забывающих основные ценности культуры и живущих мифами. Заботясь о чистоте образа Пушкина, Алданов сатирически изображает Дорино, предпочитающего в оценке России придерживаться созданных кем-то мифов. При таком мифотворчестве Пушкин, конечно, не может быть в полной мере принят французским читателем. Но смех здесь горький: не по себе становится от такого рода вольностей в отношении русского гения.

Тремя годами ранее в рецензии на перевод стихов А. Блока Алданов восхитился талантом переводчика Вольфганга Грегера, который смог передать ритм и размер оригинала, сохранив самобытность блоковской поэзии. С затаенной надеждой Алданов писал: «Поистине Вольфганг Грегер – клад для русской литературы. Остается только пожелать, чтобы он перевел Лермонтова и Пушкина так, как он перевел Блока»[469]. Но такого перевода, наверное, придется еще ждать долго и нашим современникам.

Алданов постоянно интересуется темой дуэли Пушкина с Дантесом. Впервые он говорит о ней в статье 1926 г. «Пушкин на итальянской сцене»,

[468] Там же. С. 33.

[469] Алданов М. А. [Рецензия] Alexander Block. Die Zwolf / пер. Вольфганга Грегера. Берлин: Изд-во «Нева», 1921 // Современные записки. 1922. № 12. С. 361.

статья была опубликована в газете «День Русской Культуры» (Париж, 1926, 8 июня, с. 1)[470]. Он обращает внимание читателей на итальянскую драму «Пушкин» поэта Пьетро Косса, которая написана стихами, «порою довольно звучными. Эпиграф взят из “Евгения Онегина”»[471]. Действие происходит в 1837 г. В драме удивительным образом соединяются перипетии жизни Пушкина и его персонажей. Пьеса завершается замечанием Дельвига о том, что «женское тщеславие» Натальи «Гангеровой» лишило Россию ее «величайшего поэта». Алданов называет драму «забавным симптомом славы Пушкина». Подобное сочинение в XXI в., наверное, получило бы жанровое определение пастиша или фанфика. Для русского читателя XX в. оно более похоже на анекдот про Пушкина. Рассказанный анекдот в известной степени характеризует уровень знаний о русском поэте на Западе (по крайней мере, в 1920-е гг.).

Путевые впечатления Алданова, публиковавшиеся в 1931 г. под заглавием «Голландские домики» в рижской «Сегодня» и нью-йоркском «Новом русском слове», оказались насыщены аллюзиями на пушкинские тексты и цитатами из произведений Пушкина, они вместили в себя и целый отзыв о поэме «Медный всадник». Эту поэму Алданов охарактеризовал с использованием своего критерия «правдоподобие», но отметил особый переход Пушкина от пресловутого реализма: «Думаю, что чисто политическое толкование “Медного всадника” для него слишком узко. <…> Однако и Пушкин, и Рембрандт верно сумели бы, в случае надобности, сделать свое произведение несколько более правдоподобным. Очевидно, это им было ненужно. В школьных терминах скажем, что некоторая (не очень большая) доля неправдоподобия способствует превращению реалистического искусства в символическое»[472]. Алданов как бы извиняется перед читателем за переход к литературоведческой терминологии, ведь главное для него отметить, что

[470] Алданов М. Пушкин на итальянской сцене // «В краю чужом…»: Зарубежная Россия и Пушкин: статьи, очерки, речи. Москва: Русскій міръ; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 112–114.

[471] Там же. С. 114.

[472] Алданов М. Голландские домики. Путевые впечатления // Новое русское слово. 1931. № 6776 (16 авг.). С. 2, 7.

Пушкин по природе своего творчества правдив и лишь художественные приемы несколько изменяют степень передачи этой правдивости.

В полном виде цикл путевых очерков появится в книге «Земли, люди» в 1932 г. В одном из них Алданов передает внешность увиденных им банковских служащих лондонского Сити – клерков: «У них у всех вид, как у пушкинской русалочки: “но что такое деньги, я не знаю”»[473]. Память Алданова настолько активно достает из его читательского багажа примеры для изображения деталей, что этой ассоциативности можно позавидовать. Так, цитата из пушкинской поэмы «Русалка», с одной стороны, показывает литературность мышления Алданова, воспринимающего реалии другой страны, с другой стороны, она обращена к русскому читателю, который не только читал Пушкина, но и должен хорошо помнить эпизоды его произведений.

В повести «Десятая симфония» на приеме у художника Изабе особенно выдается элегантностью веселый молодой сенатор, француз, который носил «иностранную фамилию». Впоследствии Изабе вспоминает, «что у сенатора была много лет тому назад неприятная история в России, где он кого-то убил на дуэли. Этот поединок создавал барону огромный престиж у дам»[474]. Конечно, речь идет об убийце Пушкина – Дантесе. Слава убийцы парадоксально помогла французскому авантюристу. Между строк Алданова словно прочитывается иное: слава Богу, что иногда имя Дантеса, в отличие от имени Пушкина, забывают. Но сам Алданов будет писать о нем еще в 1937 г.

Сразу после алдановской публикации нескольких частей «Десятой симфонии» критик И. Л. Тартак обращает внимание на изменения в стиле писателя, на «окончательный переход от приемов, которые можно было назвать толстовскими, к приемам пушкинским, от “Войны и мира” к “Арапу Петра Великого”. Ничто не подчеркивается, ничто не подвергается подробному анализу, читатель не подавляется обилием деталей и эрудицией. <...> Вместо анализа – намек, вместо подробно выписанного портрета несколько характерных штрихов»[475]. Произошедшие перемены критик

[473] Алданов М. Земли, люди. Берлин: Слово, 1932. С. 228.

[474] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 4. С. 516, 520.

[475] Тартак И. Л. О Новом Алданове («Десятая симфония» М. Алданова) // Новое русское слово. 1931. № 6811 (20 сент.) С. 10.

называет «художественным приобретением», своеобразной эволюцией от Толстого к Пушкину: «На минуту появляется убийца Пушкина Дантес-Геккерн (через пятнадцать лет после дуэли с Пушкиным) и спокойно рассуждает о нравственности». По словам Тартака, «с “Десятой симфонией” Алданов становится достойным соперником (в лучшем смысле слова) И. А. Бунина. Алданов перестает быть “виднейшим историческим романистом”. Он становится просто прекрасным и мощным русским писателем»[476]. Таким образом, Тартак выступает свидетелем роста алдановской прозы, находящейся под сильным и благотворным пушкинским влиянием.

Пристально следя за научными публикациями, за работами тех, кого ныне называют пушкинистами, а в его время – «пушкинианцами», Алданов напечатает отзыв о биографии Пушкина, «славянского Байрона». В рецензии Алданов выражает сожаление, что уникальность творчества Александра Сергеевича не может быть передана в переводе. Он отмечает, что автор книги справился с поставленной задачей – написанием биографии Пушкина, но творчество великого поэта «останется и далее столь же непонятным западному читателю»[477]. Даже приведенные цитаты из произведений Пушкина, на взгляд Алданова, оказываются ошибкой: «Разбитый согласно оригиналу на строчки французский прозаический перевод не даст никакого понятия о пушкинских стихах и производит истинно-тягостное впечатление. Мы невольно себе представляем недоумение иностранного читателя»[478]. Мечта Алданова – адекватное понимание личности Пушкина и его творчества, без искажения европейскими переводами и интерпретациями. Вместе с тем Алданов не принижает заслуг биографа Пушкина, замечая, что и образ поэта передать очень трудно, так как он один из самых «сложных людей, когда-либо существовавших на земле»[479]. Вряд ли Пушкин будет понятен иностранцу, если он еще не понятен нам самим. Рецензент отмечает и тот факт, что глава об истории «пушкинианства» в России совершенно бесполезна и непонятна

[476] Там же.

[477] Алданов М. А. [Рецензия на книгу] Hofmann M. L. Pouchkine / traduction de Nicolas Pouchkine. Paris: Payot, 1931 // Современные записки. 1932. № 48. С. 478.

[478] Там же.

[479] Там же.

европейскому читателю. Зато русским читателям, по мнению критика, она очень пригодится.

В очерке «Пикар» Алданов вспомнит письмо Эмиля Золя «Я обвиняю», обращенное к президенту Французской Республики – «по силе и энергии стиля… едва ли не лучшее произведение Золя»[480]. Интересна ассоциация очеркиста: по силе воздействия это послание напомнит ему письмо, написанное А. С. Пушкиным барону Геккерену накануне поединка. Русский поэт в данном случае окажется примером небывалой эпистолярной энергии, позволяющей написать «страшное письмо»[481]. Для того чтобы кто-либо мог написать подобное послание, убежден Алданов, ему необходимо было бы обладать способностями Пушкина – сочетанием «бешеного темперамента с большой властью над словом»[482].

Эмигранты действительно верили в то, что Дни русской культуры, отмечаемые в день рождения Пушкина по всему миру, – это не только проявление духовной потребности, но и праздник обретения русскими беженцами себя, утверждение идентичности, о которой должно стать известно всему миру – от Америки до Китая. И это становилось очевидным как Западу, так и Востоку: «Европа еще не знает как следует Пушкина, но она уже поверила в то, что в России был и есть свой гений, достойный занять место рядом с другими великими мировыми гениями»[483], – напишет в январе 1937 г. член Центрального Пушкинского комитета С. Лифарь.

В 1935 г. для подготовки встречи 100-летия смерти поэта был создан Парижский Пушкинский комитет под председательством В. А. Маклакова. В состав комитета вошли лучшие писатели Зарубежной России, среди которых, как уже отмечалось, был и Марк Алданов, принявший самое деятельное участие в организации праздника. Эмигранты, при всей своей раздробленности (в «комитет вошли представители всех эмигрантских

[480] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 358.
[481] Там же.
[482] Там же.
[483] Лифарь С. Третий праздник Пушкина // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. II. С. 67.

течений»[484]) и скандальности, верили, что «имя Пушкина объединило всех»[485]. В 1937 г. в честь праздника были организованы выставки, в театрах прошли спектакли на пушкинские сюжеты. Пушкинский комитет выпустил специальную газету, посвященную памяти поэта, все издания, имевшие литературные разделы, подготовили юбилейные материалы. «Лейтмотивом всех статей стала формула П. Н. Милюкова “живой Пушкин”. Поэт рассматривался не в качестве далекого события или формального символа, а как реальная опора для сегодняшнего существования эмиграции в целом и каждого изгнанника в отдельности»[486]. Естественно, Советская Россия тоже отмечала юбилей, публикуя множество материалов о Пушкине, проводя серьезные исследования, основанные на рукописях, архивных фондах. Хотя в Зарубежной России не было всего этого, эмигранты искренне желали выразить свою любовь к поэту, благодаря их заботе и рассеянности по всему свету чувство всеобщего единения выводило праздник Пушкина на мировой уровень. Можно было ожидать, что в газетах, журналах и альманахах зарубежья будут преобладать жизнеутверждающие материалы, посвященные исключительно Пушкину. Так оно и было, но Алданов подготовил публикации несколько иного характера.

Его очерк, напечатанный 10 февраля 1937 г. в парижских «Последних новостях», посвящен не Пушкину, а его убийце, точнее, жизни Дантеса после убийства поэта. Во «Французской карьере Дантеса» Алданов раскрывает образ известного карьериста, искателя судьбы, но то и дело упоминает другое, главное имя, благодаря которому мы вынуждены помнить о Дантесе, – имя Пушкина. Цитируя некрологи из французских газет «Фигаро» и «Тан» за 1895 г., в которых сообщалось, что скончавшийся барон д’Антес-Геккерен «шестьдесят лет тому назад убил на дуэли знаменитого русского поэта Пушкина»[487], Алданов пишет: «К моему удивлению, даже столь осведомленная газета, как “Тан”, напомнив в некрологе обстоятельства

[484] Филин М. От составителя // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 19.

[485] Там же.

[486] Березовая Л. Г. Культура русской эмиграции 20–30-е гг. URL: http://ricolor.org/europe/stati/ruev/4/ (дата обращения: 01.04.2015).

[487] Алданов М. А. Французская карьера Дантеса // Последние новости. 1937. № 5801. (10 февр.) С. 3.

убийства Пушкина, почти ничего не сказала о роли, сыгранной Дантесом во французской истории»[488]. Очеркист высказывает не такую уж потаенную мысль об использовании Дантесом громкой славы убийцы Пушкина в своей политической карьере: «Это был не злодей, но беззастенчивый, смелый, честолюбивый эгоист, не перед многим останавливавшийся в поисках выгоды и удовольствий»[489]. По словам С. А. Кибальника, Алданов трактует «столкновение Пушкина с Дантесом как противоречие между представителем культуры и продуктом цивилизации, между человеком духа и себялюбивой посредственностью»[490] – «веселым человеком», бывшим в течение 60 лет «душой общества».

Алданов, собиравший материалы о биографии Дантеса для своей повести «Десятая симфония», столкнулся с проблемой: таковых оказалось очень мало. Это тем более странно, если вспомнить о демонизации роли Дантеса в той роковой дуэли. Жизнь Дантеса после отъезда из Петербурга была неразрывно связана с дуэлью, которая оставила заметный отпечаток на его имени. Каким бы он ни был достойным человеком, Дантес неоднократно называется «убийцей Пушкина». Слава, пускай даже не добрая, досталась Дантесу именно из-за убийства великого русского поэта. Пожалуй, это оказалось единственным поступком в его жизни, который попал в мировую историю. Его военная и политическая карьера не задалась: «Он поехал в Россию, чтобы сделать там блестящую военную карьеру, – и выехал разжалованный, потеряв несколько лет, в обстоятельствах, всем известных. Во Франции он пытался сделать большую политическую карьеру, но люди, с которыми он связывался, уходили в небытие раньше, чем он рассчитывал»[491].

Размышляя о последующей жизни полуфранцуза-полунемца, усыновленного голландским дипломатом, бывшего русского кавалергарда, автор очерка старается избегать сложившихся стереотипов: «Будем справедливы: если бы Дантес после ужасного письма Пушкина не послал ему

[488] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 332.

[489] Там же.

[490] Кибальник А. С. Из пушкинианы писателей первой русской эмиграции. Владимир Набоков. Пушкин. Марк Алданов. Французская карьера Дантеса // Новый журнал. 1993. № 1. С. 80.

[491] Алданов М. Указ. соч. С. 337–338.

вызова, его немедленно выгнали бы из кавалергардского полка и он был бы опозоренным человеком»[492], и все же он отмечает в убийце поэта гиперболизированный эгоизм: «Через полстолетия после дуэли известный пушкинист-коллекционер А. Ф. Онегин, посетив Дантеса, спросил его: “Но как же у вас поднялась рука на такого человека?!” Дантес ответил не то с недоумением, не то с негодованием: “Как? А я? Я стал сенатором!” Этот рассказ я слышал от самого А. Ф. Онегина. В словах убийцы Пушкина был, конечно, и оттенок мрачной нелепости. Но, по существу, что можно было ему возразить? Дантес 27 января 1837 года защищал свою жизнь»[493]. Цена утраты великого русского была соотнесена с ценой гибели перспективного политического деятеля Франции, и очевидно, что даже в старости Дантеса не покидало большое самомнение. Но и при постижении роли Дантеса в «страшном петербургском деле» Алданов пытается быть объективным: обвиняя его в смерти Пушкина, пытается понять причины.

К юбилею со дня гибели Пушкина Алданов как член Центрального Пушкинского Комитета в однодневной газете «Пушкин», издание которой приурочено к празднику, в феврале 1937 г. публикует и другую статью, теперь уже литературного содержания, – «О “Памятнике”». Алданов анализирует знаменитое стихотворение Пушкина, отмечая, что оно противоречивое, с несвойственным ему тоном и стилем. Сопоставляя первоначальный вариант стихотворения с окончательным, Алданов отмечает скромную ошибку Пушкина, высказавшего в стихах ранней версии свое отношение к идеям и поступкам «бунтовщика, хуже Пугачева»: «Радищев был большой человек, но “вслед Радищеву” – это для Пушкина, пожалуй, мелко»[494]. По мнению Алданова, в позднем варианте «Памятника» поэт дает больше поводов для насмешек; употребив эпитет «добрые» к существительному «чувства», Пушкин оставляет некоторую неясность, «несоответствие духу многих его строк»[495]. Следуя алдановской логике, новые слова Пушкина можно объяснить его острым желанием сказать резкую правду и необходимостью сдерживать

[492] Там же. С. 333.
[493] Там же. С. 333.
[494] Алданов М. О «Памятнике» // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 218–223. С. 221.
[495] Там же. С. 222.

себя. Если вариант без «чувств добрых» был сильнее и правдивей («Что звуки новые для песен я обрел»), то последний вариант оказался своеобразным итогом пушкинской диалектики. Удивительно, что в этой статье Алданов изменяет присущей ему иронической афористичности и высказывает пафосные, почти лозунговые слова: «Вся русская литература – от Пушкина. Не умаляя заслуг его предшественников, можно сказать, что он создал все»[496]. Но совершенно естественно то, что сразу после имени Пушкина, создавшего русский литературный язык, Алданов приводит имя человека, поддерживающего бессмертие Пушкина, – автора «Войны и мира».

О том, что Алданов, всегда застенчивый и не любивший публично выступать, принял участие в торжественном собрании, устроенном в Париже в честь Пушкина, писала даже заокеанская газета[497].

Лирика Пушкина подвигла Алданова на то, чем он не занимался в отзывах и критических статьях о других писателях: Алданов, который мало отзывался о творчестве поэтов, смог провести анализ пушкинского стихотворения, причем на высоком филологическом уровне.

В 1939 г. он напишет очерк о В. Ф. Ходасевиче, в котором целую страницу отведет рассуждению о том, что эмиграция ожидала книгу Владислава Фелициановича о Пушкине или хотя бы рассказ, – слишком многое угадывалось близкое, родное, объединяющее двух писателей: «В прозе он, частью сознательно, частью, быть может, бессознательно, следовал пушкинской традиции много строже, чем в поэзии»[498]. Ходасевич, по мнению Алданова, впитал изысканный пушкинский стиль и, вполне возможно, использовал его как основу своего творчества.

Итак, при изучении пушкинской темы в публицистике, литературной критике Алданова обнаруживается следующее. Полноценного образа поэта, какой-то концепции видения Пушкина Алданов не создает. Не проявлена и методология Алданова-критика. Мы видим не системные обзоры, а спорадические публикации, появление которых объясняется разными

---

[496] Там же.

[497] [Б. п.] Неужели в Москве забыли о свободолюбии Пушкина? // Новое русское слово. 1937. № 8785. 23 февраля. С. 3.

[498] Алданов М. А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. Москва: НПК «Интелвак», 2006. С. 441.

интересами критика. И все же Пушкин изображается иначе по сравнению с тем, каким его видят другие современники Алданова. Иначе – значит без мифологизации. По словам М. В. Строганова, «никакой мифологизации образа Пушкина при его жизни не было. Начало мифологизации имени и личности Пушкина совпало с тем временем, когда русская культура ощутила внутреннюю потребность осмыслить себя как самостоятельную, неподражаемую и национальную»[499]. Такая же мифологизация понадобилась и русской эмиграции. Но Алданов не мифологизирует личность и творчество Пушкина, и в его словах нет бесконечного восхищения. Пушкин для Алданова не является лучшим писателем в русской литературе просто потому, что таковым оказывается Л. Н. Толстой. Алданов-критик не боится указать на промахи Пушкина в тех или иных вещах, и потому автор «Капитанской дочки» не становится примером в создании литературных произведений, но его гений, труд, личность, масштаб жизни заслуживают глубочайшего уважения. При всех указаниях на неточности и даже ошибки мы видим трезвую оценку личности и творчества, сочетающуюся с почтительным отношением к поэту. Интересно, что современники видели в Алданове продолжателя пушкинской традиции. Так, в США в литературном клубе «Горизонт» возникла полемика, участник которой Л. Камышников заявил, что «русские писатели на чужбине только продолжают традиции русской литературы. Это как бы часть России не на русской территории. Бунин, Алданов и многие другие писатели только продолжают “линию Пушкина”»[500].

Знаменательно, что пушкинская тематика была наиболее частотной в общении Алданова с В. В. Набоковым. 6 августа 1943 г. Набоков пишет Алданову из Экта, штат Юта: «Мы живем в диких орлиных краях, страшно далеко, страшно высоко. <…> Я знаю, что вы не поклонник природы, но все-таки скажу вам о несравненном наслаждении взобраться чуть ли не по отвесной скале на высоту 12 000 ф. и там наблюдать “в соседстве” пушкинского “Бога” жизнь какого-нибудь диковинного насекомого,

[499] Строганов М. В. Парадоксы культуры: работы разных лет. Санкт-Петербург: Издательство «Росток», 2022. С. 210.

[500] [Б. п.] Дискуссия о русских журналах // Новое русское слово. 1942. № 10699. 07 июня. С. 4.

застрявшего на этой вершине с ледниковых времен»[501]. Набоков имеет в виду стихотворение А. С. Пушкина «Монастырь на Казбеке»:

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!.. [502]

Общаясь с Алдановым, Набоков пользуется присущим ему метафорическим языком. В этом письме цитата из пушкинского текста, участвуя в набоковской игре, превращается в троп, в эпитет. Но зачем это Набокову – только ли чтобы добиться изобразительности или апеллировать к прославленной эрудиции Алданова? А может, затем, чтобы литературностью неожиданных ассоциаций, легкостью импровизированных тропов показать свое превосходство – в стиле, в языке, в искусстве?

Обратим внимание на замечание издателя переписки писателей Николаса Ли, который высказался, что в письмах Алданова нет художнической магии, «в то время как набоковские так и блистают игрой слов. Набоков спрашивает: “Правда ли, что умережковский?”" (3 января 1942 г.). Он радостно сообщает: “Я впервые остишился по-английски” (20 октября 1941 г.), он терпеть не может “беллетристающих дам” (20 мая 1942 г.)»[503].

В уже цитированном письме от 6 августа 1943 г. Набоков еще раз цитирует Пушкина, на этот раз стихотворение «19 октября»: «Дорогой друг, как хочется с Вами побеседовать о “буйных днях» Парижа, о Шиллере – нет,

[501] «Как редко теперь пишу по-русски…»: Из переписки В. В. Набокова и М. А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 135–136.

[502] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние. 1977–1979. Т. 3. С. 134.

[503] «Как редко теперь пишу по-русски…» Указ. соч. С. 124.

только не о Шиллере». И снова – эта цитата неточная, игровая, однако сохраняющая ритм первоисточника: «Поговорим о бурных днях Кавказа, / О Шиллере, о славе, о любви…»[504]. Кажется, что литературная игра в письме – это знак уважения собеседника, деликатной уверенности в его эрудиции, это знак возможности равноправного искусного диалога.

В одном из писем Набокова Алданову (лето 1941 г., Пало Альто, Калифорния) звучит еще одна ассоциативная, но теперь это уже обобщенная характеристика творчества Пушкина: «<...> Работаю и читаю на солнце, в купальных штанах – а тут климат действительно замечательный: вроде пушкинской прозы – безоблачно, но не жарко»[505]. Такая оценка, конечно, красива, она изысканная, эстетская. Сравним с тем, что будет сказано Алдановым, когда тому исполнится почти 70 лет. В письме 1954 г. он выскажется впервые, а затем в 1955 г. в статье «О Чехове» повторит свое мнение об иерархии отечественных прозаиков. На самом верху им будут поставлены: Толстой, Гоголь, Достоевский, Чехов, ниже – Тургенев и Гончаров. Пушкин и Лермонтов «... как великие поэты по преимуществу в этот счет не входят, сколь ни совершенны и ни удивительны их прозаические произведения...»[506] То есть, по Алданову, важное поэтическое обстоятельство лишает А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова конкуренции на Олимпе русской прозы. На наш взгляд, это, безусловно, аргументированный, но слишком рационалистический рейтинг. Алданов словно не слышит величия благостного дыхания пушкинской прозы. Интересно, что отношение к пушкинским творениям у Алданова было разным, исторические ошибки автору «Полтавы» не прощались (об этом напишем, характеризуя роман «Самоубийство»), но восторг от прозы Пушкина был известен и Алданову. Так, в письме от 25 января 1943 г. он сообщит Набокову, что получил заказ на антологию «Сто лет русской художественной прозы»: «Начать предполагается с Пушкина (с неизбежной, но прекрасной “Пиковой дамы”), а кончить Вами (если Вы на это согласитесь)»[507]. Но Алданов изменил бы себе, если бы не начал введение к антологии со слов обожаемого Льва Толстого. И только в

[504] Там же. С. 126.
[505] Там же. С. 128.
[506] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 478.
[507] «Как редко теперь пишу по-русски…» Указ. соч. С. 135.

третьем абзаце статьи он, скептик и пессимист, начнет о самом главном, о том, чего нет у него самого, но что есть с лихвой в создателе «Онегина»: о жизнерадостности. Статью Алданов продолжит указанием на произведения, «дышащие страстной любовью к жизни», опять назовет и толстовские тексты и, конечно, «Мертвые души», но жизнерадостность Пушкина все-таки будет первостепенной.

Набоков в ответ тоже сообщал о своих творческих делах, но очень отрывочно, а потому Алданов остался в недоумении. Так, 18 января 1956 г. Набоков напишет ему письмо такого содержания: «Чувствую себя очень виноватым, что так долго Вам не писал. Моя переписка как-то разлезлась по швам. За этот год я кончил, или почти кончил, две мучительных книги, из которых одна – громадный том комментариев к моему “Евгению Онегину”»[508]. Алданов, по-видимому, не мог взять в толк, что за «Онегина» написал автор «Дара», потому его письмо от 25 февраля 1956 г. содержит как добрые слова, так и прямой, естественный вопрос: «<...> Сердечно поздравляю с тем, что работа у Вас идет так успешно: Вы сообщаете, что кончили две книги, из которых одна громадный том комментариев к “Евгению Онегину”. А какая другая? Роман? Когда и где обе появятся?»[509]. Набоков в присущей ему манере продолжает дразнить Алданова, вот что мы читаем в письме от 30 апреля 1956 г.: «Моя Евгение-Онегинская книга почти кончена. Остается только кое-что проверить и тому подобные пустяки»[510]. Алданов не выдерживает и в письме от 15 мая 1956 г. спрашивает: «Рад, что скоро выйдет “Онегин”, но не совсем понимаю, что это такое? Перевод?»[511]. Конечно, он угадал, но мог бы обидеться на младшего современника: разве правильно общаться в таком стиле с 70-летним писателем? Алданов такого тона не позволил бы ни в чей адрес. Тем не менее, в письмах Набокова никакой раздражительности не проявляется, более того, видна сплошная благожелательность. Так, 7 сентября 1956 г. Набоков пишет Алданову письмо, которое окажется последним (25 февраля 1957 г. Алданов скоропостижно умрет): «Очень был тронут Вашими милыми словами о “Весне в Фиальте”. <...> В Юте (райские края!) кончил

[508] Там же. С. 144.
[509] Там же.
[510] Там же.
[511] Там же. С. 145.

начатый сыном перевод лермонтовского “Героя”. <...> Теперь сын возвращается в Кембридж продолжать учиться петь и ждать призыва в армию, а я вернусь к Пушкину, с которым надеюсь покончить к Рождеству»[512].

25 сентября 1956 г. Алданов напишет свое последнее письмо Набокову: «Значит, Вашему сыну удалось найти издателя для перевода “Героя нашего времени”! Это большой успех: вероятно, роман переводился и в далекие времена? Поздравляю его и желаю успеха у критики и публики. <...> Кто Ваш издатель для “Онегина”? <...> Я выше сказал об “Онегине”, но Вы пишете “Я вернулся к Пушкину”. Значит ли это, что дело идет не только об “Онегине”?»[513].

Как видно, метафорический язык, игровая форма писем помогали Набокову уклоняться от ответов на прямые вопросы, в том числе по работе над переводами русской классики. Но зачем это ему могло понадобиться? Сохранять маску писателя, не любящего интервью? сохранить интригу? играть в загадки с пожилым автором? Рискнем ответить положительно. Но разве только этим связывается и ограничивается общение именных прозаиков?

Можно допустить иную интерпретацию этих литературных фактов. Если учесть, что Алданов был ближайшим другом Бунина и на протяжении всех сложных эмигрантских лет оставался его лучшим собеседником, то можно допустить, что от прямых вопросов о русской литературе, от вопросов о творческой лаборатории Набоков мог умышленно уклоняться, чтобы об этом меньше знал Алданов, а стало быть, и меньше узнал Бунин. Поскольку литературное соперничество Бунина и Набокова началось еще во второй половине 1930-х гг. (о чем так много писал Максим Д. Шраер[514]), то в 40-е гг. оно уже очевидно «фиксировалось» в разных жанрах. После смерти Бунина правила игры в переписке сохранились еще на 3 года алдановской жизни: таков Набоков – мастер композиции, значение которой мог недооценить Марк Алданов.

---

[512] Там же.

[513] Там же. С. 146.

[514] Шраер М. Д. Бунин и Набоков. История соперничества. Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. 222 с.; Шраер М. Д. Бунин и Набоков. Ученичество – мастерство – соперничество. 1917–1977. Москва: Альпина нон-фикшн, 2023. 464 с.

Алданов, будучи скептиком, не обладал жизнерадостностью Пушкина, – возможно, это единственное положительное качество, которого не было у автора тетралогии «Мыслитель». Здесь же он пишет о самом дорогом, что для него есть в творчестве создателя «Евгения Онегина»: «Повести Пушкина хороши, и “Пиковая дама”… замечательное произведение по *колориту*, по мастерству рассказа, по замыслу главного действующего лица»[515]. Алданов, как и в рецензии на биографию Пушкина для французского читателя, огорчен, что «главное и бессмертное в Пушкине – его стихи – никому, кроме русских, не доступно»[516]. Но восхищение Пушкиным у Алданова не слепое, он знает, за что ценит поэта. Имя Пушкина – первое в ряду тех, кем может гордиться Россия: «В пору правления исторических деспотов жили и творили величайшие писатели. <…> Пушкин, Лермонтов, Гоголь – при Николае I»[517]. Пушкин, так же, как и Герцен, Толстой, – художник звучного общественного слова, художник, пытавшийся отстоять свободу, вольномыслие и ранее других за это пострадавший.

Выбор пушкинских текстов, критический подход к ним отличаются у Алданова от реакции современников-эмигрантов, чьи многочисленные статьи и очерки о Пушкине собраны М. Д. Филиным в разных изданиях издании[518]. А значит – притяжение Алданова к наследию Пушкина было не только устойчивым, но и разнообразным. Благодаря внимательному чтению пушкинских произведений Алданов обогащал свое творчество и помогал читателю становиться разумнее и умнее. Смеем предположить, что созидательный, конструктивный характер критики Алданова в отношении пушкинского творчества, внимание к личности великого поэта, к его судьбе в значительной степени сказались на художественном творчестве самого

[515] Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. 1996. № 12. С. 169.

[516] Там же. С. 169.

[517] Там же. С. 170.

[518] Филин М. Д. Пушкиниана Русского Зарубежья, 1918–1940: материалы для библиографии // Московский пушкинист. Москва: Наследие, 1996. Вып. 2: Ежегод. сб. С. 305–327; Филин М. От составителя // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 5–50; Филин М. Д. Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография. Москва: Дом-Музей Марины Цветаевой, 2004. 430 с.

Алданова, на уровне его культуры, а следовательно, создатель «Пуншевой водки» и «Повести о смерти» никоим образом не может быть отнесен к авторам массовой литературы; более того, его деятельность – как художественная, так и литературно-критическая – доказательство серьезности намерений в литературе, осознания собственного места в литературном процессе. Более того, современники замечали в Алданове это пушкинское присутствие, так, в одной из статей, посвященной алдановскому роману «Бегство», И. Л. Тартак напишет: «По манере письма это еще величавый Санкт-Петербург “Медного всадника” и “Пиковой дамы”, хотя уже начинает сбываться пророчество: “Петербургу быть пусту”»[519]. Пускай это метафорическая похвала стилю, но тем не менее в ней оценка качественной прозы.

Если говорить о специфике использования пушкинского слова в очерках и художественных произведениях, то Алданов часто цитирует произведения Пушкина, не уточняя, откуда взята цитата. И иногда это приводило к непредсказуемым последствиям.

Однажды Петр Пильский в газете «Сегодня» сделал писателю замечание. Алданов парировал: «<...> Отзыв любезный, кончается же словами: “И на солнце бывают пятна. Это пятнышки”. Пятно в том, что у меня в статье о госпоже Сталь есть выражение “Дамы чинились”, а это может показаться производным от слова “починка”! – Это меня позабавило: Пильский не заметил, что тут у меня не мои слова, а цитата с четвертой страницы пушкинского “Рославлева”!!! Очень горжусь тем, что пятно на моем солнце оказалось принадлежащим Пушкину...» (письмо от 12 сентября 1934 г.)[520]. В «Рославлеве» Пушкин написал об отношении русского общества к мадам де Сталь, побывавшей в России. Алданов же посвятил ей очерк «Коринна в России», где, цитируя Пушкина, не только рассказал историю ее путешествия по России, но и уточнил некоторые детали поездки, передав впечатления самой экстравагантной дамы. В целом алдановская оценка книги мадам де

[519] Тартак И. Л. «Современные записки», книга 43-я // Новое русское слово. 1930. № 6412. (17 авг.). С. 10.

[520] Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным // Новый журнал. 1965. № 80. С. 278.

Сталь «Десятилетнее изгнание», в которой она пишет о развитии русской литературы, во многом совпадает с пушкинской.

В очерке Алданова «Юность Павла Строганова» появляются ассоциации с событиями романа в стихах. Однако если у Пушкина воспитанием Онегина занимался «француз убогой», «шутя» учивший мальчика, то у Алданова граф Строганов отдает на воспитание своего сына гувернеру Жильберу Ромму – математику, якобинцу, – что благотворно повлияло на развитие его личности. С помощью таких литературных ассоциаций алдановский очерк вырастает из документального жанра и приобретает черты художественного очерка. В. Унковский, давая характеристику этому очерку, похвалил автора за то, что тот «умело воспользовался и пушкинским “Рославлевым”»[521].

В очерке «Зигетт в дни террора» Алданов вспоминает ресторатора Гарма и его зятя Вери, «имя которого встречается у Пушкина», и по памяти цитирует шестую главу «Евгения Онегина»: «Чтоб каждым утром у Вери / В долг осушать бутылки три…»[522]. Знание того, что гастрономическое изобилие в ресторанном и домашнем питании было доступно во Франции в дни террора не только «людям богатым», но и «средней буржуазии», вызывает горькое замечание Алданова, который говорит об обстоятельствах русской революции: «Нет, у нас был голод похуже!»[523].

Теперь обратим внимание на то, как образы Алданова связываются с Пушкиным. Персонажи романов Алданова часто соотносят события личной и общественной жизни с событиями, изображенными Пушкиным, высказываются по поводу его произведений.

Для Мамонтова в романе «Истоки» Пушкин был «больше, чем гений», «сверхчеловеческим явлением и по уму, и по живости, и по простоте»[524]. В романе «Живи как хочешь» умудренный жизненным опытом Дюммлер замечает: «Мы же что-то наперед вышивали прекрасное, вот как Пушкин иногда наперед писал в черновиках рифмы, а потом подбирал к ним

[521]Унковский В. «Юность Павла Строганова» (письмо из Парижа) // Новое русское слово. 1934. № 7914 (29 сент.). С. 4.

[522] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 221.

[523] Там же. С. 221.

[524] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 5. С. 526.

божественные стихи»[525]. В «Ульмской ночи» один из собеседников говорит, что в литературе Пушкин был «воплощением вкуса, меры, “светлости”…»[526]. В романе «Самоубийство» обыгрывается факт того, что Ленин, «обожавший» Пушкина и сам писавший стихи, «правда шуточные», незадолго до смерти «велел прислать ему в Горки» собрание сочинений Пушкина[527]. Писателю словно было известно о мистификации, которую устраивала верная Крупская, изображая кипучую работу вождя, на самом деле поверженного болезнью и неспособного читать книги, тем более наслаждаться чтением стихов Пушкина.

В художественных произведениях писателя многочисленные упоминания Пушкина и его героев отличает ряд особенностей.

В. Сечкарев уже в первой повести Алданова «Святая Елена, маленький остров» отмечает типичную для его стиля «форму»[528]: имя Пушкина не сразу называется автором и персонажами, читатель должен прочесть их между строк сам. В этой повести представитель русского императора на о. Св. Елена, граф де Бальмен, не может вспомнить имен двух мальчиков из Царскосельского лицея, которые пишут «прекрасные стихи»: «Того, что поталантливее, зовут, кажется, Илличевский. А другого... Забыл...»[529]. Позднее, когда читатель уже догадался, о ком идет речь, де Бальмен получает письмо своего приятеля с ходившими по России «стишками молодого поэта об Александре I» «Ура! в Россию скачет / Кочующий деспот», автора которых звали Пушкиным, и «с облегчением» вспоминает, что «именно это и был второй, после Илличевского, из молодых царскосельских поэтов». Ирония в отношении современников словно подчеркивает тернистый путь признания поэта.

Почти все русские персонажи алдановских произведений знакомы с творчеством и биографией Пушкина и постоянно, как и сам писатель, находя у классика слово или ситуацию, близкие их собственному мировосприятию, как-то проявляют отношение к этим ситуациям.

---

[525] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 5. С. 214.

[526] Там же. Кн. 6. С. 348.

[527] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 6. С. 168, 439.

[528] Сечкарев В. Пушкин и Гоголь в произведениях Алданова // Отклики: сб. статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В. Сечкарев. Нью-Хэвен, 1986. С. 172.

[529] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 329.

В трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера» шеф политической полиции Федосьев с иронией к «духовному маскараду» русских великих людей замечает: «Москвичей в Гарольдовом плаще в нашей истории не перечесть», – перефразируя ироничную же характеристику Онегина[530]. Английский офицер Клервилль делает предложение возлюбленной Мусе рядом с местом дуэли Пушкина: «Это было бы так удивительно, память на всю жизнь…», – и тревожная память о признании в любви будет всегда соотноситься с трагичным знаком этого места. Выстраивание жизни с литературными ассоциациями продолжается и в других сценах романа. Соперник англичанина Витя, думая то о самоубийстве, то о дуэли, тоже вспоминает биографию поэта: «Вот и Пушкин послал тому вызов… Нет, дуэль – глупость…»[531]. Ревность юноши, доведенного до отчаяния, преодолевается не в пример пушкинской. В романе «Пещера» Браун, думающий о смерти, говорит: «Я грешную смерть Пушкина всегда понимал лучше, чем благостную смерть Толстого»[532]. И эта грешная смерть близка и понятна романтичному порочному Брауну, задумавшему уйти из жизни по собственному сценарию.

Другой пример – роман «Начало конца». Командарм Тамарин «украдкой» покупает эмигрантское издание Пушкина и возмущается: «Эк, однако, скверно издали!». Но «с удовлетворением» перечитывает и то, чем в душе не слишком восторгался, вспоминая, как впервые прочел Пушкина «полвека тому назад»[533]. Прочитывает Пушкина, а через несколько дней погибает под бомбами фашистов.

Персонажи Алданова предпочитают слушать оперы, в основу которых положены пушкинские произведения: Люда из «Самоубийства» очень любит оперу «Евгений Онегин», Рейхеля в том же романе приглашают на «Бориса Годунова» с Шаляпиным; в романе «Ключ» ту же оперу посещают Нещеретов и Муся Кременецкая.

В том же романе «Начало конца» другая алдановская героиня припоминает детали пушкинской биографии. Надежда Ивановна – начинающая советская писательница, мечтающая о литературной славе.

---

[530] Там же. Т. 3. С. 96.
[531] Там же. Т. 3. С. 242, 243.
[532] Там же. Т. 4. С. 402.
[533] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 4. С. 129.

Работая за городом, осенью, она сочиняет рассказ на современную тему (о диверсии) и соотносит себя с Пушкиным и Толстым: ведь они и «кто-то, кажется, еще лучше всего работали осенью»[534]. Конечно, ирония Алданова показывает непомерность амбиций и притязаний горе-писательницы.

Очевидно, что Алданов и наиболее умные его персонажи ставят Пушкина выше всех поэтов. Однако среди многочисленных примеров восторженного отношения встречаются и критические высказывания.

Так, по мнению героев романа «Самоубийство» Тонышева и Нины, его будущей жены, лучше всего у Пушкина «последняя песня» «Евгения Онегина» и «Капитанская дочка». Дипломат Тонышев считает нужным уточнить: «Но “Капитанскую дочку” я особенно люблю *до* Пугачевского бунта. Конечно, это, если хотите, примитив: “Слышь ты, Василиса Егоровна”... “Ты, дядюшка, вор и самозванец”… Но какой изумительный, какой новый в русской литературе примитив!»[535]. Нина возражает ему: «Да ведь примитивы итальянской живописи – гениальные шедевры». Тонышев снова деликатно отвечает: «Разумеется. И “Капитанская дочка” тоже шедевр». И добавляет: «Но, начиная с бунта, в ней появляется авантюрный роман, вдобавок чуть слащавый и приспособленный к цензурным требованьям...»[536]. Откровенность персонажей Алданова в одном из последних его романов не может быть названа случайной: писатель, предчувствовавший скорую смерть, видимо, не скрывал своих истинных предпочтений, которые утаивались долгие годы.

Алданов считал, что в историческом повествовании не может быть «мелочей»[537] , даже в частностях, и не «прощал» даже высоко почитаемому им Пушкину. Так, в «Повести о смерти» близкий автору персонаж, книгочей Тятенька иронизирует по поводу создателя «Полтавы», преувеличенно написавшего, как «сошла с ума Мария Кочубей»: «Пушкин очень привирал», «…никакой Марии никогда и не было, дочь Кочубея звали Матреной и,

[534] Там же. С. 251.

[535] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 6. С. 155.

[536] Там же. С. 155.

[537] Чернышев А. [Вступительная статья] Исторические портреты. Адам Чарторыйский в России. Ольга Жеребцова // Наше наследие. 1991. № 4. С. 78.

главное, она и не думала сходить с ума из-за Мазепы, а преспокойно вышла потом замуж за полковника Чуйкевича, я еще его родных знал…»[538].

В вышеупомянутом романе «Самоубийство» Тонышев называет поэму «Полтава» «сплошной исторической ошибкой»: «Даже в деталях, в божественном описании украинской ночи: “Чуть трепещут – сребристых тополей листы”. При Петре никаких тополей на Украине не было, их развел много позднее Щенсный Потоцкий, это вызвало сенсацию. А Мария чего стоит! А Мазепа! <…> А скачущий с доносом влюбленный в Марию казак! <…> Стихи очень звонкие, но...» И он по памяти декламирует строки о гонце с таким комментарием: «Вполне возможно, что донос был зашит в шапку, но эта шапка скорее была ермолкой: Кочубей послал донесение Петру через какого-то еврея. Едва ли он носил с собой “булат” и едва ли был уж так влюблен в Кочубееву Матрену, которая кстати перетаскала у Мазепы немало “злата”». Алданов не уверен в этих реалиях и, отстраняясь от одного персонажа, со всей осторожностью словами другого – критикует любимого поэта: «Так ли это? Может, гонцов было несколько? Я историю знаю плохо»[539], – замечает Татьяна Михайловна, собеседница Тонышева.

Алданову приходилось защищать имя Пушкина в пору работы в редакции «Нового журнала», так, издатель алдановских писем приводит пример проявления дипломатических способностей Алданова и его хорошего вкуса в переписке с графоманами: «Алданов писал 12 октября 1951 г. некоей литературной даме, Марии Эдуардовне (фамилия неизвестна) по поводу ее романтической поэмы о любви в революционные годы “Руслан и Людмила”: “Скажу вам правду: русская трагедия 1917–1918 гг. вообще не может быть предметом поэмы такого типа. Даже пушкинская поэма того же названия все-таки носит в некоторой мере полушутливый характер. Тут же самый сюжет не подходит для такой поэмы”»[540]. Таким образом, даже в уверенном, вежливом, но отрицательном ответе неизвестной любительнице литературного творчества Алданов показал свое знание и личное представление о

[538] Алданов М. Повесть о смерти // Алданов М. Повесть о смерти. Бред. Москва: Гудьял-Пресс, 1999. С. 361.

[539] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 6. С. 299–300.

[540] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/october/1998/6/vos.html

пушкинском творчестве, соотнося целесообразность заглавия и жанра с правдой жизни, исторической катастрофой, которая не может быть поводом для шуток.

Тайна торжества случая, приоткрытая в пушкинской повести «Пиковая дама», является основой алдановского представления о случае в истории, которое обстоятельно преподносится в «Ульмской ночи». По мнению Алданова, идее «Красоты-Добра» служила русская мысль в высших своих проявлениях. В «Пиковой даме» возмездие настигло людей, «безбожно нарушавших заповедь “Красоты-Добра”: Германна и графиню»[541]. Но, по Алданову, «они могли бы быть и не покараны»[542]. Случай помогает торжеству добра или, по крайней мере, каре, которую несет отрицание.

Темы смерти, любви, случая, развитые Пушкиным в «Пиковой даме», Алданов считал самыми важными в жизни человека и эту мысль вложил в уста персонажа А., alter ego писателя. Рассуждения Алданова о пушкинской повести становятся одним из объяснений того, почему для эмигрантов русская классическая литература в ее лучших образцах оставалась непреходящей ценностью.

В художественных произведениях Алданова упоминания имени Пушкина, параллели с его творческим наследием многочисленны и разнообразны. Тексты Алданова насыщены цитатами и реминисценциями из пушкинских произведений, аллюзиями на его сочинения, фактами из биографии поэта. Неудивительно, что строгий критик Адамович, говоря о романе «Живи как хочешь» увидел эту органическую потребность Алданова в пушкинских словах и ассоциациях: «О “покое и воле” Алданов в своем романе вспоминает и даже заставляет одного из своих героев процитировать Пушкина»[543].

В 1953 г. Алданов созрел до создания отдельного очерка, посвященного Петербургу. Пускай назван он не по имени Пушкина, но отражает и его петербургский этап жизни, и в целом петербургский период развития русской

[541] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 393.
[542] Там же. С. 393.
[543] Адамович Г. «Живи как хочешь»: Новый роман М. А. Алданова // Новое русское слово. № 14834. 1952. 7 дек. С. 8.

литературы. Это то, что в последствии литературоведы назовут петербургским текстом:

«Как часто говорили об искусственности его создания <…>. Пушкин тут едва ли не составляет исключение. Правда, нередко цитируют и Достоевского, следующие строки из “Подростка”: “Мимоходом, однако, замечу, что считаю петербургское утро, казалось бы самое прозаическое во всем земном шаре, – чуть ли не самым фантастическим в мире… В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна” из “Пиковой дамы” (колоссальное лицо, необычайный совершенный тип – тип из петербургского периода!) – мне кажется должна еще более укрепиться» [544].

Алданов цитирует первую главу 8 части романа Достоевского «Подросток» и рассуждает о выборе, возникшем в русской литературе благодаря существующей оппозиции: не было бы Петербурга – не было бы и Пушкина, а за ним и Достоевского. С одним Толстым и Москвой жизнь была бы скучнее:

«Нередко говорят (особенно в англо-саксонских странах), что русские делятся на два разряда в зависимости от двух вопросов: кто выше, Толстой или Достоевский? Что лучше, Петербург или Москва? Замечание, конечно, полушутливое: выбор и предпочтение тут нисколько не обязательны, да и зависят они в каждом отдельном случае от слишком многого, личного» [545].

Вероятно, это очерк Алданов готовил для особого случая. Как свидетельствует хроника, 6 декабря 1953 г. в Ницце состоялся День русской культуры, посвященный 250-летию Санкт-Петербурга. Он был организован комитетом под председательством Н. А. Томиловой. Среди прочих был сделан алдановский доклад «О Петербурге», который прочел П. П. Мельчиков[546].

Таким образом, отношение самого Алданова, как и его персонажей, к Пушкину можно назвать недвусмысленно положительным: во многом они продолжают мысли самого Пушкина и его героев. Их единичные критические высказывания всегда предопределены авторской позицией.

---

[544] Алданов М. О Петербурге // Новое русское слово. 1953. № 15009. 31 мая. С. 2.
[545] Там же. С. 2.
[546] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция: в 4 т. (5–8). Москва: Русский путь; Paris: YMCA-Press; 2002. Т. 1 (5). С. 627.

Удивительно и то, что при всем различии художественной речи Пушкина и Алданова, эмигранты, восхищенные талантом последнего, находили в алдановском стиле нечто пушкинское. Так, литературный сотрудник «Нового русского слова» в отзыве о романе Алданова «Бегство» очень смело написал: «По манере письме это еще величавый Санкт-Петербург “Медного всадника” и “Пиковой дамы”, хотя уже начинает сбываться пророчество: “Петербургу быть пусту”»[547]. Можно, предположить, что обнаружение пушкинского начала в прозе Алданова могло не только его порадовать, но и сильно смутить. Однако это выглядит настоящей преемственностью русского классика – усвоением его стилевой традиции в аспекте художественной рецепции.

3.3. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в алдановском восприятии

Удивительное дело: в прозе признанного рационалиста, ученого, масона – да много кем и как еще можно назвать Алданова – часто встречаются упоминания деталей биографии М. Ю. Лермонтова, цитаты, реминисценции из различных его произведений и, что самое главное, – из его стихов. Очевидно, что рационалист, скептик, атеист Алданов должен быть чужд романтической лирике и ее воплощению в русской поэзии – Лермонтову. Но как же объяснить, что Лермонтов в алдановских литературно-критических статьях и художественных произведениях представлен, пожалуй, не меньше, чем Пушкин?

Писатели и литературные критики русского зарубежья о Лермонтове, как и в целом о русской классической литературе XIX века, отзывались нередко, Алданов – не исключение. Отчасти интерес эмиграции к одному из самых загадочных русских поэтов представлен в книге «Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов»[548].

---

[547] Тартак И. Л. «Современные записки», книга 43-я // Новое русское слово. 1930. № 6412. 17 авг. С. 10.

[548] Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / Сост., вступ. ст. и комм. М. Д. Филина. Москва: «Русскій міръ», 1999. 288 с.

Внимание к Лермонтову и его образам обращено Алдановым еще в статьях и публицистике 1920-х гг. В некрологическом очерке «В. Г. Короленко» начинающий литератор как бы случайно вспоминает стихотворение «Ветка Палестины». И вот неожиданность: для него – ученого, материалиста – оказывается естественным, что, хотя сам поэт «не видел Иордана»[549], две лермонтовские строки «У вод ли чистых Иордана / Востока луч тебя ласкал…» возносят палестинскую реку, которая «на самом деле илисто-желтого, мутно-золотого цвета». Рационалист Алданов словно покоряется силе поэзии Лермонтова, удивляется силе волшебства лирического слова. Но по-настоящему Алданов не очарован Лермонтовым. Если в исследовании «Загадка Толстого» он напишет о непостижимости судьбы лермонтовского персонажа: «Мы не можем себе представить Печорина народным учителем… и не имеем никакой возможности решать вопрос, что Печорины станут делать в то время, когда им нельзя будет быть Печориными…»[550], то в очерке «Большая Лубянка» упрекнет создателя «Песни про… купца Калашникова» в искусственности сцены: «…во времена Ивана Васильевича едва ли мог грозный царь говорить купцу Степану Калашникову: “А ты сам, ступай, детинушка, на высокое место лобное, сложи свою буйную головушку”»[551].

В заметке, которую Алданов опубликует в 1922 г. по поводу перевода поэмы А. Блока на немецкий язык, будет сказано о том, что «знаменитый лермонтовский перевод одного из лучших стихотворений Гете (“Горные вершины…”) имеет довольно отдаленное сходство с оригиналом: ритм совершенно изменен и выпущен центральный стих, определяющий музыкальность всей вещи»[552]. Очевидно, что говорить о переводе стихотворения на другой язык Алданов может, опираясь на знание этого языка и знание оригинала. В емком предложении, отразившем понимание лермонтовских преобразований сочинения Гете, Алданов проявил себя как знаток поэзии и читатель, умеющий воспринимать музыку стиха.

---

[549] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 515.
[550] Там же. С. 85.
[551] Там же. Кн. 2. С. 22.
[552] Алданов М. А. [Рецензия] Alexander Block. Die Zwolf / пер. Вольфганга Грегера. Берлин: Изд-во «Нева», 1921 // Современные записки. 1922. № 12. С. 361.

Неудивительно, что даже такие «ляпы» художника и человека Лермонтова оказываются востребованы Алдановым в его художественном мире.

В 1932 г. в «Современных записках» он опубликует статью к юбилею Гете. В этой статье Алданов произнесет один из своих афоризмов («…в катастрофические времена мы особенно обязаны помнить о бесспорном»[553]), отражающих величие немецкого поэта и вновь вспомнит о лермонтовском переводе его стихотворения «Ein Gleiches». Писатель рассуждает о преходящести жизни произведений искусства, тех же романов, созданных Гете, и неожиданно находит исключение: «Однако некоторые его стихи доказывают обратное: «“Ein Gleiches”, так странно переведенное Лермонтовым, вечно в самом настоящем смысле слова»[554]. Очевидно, что алдановская ирония может быть признаком неудачи Лермонтова: «Уж если Лермонтов не мог перевести!..»[555]. Но именно та музыка, которую Лермонтов написал для русского слуха, а по сути – переписал интонации и ритм Гете, сделала это стихотворение вечным для русскоязычного читателя.

Но, наверное, самую развернутую характеристику Лермонтова можно прочесть в другой алдановской рецензии на книгу А. В. Нехлюдова, в семейной летописи передавшего историю своего отца. По мнению, рецензента, такое издание может понадобиться «и историку, и историку литературы, и уж, конечно, историческому романисту»[556], в ней многое можно почерпнуть, чтобы почувствовать и понять атмосферу светских отношений. Живое повествование «Старых портретов» дает возможность погрузиться в атмосферу карамзинского салона и узнать, почему его завсегдатаи не любили Лермонтова, который «…щеголял каким-то низменным юнкерским цинизмом. <…> У него были чудесные глаза, и, вероятно, внутри души – высокие чувства; но он эти чувства тщательно прятал от других; а то, что он выставлял на показ, было еще некрасивее, чем его лицо»[557]. Безусловно, Алданов

[553] Алданов М. К юбилею Гете // Современные записки. 1932. № 49. С. 264.

[554] Там же. С. 268.

[555] Там же.

[556] Алданов М. [Рецензия на книгу] Нехлюдов А. В. Старые портреты: Семейная летопись. Париж: Книжное дело «Родник», 1933 // Современные записки. 1933. № 51. С. 469.

[557] Там же.

воспользовался такой находкой в своем творчестве, отношение к Лермонтову и особое поведение Мартынова он отразил на страницах своего романа «Повесть о смерти», о котором в диссертации будет сказано далее.

В алдановской трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера» демонический, фаустианский персонаж Браун не найдет применения своим силам в России, эмигрирует, а потом совершит самоубийство. Многое в его характере и поведении напоминает черты Печорина. Характер алдановского героя, загадочного, таинственного, порочного, конечно, только типологически связан с характером лермонтовского персонажа. Но нам представляется, что его маета, рефлексия, ирония, страсть к экспериментам над людьми – имеет ту же природу: он тяготится законами косного бытия, ему приходится терпеть как подозрения в убийстве, так и страсть Муси Кременецкой. Но он несчастен, потому как не может приложить свои способности, да и не способен обрести высокую духовную силу, которая помогла бы преодолеть эгоизм, одиночество и осмыслить бытие.

В заключительной части этой трилогии, в романе «Пещера», влюбленный ревнивец Витя помышляет о черной мести, соотнося свои желания с нелицеприятными фактами биографии Лермонтова: «“ <…> Но нужно, нужно, чтобы он узнал...” Витя вдруг подумал об анонимном письме. “Что ж, Лермонтов ведь писал анонимные письма. Страсть все оправдывает”»[558].

Очерк «Печоринский роман Толстого» (1937) содержит алдановскую характеристику недавно опубликованного дневника Льва Николаевича и вводит понятие «печоринство», которое по большому счету нужно понимать как любовное времяпрепровождение от скуки – нечто нежелательное, что идет от Лермонтова. Печоринство молодого Толстого «заключалось в том, что центральное место в жизни холодного, замкнутого, невлюбчивого человека занимали весьма странные и запутанные любовные романы, не очень страстные, разъеденные мыслью и самоанализом, ни к чему не ведущие, да, собственно, никакой цели себе и не ставившие»[559]. Алданов вспоминает, как невинный Николенька Иртенев обнаруживает у юных барышень

[558] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 4. С. 282.
[559] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 49.

лермонтовское настроение: «Я влюбился в Сонечку в третий раз вследствие того, что Любочка дала мне тетрадку стишков, переписанных Сонечкой, в которой “Демон” Лермонтова был во многих мрачно-любовных местах подчеркнут красными чернилами и заложен цветочками»[560]. Восприимчивые девицы невольно пленяются всевозможными Демонами, но может ли из этого вырасти настоящее чувство? Так и молодой Толстой, по мнению Алданова, когда писал о Тургеневе, что тот «не любит, а любит любить...»[561], так мог бы подумать о самом себе. И это печально, так как нет остановки прекрасного мгновения, нет упоения счастьем, единственной любовью. На страницах дневника Толстого словно проступает вопрос: чего же он ищет, какого чуда, если все земное уже наскучило? И какое чудо может осчастливить человека? Противоречивые склонности есть и у алдановского персонажа из трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера»: демонический химик Браун бережет свою свободу, а с нею и привлекательность, очарование, губительное для Муси Кременецкой.

Интересно, что в некрологической статье 1942 г. Алданов обратится к Лермонтову именно как к положительному примеру. Характеризуя покойного Мережковского, Алданов заметит: «Эта любовь к литературной политике, кажется, была чужда большей части русских классических писателей (ее, например, просто трудно было бы себе представить у Лермонтова или у Толстого)»[562]. Но если уж говорить о политике, то и в романе «Истоки» есть совершенно травестийный эпизод с лермонтовским мотивом: добродушный Петр Алексеевич накануне встречи царской семьи в шутку принимает сторону «угнетенного народа» и произносит: «Вы, жадною толпой стоящие у трона, – Свободы, гения и славы палачи!»[563].

Рационалисту Алданову трудно согласиться не с романтикой Лермонтова, а с романтическим типом поведения взрослых современников. В образах персонажей, весьма экзальтированных, воспитанных романтическими стихами, Алданов прибегает не столько к иронии, сколько к сатире. Так,

---

[560] Там же. С. 46.

[561] Там же. С. 59.

[562] Алданов М. А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. Москва: НПК «Интелвак», 2006. С. 460.

[563] Алданов М. А. Собрание сочинений. Указ. соч. Т. 5. С. 213.

одержимая наркотиками Тони в романе «Живи как хочешь» взвешивает личную жизнь и литературный мир, выбирая, как не совсем уравновешенная личность, второе: «Для меня чувства Лермонтова и Языкова всегда были реальнее, чем мои собственные чувства»[564]. Упоение притворством, внеразумное восприятие мира – это то, что настораживает писателя. На наш взгляд, последствия вживания в романтические образы очень хорошо разъяснил известный поэт и литературный критик зарубежья Г. В. Адамович, причем сделал это в статье об Алданове: «Обычно люди к Алданову, как к художнику, безразличные или даже ему враждебные, упрекают его именно в некотором прозаизме вдохновения; в отсутствии того поэтического колорита, а в особенности ритма, без которых слово как бы лишается крыльев. Открытие нового «тона», сделанное романтизмом… сохраняет власть и над нашими современниками, и, если на эту почву стать, упрек, делаемый иногда Алданову, становится понятен»[565]; в книгах Алданова «отражено чувство ответственности за человека, за жизнь вообще, с которыми игр, жестоких или фальшивых, велось и ведется слишком уж много…»[566].

Возможность Лермонтова творить была уникальной. В письме к Н. А. Тэффи 24 августа 1949 г. Алданов заметит: «В сущности, в русской классической литературе не были профессионалами только Лермонтов и Толстой. Это к тому, что можно и не писать, если не пишется, но лишь не очень долго»[567]. Такое наблюдение выглядит симптоматичным на фоне эмигрантской бедности и постоянной работы ради денег, Лермонтов творит только по вдохновению и не иначе – какой предмет для восхищения и даже для зависти! Писать по вдохновению и только по желанию – чудо, которое не могло войти в жизнь Алданова, но так было бы желанно.

В своих художественных произведениях Алданов объединяет в одну сюжетную линию исторических деятелей, вершителей и соучастников судеб государства с вымышленными персонажами, маленькими и просто милыми людьми. За счет этого появляется психологическая обрисовка героев,

---

[564] Алданов М. Собрание сочинений. Указ. соч. Кн. 5. С. 468.
[565] Адамович Г. В. Одиночество и свобода. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С. 146.
[566] Там же. С. 147.
[567] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. С. 158.

реконструируется контекст повседневной жизни и эмоций человека, современного событиям. Так, в «Повести о смерти» герои встречаются с убийцей Лермонтова, и обладательница красивых голубых глаз кровожадно заявляет: «Задушила бы его собственными руками!»[568]. Все у той же красавицы воображаемая жизнь наполнена литературными образами, где русскую литературу единолично представляют персонажи лермонтовских произведений: «В романах же Лиле нравились преимущественно *безнравственные* герои… Печорин, Арбенин, всего больше Демон. Она знала лермонтовскую поэму наизусть и “Клянусь я первым днем творенья” никогда не могла читать без слез и зависти к Тамаре»[569]. Милые героини Алданова в жажде чуда настоящей любви так вживаются в литературный мир, что лермонтовские ассоциации составляют счастье их жизни, а сам поэт, несомненно, героизируется: «Тятенька где-то на Кавказе раза два видел Лермонтова. И Лиля не хотела ему верить, что так благородно, на дуэли погибший поэт, был некрасив, сутуловат и постоянно шутил, – Демон не шутил никогда»[570].

Другой персонаж этого же произведения, ученый Лейден, ставший своеобразным «агропутешественником» на старости лет, с жадностью впитывает турецкие впечатления, сопоставляет их с образами Лермонтова, а заодно размышляет о поэзии: «А кто это у Лермонтова дремлет, склонясь в дыму кальяна на цветной диван? Чуть ли не Тегеран?.. Смелый образ… Почему не говорят правды, когда большой поэт пишет плохие стихи? А еще кто-то там же в тени чинары льет на узорные шальвары пену сладких вин. И слова такого нет “чинара”, а есть “чинар”, и это платан, только “чинар»” звучнее»[571]. Лейден вспоминает стихотворение «Спор» («Как-то раз перед толпою…», 1841). Но к чему эти стихи в памяти персонажа Алданова, какова их смысловая нагрузка? Стихи Лермонтова с упоминанием платана – чинара – остры для самоанализа Лейдена, который осознает, что в Турцию едет не за этими самыми платанами, а «потому, что *не мог* больше жить так, как

[568] Алданов М. Повесть о смерти // Алданов М. Повесть о смерти. Бред. Москва: Гудьял-Пресс, 1999. С. 71.

[569] Там же. С. 76.

[570] Там же. С. 76.

[571] Там же. С. 99.

жил…»[572] Ему не хватало чего-то романтического, возвышенного или авантюрного, какого-то чуда, преобразующего жизнь. Но чудо открытия обернулось сомнительными событиями, за которые одержимому Лейдену пришлось заплатить жизнью жены, счастьем, здоровьем – то есть всем, что у него было.

Вместе с тем у Алданова лермонтовские образы вовсе не связаны с одной только ненавистью и пороками его героев. Выбор стихов поэта в б*о*льшей степени помогает раскрытию психологии персонажей. Так, лермонтовскую «Думу» часто декламировал влюбленный в Лилю польский революционер Виер, романтический борец за освобождение родины. Желчная критика раздражительного Лейдена основана на глубоком знании поэта-современника, который был отнюдь не популярен у соотечественников: «Много он, Лермонтов, написал вздора, хоть и был гений. Когда было ему лет семнадцать, писал божественные стихи, “Ангел”, “Парус”, а как стал гвардейцем, то сочинил “Маскарад”, детский вздор, читать без смеха нельзя»[573].

В романе «Бред», как и в алдановской трилогии, мы также видим фаустианско-демонического героя – шпиона Шелля, влюбившегося в молодую русскую женщину. «С первых же дней его раздражала именно *банальность* истории: падший человек с опустошенной душой влюбляется в чистую девушку. “Вроде как лермонтовский демон”. В душе он с молодых лет считал себя демонической натурой»[574]. В том-то все и дело, что человек, всю жизнь потративший на опасные шпионские игры, неожиданно для себя, как чудо, обретает любовь. Возлюбленная не дает Шеллю повода для ревности, но вот какой «продукт» самоиронии создают его эрудиция и словоохотливость: в одном из эпизодов этот шпион и знаток русской литературы размышляет над досугом своей молодой жены и вспоминает: «Как это у Лермонтова? “А что, скажите, за предмет – Для страсти муж, который сед”»[575]. Конечно, мы помним, что это из лермонтовской поэмы «Тамбовская казначейша», где молодая жена хранителя казны ведет себя достойно, не достойным предстает

[572] Там же. С. 99.
[573] Там же. С. 206.
[574] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 500–501.
[575] Там же. С. 632.

ее муж, дерзнувший играть в карты на собственную супругу. Но у Алданова «падший человек с опустошенной душой» вряд ли кому-нибудь произнесет черные шаловливые мыслишки – слишком ценит он то чудо любви, которое долго ждал. Герой Алданова не произносит стих, предваряющий две ироничные строчки XXV главки поэмы: «Жизнь без любви такая скверность»[576], – он не любит громких слов. А когда узнает о смертельной болезни Наташи, невидимо страдает от этой боли, берет на себя ответственность за доигрывание счастливой концовки недолгой семейной жизни. Очень необычна в этом романе тема, которую Алданов преподнес неярко, штрихами: Наташа хочет написать книгу о нестяжателях, об истории церкви, о подвиге Нила Сорского. Зачем же автор изображает такое ее стремление? К чему эти исследования по метафизике, неужели от желания избавиться от тоски? Впервые у героя Алданова мы не увидим даже намека на иронию. Возможно, Нил Сорский, относивший к грехам и уныние, был для Алданова недостижимым образцом умения радоваться именно духовной жизни.

Совершенно очевидно, что больше всего аллюзий на личность и творчество Лермонтова обнаруживается в романе «Самоубийство». В нем тоже есть романтический герой: революционер Джамбул называет Лермонтова той личностью, что изменила его судьбу[577]. И удивительно, что судьба революционера сложилась не так, как у его товарищей: он не стал убийцей, не ожесточился, он по-прежнему добрый, любящий, честный человек. Для него заряд лермонтовской поэзии – нечто, спасающее от скверны и приподнимающее над грозной повседневностью. Интересно, что в том же романе воссозданы размышления Саввы Морозова, с упоением изучавшего самоубийства и тайны скорых уходов из жизни: «Какие это биографы врали, будто Лермонтов “искал смерти”»[578], – признать жизнь Лермонтова стремлением к самоуничтожению он никак не может.

Противоречивость рецепции Лермонтова в творчестве Алданова имеет определенную историю и вписывается в культурный контекст. В статьях В. Ф.

---

[576] Лермонтов М. Ю. Тамбовская казначейша // Лермонтов М. Ю. Соч.: в 6 т. М.; Л., 1955. Т .4: Поэмы, 1835–1841. С. 130.

[577] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 6. С. 59.

[578] Там же. С. 72.

Ходасевича, Д. С. Мережковского, даже в отзывах И. А. Бунина есть представление о романтическом, мятежном характере творчества поэта, которому противопоставляется цельное творчество А. С. Пушкина. Ходасевич еще в 1914 г. утвердил один из стереотипов: «Привить читателю чувства порочного героя не входило в задачу Пушкина, даже было прямо враждебно этой задаче. …Лермонтов систематически *прививает* читателю жгучий яд страстей и страданий. Читательский покой ему так же несносен, как покой собственный…»[579] Отрицание стереотипов, признание эволюции творчества Лермонтова обнаруживается у Ю. И. Айхенвальда, В. В. Набокова. В 1923 г. в Берлине появилось уже четвертое издание книги «Силуэты русских писателей» со статьями о Лермонтове. Основные тезисы Айхенвальда, безусловно, были известны всякому читающему писателю, в том числе и Алданову: «Лермонтов глубоко любит это состояние нравственной тревоги и беспокойства»[580]; «Лермонтов в смирении и примирении нашел синтез между подавленностью безочарования и стремительной полнозвучностью жизни»[581]; «демонизм и сверхчеловечество далеко не исчерпывают всей его поэзии и даже не составляют её главного, её сути»[582]. В статьях Айхенвальда, по сути, представлена диалектика творчества Лермонтова, но еще не говорится о миссионерском, спасительном значении его поэзии. У Алданова есть черта, сближающая его с Айхенвальдом: оценивать личность по гамбургскому счету. И Алданову, наряду с психологизмом, важны страстность, пафос Лермонтова.

Г. В. Адамович в статьях разных лет придерживается одного настроения и одного мировоззрения в отношении Лермонтова. Адамович каждый раз распространяет и углубляет свои мысли, не изменяя общему тону, лишь соотносит их с наблюдениями за творчеством современников-эмигрантов. Среди самых важных его адресатов – Алданов, отвечающий и на вопросы истории, и на вопросы жизни поколения, дерзающий спорить с классиками

[579] Ходасевич В. Ф. Фрагменты о Лермонтове // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Согласие, 1996. Т. 1. С. 442.

[580] Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Москва: Республика, 1994. С. 92–93.

[581] Там же. С. 96.

[582] Там же. С. 105.

литературы и представляющими силу политиками. Лейтмотив многих высказываний Адамовича – необыкновенная метафизичность лермонтовского «Ангела», не дающая покоя разуму и сердцу чуткого человека. В статье «Поэзия в эмиграции», опубликованной в журнале «Опыты» в 1955 г., Адамович пишет: «О Пушкине… никогда, вероятно, так много не думали, как в тридцатых годах двадцатого века в Париже. …В противовес ему было выдвинуто имя Лермонтова, не то чтобы с б*о*льшим литературным пиететом или восхищением, нет, но с большей кровной заинтересованностью, с б*о*льшим трепетом…»[583]. Этот трепет Адамович связывает с особым качеством, достоинством поэзии Лермонтова: «…у Лермонтова есть ощущение и ожидание чуда, которого у Пушкина нет. У Лермонтова есть паузы, есть молчание, которое выразительнее всего, что он в силах был бы сказать. <…> В лермонтовской поэзии незримо присутствует вечность, а черное, с отливами глубокой, бездонной синевы небо, “торжественное и чудное” служит ей фоном»[584].

В статье «Наследство Блока» («Новый журнал», 1956 г.) Адамович еще раз скажет о том, что более всего его волнует в поэзии Лермонтова: «…Лермонтов в поэзии ждет чуда – и свое “бессмысленное мечтание” передал Блоку»[585]. Блока Алданов не понимал, не любил, но как бы и ему хотелось, чтобы все его милые персонажи были счастливы, чтобы все спаслись и конечная стадия человеческой жизни превратилась в начало чудесного путешествия.

Почему именно Лермонтов мог быть тревожным интересом Алданова? Алданов, кажется, был совершенно лишен метафизических представлений. Но разве мог его не волновать гений поэта, в котором совмещалась необыкновенная тяга к жизни и острое чутье чего-то совершенно неземного? Вспомним слова все того же Адамовича, который прекрасно понял, что беспокоит Алданова, и ни на мгновение не усомнился в высокой духовной устремленности Лермонтова. Скажем прямо: из всех поэтов, писавших о душе, Алданов всерьез мог читать только Лермонтова. Как не хватало ему веры в

[583] Адамович Г. В. Собрание сочинений. «Комментарии». Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. С. 216.

[584] Там же. С. 217.

[585] Там же С. 191.

чудо, какая у него тоска и невозможность обрести веру! Не таково ли и сегодня состояние многих разумных и совестливых людей? И как точны слова критика: «метафизичность Лермонтова сильнее, она у него вернее, чем у других наших поэтов»; лермонтовское «по небу полуночи» – «самый глубокий вздох о потустороннем во всей русской литературе». Вспомним лермонтовское стихотворение, которое в свое время возмутило В. Г. Белинского:

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли[586].

Чудо желается, но не во всем, чудо ожидается, но не всеми. Алданову не суждено было получить дар веры, но потаенная особенность его прозы в том, что в ней великая тоска, неизбывная печаль и сожаление, что человеку, живущему чистым сознанием, жизнь не приносит подлинной радости.

На излете собственной жизни, вспоминая Бунина, Алданов приведет его слова:

«В этом нашем последнем разговоре речь зашла о литературе. “Я всегда думал, что наш величайший поэт был Пушкин, – сказал Бунин, нет, это Лермонтов. Просто представить себе нельзя, до какой высоты это человек поднялся бы, если б не погиб двадцати семи лет”. Иван Алексеевич вспоминал лермонтовские стихи, сопровождая их своей оценкой: “как необыкновенно! Ни на Пушкина и ни на кого не похоже! Изумительно, другого слова нет”. Особенно долго он вспоминал “Дубовый листок оторвался от ветки родимой…” Теперь, перечитывая книги Бунина, я увидел, что об этих стихах упоминает юный Арсеньев»[587].

Эти слова Алданов еще успеет процитировать и в собственных произведениях. Лермонтов станет для него примером непостижимого гения, которому были открыты тайны гораздо страшнее тех, что открывались Пушкину.

[586] Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 1. С. 230.

[587] Алданов М. А. О Бунине // Новый журнал. 1953. № 35. С. 133.

3.4. Алданов как интерпретатор Н. В. Гоголя

В эмиграции для читающего человека русская литература становилась поддержкой души. А создатель поэмы «Мертвые души» – тем более. Н. В. Гоголь, как другие классики, не только издавался русскими эмигрантами[588], но и становился объектом художественного творчества и научных изысканий[589].

Литературная критика зарубежья и небольшие художественные произведения, связанные с Гоголем, собраны в тематическую книгу и охарактеризованы современными гоголеведами[590]. Пускай Гоголь не был столь знаковой фигурой для русских эмигрантов, как Пушкин, Толстой, Достоевский или Чехов, но гоголевская рецепция тоже была заметной и в литературе, и в целом в культуре русского зарубежья.

Одна из наиболее интересных работ «Духовный путь Гоголя» была опубликована в Париже в 1934 г.[591]. К. В. Мочульский, составляя очерк по разным источникам, исследованиям, приходит к выводам о том, что «жизнь Гоголя полна таинственного смысла и трагического величия»[592], что «смысл жизни Гоголя не будет никогда разгадан…»[593]. Очевидно, что рационалист Алданов не мог быть удовлетворен одним только таинственным объяснением творчества автора «Мертвых душ», его реакция на творчество Гоголя была иной. Но и в целом рецепция Гоголя в русском зарубежье была разнообразной.

---

[588] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Берлин, 1921; Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: Париж, 1933.

[589] Зайцев Б. К. Гоголь на Пречистенском // Возрождение. 1931. № 2126 (29 марта); Зайцев Б. К. Жизнь с Гоголем // Современные записки. 1935. № 59. С. 272–287; Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя. Париж, 1934. 152 с.; Бицилли П. К. Мочульский. Духовный путь Гоголя // Путь. 1934. № 45. С. 77–79; Бицилли П. Гоголь и Чехов // Современные записки // 1934. № 56. С. 298–308; Вышеславцев Б. К. Мочульский. Духовный путь Гоголя // Современные записки. 1934. № 56. С. 427–430; Полнер Т. В. Вересаев. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Современные записки. 1934. № 56. С. 430–432.

[590] Трудный путь: зарубежная Россия и Гоголь. Москва: Русскій міръ, 2002. 444 с.

[591] Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. Москва: Республика, 1995. С. 7–60.

[592] Орлова Ю. А. Историософская повесть М. А. Алданова: проблематика, образная система, мотивные ряды: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филологических наук. Тамбов, 2015. С. 59.

[593] Там же. С. 59.

Известный справочник парижской жизни зафиксировал театральный опыт чествования юбилея писателя: пражская группа МХТ 13 июня 1934 г. к 125-летию со дня рождения Гоголя ставила в Париже пьесу «Ревизор»[594]. Если же говорить о теме «Алданов и театр», то можно вспомнить его участие в инсценировках фрагментов произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, но о подобных событиях, связанных с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем, нам неизвестно.

Статей Алданова на гоголевскую тему в эмигрантских журналах и сборниках мы не найдем, хотя «тема Гоголя» возникает еще в первых его очерках, а потом станет неизменной частью содержания романов, создаваемых в 1920–1950-е гг.

Непосредственное отношение Алданова к Гоголю выражено в сохранившейся переписке, а именно: Алданов – Амфитеатрову, 14 октября 1934 г.[595]; Алданов – Амфитеатрову, 15 февраля 1936 г.[596]; Амфитеатров – Алданову, 18 февраля 1936 г.[597]; Алданов – Амфитеатрову, 14 июня 1936 г.[598]; Алданов – Бунину, 21 декабря 1948 г.[599]; Алданов – Бунину, 9 октября 1950 г.[600]; Алданов – В. А. Маклакову, 9 августа 1950 г.[601]; Алданов – Б. К. Зайцеву, 25 августа 1954 г.[602]; Алданов – В. Набокову, 15 сентября 1944 г.[603], оно более понятно и позитивно. А вот в произведениях Алданова упоминания Гоголя настолько разноречивы и ассоциативны, что нуждаются в специальном

[594] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997. Т. 2. С. 585.

[595] «Парижский философ из русских евреев» (Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову). Указ. соч. С. 585.

[596] Там же. С. 589.

[597] Там же. С. 596.

[598] Там же. С. 601.

[599] Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным // Новый журнал. 1965. № 81. С. 128.

[600] Там же. С. 142.

[601] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. С. 154.

[602] Там же. С. 160.

[603] Набоков В. В. Переписка с Михаилом Карповичем. 1933–1959. Москва: Литфакт, 2018. С. 94–95.

рассмотрении. Первой попыткой такого рассмотрения стала работа В. Сечкарева[604], но это исследование требуется существенно дополнить.

«Гоголевского» в текстах Алданова немало, даже в тетралогии «Мыслитель» он с гоголевской обстоятельностью рассказывает об изысканных блюдах аристократов XVIII в. В одной из частей тетралогии, романе «Заговор», есть эпизоды, которые напоминают повесть «Шинель». Акакий Акакиевич задуман автором как «маленький человек», которому не суждено стать счастливым в несправедливом мире; воплотив свою мечту – обретя шинель, он испытывает возвышающий восторг: «в самом праздничном расположении всех чувств»[605] на мгновение открывает Петербург света, радости и красивых женщин. Потеряв мечту – бунтует, хотя бы и после смерти. Но история алдановского персонажа Штааля, тоже «маленького человека», – это кривое зеркало сюжета о Башмачкине. Штааль, замышленный Алдановым всего лишь как свидетель истории, вожделеет запретных удовольствий и получает их, а затем – расплачивается на «государевом» суде. Он тоже переходит пределы – но это границы порока: подпольный игрецкий дом, проститутки, гашиш, игры на большие деньги. Выиграв 20 тысяч, полный счастья и окрыляющей свободы, Штааль в полусознательном состоянии надевает «давно не ношенные старые вещи» – «шинель с собольим воротником», «черную казимировую конфедератку с мушковым околышком», – строжайше запрещенные Павлом I, – и устраивает скандал, бросая невозможное «Да здравствует свобода!» в лицо таинственному «значительному лицу»[606]. Пьяная выходка Штааля оборачивается препровождением в Тайную канцелярию и жестокой расплатой. Его бунт – неосознаваемый, по необходимости, как реакция зверя: «Попал в жерло ада… Вот что значит жить в стране с сумасшедшим царем!.. Эх, Марата бы на него…»[607]. Как в случае с Акакием Акакиевичем, так и в случае с Штаалем, развязка одинакова: пройти «по Петербургу победителем» не удалось.

---

[604] Сечкарев В. Пушкин и Гоголь в произведениях Алданова // Отклики: сб. статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В. Сечкарев. Нью-Хэвен, 1986. С. 170–185.

[605] Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Москва; Ленинград, Изд-во АН СССР. 1937–1952. Т. 3. С. 157.

[606] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 2. С. 167.

[607] Там же. С. 168.

Другое произведение Гоголя, которое в разных алдановских текстах получает неизменно экспрессивные оценки, – повесть «Тарас Бульба». В очерке «Убийство Урицкого», романтизируя арестованного убийцу Каннегисера, Алданов напишет о «долгих неделях без утешения веры, без торжества победы над смертью перед многотысячными толпами зрителей, без “Слышу!” Тараса Бульбы. Никто не слышал…»[608] Возглас Тараса Бульбы, взбодривший Остапа перед казнью, в контексте скорбного произведения Алданова звучит предельно серьезно, передавая трагический пафос. Но этот же возглас совсем по-иному будет услышан в «Картинах октябрьской революции». Алданов цитирует Л. Д. Троцкого: «И если германский империализм попытается распять нас на колесе своей военной машины, то мы, как Остап к своему отцу, обратимся к нашим старшим братьям на Западе с призывом: “Слышишь?” И международный пролетариат ответит, мы твердо верим этому: “Слышу!..”»[609] Речевая тактика, которую применяет Троцкий по отношению к публике, подвергается иронии Алданова и приобретает мрачно-исторический оттенок: «…до сомнительных мук большевистского “Остапа” никому решительно на Западе не было дела»[610].

В романе «Истоки» Желябов боготворит Гоголя: «Охотнее же всего он читал “Тараса Бульбу”. Это было его любимое произведение, – вероятно, отсюда и пошла его революционная кличка… Перовская *знала,* что он кончит жизнь, как *тот* Тарас. И у нее было твердо решено, что она умрет вместе с ним, рядом с ним, на одной с ним виселице. Это было единственное сбывшееся из ее желаний»[611]. Так гоголевский текст помогает Желябову создавать романтический ореол будущего мученика в борьбе за свободу.

Но слова из «Тараса Бульбы» в отношении Желябова – это лишь одна возможность оживления исторической фигуры народовольца. Другая возможность представлена Алдановым в статье из «Рабочей газеты», «которую приписывали Желябову» и которую с ненавистью читает другой персонаж романа «Истоки», Мамонтов. Его возмущает заразительная

[608] Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. 6. С. 516.

[609] Алданов М. А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. Москва: НПК «Интелвак», 2006. С. 163.

[610] Там же. С. 163.

[611] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 5. С. 460.

способность гоголевской повести – гражданский пафос, который воздействует на современников: «Быть может, зловредную, если не роковую, роль сыграла у нас эта так изумительно написанная шваброй повесть…»[612]. Мамонтов необоснованно жесток в своем требовании того, чтобы писатель соответствовал высоте изображаемых событий и их героям. Влияние повести на общественную жизнь он и вовсе преувеличивает: «Но злополучным волшебством искусства этот хвастливый вздор заворожил русскую молодежь, – и уж совсем неожиданно для Гоголя все пока пошло на пользу *революции*: и “есть еще порох в пороховницах”, и “не гнется еще казацкая сила”, и невозможное “слышу!”»[613]. И все же озлобленность Мамонтова сменяется разумным противовесом: когда настроение героя изменится, восприятие жизни посветлеет – ему станет стыдно за те претензии, что предъявлял русской литературе.

Вместе с тем кажется, что если в художественных произведениях Алданов дает возможность взглянуть на Гоголя с разных сторон, то в письмах он односторонен и более категоричен. Так, в письме к Тэффи Алданов оставит резкие слова об этом гоголевском сочинении: «По-моему, лучше всего “Мертвые души” и “Старосветские помещики”, а хуже всего “Тарас Бульба”, где почти все фальшиво и даже не очень талантливо. <…> …Тарасы, Остапы, Андрии не слишком ценны ни в “реальном” смысле, ни в “метафизическом” а ля Мережковский»[614].

Думается, что Алданов – противник не только приемов повествования и вольности Гоголя в обращении с историей, – это вещи очевидные: «Создавая картину минувшей эпохи, Гоголь весьма свободно обращается с историческими фактами, мало заботится о хронологической точности»[615]. Алданов противостоит и другому: романтической восторженности гоголевского стиля в сочетании с натуралистичностью некоторых сцен. В

[612] Там же. С. 525.

[613] Там же. С. 525.

[614] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. С. 158.

[615] Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. Москва: Русская книга, 1994. Т. 1–2. С. 452.

своих заметках «Из записной тетради»[616]) он напишет: «Нет ничего хуже смешения стилей», и автор «Тихого Дона» пишет то как Островский, «то вдруг появляется страница под “Тараса Бульбу”»[617]. В таком контексте должно быть понятно, что писать под «Тараса Бульбу» – mauvais ton.

Отметим странный факт: эрудит Алданов нигде не пишет о знании разных редакций повести Гоголя и уж, конечно, о том, что это «социально-политический миф», «прежде всего героический, исполненный патриотического чувства рассказ, в котором в образе мифического героя Тараса Бульбы прославляется национальная идея»[618]. Вряд ли бы он согласился и с другими словами, что эта повесть – «притча о целой России, можно догадываться, что всех чающих ее Искупления – ее Светлого Воскресения, Гоголь призывает “на другую, высшую битву” – “на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу…”»[619]. Для Алданова существует лишь образ произведения, который признается не соответствующим таланту Гоголя. Товарищество, соборность, цельность русского человека, романтически преподнесенные Гоголем, Алданов не оценил. Вероятно, потому, что он в б*о*льшей степени придавал значение личности, а не самопожертвованию или самозабвению во имя высокой цели.

Другое произведение Гоголя, получающее неоднозначное прочтение в алдановском творчестве, – поэма «Мертвые души». «Мертвые души» Алданов любит, но его герои понимают этот текст по-разному. И способы «освоения» гоголевской поэмы разноплановые: от риторических приемов (использование цитат в качестве аргументов) до характеристики персонажей (критика характеров романа). Покажем эти крайности.

В публицистической работе «Армагеддон», как уже отмечалось, речь ведется о следствиях Первой мировой войны, о переделе границ государств. Казалось бы, в книге такой политической заостренности нет места Гоголю. Но

---

[616] Алданов М. Из записной тетради (отрывки) // Новое русское слово. 1951. № 14206 (18 марта). С. 2.

[617] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 597.

[618] Окутюрье М. «Тарас Бульба». Украинская модель русского патриотизма // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 2. С. 284, 282.

[619] Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. Москва: Русская книга, 1994. Т. 1–2. С. 463.

мы читаем у Алданова: «Ноздрев показывал Чичикову границу своих угодий; потом, однако, оказалось, что ему принадлежат земли по ту и по другую ее сторону. Этнографические границы, о которых вы говорите, обладают тем же чудесным свойством»[620]. Мысли об относительности в политике приобретают большую убедительность благодаря ассоциации с гоголевскими образами. В другом случае Алданов обращается к персонажу второго тома поэмы, так это происходит в письме Г. Адамовичу 15 июля 1947 г.: «Пушкин, Гоголь, Тургенев, Тютчев, Гончаров, Герцен (даже он!), Писемский, Салтыков, Островский, Чехов были либо либералы разных оттенков, либо консерваторы... “Крайние” персонажи в русской литературе – это Рахметов и, пожалуй, боголюбивый откупщик Муразов, но им во всех отношениях грош цена»[621]. Но здесь главное не ассоциация: словно мимоходом Алданов резко отзывается об образе Муразова – как искусственном, явно не соответствующем гению Гоголя.

Текстом, который лишь в определенных эпизодах проявляет гоголевское «слово», является роман «Начало конца».

Находясь в Париже, профессиональный революционер Вислиценус, уставший от борьбы, читает гоголевский «Рим» и удивляется тому восхищению, с которым Гоголь, сибаритски наслаждаясь, изображал парижские кофейни: «Точно так же описывал он красоты Днепра и римское небо»[622]. Подумывая о возможном отдыхе, он с наслаждением читает в «Мертвых душах» о рыбалке у Петра Петровича Петуха. Вместе с тем Вислиценуса раздражает «болтливость» Гоголя в отношении Тентетникова, в отношении капитана Копейкина – ложь. Гоголя он сначала называет обманщиком – талантливым, гениальным, но без идеалов. Гоголь, как атрибут прошлого времени, им отвергается. Но удивительно, в этом жестоком человеке просыпается совесть. И он меняет свое отношение к Гоголю. Вислиценус приходит к мысли, что этот обманщик сам не ведал, зачем издевался над мужиками. В раздражении, что ему не удается окончить дни согласии с собой, он прозревает и понимает напрасность революционных

[620] Алданов М. А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. Москва: НПК «Интелвак», 2006. С. 10.

[621] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...». Указ. соч. С. 158.

[622] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 4. С. 302.

деяний: «Что же мы сделали? Для чего опоганили жизнь и себя? Для чего отправили на тот свет миллионы людей? Для чего научили весь мир никогда невиданному по беззастенчивости злу? Объявили, что все позволено… а свелось все дело к перемещению Чичикова и Кифы Мокиевича, только без *органичности* гоголевской жизни, без ее уюта и раздолья – некуда больше скакать тройке…»[623]. Только в литературе Вислиценус проясняет свое подлинное отношение к самому настоящему, что было в ушедшем веке, к его ценностям. Отметим, что многие высказывания Вислиценуса будут повторены автором в письмах 1940–1950-х гг. Следовательно, в словах персонажа много авторской основы – самого Алданова.

В одной из сцен этого же романа речь идет о взаимоотношениях Вислиценуса и советского дипломата Кангарова: «Случалось в беседах обмениваться и неприятностями, но обычно в форме дружеских советов, по самым лучшим партийным побуждениям, вроде как Гоголь, по самым любвеобильным побуждениям советовал Виельгорской не танцевать, ибо она кривобока»[624]. В ином случае Вислиценус вспоминает разговор с Надей, продемонстрировавшей знание «Записок сумасшедшего» Гоголя: «Я не мастерица писать письма. У Гоголя сказано: “письма пишут аптекари”»[625]. В другом эпизоде она вспоминает повесть «Вий»: «Он прелесть что за человек, командарм, хоть в больших количествах невыносим, как канчуки, по мнению гоголевских бурсаков…»[626] Начинающая писательница находится под сильным впечатлением гоголевского произведения, и это отражение отдаляет ее и от влюбленного Тамарина, и от самого автора, для которого ассоциация ухаживаний благородного командарма с невыносимыми канчуками просто невозможна.

В уже отмеченном романе «Истоки» один из диалогов содержит иронию в отношении персонажа, подавленного своими художническими неудачами: его «умоляют» не прибегать к гоголевскому способу сжигания произведений:

[623] Там же. С. 311.
[624] Там же. С. 113.
[625] Там же. С. 212.
[626] Там же. С. 252.

«– Твой поступок прямо из первых времен христианства!.. Ты разочаровался в живописи и сожжешь “Стеньку”, как Гоголь сжег “Мертвые души”! Не делай этого, умоляю тебя!

– Я не разочаровался в живописи. Скорее она во мне разочаровалась, – сказал Мамонтов…»[627]

Мамонтов, конечно, не сожжет свою работу, но его восприятие Гоголя очень символично. Именно ему выпадает проверка русской классикой. В минуты озлобления он обвиняет многих, выгораживая себя, достается и создателю «Тараса Бульбы»: «…этот влюбленный в свою землю малоросс гораздо лучше писал великороссов, чем хохлов. Все его богатыри, вместе взятые, не стоят одного Ноздрева...»[628] Но по прошествии времени «ему стало стыдно, особенно того, что он позволял себе думать о больших людях. “Я пигмей, они великаны. <…> Великие писатели не виноваты в том, что я сам себе опротивел”»[629].

В этом же романе аллюзии и на другие тексты Гоголя.

Холостой приват-доцент Черняков любил цитировать Гоголя «в разговорах»: «Дамы уже не совсем шутливо говорили, что его надо бы женить. В ответ на это он, смеясь, цитировал Чичикова: “Что ж? Женитьба еще не такая вещь, чтобы того... Была бы невеста”[630]. Заметим, однако, что Черняков наделяет ответ Чичикова (“Что ж? зачем упираться руками и ногами, – сказал, усмехнувшись, Чичиков, – женитьба еще не такая вещь, чтобы того, была бы невеста”[631] своими интонациями, а значит – гоголевская фраза прочно сидит в его памяти и служит в холостяцкой жизни уже давно, как и вопрос о «Женитьбе» у другого холостяка – Мамонтова.

Оказавшись в Липецке, Черняков получает совет от незнакомца поселиться в гостинице. И слышит ее характеристику из странной смеси гоголевских слов: «С виду “и вот заведение”, по бессмертному выражению Гоголя, “иностранец из Лондона и Парижа”, но их повар Василий, батюшка, даст десять очков всем вашим столичным Дононам и Борелям. А уж в нашей

[627] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 4. С. 553.
[628] Там же. С. 526.
[629] Там же. С. 526.
[630] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 5. С. 26.
[631] Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. Москва: Русская книга, 1994. Т. 5. С. 139.

богоспасаемой провинции я нигде так не едал, хоть исколесил ее вдоль и поперек»[632]. В высказывании незнакомого инженера – контаминация двух цитат. Одна взята из первого тома «Мертвых душ», это название вывески бильярда, вспомним, как у Гоголя: «Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша. Под всем этим было написано: “И вот заведение”»[633]. Другая цитата заимствована из второго тома поэмы: «Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: “Иностранец из Лондона и Парижа”. Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим портным, так, чтобы впредь никто не появился с такими городами, а пусть себе пишет из какого-нибудь “Карлсеру” или “Копенгара”»[634]. Такое общение посредством литературных цитат не только показывает высокий уровень начитанности персонажей, но и сближает их как интеллигентных собеседников, проявляющих участие в жизни друг друга.

Кстати, гостиница, в которой останавливается Черняков, полностью оправдывает ожидания: «Гостиница в Липецке в самом деле была гоголевская. В другое время она, вероятно, показалась бы Михаилу Яковлевичу старой, запущенной, грязной, и он первым делом осмотрел бы кровать: не посыпать ли ее порошком? Но в этот солнечный июньский день все казалось ему прекрасным. Большие комнаты, диваны, кресла нравились ему своей провинциальной стариной»[635]. Это место кажется милым, уютно-волшебным и вместе с тем призрачным. Однако с ухудшением настроения героя (он неожиданно обнаруживает свою возлюбленную на пикнике революционеров) да еще с наступлением темноты открывается другое видение этой гостиницы: «Она тоже перестала ему нравиться. “Наверное есть клопы” – угрюмо думал он, поднимаясь по лестнице. “Ковра, должно быть, не чистили с гоголевских времен”»[636]. Как ни вспомнить повествователя «Мертвых душ»: «Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки

[632] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 5. С. 193.
[633] Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. 6. С. 11.
[634] Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. 7. С. 105–106.
[635] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 5. С. 193.
[636] Там же. С. 201.

проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов…»[637]. Таким образом, аллюзии на гоголевские тексты включаются Алдановым в эпизоды, которые характеризуют перемены эмоций персонажа, возникает эффект неприятного волшебства, этакой гоголевской фантасмагории. Эта перемена должна была бы насторожить Чернякова и отвернуть от увлечения профессорской дочкой, заразившейся народовольческими идеями.

В романе «Бред» начитанная алдановская героиня Наташа вскользь показывает знание не только гоголевских произведений (в романе упоминается «Ревизор»), но и поэтичного письма Гоголя, где звучит тема смерти: «Я у Гоголя читала, что умирать надо в Италии: в Риме человек целой верстой ближе к Богу»[638]. Наташа, несколько изменяя лексику и синтаксис, цитирует письмо Гоголя к П. А. Плетневу, написанное в Риме 2 ноября 1837 г.[639]

В канун 100-летия смерти Гоголя Алданов и Тэффи в нескольких письмах рассуждают о личности и творчестве классика. Тэффи превратила опыт общения с Алдановым (конечно, в это время она могла обсуждать «гоголевскую» тему и с другими писателями) в заметку, которая увидела свет в «Новом русском слове» в номере 16 марта за 1952 г.[640]. Алданов, как уже писалось, никакой работы о Гоголе так и не издал. Однако сходство Тэффи с Алдановым в оценке главных образов «Мертвых душ», в характеристике одних и тех же гоголевских гипербол показывает, что писательница могла находиться под его влиянием.

В другом письме, уже по выходу публикации Тэффи, Алданов продолжает слова своего персонажа, впрочем, весьма оригинально: «У меня в “Истоках” Мамонтов говорит, что хохол Гоголь неизмеримо лучше писал великороссов, чем хохлов: Ноздрев – верх художественного совершенства, Коробочка тоже (и оба, назло Белому, Мережковскому и другим, без

[637] Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. 5. С. 11–12.

[638] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 656.

[639] Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 11. Письма, 1836–1841. Москва; Ленинград, Изд-во АН СССР. 1952. С. 114.

[640] Тэффи Н. А. После юбилея (отрывки впечатлений и разговоров) // Трудный путь: Зарубежная Россия и Гоголь. Москва: Русскій міръ, 2002. С. 231–245.

метафизики и даже без малейшего шаржа). <…> И еще скажу, что в “Мертвых душах” все “положительные герои” противны, но все “отрицательные”, по-моему, на редкость милы и уютны, хоть и взяточники. Да я с наслаждением пожил бы в их обществе! И сам Гоголь их любил, хоть и “обличал”. Писатель же он был, конечно, несравненный»[641].

Во фрагментах «Из записной тетради» («Современные записки», 1930, № 44) Алданов называет «Мертвые души» «изумительной книгой»[642], говорит, что Гоголь не имел предшественников, что «он не похож ни на кого». Даже худшее в творчестве писателя обладает поразительной силой притяжения: Гоголь не реалист, а мастер гротеска, «вся плохая часть русской литературы вышла из нескольких неудачных страниц Гоголя», – это «является высшей ему похвалой»[643].

В романе «Самоубийство» тоже встречаются аллюзии на гоголевскую поэму. Тонышев вскользь характеризует свою страсть к собирательству книг: «Помните у Гоголя обжору Петра Петровича Петуха. Каждый из нас на что-нибудь Петух, если можно так выразиться. Он на еду, я на книги»[644]. Припоминание персонажа второго тома «Мертвых душ», так вдохновенно представившего поэзию пищи, имеет значение шутки. Еще один герой «Самоубийства», «грузинский социал-демократ», с фамилией на «швили», называя свое имя-отчество, представляется так: «Кита Ноевич… Пожалуйста, не сердитесь, если режу ваше русское ухо, и не смешивайте с гоголевским Кифой Мокиевичем…»[645]. За жестковатым юморком кавказской речи скрываются черты товарища Джугашвили, видимо, читавшего в юности «Мертвые души». Но вряд ли указанный товарищ очарует читателя щегольством знания гоголевского текста. Он разве что поразит контрастом гоголевскому герою: «Кифа Мокиевич, человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом», существование которого «было обращено более в умозрительную сторону и занято… как он называл, философическим

[641] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. С. 158.

[642] Алданов М. А. Из записной тетради // Современные записки. 1930. № 44. С. 361.

[643] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 587.

[644] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 6. С. 99.

[645] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 6. С. 361.

вопросом…»[646]. Новый конспиративный псевдоним Иосифа Джугашвили – это, конечно, выдумка Алданова. Вспоминая Гоголя, нелегальный революционер обыгрывает свой любимый ход. Обычно он брал имена реально существовавших людей, а в алдановском романе в шутку допускает присвоение имени литературного персонажа: этакий остроумный добряк, «душка этот Кита», по словам одной героини.

Разные детали других гоголевских произведений обнаруживаются и в других текстах Алданова. Но что может стоять за всеми этими «гоголевскими» словами? Наше мнение состоит в том, что Алданов разделяет художника Гоголя, волшебника, которого очень любит, и человека, Гоголя-учителя, которого не понимает и не принимает: «Гоголь, великий художник, учить не мог, так как сам знал очень мало, а в областях для учения особенно важных не знал ровно ничего. Но его друзья, его поклонники, атмосфера эпохи требовали, чтобы он стал “учителем жизни”»[647]. Алдановым правит ощущение гоголевской дисгармонии: зажигающего чувства полноты, красоты жизни и охлаждающего голоса веры.

В алдановской рецепции гоголевского наследия не обнаруживается ни «пророческого характера художественных образов», ни «духовного смысла и религиозно-философской проблематики», ставших «главными темами эмигрантских работ о Гоголе»[648]. Алданов – придирчивый читатель. Он не прощает Гоголю искусственности – не гротеска, а высокого романтического пафоса, натуралистичности и грубости просторечья «Тараса Бульбы». Алданов судит романтическое произведение с точки зрения здравого смысла и психологии, а это мерки, не приемлемые для анализа, хотя именно Гоголь помогает ему выразить диалектику характеров в романах «Начало конца», «Истоки», «Самоубийство».

Еще в 1932 г. В. Вейдле, рецензируя алдановский роман «Бегство», для характеристики его стиля обратился к примерам из русской классики и

---

[646] Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. Москва: Русская книга, 1994. Т. 6. С. 244.

[647] Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. 1996. № 12. С. 170.

[648] Гольденберг А. Х. Ад и Рай Гоголя (к проблеме интерпретации творчества писателя в критике Русского Зарубежья) // Н. В. Гоголь и Русское зарубежье: Пятые Гоголевские чтения: сб. докладов. Москва: Книжный дом «Университет», 2006. С. 89.

добрался до Гоголя. Вейдле отметил, что Алданов первый из русских романистов порвал с традицией отечественной литературы, он стал изображать не «человека вне или превыше социальных связей», а преимущественно общество: «Люди привлекают его не поскольку они неповторимы, а поскольку они повторяются… Все мы знали Яценок и Фоминых…, но кто скажет, кто насчитывал в числе своих друзей Чичикова, Болконского или Смердякова? Герои Алданова напоминают нам наших знакомых; герои русского классического романа никого не напоминают…»[649] И если даже возмущенный Яценко в романе «Живи как хочешь» будет отказываться видеть у Гоголя типы, то сам Алданов стремится к утверждению повторяемого, к объективности. И потому герои его тетралогии могут повториться в трилогии, равно как и в других текстах. Они, вопреки Гоголю, напоминают нам знакомых, но самобытными, яркими не становятся.

Необходимо отметить, что гоголевская тема, так же, как и пушкинская, стала предметом обсуждения Алданова с Набоковым в переписке.

А. Чернышев в предисловии к публикации писем отметил: «Резкие и субъективные суждения в письмах Набокова могли устрашить кого угодно»[650], но Алданов проявляет изрядную выдержку и дипломатичность, сталкиваясь с его выпадами. Остается только предполагать, сколько душевных сил стоило Алданову стоическое поведение, роль, в которой он был как бы не замечающим иронии участником диалога. Фрагмент из письма Набокова от 6 августа 1943 г.: «Хозяин гостиницы – мой издатель. “Гоголя” моего он скоро выпустит. Я там тискаю американских критиков приблизительно так, как теребил некогда Адамовича»[651].

Нападки Набокова были своеобразной проверкой терпения Алданова. Так, в письме от 15 сентября 1944 г. содержится развернутая рецензия на только что вышедшее пространное эссе Набокова «Николай Гоголь»: «Я прочел ее не “в один присест”, но действительно в два. Это очень блестящая и

[649] Вейдле В. [Рецензия на книгу: М. А. Алданов. Бегство. Изд. «Слово». Берлин] // Современные записки. 1932. № 48. С. 473.

[650] «Как редко теперь пишу по-русски…»: Из переписки В. В. Набокова и М. А. Алданова (1940–1956) / предисл. А. Чернышева и Н. Ли; публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 124.

[651] Там же. С. 136.

остроумная книга, одна из Ваших самых блестящих. Солгал бы Вам, если бы сказал, что с ней согласен. У меня есть возражения к каждой странице. Очень ли Вы будете меня презирать, если я скажу, что, по моему глубокому убеждению, Гоголь, при своей самой подлинной гениальности, был много проще, чем Вы его изображаете, – проще от первой страницы с разговором двух “русских” мужиков (помните полемику о “русских”?) и молодого человека в белых канифасовых панталонах до последней с благородным мерзавцем-князем и его неподражаемым “разумеется, пострадает и множество невинных”? Проще и зависимее от иностранных влияний. Говоря о художественных приемах Гоголя, Вы, конечно, часто говорите о Сирине – и это высшая похвала. Знаю, что Вы совершенно равнодушны к чужому мнению и к моему в частности, но все-таки хотел бы Вам сказать, что я от Вашей книги в восторге. Со многим и согласен»[652]. Таким образом, Алданов положительно оценивает набоковское эссе о Гоголе, почти не воспринимая полемического задора Набокова.

Интересно, что далее Алданов задает вопрос, словно надеясь, что Набоков будет с ним соглашаться в оценке Гоголя, так, в письме 15 сентября 1944 г. обнаруживается следующее: «Попадались ли Вам мои заметки о Гоголе, *кое в чем* совпадающие с Вашими (напр. о забавных суждениях о “реализме” и “гражданской скорби” Гоголя, о чудовищности основной моральной идеи “Мертвых душ” – “виноват был, что торговал мертвыми душами, а надо было торговать *живыми*”)?»[653] В другом фрагменте письма Алданов и вовсе пишет о достигнутом единодушии в отношении гоголевской «Переписки с друзьями»: «Зато я чрезвычайно рад, что вы не усмотрели беспредельных глубин… и ее не “паскализировали”, как полагалось последние 40 лет паскализировать этот вздор. Рад по той же линии, что назвали письмо Белинского благородным документом»[654]. Но ответа не последовало. Набоков, конечно, не мог не знать алдановской оценки создателя «Ревизора», но не продолжил диалог. Вероятно, диалог был ему не интересен, как и не интересен и сам Алданов в качестве инициатора беседы о литературе.

---

[652] Там же. С. 136–137.

[653] Набоков В. В. Переписка с Михаилом Карповичем. 1933–1959. Москва: Литфакт, 2018. С. 94.

[654] Там же. С. 95.

Воздействие Гоголя на Алданова было завораживающим: возникло ощущение большого писателя, понравились образы, эпитеты, гиперболы, но мировоззренческой или стилевой преемственности у автора «Армагеддона» появиться не могло. Алданов – придирчивый читатель. Более того, точка зрения Гоголя на путь России, как впоследствии и точка зрения Ф. М. Достоевского, Алдановым будет оспорена. И. А. Виноградов, перефразируя Гоголя, пишет, что Россия в силу исповедуемого в ней православия «является главным оплотом всех здоровым сил человечества в их противостоянии западноевропейской цивилизации»[655]. Вряд ли «западник» и либерал Алданов мог согласиться с таким тезисом.

Но именно Гоголь и два тома «Мертвых душ» помогли Алданову оживить своих героев, выразить диалектику характеров в романах «Начало конца», «Истоки», «Самоубийство». Имя и отчество главного героя «Ревизора» отозвались в номинации персонажа алдановской пьесы «Линия Брунгильды»; но Алданову за эту игру с именами еще и досталось от литературного критика, который воспринял алдановский ход как неудачный, а его протагониста назвал невнятным. Представляется, что этот вид творческой рецепции Алданов «провалил», Л. Камышников о персонаже Иване Александровиче отозвался весьма иронично: «Так до конца и неизвестно, кто был этот таинственный тезка Ивана Александровича Хлестакова». Критик заключил: «Не везет авторам пьес на эмигрантские темы»[656].

В одной из последних своих статей Алданов размышлял о феномене творчества Бунина, поневоле ставшего изгнанником, и вспомнил о создателе «Мертвых душ», писавшем за пределами родины: «Гоголь, никогда не бывший эмигрантом в нашем, политическом смысле слова, устанавливал здесь что-то вроде неясного закона для писателя: если хочешь писать о своей стране как следует, поезжай за границу и пиши там. Суждение, конечно, не обязательное и не общее, – напротив, резко расходящееся с общим. Истина, вероятно, посредине, и пример Бунина об этом свидетельствует: он писал одинаково

[655] Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы миросозерцания. Москва: Наследие, 2000. С. 367.

[656] Камышников Л. Русская эмиграция в отражении М. Алданова // Новое русское слово. 1939. № 9485. 24 января. С. 2.

хорошо и в России, и в эмиграции»[657]. Опыт Гоголя оказывается средством постижения тайны творчества алдановского друга.

Таким образом, восприятие классики бывает различным. Кто-то вбирает в свое творчество лучшие идеи предшественника и становится преемником, кто-то спорит, но продолжает их жизнь, а кто-то, не находя возможности иного приятия, не идет дальше аллюзий и событийных ассоциаций. Как показывает это исследование, в случае с прозой Гоголя Алданов смог показать только третий путь, однако хотел большего.

[657] Алданов М. А. О Бунине // Новый журнал. 1953. № 35. С. 132.

Глава 4. Литература второй половины XIX века: комментарии и интерпретации Алданова

Писатели, о рецепции которых пойдет речь в данной главе, стали нравственными и эстетическими ориентирами Алданова. Без обращения к творчеству А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова проза Алданова могла бы превратиться в эмигрантскую беллетристику и даже не выйти за рамки массовой литературы, при том что имела свое историко-философское содержание. В разных произведениях Алданова упоминаются имена Ф. И. Тютчева, А. Н. Островского, Н. С. Лескова, Н. А. Некрасова, цитируются их произведения, однако по частоте обращения эти упоминания не позволяют говорить о существовании рецепции их творчества. У Алданова в их отношении не формируется и образ писателя, хотя именно это происходит в случае с Герценом, Тургеневым, Достоевским, Толстым и Чеховым.

По-видимому, некая зачарованность Алданова реалистической литературой, ее интеллектуальной и нравственной самобытностью, «вековым зарядом духовности» и определила специфику отношения к ней.

А. И. Герцен, И. С. Тургенев не только могли быть интересны Алданову как передовые люди своего времени, «западники», прожившие много лет в отрыве от России. Это писатели, которые смогли не поддаться искушению массовой литературы, и в лучших своих произведениях остались высокими классиками. Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой были на разных мировоззренческих полюсах, но в творчестве Алданова произошло объединение идейных и эстетических принципов этих авторов. Гораздо ближе Алданову А. П. Чехов – по своей внутренней культуре, по хронологии и, конечно, по тому, что он был другом Бунина. Согласно этой логике выстроены части главы, освещающие рецепцию русской литературы второй половины XIX в. в прозе Алданова.

Заметим, что искушение Алданова перенять приемы массовых полемических русских романов XIX в. было велико, во-первых, потому что их нигилистическая часть основана на позитивистско-материалистическом мировоззрении, характерном для него самого, во-вторых, в таких романах

использовались приемы массовой литературы, которые были тоже важны для Алданова, искавшего подход к широким кругам русского эмигрантского и иностранного читателя. Личности А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, их идеи, художественные образы оказались в центре внимания Алданова настолько, что их восприятие превратилось в представление о концепции жизни.

4.1. Слово и дело А. И. Герцена в восприятии Алданова

А. И. Герцен – не только писатель и выдающийся общественный деятель, оказавший сильное воздействие на политические тенденции России 1850–1860-х гг. Он был изгнанником, крупной политической фигурой, мастером слова, деятельность которого привлекала внимание писателей и литераторов русской эмиграции в 1920–1930-е гг. Актуальность некоторых идей Герцена сохраняется и ныне: «Чествуя Герцена, мы живо ощущаем его традицию честного слова, стремящегося порвать путы внешней и внутренней цензуры и утвердить права человека жить вне насилия государства. Мы до сих пор остро переживаем творчество писателя, который посвятил всю свою жизнь задаче вылечить современное ему общество правдой и все время сталкивался с неизлечимостью застарелой лжи»[658]. Алданов был тем человеком, который ценил в жизни правду и свободу, и тем писателем, который хотел в литературе правды и свободы.

Что касается оценок общественной деятельности и литературного труда Герцена, то, наверное, самые высокие среди всех эмигрантов они были у Алданова. Он всерьез рассматривал возможность монографического обращения к личности и творчеству Герцена, так, в одном из писем В. Набокову 5 ноября 1941 г. сообщит, что хотел бы написать книгу о Герцене,

[658] Строганов М. В. Этому берегу // Памяти Герцена. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. С. 7.

но «издателей этим не соблазнишь»[659]. Мы уже отмечали этот факт: «К сожалению, читатель не увидел ни книги, ни очерка о Герцене»[660].

По степени свободы, проявленной в жизни и творчестве, Алданов сопоставлял Герцена с самим Л. Н. Толстым; фигур, равновеликих этим художникам по такому критерию, в русской литературе Алданов не обнаруживает. Интересно, что позиция Алданова в отношении к традиции Герцена была объявлена в отрывках сборника «Огонь и дым», в той статье, которая впоследствии не вошла в полное издание очерков. Однако для событий 1920 г. эта статья «О “Грядущей России”» была принципиально важной, потому что выражала мировоззренческие постулаты самого Алданова, созвучные принципам зарубежной русской интеллигенции, еще только начинавшей переживать свое беженство и избранничество. Являясь одним из основателей парижского журнала «Грядущая Россия», Алданов в унисон программным статьям кн. Г. Е. Львова, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, Ф. И. Родичева обозначал политические и творческие традиции, которым, по его мнению, будет следовать новое издание. В связи с этим алдановское отношение к Герцену необходимо рассматривать в контексте убеждений русских эмигрантов: «П. Боборыкин в своих воспоминаниях сближал имена выдающихся участников освободительной борьбы и писателей, которых он близко знал и которые “кончили жизнь одни на каторге, другие на чужбине” (Чернышевский, Бакунин, Огарев, Лавров, Михайлов). “На двух крайних концах” поставлены Герцен и Л. Н. Толстой. Немного было таких стойких защитников своих убеждений, как Толстой, заключал Боборыкин. В этом он сближал Герцена и Толстого»[661]. Алданов писал: «Не по чистой случайности в первой книге “Грядущей России” помещены статьи о Герцене и несколько пушкинских строк»[662].

---

[659] «Как редко теперь пишу по-русски…»: Из переписки В. В. Набокова и М. А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 130.

[660] Шадурский В. В. Марк Алданов – комментатор русской классики. Великий Новгород: НовГУ, 2016. С. 65.

[661] Трущенко Е. Ф. «Грядущая Россия» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. Москва: РОССПЭН, 2000. С. 108–110.

[662] Ландау-Алданов М. А. Огонь и дым (отрывки) // Грядущая Россия. 1920. № 1 (янв.). С. 176.

Однако означает ли это, что такая высокая оценка распространяется и на все творчество Герцена? И возможно ли, что близость Алданова Герцену объясняется какими-то внелитературными обстоятельствами? Итак, как же Алданов интерпретирует Герцена?

Нужно учитывать общественно-политический контекст и тот факт, что Герцен относился к либеральной части литераторов, был провозвестником реформ во благо русского мужика, но революционером по сути (по характеру действий, поступков) никогда не был.

Алданов являлся членом трудовой народно-социалистической партии, партии городской интеллигенции, существовавшей в 1905 г. Заметим, что среди российских партий, близких к народникам, партия народных социалистов была единственной, исключившей террор как средство политической борьбы, но смогла повлиять на политические изменения в России.

Это обстоятельство нужно учитывать. Несмотря на то, что партия просуществовала всего несколько лет и Алданов не был в ней видным членом, все же он был человеком политически наполненным, политика его интересовала всю жизнь. В Герцене-публицисте он отмечал необыкновенную проницательность. А современников, недооценивавших или поучавших Герцена, по-своему оценило время. Рассуждая о мировой войне и революции в публицистической книге «Армагеддон», Алданов включит в диалог своих резонеров реплику Тургенева: казалось бы, мелочь, но какое за ней стоит осмысление:

«“Это могло случиться только в России”. Кто знает?

“Шопенгауэра, брат, надо читать, Шопенгауэра”, – советовал Тургенев Герцену в период несравненно более легкого кризиса в жизни Европы. Того Шопенгауэра, который, умирая, оставил большую часть своего состояния солдатам, восстановившим “порядок” в 1848 г. А меньшую часть – своей собаке»[663].

[663] Алданов М. А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. Москва: НПК «Интелвак», 2006. С. 54.

Во-первых, слова о Шопенгауэре прозвучали в письме И. С. Тургенева как о своеобразном «отрезвителе» современников[664]. Ведь после идеалистической философии Гегеля, весьма популярной в первой половине XIX в., кстати, очень важной для развития идей Герцена, интеллектуальная Европа пребывала в недоумении. Вместо концепции, воодушевленно обещавшей прогресс, открытия, перспективу человечества, волю к прогрессу, появилось приземленное, но четкое объяснение: как быть человеку, когда его жизнь непременно завершится смертью.

Слова Тургенева, написанные в письме Герцену, преподносятся Алдановым иронично. Можно ли поверить в торжественную убедительность идей Шопенгауэра, поступки которого вызывают удивление у здравомыслящих людей? А если завещание наследства собакам – серьезный шаг мыслителя, то не лучшее ли это доказательство его чудовищной мизантропии? По логике ответов на такие вопросы и советы Тургенева выглядят легкомысленными.

Герцен же воспринял эти строки серьезно: и как напоминание об основателе «философии пессимизма», и как попытку Тургенева спрятать свое мнение за аргумент авторитетной фигуры. В ответном письме от 17 (29) ноября 1862 г. Герцен укажет Тургеневу на «полнейший нигилизм *устали, отчаяния* в противоположность нигилизму *задора и раздражительности* у Черныш., Доброл. и пр. Доказательство тебе в том, что ты выехал на авторитете идеального нигилиста, буддиста и мертвиста – Шопенгауэра (а впрочем, я тебе благодарен, что ты мне его напомнил)»[665], – чего стоит последнее слово «мертвист». Издатель «Колокола», не принимающий философию Шопенгауэра, не понял довод Тургенева, и тот вынужден был обратиться к пояснениям. Вспоминается следующая запись в письме А. И. Герцену 21 ноября (3 декабря) 1862 г. «…Какой-то мудрец сказал, что нет таких людей, которые умели бы освободиться от самых очевидных

[664] Тургенев И. С. Письмо А.И. Герцену. 23 октября (4 ноября) 1862. Париж // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.-Л., 1963. Письма. Т. 5. С. 65.

[665] Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем: в 22 т. Петроград: Государственное изд-во, 1920. Т. XV. С. 552.

недоразумений. Неужели это изречение должно оправдаться над нами? …я называю Шопенгауэра – ты упрекаешь меня в поклонении авторитету»[666].

Такой, казалось бы, незначительный аспект переписки двух писателей не только стал известен Алданову, но и пригодился ему для аргументации собственной либеральной позиции.

А. А. Чернышев приводит такие характеристики Алданова: «мастер исторической публицистики», «его публицистика даже ценнее его художественных произведений», «был крупнейшим русским публицистом после Герцена…»[667] Приводимые характеристики высокие, но и вполне заслуженные.

В той же книге «Армагеддон» Алданов цитирует очередное письмо Тургенева, написанное Герцену: «Враг мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься перед русским тулупом и в нем ты видишь великую благодать», «из всех европейских народов именно русский меньше всех нуждается в свободе. Русский человек, самому себе предоставленный, неминуемо вырастает в старообрядца: вот куда его гнет и прет…»[668] Это письмо Герцену от 27 октября (8 ноября) 1862 г. цитируется с неточностью, приведем его фрагмент без искажений: «Враг мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься перед русским тулупом и в нем-то видишь – великую благодать и новизну и оригинальность будущих общественных форм…»[669] В письме Герцену 13 (25) декабря 1867 г. сказано так: «…изо всех европейских народов именно русский меньше всех нуждается в свободе. Русский человек, самому себе предоставленный, *неминуемо вырастает в старообрядца* – вот куда его гнет – его прет…»[670] Алданов с сожалением приводит этот пессимистический тургеневский тезис, на фоне содержания которого желание Герцена освободить народ кажется безудержным

---

[666] Тургенев И.С. Письмо А.И. Герцену. 21 ноября (3 декабря) 1862. Париж // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.-Л., 1963. Письма. Т. 5. С. 74.

[667] Чернышев А. [Вступительная статья] Исторические портреты. Адам Чарторыйский в России. Ольга Жеребцова // Наше наследие. 1991. № 4. С. 78.

[668] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 94.

[669] Тургенев И. С. Письмо А. И. Герцену. 27 октября (8 ноября) 1862. Париж // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: Т. 5. М.-Л., 1963. С. 67.

[670] Тургенев И. С. Письмо А. И. Герцену. 13(25) декабря 1867. Баден-Баден // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма. Т.VII. М.-Л., 1964. С. 14.

оптимизмом. Алданов ценит реалистичное отношение к свободе. Продолжая давать характеристику тургеневским взглядам на свободу и судьбу русского народа, он отмечает, что в данном случае Тургеневу «плохо помогло знание народа, которым он бесспорно превосходил Герцена. Надо было ответить и на вопрос, во что вырастет русский человек, “предоставленный” не самому себе, а опекунам, еще менее “нуждающимся в свободе” и столь же мало заботящимся о “науке”»[671]. На этот вопрос ответила жизнь – русскими революциями. Этот же свой пассаж с небольшим изменением повторит Алданов в 1930 г.[672].

Еще один фрагмент из сочинения Герцена, видимо, имевший популярность в начале XX в., но уже не узнаваемый в XXI в., опять-таки звучит в «Армагеддоне»: «“С социализмом покончено навеки”, – говорят перепуганные люди. Говорят обыкновенно с радостью: кого это жупел не обидел? Герцен обессмертил коллежскую асессоршу, которая всю жизнь не могла простить Наполеону преждевременную смерть своей коровы, скончавшейся в 1812 г. Теперь коллежская асессорша, потеряв не одну корову, во всем винит социализм, отождествляя его с пугачевщиной, и ждет не дождется спасителя»[673]. Алданов вспоминает 19 главу под названием «Княгиня и княжна» из повествования «Былое и думы». Описанный Герценом эпизод детства превращается Алдановым в символ пошлой, неуместной меркантильности, когда во время мирового катаклизма человек мыслит лишь о своих материальных благах, утрата которых не соизмерима с теми лишениями и потерями, которые выпадают на долю целого народа.

В очерке «Третий Рим и Третий интернационал», который впоследствии войдет в книгу «Огонь и дым», Алданов напишет о дальновидности Герцена: «Может быть, самое лучшее определение большевизма было дано более полвека тому назад Герценом, предсказывавшим великое будущее в России тому, кто сумеет объединить в себе царя и Стеньку Разина. Это определение

[671] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 95.
[672] Алданов М. А. Из записной тетради // Современные записки. 1930. № 44. С. 356.
[673] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 107.

как нельзя более подходит к Ленину, но относится оно главным образом опять-таки к большевистской практике»[674].

В 1921 г. Алданов публикует рецензию на книгу Герцена «Былое и думы»[675] . Во вступительной части рецензии на это издание он делает обзор сочинений Герцена, выпущенных еще до 1917 г. Затем он обозначает преимущество собрания сочинений, издаваемого берлинским книгоиздательством «Слово», в частности его сенсационную особенность – содержание «истории личной интимной драмы Александра Ивановича и Наталии Александровны Герцен»[676]. Сравнивая книгу «С того берега», которую Герцен считал своей лучшей, с книгой «Былое и думы», Алданов не соглашается с авторской оценкой, называя ее несправедливой, а неоцененный автором текст – «самой лучшей книгой Герцена», принадлежащей «к числу вечных произведений литературы»[677]. Интересно, что при алдановском анализе текста в форме автобиографии выясняется, что критик настолько строг, что видит неудачу даже в произведении Толстого. Так, одну из форм автобиографии, исповедь, он называет «родом литературы чрезвычайно опасным, неудавшимся»[678]. Толстому. Конечно, Алданов имеет в виду «Исповедь», «историю отпадения»[679]. Толстого от православия. Критик хвалит Герцена за смелость подхода и уникальность содержания его текста: «В русской литературе подобных литературных произведений почти не имеется», его сочинение именует «гениальной книгой» и «мемуарами кругом правого человека». Алданов, как знаток юридического дискурса, видит и своеобразные «правовые» мотивы «Былого и дум», называя сочинение Герцена «многотомной защитительной речью»[680]. Вместе с тем он оценивает произведение Герцена как критик, не используя термин «поэтика», но обращаясь к термину «стиль»: «И как публицист, и как художник рассказа –

---

[674] Ландау-Алданов М. А. Огонь и дым (Отрывки) // Грядущая Россия. 1920. № 1 (янв.). С. 168.

[675] М. А. [Алданов М. А.] [Рецензия на книгу] Герцен А. И. Былое и думы: в 5 т. Берлин: Издательство «Слово», 1921 // Современные записки. 1921. № 4. С. 373–376.

[676] Там же. С. 374.

[677] Там же.

[678] Там же. С. 375.

[679] Там же.

[680] Там же.

во всем, кроме совершенного презрения к русскому синтаксису и к фонетике стиля, – Герцен является по сей день непревзойденным и недосягаемым образцом»[681]. Интересно и другое: творчество Герцена Алданов воспринимает в развитии, умея увидеть слабые и сильные стороны его таланта и мыслительной деятельности. Так, им произносятся весьма пафосные слова: «Подобного сочетания блеска с глубиной в нашей литературе, пожалуй, не было. …Почти все линии русской мысли последнего пятидесятилетия намечены в этой противоречивой и гениальной книге»[682]. Но в то же время Алданов-политик отмечает, как изменилась политическая философия Герцена, а Алданов-критик говорит «о злополучной судьбе словечка “мещанство”, которое Герцен слишком любил и слишком часто употреблял»[683]. Критерием же оценки его творчества являются слова создателя «Войны и мира»: «оценка, данная… Л. Н. Толстым, довольно близка к истине»[684].

В очерке «Убийство Урицкого» писатель осмысляет слова передовицы одной советской газеты о том, что политическое убийство – это всегда гнусное преступление. Удивительно, что при всем своем гуманизме Алданов отстаивает иную точку зрения, а именно – о возможности и даже целесообразности политического убийства. Среди аргументов оказывается и мировоззрение Герцена: «Платон, Шекспир, Вольтер, Мирабо, Шенье, Гюго, Пушкин, Герцен были совершенно не согласны с передовиком влиятельного органа печати»[685].

Очерк «Ольга Жеребцова» начинается словами из «Былого и дум», в которых Герцен перед ссылкой в Новгород решает выполнить волю отца и посетить его давнюю подругу: «Я вообще не любил важных людей, особенно женщин, да еще к тому же семидесятилетних; но отец мой спрашивал во второй раз, был ли я у Ольги Александровны Жеребцовой?»[686]. Алданов продолжает эту линию: «Читатели, вероятно, помнят эту страницу из «Былого

[681] Там же.
[682] Там же. С. 375–376.
[683] Там же. С. 376.
[684] Там же. С. 376.
[685] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 6. С. 486.
[686] Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1954–1965. Т. 9. С. 66.

и дум». К Жеребцовой Герцен обратился в 1840 г. за защитой в связи с высылкой его из Петербурга… Ольга Александровна сделала что могла; Герцена тем не менее выслали»[687]. Вместе с тем, если уж доверять тексту Герцена, то нужно принять на веру, что визит к Жеребцовой был выполнением обещания, данного отцу, и не носил корыстного характера, да и попытка вмешаться в судьбу Герцена ничего не могла изменить. Но на следующих страницах Герцен, при всей своей почтительности к «странной, оригинальной развалине другого века»[688], оказывается чрезмерно многословным. Алданов, указывая на отсутствие биографии Жеребцовой и на то, что «многое в ее жизни покрыто тайной»[689], обращает внимание на «несколько загадочное» содержание фразы, которую Герцен произносит гипотетически, но все же произносит: «Если она делила “сатурналии” Екатерины и оргии Георга IV, то она же делила опасность заговорщиков при Павле»[690]. Судя по осторожности тона, Алданов, безусловный любитель исторических деталей, знаток слухов и сплетен, сомневается в основательности предположений Герцена, да и сам он никогда не опустился бы как до описания, так и до упоминания оргий, связанных с именами великих деятелей российского государства.

И вот пример такой деликатности в характеристике интимных отношений. В 1932 г. выходит очерк «Ванна Марата», в котором Алданов, описывая своеобразный обряд венчания Марата со своей 30-летней работницей Симоной Эврар (напомним, это всего лишь клятва на коленях «перед лицом Верховного Существа»), с иронией вспоминает, что такой стиль венчания «держался» в России даже много позднее XVIII в., «кое-что в таком роде можно найти даже у Герцена; а его сверстники падали на колени, восклицали и клялись даже чаще, чем было необходимо»[691].

Но главное для Алданова – это серьезное, интеллектуальное содержание жизни Герцена. В этом же очерке имя Герцена становится почти нарицательным, когда Алданов берется за обобщение: «Говорят, что революция – “великая переоценка ценностей”. Это неверно. Ценности

[687]Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1994. Кн. 1. С.189.
[688] Герцен А. И. Указ. соч. Т. 9. С. 70.
[689] Алданов М. Указ. соч. Кн. 1. С.189.
[690] Герцен А. И. Указ. соч. Т. 9. С. 70.
[691] Алданов М. Указ. соч. Кн. 2. С. 159.

переоцениваются до революций – Вольтерами и Дидро, Герценами и Толстыми»[692].

В одном из очерков 1936 г. Алданов будет писать о местечке Лонжюмо под Парижем, где некогда была устроена нелегальная большевистская школа. Он обратит внимание на контраст «полной ничтожности дела с огромными личными усилиями, которые прилагались для его осуществления»[693] и вспомнит пример Герцена, последователей которого не оказалось; напишет об этом целый столбец статьи, с горечью заключив, что у такого грандиозного человека не осталось достойного наследия: «Да и не было у Герцена таких идей, которым могло бы принадлежать какое бы то ни было будущее»[694].

Интересно, что имя одного из любимейших алдановских писателей использовалось критиком для того, чтобы выделить особую черту творчества самого Алданова: «… та сила, с которой Алданов утверждает роль случая в истории, может быть объяснена как психологическая реакция против абсолютного исторического детерминизма, к тому же еще оптимистически окрашенного. <…> Против такого антропоморфизма, против наделения материи – в природе или в истории – человеческими атрибутами разума и воли, больше ста лет тому назад восставал еще Герцен»[695]. Алдановское отношение к истории сопоставляется с герценовским. И опять – в выигрышном для него свете: ведь Алданов для обоснования своей позиции пользуется такими аргументами, которых в арсенале Герцена не было: «История сама по себе никаких целей не имеет и иметь не может. Только человеческий разум и человеческая воля могут вносить цели и смысл в стихийный исторический процесс»[696]. И самое важное: Карпович обращает внимание не на пресловутую одержимость Алданова теорией случая, а на его открытость и перспективу: «Существенно то, что Алданов говорит не только об огромной роли случая в истории, но и возможности борьбы со случаем»[697].

---

[692] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 162
[693] Алданов М. Лонжюмо // Современные записки. 1936. № 60. С. 432.
[694] Там же.
[695] Карпович М. М. М. А. Алданов и история // Новый журнал. 1956. Кн. 47. С. 259.
[696] Там же. С. 259.
[697] Там же. С. 260.

Один из главных текстов Алданова, осмысляющих революцию, роман «Ключ», содержит множество идей, оценок, характеристик в соотнесении образов, пафоса русской классической литературы и революционных событий. Естественно, что персонажи романа, живущие в Петрограде 1917–1918 гг., некогда читавшие или читающие Герцена, задумываются о связи его деятельности, поступков с нынешним временем. Так, следователь тайной полиции Федосьев становится инициатором очередной «философской» беседы с химиком Брауном, напрасно подозреваемом в убийстве. Браун прозорливо говорит: «Если у нас в самом деле произойдет революция, то главные неприятности могут быть от смешения третьего сорта с первым. Несчастье революции в том и заключается, что к власти рано или поздно приходят люди третьего сорта. С успехом выдавая себя за первосортных… Герцен – революция, и Кременецкий – революция. Но, право, Герцен за Кременецкого не отвечает»[698]. Очевидно, что имя Герцена упомянуто в контексте печальных рассуждений о контрасте высоких идей и низких, зачастую бесчеловечных, безнравственных способов их воплощения.

В романе «Бегство» Виктор Яценко, приобщенный Брауном к изготовлению взрывчатки для контрреволюционеров, сопоставляет реальность с книжным опытом, полученным от Герцена: «Он читал в “Былом”, в воспоминаниях разных революционеров, о динамитных лабораториях, о конспиративных квартирах. Но все это он представлял себе совершенно иначе»[699]. Конечно, читают Герцена не только персонажи Алданова, но сам автор. Благодаря публикациям архивных материалов и рукописей в журнале «Современные записки» он имел возможность знакомиться с вводимыми в научный оборот фактами, новыми документами. В отношении Герцена есть прекрасный пример письма Алданова, направленного 12 марта 1939 г. В. В. Рудневу, соредактору этого издания: «Мне лично были очень интересны письма Герцена с Вашими примечаниями (Мара, конечно, Марат, – Герцен писал так, как произносят французы). Публика, вероятно, будет ругать:

[698] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 3. С. 216.
[699] Там же. С. 439.

“скучно”. Между тем, помещение таких материалов в высшей степени ценно»[700].

Конечно, важны не отдельные реплики и упоминания героев Герцена, а возможности преемственности целостного мировоззрения писателя. Агностик Герцен, стремящейся к свободе личности, необыкновенно важен для понимания смысла жизни современного человека, который при всей своей ограниченности эгоизмом и индивидуальными желаниями не представляет жизнь вне социума. На наш взгляд, Карпович очень точно фокусирует внимание на том, что составляет феномен Герцена, – это как раз то, что Алданов передает через художественные идеи и образы: «Отсутствие определенного порядка как во вселенной, так и в человеческой истории открывает свободному человеку возможность делать то, на что он способен… Он говорит о человеке, стоящем на краю пропасти и смотрящим в ничто: нет участия, помощи ни от Бога, ни от вселенной, потому что Бога нет, а во вселенной нет смысла и цели. Это слепая сила, и ничто больше. И все-таки я думаю, что в своей основе Герцен не был пессимистом, и здесь проходит связь между его общей философией и его политической и социальной философией… Он пишет, что именно в деле, прежде всего в общественном деле, человек может реализовать себя в самой полной и высокой степени»[701].

Чтение произведений Герцена – это прекрасное занятие для просвещающегося человека. Но моральный облик такого чтеца может быть разным, и Герцен в этом не повинен. Так, в очерке «Сараевское убийство», рассказывая об одном из организаторов убийства эрцгерцога Фердинанда, Алданов характеризует Владимира Гачиновича и среди его различных поступков обнаруживает, что тот переводил Герцена и Бакунина, но в убийцы эрцгерцога подобрал человека, «Герцена не читавшего»[702].

Благодаря опыту и деятельности Герцена Алданов сохраняет убежденность и в правоте своего выбора – выбора свободной жизни за

[700] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 95.

[701] Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). Москва: Русский путь, 2012. С. 144.

[702] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 565.

пределами родины. Свободу он воспринимает как непременную ценность, которая определяет и нравственный порядок писателя.

В статье «О положении эмигрантской литературы» Алданов, полемизируя с Г. И. Газдановым, утверждавшим, что если бы за границей были люди, способные стать гениальными писателями, то им «нечего было бы сказать; им помешала бы писать “честность с самим собой”»[703], доказывает другое: «То “внутреннее моральное значение”, которое имел в виду Толстой, у него было не то, что у Достоевского, а у Достоевского не то, что у Пушкина, у каждого из них было свое»[704]. По мнению Алданова, жизнь на родине или пребывание в эмиграции не сказывается на «внутреннем моральном значении» писателя, имя Герцена приводится среди тех писателей, у которых эмиграция такое моральное значение «не отняла».

Эмигрантский характер личности и творчества Герцена станет тенью самого Алданова. Рассуждая о тягости писателя без читателя, он обмолвится в письме к Н. А. Тэффи. 24 августа 1949 г: «Мы здесь уже много лет занимаемся тем, что Герцен назвал “самочитательным печатаньем”. Я всегда думал, что люди сделали профессию из того, что никогда профессией быть не должно: из искусства[705]». Самоирония Алданова опирается на редкую фразу – слова, произнесенные Герценом в письме к Н. П. Огареву. Правда, в письме речь шла об экономии средств на гонорары, о признании того, что статьи его издания, мало кому нужные в Европе, хорошо разносятся в Петербурге: «Все, что мы печатаем за границей по-русски, – филантропия и себяобман, ничего не идет. <…> Из-за чего же мы здесь будем харчиться – на самочитательное печатание»[706]. Но фраза Герцена, брошенная в финансовом контексте журнальной жизни, становится метафорой отсутствия читателя и бесполезности эмигрантского послевоенного слова. Таким тонким, литературным способом Алданов выражает свою горечь от тяжелого осознания одиночества литераторов Зарубежья.

---

[703] Там же. Кн. 6. С. 450.

[704] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 451.

[705] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/october/1998/6/vos.html

[706] Герцен А. И. Указ. соч. Т. 30. С. 62.

В некрологическом очерке «Мережковский» Алданов даст характеристику контексту, в котором развилась «литературная политика» Д. С. Мережковского и упрекнет литературную критику эмиграции в чрезмерной оппозиционности. Слова Герцена станут фоном, помогающим выразить Алданову положительное отношение к успеху произведения старшего современника: «Полагалось поругивать даже “Леонардо”, – одну из не столь уж многочисленных русских книг, ставших общеизвестными на Западе. А. И. Герцен писал в 1869 г. своей дочери: “Вчера мы все обедали у Гюго... Старик очень мил. Саша (А. А. Герцен. – М. А.) судит по-студенчески, в Гюго есть сумасшедшие стороны, – но неужели он может думать, что можно владеть умами во Франции с 1820-х годов до 69 – даром!”. Эта, в общей форме верная, мысль может быть отчасти отнесена и к знаменитой книге Д. С. Мережковского: ее читают больше сорока лет на очень многих языках, – “даром” такого не бывает»[707].

Наиболее частым обращением к Герцену отличается роман «Истоки». Одно имя автора «Былого» упоминается 20 раз. Известный политик-эмигрант Бакунин, выведенный в романе как историческое лицо, участвует в нескольких сценах. В его речи имя Герцена используется так часто, будто бы Александр Иванович член его семьи. Вот и Мамонтову после знакомства он говорит: «Немцы хуже, гораздо хуже! Нехорошо так говорить, но каюсь, я терпеть не могу немцев! Не во многом я сходился с покойным Герценом, а в этом сходился. Он тоже немцев не выносил…»[708] В других эпизодах упоминается мнение или поведение Герцена в общении и быту: «Вот несут обед! Благодарите судьбу, а то я вас заговорил! Я и Герцену, и Маццини, и Прудону, и Тургеневу не давал слова сказать, хоть они все были мастера поговорить»[709]; «…Бакунин с тем же аппетитом принялся за бифштекс.

– Герцен тоже всегда изумлялся моим порциям. Сколько он меня кормил и поил, покойник!.. Он думал, кстати, что он гастроном. А на самом деле аппетит у него был как у старушки, и он все заливал мерзким английским соусом, так что настоящие гастрономы на него смотрели с отвращением, а на

[707] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 461.
[708] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 4. С. 457.
[709] Там же. С. 462.

меня изумленно»[710]. Таким образом, реальное историческое лицо – Герцен – так и остается внесценическим персонажем, но благодаря веселым комментариям Бакунина читатель получает довольно-таки обстоятельную характеристику автора «Былого» и становится почти очевидцем действия. Заметим, что с расспросами о Герцене никто к Бакунину не пристает, но тот всякий раз в беседах вспоминает Герцена. Вот и в эпизоде, где Мамонтов раскрывает свое художественное увлечение и рассказывает о написанной им картине «на сюжет из жизни Стеньки Разина», Бакунин, отвечая, обращается за примерами, в которых главное место – характеристика Герцена: «Стенька Разин был большой человек, нам всем до него далеко… <…> В России только разбойник и был настоящим революционером!.. <…> А то кто же: декабристы, что ли? Или Герцен? Герцен был либеральный барин, сибарит, фрондер и чистоплюй, вообразивший себя революционером, вот как он воображал себя гастрономом! Умница был, талантливейшее перо, но революционер он был курам на смех»[711]. Интересно, что Мамонтов, оценив надменный тон в отношении Герцена, тоже начинает играть по правилам Бакунина, вот и в предложении своей помощи революционерам он как-то юмористически осторожен и предупредителен:

– Михаил Александрович, возьмите у меня денег! – горячо сказал Мамонтов. – Я не могу отдать свое состояние на революцию, потому что... Потому что этого никто не делает. <…> Кафиеро я не знаю. Но Герцен, например, был богатый человек и не отдал»[712].

В этом же романе представлена беседа о значении императора Александра Второго, в ней участвуют профессор Павел Васильевич Муравьев, Мамонтов и Черняков. Профессор учительствует: «Не верьте вы, молодые люди, тем, кто говорит, будто большая часть дворянства стояла за освобождение крестьян. <…> Герцен, конечно, хотел освобождения, но сколько же дворян Герценов?» На что Черняков иронично продолжает: «Герцен вдобавок своих крестьян продал или заложил до эмансипации»[713].

---

[710] Там же. С. 464.
[711] Там же. С. 466.
[712] Там же. С. 474.
[713] Там же. С. 535.

Современники Алданова не оставили этот эпизод без внимания, возникла даже полемика, причем автору пришлось разъяснять свою художественную позицию уже за пределами романа. Э. А. Брянский написал письмо в газету, опровергая алдановскую информацию и ссылаясь на факты, что имение, полученное Герценом по наследству, после его отъезда за границу было конфисковано русским правительством. Алданов снимает с себя обвинения в клевете на Герцена, отвечая, что о Герцене говорит «не автор романа от себя, а одно из действующих лиц (Черняков)». И добавляет: «<…> Другие резко критикуют “Анну Каренину”, неужели автор письма делает меня ответственным и за это? <…> Не думаю все же, что Э. А. Брянский приписывал мне намерение “оклеветать” Герцена, одного из самых замечательных людей и самых больших писателей России»[714].

Иногда сравнение с Герценом приводится в качестве иронии. Так, юный автор передовой статьи «Рабочей газеты» в шутку сравнивается с гением политической журналистики: «Ну, что ж, недурно, – сказала Елизавета Павловна, когда Гриневицкий кончил статью. – Хотя Герцен, верно, написал бы лучше»[715]. Ироничный тон очередного алдановского героя, конечно, передает эмоцию автора.

Но не много ли алдановской иронии рассредоточено в персонажах и что она означает? Так, даже профессор Муравьев возвышает свои мысли за счет принижения общественно-политического значения Герцена: «…без Тургеневых и Герценов эмансипация все-таки могла бы состояться, а без Александра Второго русские крестьяне, то есть лучшее, что есть в нашем народе, и по сей день были бы рабами»[716]. Другой случай: богатенький философствующий Мамонтов в Берлине «с наслаждением прочел Герцена»[717], но и он дерзает мыслить выше автора «Былого»: «Герцен так восхищался Шиллером и уж ему-то это никак не идет: в герценовский “идеализм” я поверю только тогда, когда поверю в свой собственный. Его “идеалистические” страницы производят такое впечатление, будто тут по ошибке пропущены

[714] Алданов М. Ответ М. А. Алданова // Новое русское слово. 1944. № 11286. 16 января. С. 8.

[715] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 5. С. 419.

[716] Там же. С. 536.

[717] Там же. С. 102.

кавычки или будто ему под идеалистическим соусом почему-то удобнее высмеять еще кого-либо из добрых знакомых, особенно из бедных эмигрантов. Так он и “благословлял” Шиллера…»[718] Вероятно, несколько надменная позиция Мамонтова, всерьез допустившего мысль сделаться революционером, может быть оправдана течением жизни, которая во многом нарушает спрогнозированные сценарии. Если невозможно стать цельным человеком, не лишившись человеческих радостей, то такой путь неубедителен для Мамонтова: в отсутствии полной цельности, искренности чувств и поступков он упрекает и Герцена: «И если уж говорить себе всю правду, то ведь в самом деле мне моя нынешняя бытовая свобода дороже всякой другой, какой угодно другой. Пусть я “мещанин”, но Герцен, так страстно обличавший то, что он назвал этим удобным словом, ни для чего не пожертвовал своей бытовой свободой, покоившейся на его богатстве»[719].

Герцен, его идеи и образы становятся фоном для рефлексии алдановского персонажа. Так, Мамонтов, пребывая в меланхолии, испытывает душевный кризис, и пытается найти опору в русской классике: «Однако и классики несколько его раздражали, точно они несли на себе ответственность за то, что произошло с Россией, с народовольцами, с ним самим»[720]. Несправедливость упрека русским писателям, переданного речью повествователя, продолжается еще большей инвективой теперь уже от первого лица – самого персонажа: «Герцен еще больше прежнего раздражил его тем, что всегда во всем был прав, даже тогда, когда якобы себя обвинял и каялся. “А его сочувственное издевательство над нищими эмигрантами просто гадко. Понося “мещан”, он эти самые мещанские блага жизни любил не меньше, чем они. То, что он заполучил к себе Гарибальди, это самая обыкновенная publicity и lion hunting... И не верю я в его слезы над “работниками”, в его сожаление, что он не взял ружья, которое протягивал ему “работник” на баррикаде Place Maubert, – почему же ты не взял?”»[721].

Такую тираду Мамонтова можно было бы разбирать долго, более того, некоторые факты окрашены в черный цвет сознанием озлобленного человека.

[718] Там же. С. 107.
[719] Там же. С. 95.
[720] Там же. С. 524.
[721] Там же. С. 524.

Озлобленного, но неравнодушного, мечтавшего о справедливости, искавшего себе применение в революции, в союзе с народовольцами. Обратим внимание хотя бы на то, что как в Герцене, так и в Гарибальди, Мамонтов искал цельное сознание, героя современности. Вот как объясняет подобное тяготение к легендарному освободителю народов современный исследователь: «Александр Герцен писал о Гарибальди не раз и нередко с искренним восхищением... Вместе с тем должного внимания со стороны исследователей, как мне кажется, не получило определение великого итальянца, брошенное Герценом в статье «Концы и начала»: «последний герой»… Представляется, что это определение – опять-таки глубоко личное, указывающее на осознание его автором, что *исторический тип человека*, обладавший чертами, не доступными для него самого и потому особенно для него привлекательными, уходит в небытие. В этих словах, выделяемых Герценом курсивом, – настоящая ностальгия по жизни, рождавшей этот тип, жизни, корневой, цельной, не расчлененной специализацией, не пораженной язвой отчуждения»[722]. Конечно, все помнят о том, как историю взаимоотношений с Гарибальди Герцен представил в «Былом и думах», а также детальный рассказ об организации встречи английском доме Герцена. Но в случае с алдановским персонажем дело именно в оценке мотивов, Мамонтов не верит в искренность революционных намерений Герцена-барина.

И все же то лучшее, что может быть в русской интеллигенции, связано с именем Герцена. Одна из заключительных, примирительных сцен романа Алданова содержит упоминание портрета Герцена как части быта культурного и возвышенного человека: «В заставленный книжными шкапами кабинет вошла хорошенькая девушка с покрасневшими от слез глазами. Отец нежно поцеловал ее в лоб. Он до того попросил Николая Сергеевича не говорить о петербургском событии. По-видимому, отец и дочь обожали друг друга. “Очень милая, прекрасная семья, – думал Мамонтов. – На таких семьях держится Россия. Я не понимаю поэзии революции, но поэзию русской интеллигенции всегда чувствовал.

[722] Панарин С. Гарибальди в России: от восхищения к забвению? URL: http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/p16.html

В чем она? Книги, журналы, рояль, портреты Пушкина и Герцена, “мягкий свет лампы”, – не в них же? А может быть, и не так пусты слова о разумном и добром?..”»[723].

В мыслях персонажа соединяются слова вольнолюбивых Пушкина, Герцена, Некрасова, но Мамонтов не столько осознает их идеи, сколько чувствует притягательность их личностей, он действует импульсивно.

«Ульмская ночь. Философия случая» – это книга об истории философии. Однако имя Герцена, которого Алданов называет создателем русской субъективной философии, упоминается в ней гораздо реже других русских философов и писателей. Только в пятой главе – «Диалог о русских идеях» – собеседник Л., словно продолжая утонченную интеллектуальную беседу, произносит слова, которые уводят ее на новый виток: «Герцен был, однако, революционер…» Собеседник А. тут же подхватывает, произнося: «Очень умеренный, без всяких “бескрайностей”. И его страницы о “мещанстве”, по-моему, худшее из всего, что он написал…»[724] Эта реплика оказывается важной для характеристики образа мыслей и поведения самого Герцена, воспринимавшего мещанство как силу, противодействующую яркому, самобытному, нарушающему покой.

Странным оказывается то, что алдановский мыслитель сразу же начинает с противоречия общепринятой точке зрения, согласно которой именно Герцен – самый обстоятельный и дальновидный исследователь мещанства. Общеизвестно, что истоки, развитие и перспективы мещанства писатель охарактеризовал в «Былом и думах»[725], в «Концах и началах»[726]; это понятие обозначает не только «совокупность нравов», «воззрение на жизнь», но и становится синонимом общества, сосредоточенного на потреблении.

В одной из современных статей отмечается, что Герцен «писал об исторической обусловленности мещанства развитием частной собственности и предпринимательства, а не уровнем развития культуры общества»; указывается на преемственность его идей: «Если Герцен показал проявления

[723] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 5. С. 530.

[724] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 350.

[725] Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1954–1965. Т. 10. С. 125.

[726] Там же. Т. 16. С. 136–138.

мещанства во всех сферах жизни общества, то Иванов-Разумник заострил внимание на антииндивидуализме мещанства как главной атрибутивной его черте, разъедающей духовную культуру личности»[727]. Но Алданов почти за 60 лет до этой статьи с иронией относился к такой возможности. Действительно, уж какой революционер Герцен, если живет на «дворянские» деньги, живет, как барин – раз уж это позволили ему происхождение и обстоятельства. И аргументы Алданова о том, что Герцен «любил блага "мещанской" цивилизации», что показал «неполную искренность»[728], заметно подмачивают репутацию мнения писателя о мещанстве.

В романе «Бред» опять появятся слова Герцена о патриотизме, это слова в необычной оценке. Шпион Шелль в бреду пытается завербовать советского ученого Майкова и удивляется его отказу уехать вместе со своим открытием на Запад: «Вероятно, все же из патриотизма?.. Собственно, Герцен говорил… патриотизм самая ненавистная из добродетелей, я ее всю жизнь терпеть не мог»[729]. Разумеется, в этом проявляется не космополитизм, а желание Герцена видеть свободу во всех ее проявлениях. Примечательно, что цитата из Герцена появляется в болезненном состоянии шпиона, в бреду человека темного происхождения, однако воспитанного русской культурой.

В романе «Самоубийство», вышедшем уже после смерти Алданова, появляется единственная фраза, имеющая отношение к Герцену, и связь с Герценом преподносится иронично – не сами автором, а его персонажем, руководителем большевиков. Ленин накануне съезда партии размышляет о Плеханове, оценивая его как возможного претендента на лидерство, и видит в нем лишь декоративную фигуру: «Будет стоять на трибуне в длиннополом наряде, конечно, со скрещенными ручками, у него всегда скрещенные ручки, не то Наполеон, не то Чаадаев, – ох, надоело. Будет сыпать цитатами; и тебе Дидро, и тебе Ламеттри, и тебе Герцен»[730].

---

[727] Сараева Е. Л. Понятие мещанства в текстах А. И. Герцена и Иванова-Разумника: диалог идей // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Том I (Гуманитарные науки). С. 32.

[728] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 350.

[729] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 520.

[730] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 6. С. 18.

Историк Карпович, на наш взгляд, был очень близок своему другу Алданову в его отношении к Герцену. Вероятно, за годы общения Карпович и Алданов могли повлиять друг на друга как в оценке русской классики, так и в понимании свободы. Герцен для Алданова был одним из воплощений редкой свободы личности, но свободы, которая давала возможность заботиться о человечестве, а потому нисколько не удивительна и забота Герцена о свободе в отечестве и свободе конкретного мужика. Карпович словно продолжает своими словами высказывания «алдановского» Герцена: «Самое поразительное в Герцене – сложность его личности и его идей. Мы имеем дело с одним из самых одаренных и привлекательных интеллектуалов того времени, а возможно, и всех времен. <…> …Можно рассмотреть одну главную основополагающую идею даже не абстрактную идею, а чувство, страсть (une idée-force): его прежде всего интересуют индивидуум и свобода индивидуума»[731]. Одна из ценностей жизни, безусловно, удерживающая Алданова и стихийно подаренная ему Европой, – свобода в отношении высказываний к России, оказывается едва ли ни главной на Западе. Но индивидуальная свобода нужна ему не только ради самосохранения, а ради максимального самовыражения для общественной пользы. И, несмотря на то, что во времена Герцена не пользовались термином «интеллигенция» (говорил о «мыслящих русских»), вошедшим в русский обиход только в 1860-е гг., Карпович указывает на то, что Герцен видел главной задачей для своего социо-культурного слоя: «Миссия интеллигенции заключалась в том, чтобы довести социалистическую идею и идею человеческого достоинства (возможно, они неразделимы), индивидуальной свободы до самых глубин российской народной жизни, помочь общине развиться в более совершенную социальную организацию»[732].

Позиция Карповича в отношении творчества Алданова необыкновенно важна, потому как некоторые постулаты автора «Ключа» Карпович соотносит со взглядами Герцена. Сближение позиции агностика Алданова с позицией

[731] Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). Москва: Русский путь, 2012. С. 139, 141.

[732] Там же. С. 151.

Герцена имеет очень сильную аргументацию именно в отношении к разуму и высокой оценке личности человека.

Перефразируя А. Ю. Вязинкина, Герцена можно было бы назвать «эстетическим нигилистом»[733]. Рационализм нигилистов, о которых он писал в своих произведениях, казалось бы, мог быть близок Алданову, чье мировоззрение сформировано идеями европейского просвещения, но нигилистические романы в силу своей разрушительной силы его не могли привлечь.

Таким образом, в различных текстах Алданова – в публицистике, литературно-критических статьях, очерках, романах проявляется знание герценовского слова. Оно становится многоаспектным: то являет собой аргумент, то средство осмысления и критики, то средство рефлексии главного персонажа. Философия, публицистика Герцена, торжествующая в них свобода наиболее привлекательны для Алданова. Мы полагаем, что алдановское отношение к либеральным ценностям имеет во многом герценовскую основу.

4.2. И. С. Тургенев и «литературный шоколад»

Рецепция И. С. Тургенева в русском зарубежье была разнообразной.

Среди знаменательных событий, отразивших память русских эмигрантов о Тургеневе, было празднование Дня русской культуры в 1933 г., которое было связано с 50-летием кончины писателя. В различных изданиях русского зарубежья запечатлен этот факт. Так, в Белграде Русский дом памяти Императора Николая II стал площадкой для проведения нескольких мероприятий 5 июня 1933 г., посвященных «памяти Тургенева и Римского-Корсакова»[734]; в Праге к пятидесятилетию со дня смерти Тургенева 8 июня 1933 г. прошел литературный вечер[735]; в Париже, в Сорбонне, было устроено торжественное собрание памяти Тургенева, на котором 10 июня 1933 г.

[733] Вязинкин А. Ю. Феномен «русского нигилизма» в идейном наследии А. И. Герцена // Философская мысль. 2019. № 5. С. 37.

[734] [Б. п.] День русской культуры // Возрождение. 1933. Т. 8. № 2905. 16 мая. С. 4.

[735] Хроника. Чехословакия. Т. 1–2. Хроника научной, культурной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике. Прага, 2001. Т. 2. 1930–1939. С. 207.

выступил И. А. Бунин[736]. «Последние новости», крупнейшая газета русских эмигрантов, 3 сентября 1933 г. опубликовала на двух страницах материалы в честь Тургенева[737]. «Современные записки» отметили памятную дату статьей М. Алданова «При чтении Тургенева»[738], однако этой статьи могло и не быть.

Когда редакция парижского журнала для детей выбирала из русских писателей XIX в. тех, кто «передавал саму национальную стихию»[739], то среди них в числе первых оказался Тургенев: «На Чехова и Тургенева, мастеров пейзажа, спрос необыкновенно возрос в связи с изменившимся взглядом на природу, которую перестали трактовать в утилитарном смысле»[740]. Однако Алданов менее всего в литературе «пейзажист», что же его могло привлечь в Тургеневе? И почему алдановские слова о создателе романа «Отцы и дети» столько неоднозначны?

Вне всякого сомнения, личность Тургенева и его художественные произведения были в центре внимания Алданова. Другое дело, что рецепция тургеневского творчества в художественной и документальной прозе Алданова не является системной, постоянной. Но в то время, когда Алданов проживал во Франции, бывал в Тургеневской библиотеке, он не мог не помнить о значении этого «посла русской культуры» в Париже, не мог не знать о восторженном к нему отношении французских писателей и читателей. С адекватным восприятием на Западе самому Тургеневу, конечно, очень повезло. Даже в центре Европы, в Австрии «отзывы на творчество Тургенева… были довольно многочисленными», в нем видели писателя. «показавшего поэзию славянской души»[741]. Наконец, «в Австрии

[736] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995. Т. 2. С. 440.

[737] Внутриредакционная переписка / публ. и примеч. М. Шрубы // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. С. 718.

[738] Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 412–417.

[739] Суровова Л. Ю. Эмигрантская периодика о детях и для детей: начало, развитие, направления, итоги // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 5. Москва: ИМЛИ РАН, 2013. С. 460.

[740] Там же. С. 461.

[741] Стрельникова А. А. Австрийская литература XIX – начала XX вв. О поисках ценностных ориентиров: осмысление русской классики // Русская литература в зеркалах

узнаваемыми казались пустеющие дворянские гнезда и светлая грусть русского писателя, образы чудаков, тонкий психологизм в обрисовке персонажей… поэтизация природы, лишенной мифологизма…»[742]. Очевидно, что своим «западничеством» Тургенев был очень близок Алданову, но не все в этом восприятии было однозначно.

Но что значит, когда наследие классика литературы называют «шоколадной фабрикой»[743]. Возникает желание разобраться с создателем такого нелицеприятного ярлыка. Какое Алданов имел право так отзываться о творчестве Тургенева?

Наверное, впервые Алданов использует образы Тургенева в публицистической книге «Армагеддон». Автор писал о революции, о Первой мировой войне, казалось бы, чем ему может быть полезно творчество «либерального» Тургенева? Но ведь и «либеральный» Тургенев не чуждался проблем революции: его Рудин погибает на баррикаде, а общение с А. И. Герценом, П. Л. Лавровым и Г. А. Лопатиным достойно не только филологического, но и политологического изучения. Итак, что же из наследия Тургенева отразилось в первом публицистическом сборнике Алданова?

Саркастически отзываясь о фанатичных революционерах и корыстных политиках, Алданов вспоминает тургеневских персонажей, нравственная чистота которых контрастирует с моральным обликом деятелей истории. Например, Талейран, один из самых нечистоплотных политиков времен Великой французской революции, «…оставил после себя мемуары такой голубиной чистоты, точно их писала тургеневская Лиза»[744]. О праведном суде потомков над историческими событиями помогают вспомнить персонажи романа «Рудин»: «В сущности, вы принадлежите к породе людей, которых французы называют “неудавшиеся идеалисты”. Рудин, прельщенный философией Пигасова, истинно говорю вам, – надо подождать беспристрастного приговора истории»[745].

мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретация / ред.-сост. М. Ф. Надъярных, В. В. Полонский; отв. ред. А. Б. Куделин. Москва: ИМЛИ РАН, 2015. С. 63.

[742] Там же.

[743] Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 413.

[744] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 13.

[745] Там же С. 48.

Мы уже отмечали, как Алданов с иронией вспоминает письмо Тургенева к А. И. Герцену (23 октября (4 ноября) 1862 г.), а именно странные советы Тургенева о необходимости читать труды немецкого философа: «Шопенгауэра, брат, надо читать, Шопенгауэра»[746]. Он цитирует письмо, опуская только одно слово: читать «поприлежнее». Весьма причудливыми бывают повороты истории и человеческой мысли. Алданов удивляется необычной трансформации: как фигуры бурной общественно-политической жизни России, попадая на страницах русской литературы и прозы Тургенева в частности, превращаются в образы людей без воли и энергии. Почему же именно этих персонажей называют подлинными русскими «типами»? «“Несчастная русская обломовщина…”. Обломов – русский, но разве не русский Желябов? Любопытно, что прототипом “безвольного” Рудина послужил Тургеневу Бакунин, человек больших дел…»[747]. Вспоминая алдановский критерий оценки литературных произведений – «правдивость», приходится понимать, что ирония Алданова в отношении Тургенева связана с его несколько видоизменяющей реальность творческой способностью.

Но иронической критикой восприятие Алданова, конечно же, не ограничивается. Так, по его мнению, «провидческая» сила Тургенева была необыкновенно точна: «Тургенев, вообще говоря, мало предсказывал и неохотно проповедовал, но почти всегда хорошо, потому что и предсказывал, и проповедовал он самые элементарные вещи, вроде ученье – свет, а неученье – тьма. Может быть, именно поэтому он у нас в России почитался оригиналом и европейцем»[748].

Живя в Париже и работая в журнале «Современные записки», Алданов печатался как в основном отделе прозы и статей, так и в отделах «Критика и библиография», «Культура и жизнь». Первый алдановский материал о Тургеневе появился в виде рецензии[749], которая была опубликована в отделе «Критика и библиография». Алданов писал, как книгоиздатели за рубежом

[746] Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1978–2018. Письма. Т. 5. С. 124.

[747] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 70.

[748] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 95.

[749] Алданов М. А. [Рецензия на книгу] Тургенев И. С. Полное собрание художественных произведений: В 10 т. Рига: Жизнь и культура, 1930 // Современные записки. 1931. Кн. 46. С. 508–510.

недооценивали интерес к русской классической литературе. К таким бесперспективным авторам, «несозвучным эпохе», ошибочно относили и Тургенева, однако десятитомное собрание сочинений, которое появилось в Риге, стало уже третьим изданием Тургенева для русской эмиграции. Алданов высоко оценивает не только внешний вид книг, но и полноту содержания, ведь в собрание вошли малоизвестные художественные произведения. Более того, напоминание П. Трубникова о 150 еще неизданных рукописях Тургенева служит мотиваций для публикации этих произведений писателя. Алданов не сравнивает талант и значение Тургенева с недосягаемой величиной в литературе – Л. Н. Толстым, но «…гордиться Тургеневым Россия, конечно, будет всегда с полным правом»[750].

На этом достаточно благодушном фоне резко выделяется статья, в которой говорится о «литературном шоколаде» в творчестве Тургенева[751], – статья, которая не задумывалась автором в целостном виде и выросла из заметок. В ее подзаголовке автор даже как будто извиняется за невозможность создать целостный очерк о Тургеневе, и поэтому нужно понять, с какой целью и в каком контексте этот материал оказался опубликованным.

Дело в том, что в 53-м номере «Современных записок» за 1933 г. публикаций Алданова о Тургеневе не планировалось. Но вышло так, что Алданов не успел дать в этот номер ожидаемый отрывок из своего романа, и поэтому соредактор В. В. Руднев предложил ему написать рецензию на какой-либо советский роман. Но и тут Алданова подстерегала неприятность: устав критиковать советских авторов, он спросил книжку, как писал М. В. и М. А. Вишнякам, «которую бы мог похвалить». Руднев посоветовал прочесть только что изданный первый том романа М. А. Шолохова «Поднятая целина», Алданов ознакомился с ним и разочарованно заключил: «совершенная макулатура», «гнусное подхалимство». Посчитав, что положительная рецензия не может быть написана, обязательный Алданов вместо нее спешно передал в редакцию «статью о Тургеневе»[752]. Это была рецензия на свежее

[750] Там же. С. 509.

[751] Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 412–417.

[752] Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 61.

издание сочинений, но она оказалась не выверенной и не совсем завершенной. Известно, что Алданов даже для отдела «Критика и библиография»[753] . не просто писал рецензии на книги, но создавал целые очерки о писателе и его творческом пути. В письме к Рудневу от 8 сентября 1933 г. он сообщил о характере статьи о Тургеневе и, называя ее «для отдела статей слишком незначительной», попросил опубликовать в отделе «Культура и жизнь». Алданов обратил внимание, что статья составлена «в форме отдельных заметок, разделенных посредством тире»[754]. Действительно, есть 8 таких тире, разделяющих текст на 9 частей. В посмертном книжном издании[755] эта статья разделена на части с помощью пропуска строк и визуально воспринимается более цельной.

Итак, подзаголовок статьи Алданова обещал некую фрагментарность – «Несколько заметок». Но вместе с тем сама она обладает внутренней цельностью и выстроенной композицией: статья начинается характеристикой философско-политических мыслей Тургенева, высказанных им в письме к Герцену, продолжается оценкой публицистических идей в тургеневских романах и обзором литературы о Тургеневе, в том числе упоминанием книги Б. К. Зайцева. Алданов рассуждает о превратности писательской славы, об изменении отношения потомков: от восторженного восхваления до развенчания. Как и в других литературно-критических работах, Алданов не выходит за рамки культурно-исторической школы: «Время наше элементарное, но катастрофическое, а он катастроф терпеть не мог: немудрено, что его у нас меньше читают, чем в Англии»[756].

Алданов называет Тургенева «большим художником и очень умным человеком», а «достоинства его произведений» «признанными и очевидными». Вместе с тем большая часть статьи посвящена перечислению недостатков автора «Рудина». В этих «заметках» Алданов выступает начитанным и придирчивым читателем, обращающим скрупулезное внимание

---

[753] Шадурский В. В., Степанова М. В. Публикации Марка Алданова в журнале «Современные записки» (отдел «Критика и библиография») // Вестник НовГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (87). С. 88–92.

[754] Современные записки». Указ. соч. Т. 2. С. 60.

[755] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 460–467.

[756] Алданов М. При чтении Тургенева. Указ. соч. С. 413.

на стиль любимого писателя. Тургеневу достается за повести «Клара Милич», «Фауст». «Ненужные страницы» обнаруживаются в рассказе «Первая любовь», в романе «Отцы и дети», по его словам, «не удались» четыре персонажа. Свою позицию Алданов обозначает в деликатной фразе: «…невольно ловишь себя на повышенном внимании к недостаткам», главным же среди них называет «легкую слабость к литературному шоколаду»[757].

Что может скрываться за этой метафорой, которую мог позволить себе только весьма смелый литературный критик? Эта фраза намекает на сентиментальную слащавость и в целом – на искусственность какого-то литературного приема Тургенева. Признаки «литературного шоколада» Алданов обнаруживает в заглавиях «Новь», «Вешние воды», в построении фраз в «Фаусте», в образах героев «Первой любви». И вот что интересно: в тех же фрагментах, где характеризуются изъяны прозы Тургенева, Алданов описывает и недостатки прозы Л. Н. Толстого, но всякий раз объясняет и оправдывает эти недостатки. Так, по мнению Алданова, заглавие «Власть тьмы» «в звуковом отношении ужасно», однако в большинстве своих заглавий Толстой делает нечто, отчего «слова эти приобретают у нас новый звук»[758]. Заглавие «Клара Милич» тоже звучит неестественно, что отчасти обусловлено искусственностью всего содержания произведения. И даже книгу Б. К. Зайцева о Тургеневе Алданов упоминает не затем, чтобы опереться на авторитетное мнение критика и как-то его дополнить; напротив, он оспаривает «исключительно высокую оценку» «известной поэмы» «Клара Милич».

Итак, с одной стороны, критика Алданова напоминает принципы культурно-исторической школы И. Тэна, с другой стороны – эстетическую критику П. В. Анненкова и А. В. Дружинина. Это соединение эстетической оценки с историческим подходом к произведениям. Иначе не понять, почему Тургенев, ищущий новую форму, назван «не нашедшим ее» (множество «стилистических приемов теперь режущих слух»), почему его «поймали» на избыточных повторах, на многословии, почему сравнение начала «Клары Милич» с первыми фразами «Пиковой дамы» показывает, «как за пятьдесят

[757] Там же. С. 412–417.
[758] Там же. С. 413.

лет ушло назад искусство символического рассказа»[759]. Более того, Алданов приводит финал пушкинской повести как образец ритма, краткости и емкости фразы в упрек Тургеневу. А слова о Полине Виардо сопровождаются своеобразным реальным комментарием: «Едва ли умирающий старик хотел тут сделать рекламу бывшей певице». В то же время суждения Алданова не категоричны, высказывания даны в мягкой форме: «вполне возможно», «не очень удался», «стиль его недостаточно наивен». И даже те произведения Тургенева, где обнаруживаются неубедительные приемы, оцениваются высоко по тому лучшему, что в них есть. «Первая любовь» – написана «с удивительным совершенством», некоторые персонажи «Отцов и детей» – «сделаны изумительно». В целом художественные неудачи Тургенева Алданов объясняет тем, что автор «Отцов и детей» постоянно искал новые формы для выражения своего богатого содержания и в этом поиске мог ошибаться, что вполне естественно для первопроходца. Алданов не использует термины «романтизм» или «реализм», обозначающие литературные направления. Но по его логике, ошибки Тургенева можно было бы отнести к своеобразным и довольно искусственным проявлениям романтизма. И хотя на многих страницах Тургенева гораздо «больше искусства и поэзии», чем на страницах Достоевского, он назван «самым неровным из всех классических русских писателей»[760].

При всей аргументированности своих взглядов сам Алданов оказывается непоследовательным в оценках, ведь выбранный им способ сопоставления стилистических приемов писателей можно назвать «нерелевантным», потому что слабые в художественном отношении «места» тургеневского стиля он соотносит с наиболее удачными приемами А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого.

И все же Алданов пытается быть аргументированным и объективным. Даже то неприятие «Войны и мира», которое выразил Тургенев после прочтения первой части романа, объясняется не завистью или злостью, а сопротивлением чужой манере: «…не сразу и мог принять революцию в искусстве такой большой художник, как он»[761.]

[759] Там же. С. 414.
[760] Там же. С. 417.
[761] Там же.

Сохраняя человеческую субъективность и эмоциональность, Алданов пытается понять позицию автора, старается передать его точку зрения: «Однако “внутренний голос”, верно, всё громче ему твердил: “Да, то, то самое…”»[762]. Неадекватная оценка Толстого называется драмой. Алданов словно переживает за высказывания Тургенева, близко воспринимая его эмоции.

Завершается статья обобщением всего, что о нем написано Алдановым, обозначением критерия оценки: «Надо ценить больших писателей по тому лучшему, что они дали», а также традиционным риторическим приемом – ссылкой на авторитетное мнение: «Совершенно справедливо говорит Б. К. Зайцев, что “в золотом веке нашей литературы место Тургенева в числе четырех – пяти первых”»[763]. Проявленная субъективность Алданова превращает его литературно-критические работы в художественное эссе, в своеобразную художественно-документальную прозу.

В 1933 г. в рижской газете «Сегодня» появился и другой большой материал Алданова, связанный с Тургеневым[764]. В трехчастном очерке Алданов рассказывает о поисках дома Тургенева в Буживале, о его похоронах, на которые пришел весь русский Париж: для смерти «Тургенев выбрал день отнюдь не гениально», накануне умер престолонаследник граф Шамбор, и потому газеты освещали похороны этого графа. «И тем не менее для Тургенева место нашлось. Большие статьи о нем появились во всех газетах <…>. Добавлю, что в статьях о нем было очень мало “клюквы” <…>. В одной из газет главным произведением Тургенева назвали роман “Рондини” (но это могло быть опечаткой: Рудин), в другой сообщили, что Гоголь, автор “Тараса Бульбы”, покончил самоубийством, были и неизбежные “русские степи”, но в общем почти все в некрологах было хорошо и точно; и в некоторых из них упоминался даже Белинский…»[765]. Алданов вспоминает речи, произнесенные на вокзале перед отправкой гроба с телом Тургенева и некролог Жюля Клорети, который «вспомнил свою беседу с Герценом, “одним из

[762] Там же.
[763] Там же.
[764] Алданов М. О Доме Тургенева в Париже, его похоронах и его месте в литературе // Сегодня. 1933. № 243. 3 сент. С. 2.
[765] Там же. С. 2

интереснейших людей нашего времени”. Это было после появления “Отцов и детей”. Герцен говорил французскому писателю с негодованием: “Вот уж Тургеневу не подобает называть других людей нигилистами! Ведь сам он почти во всем безбожник, он ни во что не верит…”»[766]. Но автор статьи не соглашается с Герценом: «Его и вообще одним словом не определишь. Место его и в литературе и в жизни особое»[767]. Алданов отмечает, как блестяще Тургенев исполнял свою роль посла русской культуры на Западе, как оказывал услуги Достоевскому и французским писателям. Тем не менее он полагает, что связь тургеневского творчества с традицией русской литературы XIX в. преувеличена критикой. В этом же номере газеты «Сегодня» опубликована статья М. Ганфмана «Тургенев в наши дни», посвященная мнимой «несозвучности тургеневских настроений, тургеневских образов всем идейным течениям нашей эпохи», при оценке либерализма Тургенева и европейское общество и «нынешние марксисты-критики» впадают в ошибки и в «упрощенство»: «Теперь всякий либерализм не только в современной России, но и в культурнейшей стране Европы признан гнилым, похороненным навсегда». Автор пишет о настоящей потребности современного общества в либерализме: «…тургеневская человечность, мягкость, тургеневский либерализм начинают влиять и на большевистскую молодежь...»[768]. Думается, что содержание этой соседней статьи только оттеняет острые алдановские мысли о свободе и либеральных ценностях.

Алданов знает даже нелицеприятные моменты подробности биографии Тургенева, которых сам писатель впоследствии стыдился. Так, в очерке «Французская карьера Дантеса»[769] он вспомнит, что «…Тургенев, в числе немногих совершенных им в жизни “подлостей”, считал и то, что, встретившись в обществе с Дантесом, подал ему руку»[770]. Упоминание этого факта в очерке, посвященном пушкинскому юбилею, во-первых, говорит о

[766] Там же.
[767] Там же.
[768] Ганфман М. Тургенев в наши дни // Сегодня. 1933. № 243. 3 сент. С. 2.
[769] Первая публикация состоялась в изд.: Алданов М. Французская карьера Дантеса // Последние новости. 1937. № 5801 (10 февр.). С. 3.
[770] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 333.

совестливости Тургенева и, во-вторых, о том неприятии убийцы Пушкина, которое сохранилось в сердцах людей даже спустя многие годы.

В рецензии на книгу Андрея Седых «Звездочеты с Босфора» (предисл. И. Бунина. Нью-Йорк: Издание «Нового русского слова», 1948) Алданов вспомнит и о другом факте, связанном с фамилией Тургенева, и напишет целое отступление о русской классической литературе: «Тургенев говорил о Николае Толстом (брате Льва Николаевича), что ему не хватало только недостатков и понимание недостатков, нужных выдающемуся беллетристу. Быть может (я в этом не уверен), Тургенев имел в виду “выдумку”, которую, конечно, можно рассматривать и как недостаток, и как достоинство в зависимости от предъявляемых к искусству требований. Думаю, многие даровитые люди не становятся романистами лишь по случайным причинам»[771].

Интересно, что тургеневская рецепция была проявлена Алдановым и в переписке, в частности, в письмах к Бунину. Среди наиболее ярких упоминаний Тургенева – в уже упомянутом письме от 22 августа 1947 г.[772] Алданов сравнивает язык Бунина с языком его предшественников, которые изображали народную речь, и обнаруживает первенство своего друга, особенно отмечая «отдельные народные выражения», среди которых «есть истинно чудесные, отчасти и по неожиданности, которой нет ни у Тургенева, ни у Лескова…»[773].

Для нас гораздо важнее не упоминание писателя, а целое заключение, которое в этом письме выдает Алданов Тургеневу-читателю, современнику других великих авторов. Очевидно, что Алданову приходится сожалеть об этой оценке и вместе с тем убеждаться, что восприятие современника бывает совершенно неадекватным, даже если этот читатель является искушенным интеллектуалом Тургеневым: «… Тургенев в 1866 году пишет Анненкову. Он получил и прочел мартовскую книгу “Русского вестника”. <…> Художественный отдел ему не понравился. Там были, экскюзе дю пе:

[771] Алданов М. Звездочеты с Босфора: Новая книга Андрея Седых // Новое русское слово. 1948. № 13148. 25 апреля. С. 8.

[772] Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым // Новый журнал. 1983. № 152. С. 178–180.

[773] Там же. С. 180.

“Преступление и наказание” и “1805 год” (т.е. начало “Войны и мира”). В “Преступлении и наказании” Тургеневу не нравится “тухлятина и кислятина”, а в “Войне и мире” какая-то “капризная изысканность”, “эти вечные повторения”, – “странный исторический роман”»[774]. Алданов цитирует письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 25 марта (6 апреля) 1866 г., в полном виде это высказывание таково: «Во 2-й части “Преступления и наказания” прорвалась та плотина, о которой Вы говорили, много ерунды пролилось и опять сильно понесло тухлятиной и кислятиной больничного настроения»[775]. Рядом, в последующих предложениях, досталось и Толстому, однако Алданов процитировал слова Тургенева в несколько урезанном виде, а в полном состоянии они еще более ироничны: «Не понравилось мне также и продолжение “1805 года” Толстого. Мелкота и какая-то капризная изысканность отдельных штрихов – и потом эти вечные повторения той же внутренней возни: что, мол, я трус или не трус? и т.д. Странный исторический роман!»[776]. Для Тургенева, как и для многих, Достоевский еще не был автором «Преступления и наказания», а Толстой был известен еще «Отрочеством», «Казаками». Тургенев воспринимает свежие тексты младших современников свысока, как мэтр, мастер, оценивающий профессиональные качества новичков. В истории литературы это, почти репортажное, восприятие новых частей свежих романов зафиксировано как тургеневское непонимание Достоевского и Толстого. Однако для Алданова совершенно очевидно, что скорая оценка очевидца событий, современника, пусть даже такого, как Тургенев, не может быть исчерпывающей, и она не может по-настоящему отразить все интеллектуальные способности оценщика. Прочти Тургенев сразу полные тексты, вряд ли он стал бы писать обидные слова о талантливых молодых авторах.

Таким образом, критическая оценка Тургенева, по-своему оценившего Достоевского и Толстого, становится примером неудачной интерпретации произведений. В превратностях интерпретаций Алданов видит и особую игру, которая может вестись как по воле случая, так и благодаря объективным

[774] Там же.

[775] Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1978–2018. Письма. Т. 7. С. 26.

[776] Там же.

обстоятельствам, но чаще всего такая игра жестокосердна в отношении литературных произведений, и даже умный критик может показать себя недальновидным и поверхностным читателем.

В книге «Ульмская ночь»[777], построенной в виде философского диалога А. и Л., имя Тургенева звучит не один раз. Алдановские собеседники вспоминают даже о фактах литературной жизни, связанных с Тургеневым и описанных только в советской научной литературе. Это в определенной степени характеризует и любознательность пытливого автора, ведь обрести советские издания в условиях эмиграции было достаточно трудно.

В «Диалоге о случае в истории» Алданов приводит слова Б. М. Маркевича из письма к Тургеневу от 9 декабря 1868 г. о «кадетски-наглой в невежестве своем фигуре Льва Толстого, постоянно выталкивающей рыло из-за его дивно-художественного несознательного таланта»[778], – и называет эту оценку – «очевидно, именно по поводу “Войны и мира”» – «бесстыдной»[779]. Герой Алданова доверчиво повторяет опечатку, допущенную в издании 1935 г.[780]. «Детски-наглая... фигура» Толстого превратилась в «кадетски-наглую» – как будто в этой опечатке подсознательно выражена нелюбовь наборщика к антибольшевистской партии кадетов. Возможно, что Алданов, цитируя советское издание, увидел опечатку, но сохранил ее для своей книги, чтобы от имени персонажа позлорадствовать над Маркевичем, приложившим немало усилий для разрушения репутации Тургенева.

В другом эпизоде участник диалога А. оценивает стихи из тургеневской «Нови», причем делает это как критик, представитель культурно-исторической школы: «А “Сон” Нежданова в тургеневской “Нови”: “Всё, всё по-прежнему... И только лишь в одном – Европу, Азию, весь свет мы перегнали…” <…> Стихи, скажем правду, не только довольно плохие, но и довольно лживые. Написаны они после того, как в течение пятнадцати лет в

[777] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1996. Кн. 6. С. 141–438.

[778] Там же. С. 225.

[779] Там же.

[780] И. С. Тургенев. Из неизданной переписки с Б. М. Маркевичем и А. П. Философовой // Звенья. Москва – Ленинград: Academia, 1935. Т. V. С. 295.

России осуществлялись почти беспримерные по размаху реформы; таких было мало и в европейской истории и уж наверно не было со времен Петра – в русской. Темп русской жизни, даже и во вторую половину царствования Александра II, был во всяком случае более быстрый, чем в Англии, в Германии, в Австрии, и если не Нежданов, то сам Тургенев, проживший полжизни за границей, мог это знать. Но он высказал общее место, господствовавшее тогда в его кругу”»[781]. Цитата из тургеневской повести приведена точная, с той лишь разницей, что границы стихов обозначены тире[782]. Но надо понимать, что алдановский герой критикует не Тургенева, а его персонажа – Нежданова. Избегая отождествления автора и героя, перенося ответственность за «лживость» стихов на Нежданова, Алданов смягчает свою точку зрения на необъективного писателя, пренебрегшего исторической правдой.

В другой главе «Ульмской ночи», «Диалоге о русских идеях», собеседник А. вспоминает письмо Тургенева, направленное К. С. Аксакову 16 (28) января 1853 г.: «“Всякая система – в хорошем и дурном смысле слова – не русская вещь; всё резкое, определенное, разграниченное нам не идет”»[783]. Чуть ниже в книге говорится о категорическом императиве Тургенева: «Впрочем, Тургенев в “Гамлете и Дон-Кихоте” пишет как что-то само собой разумеющееся: “Все люди живут – сознательно или бессознательно – в силу своего принципа, своего идеала, то есть в силу того, что они почитают правом, красотой, добром”». В цитате у Алданова опечатка; правильно: «правдой, красотою, добром»[784]. Тут уже есть и некоторое преувеличение: едва ли где бы то ни было “все люди” – или хотя бы только люди высокой культуры – так-таки *живут* ради красоты и добра. Но самые замечательные мыслители России (конечно, не одной России) в своем *творчестве* руководились именно добром и красотой»[785].

Собеседники в «Ульмской ночи» воспринимают идеи, поступки Тургенева не изолированно, а в соотношении с поступками и высказываниями

[781] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 268.
[782] Тургенев И. С. Указ. соч. Сочинения. Т. 9. С. 329.
[783] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 333.
[784] Тургенев И. С. Указ. соч. Сочинения. Т. 5. С. 331.
[785] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 334.

его современников. Один из них вспоминает знаменательный отзыв Герцена после письма Тургенева к Александру II: «Корреспондент нам говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого она “прервала все связи с друзьями юности”»[786]. Это почти точная цитата из статьи 1864 г. «Сплетни, копоть, нагар и пр.», которую Герцен поместил в «Колоколе», публично проявив нетерпимость к поступку старого друга: «Корреспондент наш говорит об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого она прервала все связи с друзьями юности»[787]. Однако участник диалога А. в духе Алданова смягчил ситуацию, «не украшавшую ни Герцена, ни Тургенева»[788], и объяснил истоки этой курьезной ситуации не политическими разногласиями, а личной обидой писателей.

Диалогичность композиции книги «Ульмская ночь» позволяет Алданову высказываться с разных позиций о разных сторонах жизни Тургенева. Алдановский резонер А. рассуждает о том, что «среди больших людей русского искусства были в немалом числе и люди неверующие», и, ссылаясь на материалы Б. Садовского, говорит об отношении Тургенева к вере: «Тургенев, например, незадолго до смерти, высказал Полонскому мысли, проникнутые самым безнадежным материализмом; он не верил в будущую жизнь, в бессмертие души»[789]. Отметим, что А. в своей реплике смягчил высказывание Садовского, переставив слова местами и убрав частицы *ни,* для сравнения: «Он не верил ни в будущую жизнь, ни в бессмертие души и незадолго до смерти высказывал Полонскому свои мысли, проникнутые самым безнадежным материализмом»[790]. Однако главное не это, а то, что Алданов использует это высказывание Садовского, вполне доверяя ему.

[786] Там же. С. 351.
[787] Герцен А. И. Указ. соч. Т. 18. С. 36.
[788] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 352.
[789] Там же С. 354.
[790] П. Б. [Бартенев П. И.] [Примечание ред. к статье Б. Садовского «И. С. Тургенев»] // Русский архив. 1909. Вып. I–IV. С. 627.

Вместе с тем даже редактор журнала П. Бартенев счел необходимым сопроводить эту публикацию деликатным комментарием: «Собранные здесь (из печатных показаний) неприглядные черты, конечно, не должны иметь отношение к словесному дарованию И. С. Тургенева…», а «загадку несоответствий» предложил поискать «в корнях», «в первоначальной обстановке и воспитании писателя»[791].

Алданов показывает, насколько традиционным и «европеизированным» был у Тургенева выбор героев действия: «Классические русские писатели обычно вливали в жилы “людям силы и действия” иностранную кровь. Тургенев выбрал болгарина Инсарова, Гончаров немца Штольца, Чехов немца или шведа фон Корена, Лесков швейцарца Рейнера и поляка Ярошинского. Базаров исключение, да его действие волей судьбы и не началось...»[792]. Ко всему прочему, и сам Тургенев в числе других писателей был отнесен Алдановым к умеренным людям, «без малейших признаков бескрайности». Но так сложилось, что даже об этой маленькой детали Алданову пришлось спорить после публикации «Ульмской ночи». Г. В. Адамович, прочитав том его философских диалогов, в письме 17 марта 1954 г. сообщил, что хотел бы исписать всю алдановскую книгу вопросами и не удержался от того, чтобы не выразить свое несогласие «насчет отсутствия “бескрайности” в русской культуре». В письме к Алданову критик был категоричен: «Конечно, с Вами и за Вами Пушкин, но только он один из “вершин”, п<отому> что Тургенев все-таки не в счет»[793]. Однако Алданов в ответном письме от 19 марта 1954 г. настаивал на правомерности своего суждения[794].

Тургенев «пригодился» Алданову и в дальнейших диалогах: в письме к Адамовичу от 24 ноября 1956 г., иронизируя по поводу мнения Ольги Форш (речь об ударении в фамилии Достоевский на втором слоге), он цитирует сатиру И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова «Послание Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры…») 1846 г. Слова известной

[791] Там же. С. 629.

[792] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 371.

[793] «…Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения…»: Переписка Г. В. Адамовича с М. А. Алдановым (1944–1957) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 406.

[794] Там же. С. 409.

эпиграммы не позволяют Алданову поверить в версию звучания фамилии, изложенную Ольгой Форш: «Едва ли это верно, – сужу по стиху Тургенева: “Достоевский, *юный* пыщ”»[795]. Это стихотворение со строкой «Достоевский, *милый* пыщ…»[796] написано совместно Некрасовым и Тургеневым[797]. Алданов мог знать его из воспоминаний Я. П. Полонского, на что указывает и эпитет *юный*, неизвестный в авторизованных списках[798].

Алданов упоминал Тургенева не только в критических и публицистических сочинениях и в переписке; тургеневские мотивы, цитаты он использовал и в художественной прозе.

В «Повести о смерти» он изобразил просвещенного купца, книготорговца Тятеньку, который не только знает иностранные языки и пишет комические стихи, но и пару раз видел Лермонтова, знаком с Тургеневым. Тургеневская биография как бы совмещается с жизнью вымышленных персонажей. Тятенька знает Тургенева не как великого писателя, а как талантливого, но весьма дерзкого молодого автора, подающего большие надежды: «…я в Питере познакомился прошлого года с начинающим писателем Тургеневым. С тем, что написал поэму “Поп”. <…> …Она нигде не появилась и никогда не появится. Я в списке читал»[799]. Тятенька не только любознательный читатель, тонкий знаток литературы, например, он советует своему другу: «…прочти в первой книге “Современника” его же рассказ “Хорь и Калиныч”. Недурно. Так вот, брат, этот самый Тургенев, или он, кажется, Тургенев-Лутовинов, говорил при мне, что все русские писатели совершенно не умеют писать женщин»[800]. Такая приближенность вымышленного героя к великому писателю делает фигуру последнего ближе, понятнее, а образ – почти «домашним».

---

[795] Там же. С. 472.

[796] Тургенев И. С. Указ. соч. Сочинения. Т. 1. С. 332.

[797] Там же. С. 544.

[798] Полонский Я. П. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину (из воспоминаний) // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 370.

[799] Алданов М. Повесть о смерти // Алданов М. Повесть о смерти. Бред. Москва: Гудьял-Пресс, 1999. С. 64.

[800] Там же.

Подобным приемом воспользуется Алданов и в романе «Истоки», познакомив другого вымышленного героя М. Я. Чернякова с Достоевским. Тургенев здесь, в отличие от Достоевского, выведенного на нескольких страницах героем повествования, не появляется в качестве самостоятельного персонажа, черты его характера, его слова лишь вспоминаются Достоевским и Черняковым.

В центре рассказа события конца 1870-х гг., герои обсуждают приятеля М. Я. Чернякова – Мамонтова и, характеризуя его творческую ищущую натуру, поступки и поездки за границу, задумываются: не революционер ли он? Доктор Павел Васильевич высказывает свое предложение, вспоминая тургеневский образ: «“Лишний человек”, Рудин? Немножко старо. Что может быть скучнее в наше время?»[801]. Однако его проекция на литературное произведение не находит поддержки у Чернякова: «Нет, какой там Рудин? Мамонтов не герой романа: для этого он слишком бесконтурный человек…»[802]. Умный Черняков даже не подозревает, насколько богатая и разнообразная жизнь у Мамонтова, изобразить которую мог бы не только Тургенев. Именно в этом разговоре и выясняется литературное дело, с которым Черняков как представитель общественного фонда должен был обратиться к антиподу Тургенева – Достоевскому: «У меня с Достоевским пятиминутный деловой разговор об его выступлении на нашем вечере, только и всего»[803]. Как читатель узнает впоследствии, этот «пятиминутный разговор» выльется в серьезную беседу о самых разных мировоззренческих аспектах, а также о писателях Толстом и Тургеневе.

Алданов применяет тургеневское «слово» и в романе «Бред». Главная героиня Наташа любит читать Тургенева, живет его образами. Ее возлюбленный, шпион Шелль, напротив, Тургенева не любит. Вместе с тем Шелль как человек образованный, эрудированный, выросший на русской литературе, творчество Тургенева знает очень хорошо и тоже мыслит тургеневскими образами и ассоциациями. Тургеневские слова герои Алданова используют для построения своих фраз. Шелль говорит о себе: «Я человек без

[801] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 5. С. 31.
[802] Там же.
[803] Там же. С. 32.

рода и племени, вечный повсеместный “sale étranger”. И вдобавок предельный эгоист, “со всех сторон окруженный самим собой”, как говорил Тургенев. Точнее я *был* таким»[804]. Шелль цитирует тургеневское стихотворение в прозе «Эгоист»: «Не ведая за собой ни малейшей слабости, он не понимал, не допускал ничьей слабости. Он вообще никого и ничего не понимал, ибо был весь, со всех сторон, снизу и сверху, сзади и спереди, окружен самим собою»[805]. А потом герой Алданова, еще не поверивший в то, что может влюбиться, иронизирует над своим чувством. «Он любил элегантных женщин и не мог понять, как влюбился в Наташу. “Тяжелая страсть!” – объяснял он себе. Ему нравились такие слова, и он почти сожалел, что они тут совершенно не подходили: ничего “тяжелого” в его новой страсти не было»[806]. Это определение восходит к характеристике любви Базарова к Одинцовой в романе Тургенева «Отцы и дети»: «…это страсть в нем билась, сильная и тяжелая – страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей…»[807]. Далее Шелль, желая обрести духовный контакт со свой возлюбленной, дарит ей произведения Тургенева: «…я привез тебе маленький подарок. Нашел у букиниста старое издание Тургенева». Наташа отвечает: «Я ужасно люблю Тургенева. “Вешние воды” и “Первая любовь” – это самые любимые мои книги!»[808]. Мы уже отмечали ранее, что именно «Первую любовь» и «Вешние воды» Алданов критиковал в статьях 1930-х гг.[809]. Но насильно полюбить писателя невозможно. В этом и ощущается не просто контраст интересов героев, но и различие их духовных потребностей: «Иногда по вечерам он читал ей вслух. Тургенева читать решительно отказался; к огорчению Наташи, не любил этого писателя»[810]. В свою очередь, Наташа проявляла деликатность и не насаждала чтение Тургенева: «Когда Шелля не было дома, Наташа работала над диссертацией или читала Тургенева»[811]. Читала без него, чтобы не раздражать.

---

[804] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 608.
[805] Тургенев И. С. Указ. соч. Сочинения: В 12 т. Т. 10. С. 156.
[806] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 455.
[807] Тургенев И. С. Указ. соч. Сочинения. Т. 7. С. 98.
[808] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 299.
[809] Там же. С. 574.
[810] Там же. С. 659.
[811] Там же. С. 617.

Шелль ловит себя на ассоциации с тургеневскими героями: под влиянием «тургеневской девушки» Наташи и неожиданно для себя самого, он переживает «духовное возрождение человека». А Наташа пытается оценить взаимоотношения с Шеллем и себя как женщину с помощью образа «тургеневской девушки». После свадьбы она спрашивает у Шелля: «А ты меня любишь? Правда? Как кто? Как Лаврецкий Лизу? Как Санин Джемму? Я отлично знаю, что мне до них, как до звезды небесной!..»[812]. Персонажи романа «Дворянское гнездо» и повести «Вешние воды» не дают покоя Наташе, очень скромной и в то же время стремящейся к возвышенному идеалу. И действительно, нравственная Наташа разрушает эгоизм самовлюбленного Шелля, за душой которого не одно убийство, она передает ему импульс жертвенности, веру в добро. В одном из кульминационных эпизодов Наташа цитирует повесть «Фауст»: «Вот ты Тургенева не любишь, а он сказал: “Кто знает, сколько каждый живущий на земле оставляет семян, которым суждено взойти только после его смерти?” Да, сколько он таких семян оставил! Я – никто, но даже я, быть может, оставлю одно. В тебе...»[813]. Алданов, как и его Шелль, не любил тургеневского «Фауста»: «…весь этот “Фауст” – из шоколадной фабрики Тургенева»[814], – сентиментально-слащавые образы с «искусственной жизнью» были ему не по душе.

Тургеневские ассоциации свойственны и другим героям этого романа. Так, советский разведчик, полковник № 1, воспринимает Шелля следующим образом: «Полковник *хотел бы* чувствовать к нему гадливость, но не чувствовал. *Хотел бы,* чтобы у него был, например, тонкий, писклявый голос, как у некоторых других людей огромного роста, как у Бисмарка, у Тургенева, но голос у Шелля был самый обыкновенный, впрочем, скорее неприятный»[815]. Об этом «странном» сочетании у Тургенева «детского пискливого голоса и гигантской фигуры» Алданов мог узнать по свидетельствам его современников и воспоминанием старшего поколения[816].

---

[812] Там же. С. 561.

[813] Там же. С. 660–661.

[814] Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 416.

[815] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 450.

[816] См., например: Садовской Б. Иван Сергеевич Тургенев. «Русский архив», 1909, Вып. I–IV, с. 605

Алданов иронизирует над тургеневскими способами номинации персонажей – тем самым «литературным шоколадом», который придает прозе писателя слащавую искусственность. Наташа вспоминает рассказ «Два приятеля», а Шелль «проходится» по имени-отчеству его героини:

«– В той книге Тургенева, которую ты мне подарил, героиня называется Эмеренция Калимоновна.

– Да, Тургенев находил, что это очень остроумно»[817].

В романе «Самоубийство» Алданов сопоставляет произошедшую ситуацию с эпизодом из «Дневника лишнего человека» Тургенева. Травников с улыбкой отзывается о лекции Ласточкина, удивительным образом утвержденного большевиками на должность приват-доцента: «“содержания оной не одобрил”, как говорится у Тургенева...»[818]. Травников почти дословно цитирует отзыв незнакомца о рассказе лишнего человека[819].

Обращает внимание на себя и особый факт в эпистолярии Алданова: Тургенев был темой для обсуждения в переписке с Набоковым. Если в письмах самого Алданова к Набокову о Тургеневе почти ничего нет, то в ответных письмах Набокова обнаруживаются разные оценки в отношении автора романа «Отцы и дети». Например, в письме 5 февраля 1942 г. Набоков напишет: «О бунинских прелестницах вроде Натали: “Характерно, что они все умирают, ибо все равно, как кончить, а кончить надо. Гениальный поэт – а как прозаик почти столь же плохой, как Тургенев”»[820]. В письме 2 февраля 1951 г. тот же Набоков, отказываясь принимать участие в чествовании Бунина, отправит Алданову такие слова: «Как Вы знаете, я не большой поклонник И. А. Очень ценю его стихи – но проза… <...> …Как это мне говорить перед кучкой более или менее общих знакомых юбилейное, то есть сплошь золотое, слово о человеке, который по всему складу своему мне чужд, и о прозаике, которого ставлю ниже Тургенева?»[821]. Таким образом, Набоков в своих ассоциациях не только крепко связывает творчество Бунина с творчеством Тургенева, но и принижает ценность бунинского наследия, а заодно – убирает

[817] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 574.
[818] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 6. С. 385.
[819] Тургенев И. С. Указ. соч. Сочинения. Т. 4. С. 215.
[820] «Как редко теперь пишу по-русски…» Указ. соч. С. 132.
[821] Там же. С. 140.

Тургенева с литературного Олимпа. Письма же к Алданову становятся для него средством отточить свое полемическое перо, проверить его на старшем друге.

Таким образом, восприятие Алдановым Тургенева – это длительный процесс: в течение десятилетий Алданов цитировал тургеневские произведения, письма, использовал образы его романов и повестей как в литературной критике, публицистике, так и в художественном творчестве. Возникшее право на критическое суждение позволило Алданову высказывать мнение не только о достоинствах писателя Тургенева, но и о недостатках его произведений, называя их «литературным шоколадом». От рецепции тургеневских идей и мотивов в публицистике и литературной критике 1918–1940-х гг. Алданов перешел к рецепции художественных образов в больших эпических формах в 1950-е гг. Но даже наличие «литературного шоколада» в творчестве Тургенева не отменяет величия автора «Отцов и детей». Указанные недостатки – это знаки разных возможностей восприятия Тургенева. Алданов продемонстрировал живое, неравнодушное постижение мира образов и стиля писателя[822].

Своеобразным бумерангом, вернувшимся к Алданову от Тургенева, можно назвать наблюдение, высказанное Л. Камышниковым. В критическом отзыве о поставленной пьесе «Линия Брунгильды» рецензент отрицательно отозвался и о самой постановке, и о пьесе в целом. Досталось Алданову и за главное действующее лицо – немецкого коменданта фон Рехова: «Немцы у нас не выходили, даже у самого Тургенева»[823]. Это частное замечание, однако и оно свидетельствует о том, что алдановское произведение может быть воспринято в русле традиции, на тургеневских весах. Таким образом, рецепция Тургенева возвращается отраженной.

С учетом сказанного о Герцене и Тургеневе, можно обобщить, что восприятие их творчества Алдановым превратилось в долгий и жизненно

[822] Шадурский В. В. И. С. Тургенев в восприятии М. А. Алданова // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 265–280. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-17-265-280; Шадурский В. В. М. А. Алданов о «шоколадной фабрике» И. С. Тургенева // «Чужое: мое сокровище!»: сборник статей памяти В. А. Кошелева. Великий Новгород, 2022. С. 356–361. DOI: 10.34680/978-5-89896-780-2/2022.memory.29

[823] Камышников Л. Русская эмиграция в отражении М. Алданова // Новое русское слово. 1939. № 9485. 24 января. С. 2.

важный процесс, в течение которого автор «Армагеддона» идентифицировал себя с писателями-изгнанниками, мыслящими либерально, но при этом остающимися патриотами, болеющими за свою родину.

4.3. Стилистическая эклектика: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой

4.3.1. Интерпретация «слова» Достоевского

По словам З. Н. Гиппиус, характеризовавшей литературную политику СССР в начале 1920-х гг., там «принялись за коренное очищение… от всего русского литературного наследия. <…> В списке этом и Толстой, и Достоевский…»[824]. Рецепция же русской классики в эмиграции, напротив, оказалась своеобразной компенсацией за утрату интереса к ней на родине. Наиболее плодотворным и глубоким из всех литературных критиков зарубежья, писавших как о Толстом, так и о Достоевском, был А. Л. Бем; именно ему принадлежит уникальная в своем роде работа «Толстой в оценке Достоевского»[825]. У многих эмигрантских критиков возникало желание говорить одновременно о Достоевском и Толстом, писать о них чуть ли не в одной статье. Например, И. А. Ильин, чье творчество анализировал П. Пильский: «Односторонне, но правильно сказано о Льве Толстом, что он – великий мастер внешнего видения. <…> Нельзя оспаривать и ильинское определение Достоевского. Это – “мастер внутреннего видения, певец человеческих страстей”…»[826] .

Алданов по-своему способствовал этому «компенсационному» процессу, обращаясь в разные годы, как писатель и литературный критик, одновременно и к Достоевскому, и к Толстому. Однако это не простые метания неопределившегося с традицией преемника, а важный, сущностный процесс,

---

[824] Антон Крайний [Гиппиус З. Н.] Литературная запись: Полет в Европу // Современные записки. 1924. № 18. С. 126.

[825] Бем А. Л. Толстой в оценке Достоевского // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. Москва: Русский путь, 2007. С. 518–534.

[826] Трубников П. [Пильский П.] И. А. Ильин об искусстве, Л. Толстом, Достоевском, Шмелеве, Бунине, Алданове: новая книга И. А. Ильина «Основы художества» [Рецензия на книгу: Ильин И. А. Основы художества. Рига: Русск. Акад. изд-во, 1937] // Сегодня. 1937. № 293 (25 окт.). С. 3.

который был запечатлен даже в 1930 г. в известной американской газете русских эмигрантов: «По общему впечатлению… влияние Достоевского стало падать, в противовес толстовскому. Об этом настойчиво говорят некоторые европейские критики, считающие, что Запад “переболел Достоевским и теперь выздоравливает”»[827]. Но как Толстой, так и Достоевский в читательской среде эмигрантов первой волны были самыми популярными писателями. В Тургеневской библиотеке в 1930 г. стали учитываться цифры книговыдачи: за три последних месяца было выдано 2646 книг и 267 – русских авторов, из них более всего получали Льва Толстого (114), а затем – Достоевского (104), сам же Алданов только на пятом месте с 76 выдачами[828]. Эту особенность алдановской рецепции очень скептически обозначил Ч. Н. Ли: «Его персонажи лишены духовного искательства героев Достоевского и Толстого: преемственность культуры волнует их больше, чем бессмертие души»[829]. И все же такая позиция нуждается в уточнении.

Еще в «Армагеддоне» Алданов назовет Ф. М. Достоевского «черным бриллиантом» русской литературы. И впоследствии будет неуклонно «развивать» эту метафору в критических статьях, заметках и в своей художественной прозе.

О многолетнем устойчивом интересе к Достоевскому свидетельствуют такие статьи, как «Черный бриллиант: О Достоевском» (1921), «Из записной тетради» (1930), «Об искусстве Бунина» (1933), «Введение в антологию “Сто лет русской художественной прозы”» (1943), книга философских диалогов «Ульмская ночь» (1953). В некоторых очерках, посвященных современникам Достоевского, Алданов найдет способ отметить существовавшее знакомство с писателем, как это происходит, например, в рецензии на книгу князя Сергея

[827] [Б. п.] Полвека со дня смерти Достоевского // Новое русское слово. 1930. № 6412. 17 авг. С. 10.

[828] Кнорринг Н. Что читают в эмиграции. Цифры Тургеневской библиотеки // Новое русское слово. 1931. № 6692 (24 мая). С. 10.

[829] Ли Ч. Н. Марк Александрович Алданов: Жизнь и творчество // Русская литература в эмиграции. Питтсбург: Питтсбугский ун-т, Отд. слав. яз. и лит., 1972. VIII. С. 102.

Волконского: «С. М. Волконский много, очень много видел на своем веку. С ним разговаривал Достоевский, и Тютчев при нем читал стихи»[830].

Отдельного рассмотрения Алданова удостоены научные труды известного специалиста по творчеству Достоевского Л. Гроссмана. Алданов высоко оценил добросовестность ученого и новые материалы, которые введены им в научный оборот. Думается, что ему самому не хватило этой информации для написания собственной книги о Достоевском. Однако с формой подачи материала «при помощи ножниц»[831], то есть монтажа разных документов, он не согласился, полагая, что «художественный интерес книги чрезвычайно ослаблен», читать ее утомительно, в ней нет «характера живого изложения»[832].

По мнению М. Уральского, признавая в Достоевском гения, странности его успеха у читателей Алданов связывает с гениальностью автора «Преступления и наказания», но философия романов Достоевского в глазах Алданова «насквозь ложная», «отвращает»[833] и вызывает недоумение: как рассудительные читатели могут погружаться в идеологический хаос этого писателя? Алданова мог раздражать особый поворот посмертного бытия Достоевского – установление его своеобразного культа – культа писателя-пророка, как это, например, случилось в Германии начала XX в.: «О чертах культа в восприятии Достоевского свидетельствует появление… подражательных трансформаций его произведений»[834]. О Достоевском, как писателе, более всего воплотившем дух русского человека, Алданов иронично напишет в трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», где не только будут

[830] Алданов М. [Рецензия на книгу] Волконский С. М. Мои воспоминания. Лавры. Странствия. Родина: В 2 т. Берлин: Медный всадник, 1923–1924 // Современные записки. 1923. № 17. С. 483.

[831] Алданов М. [Рецензии на книги] Гроссман Л. Путь Достоевского. М.: Современные проблемы, 1928; Гроссман Л. Достоевский на жизненном пути. М.: Никитские субботники. М., 1928 // Современные записки. 1929. № 38. С. 527.

[832] Там же.

[833] Уральский М. Л., Мондри Г. Достоевский и евреи. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. С. 199.

[834] Кудрявцева Т. В. Русская литература в Германии: культурные горизонты // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретация. Москва: ИМЛИ РАН, 2015. С. 25.

обыгрываться знаменитые диалоги героев в кабаках, но и зарубежный стереотип понимания жизни русских по романам Достоевского.

Для определения рецепции Достоевского в творчестве Алданова необходимо отметить, что самой обстоятельной публикацией по этой теме до сих пор является работа В. А. Туниманова[835], в которой хронологически прослеживается вся история обращения Алданова к наследию Достоевского. Самыми неоднозначными публикациями, на наш взгляд, стали работы Ж. Тассис[836], утверждавшей, что Алданов «исправил» «Преступление и наказание» в своих романах «Ключ» и «Начало конца», «внес поправки к портрету главного персонажа этого романа»[837].

Но, разумеется, в притяжении Алданова к «черному бриллианту» русской литературы и в отталкивании от него все еще остаются неизученные нюансы.

Исследователями определено, что для Алданова характерно пристальное изучение биографии Достоевского, припоминание фактов его жизни в публицистических работах, очерках, рассказах и романах. Ему, как добросовестному и пытливому литератору, было известно о научных материалах по жизни и творчеству Достоевского, выпускавшихся в разные годы: в дореволюционной России, в СССР и в эмигрантских изданиях. Естественно, он не мог не знать и работы XIX в., и труды первой трети XX в.: российские, советские издания и публикации о Достоевском в эмигрантских журналах, например, «Современных записках».

В 1920-е гг., когда Алданов был уже автором известной книги о Л. Толстом, он, по-видимому, поверил в свои силы и возможность написания труда о Достоевском, об этом известно по содержанию письма Бунину от 28 августа 1929 г.[838]. Но одной веры оказалось слишком мало. Характеризуя

---

[835] Туниманов В. А. Достоевский в художественных произведениях и публицистике М. А. Алданова // Туниманов В. А. Достоевский и русские писатели. Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 236–271.

[836] Тассис Ж. Достоевский глазами Алданова // Достоевский и XX век: в 2 т. Москва: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 382–405; Тассис Ж. Роман «Преступление и наказание» в двух романах М. А. Алданова // Достоевский и русское зарубежье XX века. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. С. 147–158.

[837] Тассис Ж. Роман «Преступление и наказание». Указ. соч. С. 147.

[838] Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным // Новый журнал. 1965. № 80. С. 275.

алдановский замысел создания биографии Достоевского в 1929 г., В. А. Туниманов предположил, что Алданов просто «не смог найти “ключа” к личности Достоевского» и потому «отступил перед задачей, оказавшейся непомерной»[839]. Более того, Ж. Тассис полагает, что Алдановым «Достоевский не был оценен ни как человек или мыслитель, ни во многом как писатель», что философия Достоевского воспринималась им как «насквозь ложная»[840].

Алданов формировал свое мнение на основе документов, свидетельств очевидцев, воспоминаний и всякий раз отмечал то, что непреложно, что требует проверки, а что идет от его собственной оценки. В «Армагеддоне» он впервые использует творчество Достоевского как полигон для своих пространных высказываний. Мысли Алданова, выстроенные на основе ассоциаций с идеями, героями Достоевского, разнообразны. Так, рассуждая о войне, «первым русским пораженцем или, вернее, первым теоретиком русского пораженчества»[841] он называет Смердякова. Заметим, что слово «достоевщина», которое противниками творчества писателя используется, в основном, в отрицательном значении, у Алданова наделяется отличительным качеством, но не оценкой. Он пишет: «Этот человек, не имевший ни малейшего представления о политике, был в своей области, в области “достоевщины”, подлинный русский пророк, провидец безмерной глубины и силы необычайной. Октябрьская революция без него непонятна; но без проекции на нынешние события непонятен до конца и он, черный бриллиант русской литературы»[842]. Благодаря Достоевскому постижение революции как явления находится не только в политических, но и психологических, моральных координатах. Алданов с горечью писал о том, как ошибался Достоевский. Обращаясь к «Братьям Карамазовым», он пишет о речи прокурора Ипполита Кирилловича, которая венчается мыслью, что «роковая тройка наша» будет остановлена другими народами, ужаснувшимися ее[843]. Действительно, Европа смогла обуздать шальную тройку, но ее гуманизм заставил принести в жертву Россию. И если в первом случае Достоевский

[839] Туниманов В. А. Достоевский. Указ. соч. 237.
[840] Тассис Ж. Достоевский глазами Алданова. Указ. соч. Т. 1. С. 382, 385.
[841] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 93.
[842] Там же. С. 97.
[843] Там же. С. 99.

ошибался, то все же, предчувствуя высокую жертвенную роль России, во втором случае он оказался прав.

В одном из первых своих очерков «Убийство Урицкого» Алданов с восхищением писал о герое-бунтаре, убившем видного комиссара: «По разным причинам я не ставлю себе задачей характеристику Леонида Каннегисера. Эта тема могла бы соблазнить большого художника; возможно, что для нее когда-нибудь найдется Достоевский. Достоевскому принадлежит по праву и тот город, в котором жил и погиб Каннегисер, страшный Петербург десятых годов»[844]. Один из важных моментов очерка – в характеристике поступков персонажа Алданов использует наблюдения «сердцеведа» Достоевского. Он объясняет читателю, зачем накануне убийства Каннегисер звонил Урицкому: «…Ему психологически было необходимо это страшное ощущение. Зачем Раскольников после убийства ходил *слушать* звонок к квартире Алены Ивановны?»[845]. Затем Алданов пишет и о состоянии перед самим убийством: «Его ощущения в те минуты мог бы передать Достоевский, столь им любимый…»[846]

Сюжетная ситуация, связанная с преступлением Раскольникова, на долгие годы станет предысторией многих сюжетов и высказываний Алданова. Ему на веку выпало видеть не просто множество христиан, убивающих себе подобных, но именно современников, вернувшихся к средневековым нравам хладнокровных профессиональных убийц.

В очерке «Азеф» Алданов, используя аналогию с ситуацией персонажей Достоевского, пытается расцветить характер личности своего героя. Он описывает смелый поступок Азефа, поступок, который, по Достоевскому, часто делают убийцы – посещают место преступления, чтобы получить дополнительные острые переживания: «Он сделал то, что должен был бы сделать по Достоевскому: Азеф пришел к Бурцеву в гости, якобы по делу. Сцена поистине поразительная: Бурцев *знал,* что Азеф – предатель, Азеф *знал*, что Бурцев это знает. Пожалуй, у Достоевского такой сцены не найти. Пошел Азеф, вероятно, на разведку. А, может быть, и «для ощущений». Ощущений у

[844] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 6. С. 487.
[845] Там же. С. 510.
[846] Там же. С. 512.

него в жизни было вполне достаточно. Но такого, вероятно, не было»[847]. В «Картинах октябрьской революции» Алданов напишет об убийцах Шингарева и Кокошкина и о характере их разговоров после расследования: «Общий тон их вообще был очень шутливый – совсем не по Раскольникову»[848].

Любопытно, что Г. В. Адамович в статье 1926 г., опубликованной в парижском журнале «Звено», отмечает зависимость Алданова от творческой манеры Достоевского и оценивает это как недостаток. Более того, он отрицательно оценивает фигуру главного героя алдановской тетралогии «Мыслитель»: «В сущности, Штааль у Алданова играет ту же роль, какую у Достоевского те лица, которые ведут рассказ, например, “я” в “Бесах”. Ничего об этом “я” Достоевский не сообщает. У Алданова, конечно, было другое задание. <…> Призрак “героя” лишь отвлекает внимание от главного»[849].

Наиболее полноценно сюжет о нераскрытом петербургском преступлении воплотился в трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», но здесь первостепенное значение обрела не психология убийцы или его философия, а иллюзия убийства, мнимая очевидность его раскрытия. Потому и пара персонажей, напоминающая своим общением Раскольникова и Порфирия Петровича – Браун и Федосьев, – по сути дает существенное отвлечение от текста Достоевского. Если оставить в стороне детективный сюжет, то читателю придется обратить внимание на особенности характера главного героя. Александр Браун, в прошлом социалист, европеизированный человек, развитая личность, с тайнами свидригайловского типа. Он хочет помочь России, помочь окружающим, но производит на всех обманчивое впечатление. Если младший Яценко еще видит в нем бескорыстного труженика, борца за благо родины, то Федосьев – убийцу, Муся Кременецкая – демонического любовника, вожделенное счастье, а все прочие – сумасшедшего. При всем благородстве своей натуры, Браун не в состоянии стать частью общества, частью народа. Он слишком умен, слишком эгоцентричен, устает от людей и от себя. Именно о таких личностях писал В. Ерофеев: «Активизация личностного начала создает условия для нарушения

[847] Там же. С. 460.

[848] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 180.

[849] Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные беседы. Книга первая («Звено»: 1923–1926). Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. С. 392.

гуманистических норм»; «Любовь к человечеству – это дань родовому инстинкту, это своеобразный категорический императив обезбоженного сознания… Развитая личность охотно свидетельствует о своей любви к человечеству, однако не выносит реального соприкосновения с людьми»[850]. Так и «стремления Раскольникова фокусируются в определенном желании сделаться “благодетелем человечества” – желании одновременно часто- и человеколюбивом. Мирное сожительство таких разнородных принципов в душе европейской личности – явление распространенное, но далеко не всегда ею осознанное. Преступление уничтожило это сожительство»[851]. Европейская фамилия Брауна – русского человека – подчеркивает этот европеизм, подсказывает возможность такого совмещения. Но Алданов, взвешивая на весах родовую общность и ярких личностей, естественно, получает результат не в пользу последних. Желание быть свободным, независимым от людей и веры, импонирует писателю в большей мере. И слабости Раскольникова, который не в состоянии выдержать муки одиночества, Алданов противопоставил бы достойный уход пресытившегося жизнью и уставшего от своей личности Свидригайлова. По мысли Достоевского, «не получая необходимых соков от жизнетворной идеи бессмертия души, гуманизм стремится к своему распаду»[852]. Очень похожей на это стремление к распаду выглядит жизнь атеиста Брауна.

В упомянутой трилогии Алданов представляет и другой аспект понимания Достоевского, а именно его восприятие западным читателем. По мнению М. Уральского, Алданов в каждом своем тексте критикует Достоевского: «Критика усугубляется еще и глубочайшим убеждением Алданова в пагубном характере популярности писателя на Западе. Дело в том, что для Алданова, как и для многих русских эмигрантов, Достоевский, сам того не желая, причинил огромный вред России, изобразив своих героев эксцентричными, склонными к мистике и крайностям, издерганными и неуравновешенными, заставив многих поверить, будто все русские и в самом

[850] Ерофеев В. Найти в Достоевском человека // Найти в человеке человека: Достоевский и экзистенциализм. Москва: Зебра Е; ЭКСМО, 2003. С. 68–69.

[851] Ерофеев В. В. Вера и гуманизм Достоевского // Ерофеев В. В. В лабиринте проклятых вопросов: эссе. Москва: Союз фотохудожников России, 1996. С. 64.

[852] Ерофеев В. Найти в Достоевском человека. Указ. соч. С. 59.

деле похожи на них, и, следовательно, Октябрьская революция была ими заслужена. Удивительно при этом, что поводом для недовольства Алданова стал успех Достоевского за границей и что вину за поспешность выводов, сделанных некоторыми <зарубежными> читателями, он перекладывает на автора»[853]. Майор Клервилль пытается понять характер Муси Кременецкой, прочитывая Достоевского и делая из этого прочтения ложный вывод. Писатель создал литературного персонажа – иностранца, который оценивает факты русской жизни, соотнося их с образами русской литературы. Но изучать Россию и объяснять поведение своей русской жены по романам Ф. М. Достоевского – это вариант ошибочного понимания жизни.

Уральский полагает, что Алданов «не может объяснить себе моды на Достоевского на Западе… он может лишь проиллюстрировать ее. Так, например, в романе “Начало конца” графиня де Белланкомбр <…> чаще ссылается на Достоевского и Толстого, чем на французских писателей, или в другом месте, когда он заставляет Достоевского произнести иронически звучащую фразу: “Иностранцы не знают меня”»[854]. Уральский вспоминает сцену романа «Истоки», где алдановский персонаж Черняков слышит от Достоевского сожаление: «Меня иностранцы не знают»[855]. Но, как бы то ни было, на Западе известность к Достоевскому пришла после его смерти. Алданов же в самом деле убежден, что романы Достоевского по-настоящему не могут понравиться западному читателю, либо же этот читатель просто не понимает, о чем в них речь.

В этой связи заслуживает внимания книга, объясняющая современную рецепцию Достоевского, в том числе на Западе: «Если бы произведения Достоевского не содержали неких сохранившихся до наших дней свое значение истин о человеческой природе, мы бы не читали их сегодня»[856]. Такая позиция, конечно, опровергает мысли Алданова.

В других текстах 1920–1930-х гг. Алданов обращается к этой теме как бы вскользь. В очерке «Жозефина Богарне и ее гадалка» он так цитирует

[853] Уральский М. Л., Мондри Г. Указ. соч. С. 199–200.
[854] Там же. С. 200.
[855] Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991. Т. 5. С. 51.
[856] Аполлонио К. Секреты Достоевского: чтение против течения. Санкт-Петербург: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. С. 11.

Достоевского: «“Нет, те люди не так сделаны; настоящий властелин, кому все разрешается, громит Тулон… Нет, на этих людях, видно, не тело, а бронза!..” Все, что перечислено в этих знаменитых строках “Преступления и наказания”, действительно было в жизни Наполеона»[857].

«Начало конца» – роман, в котором одна из сюжетных линий впервые связана с историей героя типа Раскольникова. В этом романе цитат из Достоевского едва ли не больше, чем во всей трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера». А история преступления Альвера должна восприниматься именно как составная часть присутствующего здесь текста Достоевского.

Еще в публикации 1930 г. «Из записной тетради» Алданов «сделал ряд нравственных упреков в адрес романа “Преступление и наказание”… Особенно подробно он критиковал изображение наказания – каторгу, эпилог. Достоевский лучше, чем кто-либо другой из классиков знал, что такое каторга. Описать ее по-настоящему значило бы вызвать безнадежную путаницу во всем замысле романа, наказание тоже стало бы преступлением, и от идеи очищения страданием осталось бы, вероятно, немного»[858]. А. А. Чернышев говорит, что в этом романе «ситуацию “Преступления и наказания” Алданов переносит во Францию 1930-х гг. и обнаруживает, что замыслившего убийство в целях ограбления юношу-анархиста не могут терзать ни духовные, ни нравственные проблемы, что для него лишить другого человека жизни, не оставив улик, – лишь интересная техническая задачка, способ самоутвердиться. <…> Достоевский наделил преступника богатым духовным миром, чувствительностью, Алданов смотрит на своего Альвера трезво и презрительно»[859]. А революционер Вислиценус, перечитывающий в зарубежной командировке Достоевского, вообще многие образы и саму личность Достоевского воспринимает цинично: «Он – враг, и к черту его! Ведь нас он именно “собственными руками задушил бы”… Гениальный романист? Ну, и издавали бы “Преступление и наказание”…»[860]

Заметим, что внутренние монологи главного преступника в этом романе – молодого человека Альвера – передаются от первого лица. И в этой речи

[857] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1994. Кн. 1. С. 110.
[858] Там же. Кн. 4. С. 11.
[859] Там же.
[860] Там же. С. 26.

читатель слышит не только озлобленные выпады против многих людей, но и акцентированные (кстати, выделенные в тексте курсивом) местоимения «они», «их». Фразы, с одной стороны, передающие, отчуждение от мира «сытых», ненавидимого Альвера, с другой стороны, показывающие, как характером своей ненависти он близок к Вислиценусу, ведь под *ними* он разумеет все человечество.

Нужно принять во внимание и то, что читателю, даже при наличии внутренних монологов этого персонажа, не ясно, какова истинная природа и целесообразность замышляемого убийства. Мы знакомимся с Альвера только тогда, когда он уже делает первые шаги к убийству – проверяет в работе купленный револьвер. Мы знаем, что перед убийством он читал «Преступление и наказание»: «Томик Достоевского значился под номером 196»[861]. Мы знаем, что для упражнения в стрельбе вырвал страницу из этого романа – эпизод признания Раскольникова: «На полях у этих строк было написано: “Un fameux cretin, celui-là”»[862]. Но мы не понимаем основу его мыслей: «Хорошо было бы для опыта застрелить собаку. Ощущение должно быть, в сущности, почти такое же, и главное отличие относится на счет страха гильотины. Убить человека очень просто: при некоторой привычке убивать можно так, как мясник убивает вола, без дешевеньких рассуждений, без Наполеона, без чьих-то открытий. У средневековых головорезов была такая привычка, и они отлично обходились без всякой философии»[863]. Альвера, с одной стороны, уверен в необходимости убийства. С другой стороны, в его словах раздвоенность: он старается остаться вне подозрений и в то же время проигрывает свою роль на суде, на месте казни. Так, из монологов нам известно, что на возможном суде Альвера собирается предстать в роли «морального идиота»[864]. И если в своей фантазии он предполагал возможность убийства писателя Вермандуа, то отпугнула его только очевидность подозрений: «Я единственный бедный человек, бывающий в его доме…». Более того, чтобы рассеять подозрения, он подумывает даже купить дом своей жертвы и поселиться в нем: «…какой же убийца купит дом, где “где его будет

[861] Там же. С. 106.
[862] Там же. С. 96.
[863] Там же. С. 99.
[864] Там же. С. 100.

посещать кровавый призрак?” <…> А Вермандуа, если он навестит меня в тюрьме, я скажу, что убил назло Достоевскому»[865]. Но также Альвера подумывает и об эффекте убийства: рассчитывает, что известный писатель вставит в свой новый роман сентенцию, что «романы великого славянского моралиста только способствуют развитию преступности среди этих несчастных детей!»[866].

Накануне убийства Альвера убеждает себя: «Способы уличения преступников сводились, как ему было известно, к сознанию, к свидетельским показаниям, к прямым и косвенным уликам. “О сознании речи нет – пусть сознается кретин Достоевского…”»[867]. Он еще раз тщательно продумал, как избежать свидетельских показаний, отпечатков пальцев и прочих улик и даже «подумал о высшем торжестве воли и духа», если бы в тот же день смог продолжить работу над своим трудом «Энергетическое миропонимание». После самого убийства «Альвера не чувствовал ни раскаяния, ни ужаса. Как он и думал, все оказалось вздором: особенно эти *ими* выдуманные *угрызения совести*»[868]. Но весь его план рушится. Оказавшись в тюрьме, изувеченный Альвера «вел… себя именно так, как решил прежде, считаясь с возможностью неудачи: тогда решено было – в случае провала изображать *гордую усмешку,* он ее и изображал, больше, впрочем, именно по воспоминаниям. <…> Изредка сочинял план защитительной речи: собирался сказать *им* всю правду»[869]. Неожиданным для Альвера оказывается то, что он лишается физических сил, необходимых для сохранения своего превосходства над окружающими. Еще большей неожиданностью стало предложение адвоката назваться безумным, чтобы спасти жизнь, в этом случае никакой правды на суде не высказать, никакого вызова и бунта не обозначить – все напрасно.

Отметим то, чего не мог ожидать Альвера, что он не вычитал у Достоевского. А именно Достоевский объяснял причины наказания Раскольникова, проще всего это высказано в письмах: «Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства

[865] Там же. С. 103
[866] Там же.
[867] Там же. С. 146.
[868] Там же. С. 170.
[869] Там же. С. 236.

мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он – кончает тем, что *принужден* сам на себя донести… примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединения с человечеством, которое он ощутил… замучило его»[870]. Замучило и алдановского убийцу. Вообще получается, что рядовые западные читатели прочитывают только поверхностный слой, им невдомек все сложности ощущений русского преступника. Именно поэтому на Западе более известен Раскольников как образ человека, задумавшего идеальное преступление. А что до возможностей разъединения и соединения с человечеством – это остается невоспринятым.

Для Альвера также неожиданным становится не проклятье, а помощь, которую ему совершенно бескорыстно оказывает Вермандуа. В нем много доброго, человеческого, хотя литературный вкус заставляет быть строгим и придирчивым. Он говорит адвокату Серизье: «А что до Раскольникова, то вы непременно перечтите этот шедевр: там в большом городе, в столице все друг друга знают и постоянно друг с другом встречаются: этот Сви.. Сви… – как его? – по счастливой случайности живет рядом с той ангелоподобной проституткой и, естественно, подслушивает исповедь благородного убийцы ангелоподобной проститутке»[871]. Вермандуа с иронией отмечает искусственность композиции образов Достоевского, его ужасный французский язык и презрение, ненависть ко всем народам, кроме русского. В своей оценке он суров: «…не люблю этого человека, хоть восхищаюсь великим писателем. Нет, нет, сцена убийства изумительна, перечтите “Преступление и наказание”, непременно перечтите перед процессом. Хотя на Раскольникове, кажется, выезжает третье поколение адвокатов?..»[872]

Конечно, не случайно, что Вермандуа, один из любимых персонажей Алданова, при всей нелюбви к человеку Достоевскому и утверждению, что он «чужд христианским настроениям», проявил поистине христианское человеколюбие к Альвера. Это выразилось в разных поступках, от пересылки денег и помощи с адвокатом, до высоких слов, «исполненных человечности», на суде. Писатель, ослепленный желанием сделать добро, даже не мог

[870] Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 28. Кн. 2. С. 137.

[871] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Указ. соч. Кн. 4. С. 231.

[872] Там же. С. 232.

помыслить, что защищаемый им молодой человек легко мог стать его же убийцей. Кстати, именно в речи на суде Вермандуа, *с известными «коммунистическими симпатиями»,* попытался объяснить, что изменилось в психологической атмосфере после Первой мировой войны, за четыре года которой «люди привыкли к мысли, что убить человека очень просто»[873]. Он в меру своих возможностей хотел помочь в деле спасения Альвера.

Автор нескольких развернутых публикаций на тему «Алданов и Достоевский» Ж. Тассис пытается выяснить, почему «всем другим романам Достоевского Алданов предпочитал именно “Преступление и наказание”». Исследователь, отвечая на вопрос, зачем Алданов занимался «тематической транспозицией» и сочинял «гипертексты» на основании этого романа, утверждает: «Потому, что философия, иллюстрированная в этом романе, его не только не убеждала, но и раздражала»[874]. Тассис ссылается на статью «Черный бриллиант»[875], где Алданов допускает, что было бы, изобрази Достоевский каторгу: «Тогда “Преступление и наказание” по моральной тенденции должно было бы приблизиться к “Воскресению” Толстого. Но это вызвало бы совершенную путаницу во всем замысле романа и, вероятно, в душе его автора. Философская идея очищения страданием, одна из самых искусственных и злополучных мыслей Достоевского, своевременно пришла ему на помощь, – дала возможность как-то отвязаться от проблемы Раскольникова»[876]. Но Тассис, как нам кажется, недооценивает реакцию Алданова. Она пишет: «…идея очищения страданием очень раздражала Алданова, который иногда был склонен сводить к ней всю философию Достоевского…». Со слов Ж. Тассис, «Алданов как-то упрощает моральное развитие Раскольникова и полагает, что к раскаянию приведет его страдание на каторге»[877]. Однако реальными текстами Алданова, цитатами из его речей это не подтверждается.

---

[873] Там же. С. 287.

[874] Тассис Ж. Роман «Преступление и наказание». Указ. соч. С. 152.

[875] Алданов М. А. Черный бриллиант (О Достоевском) // Жар-Птица. Берлин; Париж: Рус. искусство, 1921. № 4/5. С. 33–35.

[876] Тассис Ж. Роман «Преступление и наказание». Указ. соч. С. 157.

[877] Там же. С. 152–153.

По мнению швейцарского исследователя, в «Начале конца» Алданов «прямо создает *свой* вариант Раскольникова, чтобы показать всю нелепость поведения убийцы в романе Достоевского» и «придает своему тексту метатекстуальную функцию»[878]. Но нас беспокоит вопрос, зачем Алданову мог понадобится двойник Раскольникова и неужели им могла двигать мотивация «метатекстуальной функции»? Если учесть контекст романа, ощущение состояния на краю пропасти, наполненность атмосферы ненавистью, то должно стать понятно, что вариант современного Раскольникова представлен не для того, чтобы играть в литературные игры с Достоевским. А для того, чтобы признать тупиковость развития европейской цивилизации, которая выращивает убийц, подобных Соколовичу и Альвера.

Ж. Тассис полагает, что Алданов «крайне упростил, сделал схематичным персонаж Раскольникова. Он стер все его сомнения, вопросы, сократил его рассуждения, лишил его трагизма. Сложному Раскольникову он противопоставляет упрощенного, неглубокого и отталкивающего Альвера»[879]. Однако в этом выводе нет понимания образа Альвера с учетом контекста романа и всего творчества Алданова. Нет и другого понимания: зачем Алданову столько старания в обрисовке образа второстепенного отрицательного героя? Не желая приукрашивать отношение Алданова к Достоевскому, попытаемся дополнить существующие анализы.

Интересно, что парижская хроника литературной жизни запечатлела факт организации суда Объединения русских адвокатов во Франции над персонажами Достоевского. В качестве материала для инсценировки 20 марта 1932 г. был выбран роман «Бесы». На «спектакль в виде процесса-суда над героями Ф. М. Достоевского» «в роли присяжных поверенных» [880] выступили М. А. Алданов, Б. Зайцев, А. И. Куприн, И. Лукаш.

Для осознания того, как могла со временем и в зависимости от контекста измениться рецепция Достоевского в алдановских произведениях, интересно обратиться к критическим статьям других писателей или исследованиям

[878] Там же. С. 154.

[879] Там же. С. 158.

[880] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997. Т. 2: 1930–1934. С. 293.

литературоведов русского зарубежья. Так, Алданов не мог обойти вниманием ни книгу И. А. Ильина «Основы художества» (Рига, 1937), упоминавшую его творчество, ни рецензию на эту книгу в газете «Сегодня», где сам активно печатался[881]. Ильин называет Толстого «великим мастером внешнего видения», а Достоевского «матером внутреннего видения, певцом человеческих страстей»[882]. Реакции Алданова именно на это сочинение Ильина нами не обнаружено, однако очевидно, что ее сопоставительные интонации в целом отражают логику сопоставления, представленную еще в знаменитом литературно-критическом эссе Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». Алданов же в своих художественных произведениях, статьях и рецензиях на протяжении всего творчества придерживался такой же сопоставительной логики. Мнение крупнейшего литературного критика русского зарубежья Г. В. Адамовича в отношении Достоевского Алданов не мог не знать. Однако и в этом случае понятно, что, процитировав или упомянув его высказывания о создателе «Преступления и наказания», Алданов вынужден был бы признать отсутствие собственной оригинальности и глубины, чего стоят только такие слова Адамовича: «…как ужасна слепая ошибка истории, то, что такого человека, как Достоевский, она вылепила, создала, выпустила в мир лет на семьдесят-восемьдесят раньше, чем следовало бы»[883]. Именно Адамовичу принадлежит наиболее объективная оценка творчества Толстого и Достоевского в сопоставительном аспекте; в статье «Освобождение Толстого»[884], вышедшей в 1937 г. в «Последних новостях» он напишет: «Всем известно, что Мережковский не любил Толстого (в сущности, даже не выносил, сколько бы не говорил о своем восхищении и преклонении) и высоко чтил Достоевского, всем известно, что Бунин терпеть не мог Достоевского и боготворил Толстого»[885]. Позиция Алданова была

[881] Трубников П. [Пильский П.] И. А. Ильин об искусстве, Л. Толстом, Достоевском, Шмелеве, Бунине, Алданове: новая книга И. А. Ильина «Основы художества» [Рецензия на книгу: Ильин И. А. Основы художества. Рига: Русск. Акад. изд-во, 1937] // Сегодня. 1937. № 293 (25 окт.). С. 3.

[882] Там же.

[883] Адамович Г. В. Одиночество и свобода. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С. 20.

[884] Адамович Г. «Освобождение Толстого» // Последние новости. 1937. № 6025. (23 сент.) С. 3.

[885] Адамович Г. В. Одиночество и свобода. Указ. соч. С. 118–119.

«пробунинской», но это не мешало ему постоянно писать о Достоевском и размышлять о философском содержании его романов.

Обращение Алданова к Достоевскому не прекратилось и после Второй мировой войны. Более того, в послевоенном романе Алданов впервые создает образ самого Достоевского. В. А. Туниманов полагает, что Алданов, «выведя писателя персонажем романа “Истоки”», после неудачи с биографией Достоевского «отчасти взял реванш»[886]. Образ Достоевского в этом романе сформирован знанием фактов биографии писателя и алдановским вымыслом. Что любопытно, в сценах с Достоевским опять проявляется сюжет «Преступления…». Приват-доцент Черняков оказался под сильным влиянием «гипнотизера», «сердцеведа», «знатока человеческой души в ее взлетах и падениях». До встречи в доме Достоевского он мог назвать писателя «мастером сочинять», у которого «непременно: люди говорят о божественном и подслушивают у чужих дверей» и который может потребовать сжечь сто тысяч. Во время встречи Черняков удивляется необычному характеру хозяина дома – странности мыслей и общения. Достоевский вспоминает даже «Преступление и наказание» и не без гордости рассказывает о сцене убийства: «Помните, как он там стоит и ждет, а? У-у, как написано! – Он вдруг затрясся. – Я, когда писал, то и сам мог убить! Пускай немец так напишет, а? Да и сам граф Лев, он ведь только своих графов и знает, а зачем же граф Спиридон этаким неблагородным манером кокнет по голове старуху-процентщицу?»[887]. Он показывает себя настоящим пророком, обещая страшную революцию и даже одну из первых ее жертв – отмену буквы ять... В течение нескольких лет после встречи «смысл слов Достоевского вспоминался Чернякову не вполне ясно. Ему запомнились слова, что все кончится антропофагией, что свобода перейдет в рабство, а социализм станет страшным, кровавым, и вместе пошлым адом. Михаилу Яковлевичу как будто ясно помнилось, что это связывалось Достоевским с исчезновением христианства в мире»[888]. Но концовка разговора запомнилась четко: Достоевский посоветовал «пойти в каторжные работы», так как и сам, побывав в аду, нашел там Христа: «И вам

[886] Туниманов В. А. Достоевский. Указ. соч. С. 239.
[887] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 5. С. 48–49.
[888] Там же. С. 36.

от души желаю поскорее попасть в каторжные работы. Вы вернетесь и перерожденным, и счастливым, и многое понимающим человеком»[889]. Если соотносить романные события с хронологией жизни Достоевского, то разговор Чернякова и Достоевского мог состояться не ранее 30 апреля и не позднее 15 мая 1878 г., так как именно в это время проявилась болезнь, а затем наступила смерть Алеши[890]. Алданов словно специально отправил своего героя к Достоевскому в один из самых трудных периодов его жизни.

В. Александрова называла алдановскую трактовку образа Достоевского «новой»: «Многие черты Достоевского, взятые Алдановым для создания его образа, известны в русской литературе, но они разбросаны в разных местах и недоступны обозрению. Терпеливо собирая их, Алданов в какой-то непостижимый для взора постороннего момент растопил эти черточки и вылил сильный и убедительный образ, который останется жить»[891].

В случае романа «Истоки» создание литературного портрета классика – этой одна из форм рецепции Алданова, необходимой, чтобы «показать своего героя… не заботясь о том, согласится ли читатель с его характеристикой или сделает из сообщаемых данных совсем иные выводы»[892].

Интерес к сюжету Достоевского не исчезает даже в последних текстах Алданова. В романе «Самоубийство» он заставляет исторического деятеля соотносить свое отношение к свободе с сюжетом Достоевского. Так, читателю представлен внутренний монолог Муссолини: «Свобода может быть только у больших людей, желающих прожить свою жизнь как следует. А это надо делать умеючи и осторожно, иначе сорвешься в самом начале и отправят в тюрьму или в каторжные работы, как того убийцу в русском романе. Он по глупости убил старушку для каких-то сотен лир. Да и этого он не сумел как следует сделать»[893].

---

[889] Там же.

[890] Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. Т. 3: 1875–1881. С. 273.

[891] Александрова В. «Новый журнал». Книга седьмая. Литературная часть // Новое русское слово. 1944. № 11684. 23 апреля С. 8.

[892] Александрова В. Литературные портреты Алданова // Новое русское слово. 1956. № 15835. 4 нояб. С. 7.

[893] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 6. С. 47.

Если «путь русского интеллигента в произведениях Чехова – от тоски по «общей идее» к сознанию ее ненужности и бесполезности для человека, от одержимости»[894], то Алданов в своих книгах борется с идеологической одержимостью людей «типа героев Достоевского». И вместе с тем персонажи Алданова, пораженные мыслью о «бессмыслице сущего»[895], о преобладании случайного в жизни, часто оказываются противниками как нравственных постулатов Достоевского, так и религиозных ценностей.

Религиозное сознание Достоевского имеет христианскую основу, идеал нравственности, связанный с Христом, с верой и в меньшей степени – с рациональным постижением. Нравственность алдановского сознания определяется внерелигиозными принципами, определенными в большей степени опытом, осмыслением истории, соотнесением фактов прошлого с наблюдением фактов настоящего. Герой Достоевского (например, самоубийца из «Дневника писателя») легко признает существование бессмертия, всех должна убедить формула: «если бессмертие необходимо для бытия человеческого, то оно существует несомненно»[896]. Но герой алдановской тетралогии Ламор и персонаж тетралогии Браун воспримут такое суждение как свидетельство простодушия: в нем нет критической осмысленности. По Достоевскому, бытие получает смысл только тогда, когда есть бессмертие. Отринув идею бессмертия, остается признать беспорядочность, хаотичность, отсутствие предопределенности жизни, а следовательно, согласиться с ее бессмысленностью, ибо окончится она падением в пропасть, смертью. Неужели умные герои Алданова не видят, не чувствуют этого страшного исхода? Неужели им есть что противопоставить идее бессмертия? Как порядочному человеку, не пришедшему к вере или утратившему ее, остаться человеколюбивым без религиозной основы? Как, что еще более важно, остаться жизнерадостным? Конечно, это не риторические вопросы. Видят и чувствуют, мучатся этим. У самого Алданова, как явствует из внелитературной материи – воспоминаний, переписки, записей бесед, –

---

[894] Созина Е. К. Текст Достоевского в литературе чеховской «артели» восьмидесятников // Традиции в контексте русской литературы: сб. статей и материалов. Череповец: ЧГУ, 1997. С. 73.

[895] Ерофеев В. Найти в Достоевском человека. Указ. соч. С. 54.

[896] Ерофеев В. В. Вера и гуманизм Достоевского. Указ. соч. С. 55.

ответить на них не получилось. Не случайно в жизни он был очень спокойным, но создавал впечатление грустного скептика. И конечно, предложение алдановских одиночек – сохранять человеческое достоинство и следовать принципу человеколюбия (без религиозной идеи, без веры, объединяющей многих), не может быть воспринято как гуманная замена предложений Достоевского[897].

Алданов, как и Достоевский, пытается найти в самом человеке силы, которые бы могли уберечь его от катастрофы. По Достоевскому, надо прорвать кокон европейской личности, чтобы проявить ее высшее развитие. Однако сознательное самопожертвование всего себя в пользу всех, которое предлагает Достоевский, у Алданова свойственно только некоторым женским персонажам (Кременецкая в трилогии, Ласточкина в «Самоубийстве»), тогда как персонажи мужчины, желая сохранить достоинство своей личности, добровольно уходят из жизни. И это одна из трагичных страшных патологий человечества, которая не прекращается даже в новом столетии.

Не разделяя христианских принципов Достоевского, Алданов видел искусственность многих ситуаций, над разрешением которых бился Достоевский-политик и общественный деятель, и к тому же сомневался в перспективе идей религиозной природы. Более того, в конце жизни Алданов еще раз откажется от прямого выражения мнения о Достоевском. В январе 1956 г. Д. Н. Гольдштейн предложил Алданову участвовать в радиопередаче «Как я понимаю значение Достоевского», организуемой «в связи с 75-летней годовщиной смерти Достоевского, которая будет отмечена в Советском Союзе…»[898]. Предложение было очень почетным, в списке участвующих уже значились М. Слоним, П. Сорокин, М. Карпович, передача должна была выйти в эфир 9 февраля. Однако Алданов не одобрил предложенную форму выступления и ответил уклончиво: «Если хотите, могу Вам предложить следующее. Достоевский выведен в моем романе “Истоки”, том 1, страницы 253–278. Разумеется, это слишком длинно для передачи на радио. Но Вы там, надеюсь, легко найдете очень небольшой отрывок, подходящий для передачи

[897] Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 24. С. 264.

[898] Гольдштейн Д. Н. Письмо The institute for the study of the history and culture of the USSR к Алданову М. А. [Франция, г. Париж]. 24.01.1956 г. ДМЦ КП-748/1. Л. 1.

по своей длине…»[899]. Тем самым Алданов отказался выступить как литературный критик, сориентировав журналистов только на свой художественный текст.

Как уже отмечалось, отношение Алданова к Достоевскому отличается некоторой тенденциозностью. С годами у Алданова менялся только способ выражения этого отношения: от непосредственного в дневниковых и путевых записках до исключительно художественного. И все же надо быть справедливыми: творчество Алданова содержит уточнения и дополнения – конечно, не сюжетов и образов Достоевского, а его морали. Автор «Начала конца» писал об ответственности людей за общее горе и о том, что негативные поступки одной личности гораздо быстрее приводят к трагическим деяниям многих, доводят до катастрофы человеческое бытие.

4.3.2. Использование приемов Достоевского и Толстого

В 1920–1930-е гг. в литературе русского зарубежья, полной ностальгии и смятения, осмысливался опыт Серебряного века, оценивались традиции «золотого века русской классической литературы», искалась художественная и нравственная опора. Эстетические предпочтения, творческие принципы, сформировавшиеся у представителей «старшего» поколения эмигрантской литературы, проходили испытание временем, проверку новым читателем либо его отсутствием. В этих условиях у некоторых писателей усилилось тяготение к творчеству Ф. М. Достоевского, у других – по контрасту – увеличилось притяжение к наследию Л. Н. Толстого.

Адамович, вспоминая духовные запросы людей того времени, писал от лица всей рассеянной по свету русской эмиграции: «В глубине души по складу своему мы… были людьми толка скорей «достоевского», чем толстовского, воспринимая Толстого преимущественно как упрек»[900]. Адамович, знавший таких писателей толстовской традиции, как И. А. Бунин, М. А. Алданов, отмечал острую актуальность для эмиграции именно Ф. М. Достоевского: «В

[899] Алданов М. А. Письмо к Гольдштейну Д. [Франция, г. Ницца] 26.01.1956 г. ДМЦ КП-748/2. Л. 1.

[900] Адамович Г. В. Собрание сочинений. Указ. соч. С. 92.

вольных, произвольных, нередко плохо кончающихся умственных странствиях Достоевский даже казался вожатым с Бедекером в руках. Только полюбопытствовать насчет маршрута, заглянуть в книжку он нам не давал, да и знал ли сам, что в ней, на последних её страницах, содержится?»[901]. С признанием этой актуальности проявляется чувство обреченности, ведь интеллигенция зарубежья вынуждена согласиться с провиденциальной силой Достоевского и осознать тупиковость своего пути.

Для алдановской рецепции русской классики характерна эклектичность, поэтому не удивительно, что в произведениях Алданова, иногда на одной странице, встречаются упоминания персонажей как Достоевского, так и Толстого. И. З. Белобровцева вспоминает: «В русской критике и литературоведении известна традиция делить писателей на приверженцев Толстого или Достоевского»[902]. Она называет М. А. Булгакова писателем, который ощущал и позиционировал себя как «собирателя русской культуры после ее обрушения в 1917 году», что он «использовал литературу, и русскую и мировую, как связующие нити между прошлым и настоящим, как восстановление традиции»[903]. Нам представляется, что таким писателем в эмиграции был Алданов. С одной стороны, он был своеобразным преемником художественной прозы Толстого, с другой стороны – находился под сильным воздействием автора «Преступления и наказания». Отношение Алданова к классикам XIX в., его художественные ориентиры и предпочтения отчасти могут быть обусловлены влиянием старшего современника и друга – И. А. Бунина.

Бунин, как известно, в молодые годы был толстовцем, более того, не только не любил Достоевского, но и написал рассказ «против него» – «Петлистые уши». Постоянно отталкиваясь от Достоевского, Бунин всю жизнь

---

[901] Там же. С. 93.

[902] Белобровцева И. И еще раз о традиционалисте Михаиле Булгакове // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 352.

[903] Белобровцева И. И еще раз о традиционалисте Михаиле Булгакове // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 352.

словно советовался с Толстым, даже перед уходом из жизни он работал над книгой о своем великом учителе, и потому «Освобождение Толстого» стало и его собственным творческим завещанием.

И все же у Марка Алданова отношение к Толстому и Достоевскому было более сложным, чем у Бунина. Обзорные литературно-критические работы (единственные у Алданова в этом роде) «Толстой и Роллан», «Печоринский роман Толстого» он посвятил Толстому, пытался написать исследование и о Достоевском. Однако сил и знаний хватило только на обширную статью в «Жар-птице»[904]: «Вероятно, причиной отказа Алданова написать книгу о Достоевском могло стать понимание того, что в современной жизни не найти применения вневременных идей “сердцеведа”, что невозможно писать об этом и оставаться объективным»[905].

В вышеупомянутых публикациях уже раскрыты различные аспекты того, как осуществляется рецепция Достоевского в алдановских романах. Добавим разве что рассмотрение одного литературного факта в статье Е. А. Жильцовой[906]. Гораздо больше написано о рецепции Толстого, наблюдаемой в романах и рассказах Алданова[907]. По сложившейся литературоведческой традиции принято считать, что художественные приемы Достоевского и приемы Толстого различны, далеки друг от друга по своей природе. Стало быть, любой писатель, пытающийся совместить эти линии, обречен на бесплодную эклектику и, по сути, на провал. Но, на наш взгляд, Алданов, находясь под воздействием как Толстого, так и Достоевского, стал исключением из этого литературного правила.

---

[904] Алданов М. А. Черный бриллиант (О Достоевском) // Жар-Птица. Берлин; Париж: Рус. искусство, 1921. № 4/5. С. 33–35.

[905] Шадурский В. В. Идеи и образы Ф. М. Достоевского в творчестве М. А. Алданова: опыт Раскольникова // Вестник Псковского гос. педагогического ун-та. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. Вып. 13. С. 84.

[906] Жильцова Е. А. Роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского в творческом восприятии И. А. Бунина и М. А. Алданова // Вестник Новгород. гос. ун-та. Сер.: Филология. История. 2010. № 57. С. 34–37.

[907] Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. Саратов, 2011. 180 с.; Макрушина И. В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика. Уфа: Гилем, 2004. 186 с. Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. 405 p.; Lee C. Nicholas. The Novels of Mark Aleksandrovič Aldanov. The Hague: Mouton&Co. N.V. Publishers, 1969. 389 p.

Для доказательства этого тезиса нам приходится учитывать различные аспекты восприятия этих русских классиков в творчестве Алданова, а вместе с тем обнаруживать некоторые общие смысловые единства.

В 1985 г. И. Бродский критиковал Милана Кундеру за то, что тот винил Достоевского в подавлении Пражской весны, вот как об этом пишут Ж.-Ф. Жаккар и У. Шмид: “Кундера установил, что русский культ чувств, возведенный Достоевским в ранг абсолютных ценностей и правд, является глубинной причиной введения советских войск в 1968 г. в Чехословакию”»[908]. Русских писателей часто обвиняли за их якобы дурное влияние на нравы общества и на поведение целого поколения. Нам придется как раз ответить, почему «иностранные» персонажи Алданова обвиняли Достоевского в таком воздействии.

Поскольку отождествлять точки зрения, идеи биографического автора и его литературных персонажей не представляется корректным, рассмотрим отношение Алданова не к самим идеям классиков XIX в., а к их образам, точнее, к идеям персонажей. Это отношение выявляется более исходя из контекста. В уже упомянутом авторитетном сборнике «Достоевский и русское зарубежье XX века» приведены высказывания разных исследователей о восприятии Достоевского в эмиграции. Обратим внимание на некоторые.

Е. Новикова отмечает, что «…образ Достоевского присутствует в творчестве разных писателей русской эмиграции независимо от того, насколько значимой или факультативной для каждого из них была связанная с ним духовная или идейная традиция»[909]. Но, по словам Ж.-Ф. Жаккара, нынешние читатели «ошибутся, если взглянут на героев Достоевского исключительно как на русских. Русского… столько же в них, сколько английского в датском принце Гамлете: Достоевский рассказывает о человеке»[910].

По мнению Ж. Тассис, успех «Преступления и наказания» сыграл роковую роль в том, что европейцы недостаточно серьезно относились к

[908] Достоевский и русское зарубежье XX века. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. С. 23–24.

[909] Там же. С. 28.

[910] Там же. С. 19.

эмигрантам и позволили большевикам остаться у власти в России»[911]. Исследователь вспоминает фрагмент путевого очерка Алданова «Из воспоминаний секретаря одной делегации»: «Наконец, не приучены ли литературой англичане к самым непонятным поступкам русских людей? Настасья Филипповна, как известно, бросила в печку сто тысяч рублей. <…> Теперь Настасья Филипповна, быть может, служит в Париже в шляпном магазине и очень сожалела бы о сожженных деньгах, если бы она и в самом деле их сожгла. О политическом вреде, принесенном ею России, она не подозревает»[912]. Однако неужели швейцарский исследователь без иронии объясняет отказ «союзников» от борьбы с большевиками влиянием Достоевского? Неужели это тот случай, который впоследствии произошел с Миланом Кундерой? Более естественно думать, что отношение Запада к судьбе Советской России определилось принципами политической и экономической целесообразности.

По нашему мнению, Алданов пытается показать иллюзию, в которую погружаются западные читатели, очарованные образами Достоевского и наивно полагающие, что через эти образы и возможно понять душу русского человека. По мысли Алданова, видеть в персонажах Достоевского отражение типичной русской жизни, – это явное преувеличение. Напротив, в этих героях открываются черты, которые могут быть характерны для людей разных времен и национальностей.

А. А. Чернышев в статье «Алданов в 1930-е годы» связал высказывания Алданова с его собственной художественной рецепцией образов Достоевского, в частности: «В статье 1930 года “Из записной тетради” он сделал ряд нравственных упреков в адрес романа “Преступление и наказание”. …Ситуацию “Преступления и наказания” Алданов переносит во Францию 1930-х гг. и обнаруживает, что замыслившего убийство в целях ограбления юношу-анархиста не могут терзать ни духовные, ни нравственные проблемы, что для него лишить другого человека жизни, не оставив улик, – лишь интересная техническая задачка, способ самоутвердиться <…>. Достоевский наделил преступника богатым духовным миром, чувствительностью, Алданов

[911] Там же. С. 150.
[912] Алданов М. Собрание сочинений. Указ. соч. Кн. 2. С. 105.

смотрит на своего Альвера трезво и презрительно»[913]. Но вот что важно: в художественной прозе интерпретация героев Достоевского и Толстого, их идей осуществляется не самим Алдановым, не его повествователем, а другими посредниками, имеющими самостоятельные точки зрения, – персонажами.

Пример – образ революционера Вислиценуса в романе «Начало конца». Опытный конспиратор, умный разведчик, отправляясь в зарубежную командировку, читает в дороге «случайно захваченные письма Достоевского»[914]. Повествователь передает читателю внутренний монолог героя: «Там речь шла о “Бесах”. Смутно вспомнил содержание этого романа. “В общем, идиотская история: всемирный бунтарь, приехавший из-за границы в русскую провинцию устраивать мировую революцию против какой-то генеральши… И этот мальчишка-сверхчеловек, намеченный за свою красоту в вожди мировой революции!..”»[915]. Вислиценус огрубляет фабулу романа Достоевского, на его точке зрения сказывается цинизм, приобретенный за многие годы встреч с разными людьми. Обиженный марксист называет литературу средством, травившем интеллигенцию: кроме романа «Бесы» достается и роману «Братья Карамазовы»: «…и нечего изображать черта с Иваном Карамазовым, все мы пересыщены и отравлены литературой»[916]. К людям, «отравленным» литературой, он относит и себя, ведь даже его шпионские клички имеют литературное происхождение: Чацкий, Кирджали. Вислиценус несколько раз берется за чтение писем, но все напрасно, дочитать он их не может: «…но Достоевский по-прежнему был ему неприятен и не интересен. “Да, да, смотрите, какой он правый и благонамеренный, ну, прямо совсем, совсем правый… Продержали молодца (он чуть было не подумал: *парня)* на каторге четыре года, шелковый стал, служил им верой и правдой весь остаток жизни. Но верить в *грубую силу* им не полагается, избави Господи…”»[917]. Цинизм марксиста-Вислиценуса объясняется отрицанием прошлого строя и всех его «попутчиков», поэтому в рассуждениях героя не просто открываются его литературные предпочтения, а проступает классовая

[913] Там же. Кн. 4. С. 10–11.
[914] Там же. С. 23.
[915] Там же. С. 23–24.
[916] Там же. С. 25.
[917] Там же. С. 25–26.

ненависть: «Зачем это издают? Кому нужны заграничные впечатления этого замоскворецкого мещанина? Он – враг, и к черту его! Ведь нас он именно “собственными руками задушил бы”… Гениальный романист? Ну, и издавали бы “Преступление и наказание”…»[918]. Форма внутреннего монолога передает эмоции персонажа, от горечи познания мира приобретающего злость и необоснованно распространяющего эту злость на других. Его история – одна из трагичных линий судьбы «лишнего» человека. Имплицитный автор не дает оценки жизни Вислиценуса, но очевидно, что проницательный читатель должен понять, что произошло с умным, порядочным, самоотверженным героем, умеющим любить и ненавидеть, умеющим бороться за справедливость, но оказавшимся не удел и погибшим в жерновах истории.

Как отмечалось ранее, в этом романе Алданова молодой секретарь писателя Альвера задумывает убийство, решая сделать это с оглядкой на героя Достоевского. Альвера в своей фантазии предполагал и возможность убийства писателя Вермандуа, но отпугнула его очевидность подозрений. Более того, чтобы рассеять подозрения, он подумывает даже купить дом своей жертвы и поселиться в нем. Но даже в случае разоблачения он собирается поступать театрально и фантазирует мизансцены, как некогда бунинские самоубийцы, обдумывавшие декорации суицида. Так, Альвера рассчитывает, что французский писатель вставит в свой новый роман сентенцию, что «…романы великого славянского моралиста только способствуют развитию преступности среди этих несчастных детей!»[919]. Ему хочется стать персонажем литературы на тему «Преступления и наказания». Таким образом тема вины художников слова за последующие дела их читателей продолжается в новом измерении. Альвера, с одной стороны, уверен в необходимости убийства. С другой стороны, он старается остаться вне подозрений и потому репетирует свою роль и на суде, и на месте казни.

Литературная зависимость от образов – это особый вид мании и моды, как начитанных злодеев, так и для самих писателей. Не случайно один из любимых персонажей Алданова, писатель Вермандуа, рекомендует адвокату Серизье: «А что до Раскольникова, то вы непременно перечтите этот шедевр:

[918] Там же.
[919] Там же. С. 103.

там в большом городе, в столице все друг друга знают и постоянно друг с другом встречаются: этот Сви... Сви… – как его? – по счастливой случайности живет рядом с той ангелоподобной проституткой и, естественно, подслушивает исповедь благородного убийцы ангелоподобной проститутке»[920].

Писатель Вермандуа размышляет, используя ассоциации с персонажами Достоевского: «… вроде как герои и героини Достоевского в минуты особенного волнения вдруг почему-то (это всегда очень его смешило) переходят на “ты”: “А, так ты лжешь! Я вижу, ты лгал!” – вскричала она”»[921]. Вермандуа по памяти цитирует эпизод романа «Преступление и наказание», где Свидригайлов разговаривает с Авдотьей Романовной и получает в ответ ее хлесткие фразы:

«– А, так ты лжешь! Я вижу... ты лгал... ты всё лгал!.. Я тебе не верю! Не верю! Не верю! – кричала Дунечка в настоящем исступлении, совершенно теряя голову»[922].

Очевидно, что цитировать в таком звучании Достоевского он не мог, так как «имел дело» с переводом на французский язык, поэтому точка зрения Вермандуа очень близка, если не тождественна в этом отношении, с точкой зрения автора.

Но даже для хладнокровного убийцы, много всего предвидевшего, Алданов приготовил особое испытание, что, впрочем, соответствует сюжетным поворотам романа Достоевского. Так, после самого убийства «Альвера не чувствовал ни раскаяния, ни ужаса. Как он и думал, все оказалось вздором: особенно эти *ими* выдуманные *угрызения совести*»[923]. Оказавшись в тюрьме, изувеченный Альвера «вел себя именно так, как решил прежде, считаясь с возможностью неудачи: тогда решено было – в случае провала изображать *гордую усмешку,* он ее и изображал, больше, впрочем, именно по воспоминаниям. <…> Изредка сочинял план защитительной речи: собирался

[920] Там же. С. 231.
[921] Там же. С. 142.
[922] Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 6. С. 379.
[923] Алданов М. Собрание сочинений. Указ. соч. Кн. 4. С. 170.

сказать *им* всю правду»[924]. Неожиданным для Альвера оказывается то, что он лишается физических сил, необходимых для сохранения своего превосходства над окружающими. Еще большей неожиданностью стало предложение адвоката назваться безумным, чтобы спасти жизнь, в этом случае никакой правды на суде не высказать, никакого вызова и бунта не обозначить – все напрасно.

Парадоксально, но писатель Вермандуа, при всей нелюбви к человеку Достоевскому и убеждению, что он «чужд христианским настроениям», проявляет к Альвера поистине христианское человеколюбие. Это выразилось в разных благородных поступках: от пересылки денег и помощи с адвокатом, до высоких слов, «исполненных человечности», на суде. Писатель, ослепленный желанием сделать добро, даже не мог помыслить, что защищаемый им мерзавец Альвера легко мог стать его же убийцей. Гуманист Вермандуа в меру своих возможностей хотел помочь в спасении Альвера и его преступление отнес к «атмосфере, в которой выросло это несчастное поколение»[925]. Очевидно, что Альвера не мог оценить такого великодушия и при случае не только бы повторил злодеяние, но и расправился бы с прежним своим работодателем. Гуманизм зачастую не представляет губительных последствий добрых поступков.

Таким образом, алдановские персонажи совершают «перезагрузку» семантики персонажей Достоевского. Вместе с тем неприятие идей, образов и использование некоторых приемов Достоевского – это проявление сложного алдановского отношения. В большинстве романов у алдановского героя отношение к Достоевскому, как и отношение к Толстому, не меняется, оно подается без развития, не сказывается на изменениях характера.

Алданов в своих произведениях очень часто цитировал романы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, писал о них литературно-критические работы. Впоследствии он создал очерки и романы с обилием реминисценций из романов Достоевского. И даже чужие публикации о Достоевском, выпуски его сочинений не оставались без внимания Алданова. Еще до эмиграции Алданов успел написать эссе «Толстой и Роллан», а позднее «Загадку

[924] Там же. С. 236.
[925] Там же. С. 287.

Толстого»[926], «Печоринский роман Толстого», другие статьи и эссе, приводил огромные пассажи о Толстом в книге «Ульмская ночь».

Память и мышление Алданова оказались таковы, что он мог в какой-то ситуации, по поводу которой рефлексировал, почти одновременно установить ассоциации и с творчеством Достоевского, и с творчеством Толстого. В очерке «Сталин» находим о влиятельных людях, дававших деньги большевикам на революцию: «“Широк русский человек, я бы сузил, – сказал, кажется, Достоевский”»[927], а чуть далее читаем: «В Воронцове-Дашкове была медлительность любимых героев Толстого с некоторой, однако, существенной разницей: он совершенно не верил в то, что все “образуется”»[928]. Вряд ли кто-то из писателей зарубежья мог обоснованно позволить себе такие ассоциации в одном тексте.

Частотность употребления имен Достоевского и Толстого в соседних эпизодах действительно большая. В романе «Ключ» почти по Толстому, с любовью и обстоятельностью описывается жизнь семьи Кременецких, как будто эта семья Ростовых, а события, в которые включаются алдановские герои, – словно это события из пятикнижия Достоевского: апелляция к романам Достоевского постоянная, причем как у русских персонажей, так и у персонажей «иностранного» происхождения. В романе «Истоки» доцент Черняков даже встречается с Достоевским в его квартире, а потом долго перебирает в памяти детали этой встречи, это, пожалуй, единственный случай, когда автор «Преступления и наказания» выведен в произведении Алданова самостоятельным важным персонажем.

Отношение Алданова-писателя к приемам Толстого и Достоевского, на наш взгляд, оказывается очень взвешенным, спокойным и преемственным.

О. Н. Михайлов назвал Алданова «последовательным учеником Л. Н. Толстого. <…> В разработке человеческих характеров, в самой стилистике, в часто применяемом Алдановым приеме “иронического отстранения”, безусловно, ощущается мощное воздействие Толстого-

[926] Алданов М. А. Загадка Толстого. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1923. 127 с.
[927] Алданов М. Указ. соч. Кн. 1. С. 295.
[928] Там же. С. 303.

художника, перед которым он преклонялся»[929]. Точнее сказать трудно, но подробнее – возможно. Алдановым, на наш взгляд, ценится психологизм, который разными приемами создается у Достоевского и Толстого.

Так, Е. Бобко показывает, что даже в позднем романе Алданова «Самоубийство» при выявлении подлинного и мнимого в образе Ленина используется прием «аналитического психологизма Толстого» [930].

Но еще в раннем очерке «Убийство Урицкого» Алданов демонстрирует, кто является «главным» психологом в изображении убийств: «По разным причинам я не ставлю себе задачей характеристику Леонида Каннегисера. Эта тема могла бы соблазнить большого художника; возможно, что для нее когда-нибудь найдется Достоевский. Достоевскому принадлежит по праву и тот город, в котором жил и погиб Каннегисер, страшный Петербург десятых годов»[931]. Анализируя факты убийства большевика, Алданов отмечает странную психологическую зависимость культурного, воспитанного убийцы от азарта предстоящего убийства – то, что с блеском изобразил Достоевский и на что не способен сам Алданов: накануне убийства Каннегисер звонил Урицкому: «…ему психологически было необходимо это страшное ощущение. Зачем Раскольников после убийства ходил *слушать* звонок в квартире Алены Ивановны?» [932]. Перед самим убийством: «Его ощущения в те минуты мог бы передать Достоевский, столь им любимый…» [933]. Мы могли бы сказать, что Алданов учится передавать эти вспышки адреналина у Достоевского, но урок вряд ли дает желаемые писательские компетенции. Вначале 1920-х гг. начинающий писатель Алданов снимает шляпу перед мастером. Но так будет не всегда. Иногда будет происходить копирование доступных приемов, композиционных средств, художественное соперничество.

В романе «Начало конца» другой персонаж, Надя, подумывающая о писательской карьере и признающая свою литературную скромность, говорит

---

[929] Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. Статья пятая. Прозаики старшего поколения. М. А. Алданов // Литература в школе. 1991. № 2. 41.

[930] Бобко Е. И. Указ. соч. С. 147.

[931] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 6. С. 487.

[932] Там же. С. 510.

[933] Там же. С. 512.

очень приземленно: «Нужно все это хорошенько **вылизать изнутри**, как это делали Толстой и Достоевский. Я, конечно, не Толстой и не Достоевский, но я говорю **о методах**»[934]. Таким образом, даже у неодаренного, но амбициозного персонажа успех писательского ремесла соотнесен со своеобразной моделью приемов великих романистов, с частями единой схемы удачного стиля.

В романе «Живи как хочешь» Алданов, используя «аналитический психологизм» Толстого, изобличает рационалистический подход к убийству Альвера, персонажа-карикатуры на Родиона Раскольникова, и показывает, как иррациональные нюансы жизни могут опровергнуть любой продуманный план: «Внелогичное, иррациональное, подсознательное – вот что, считает Алданов, определяет движение истории и судьбу личности. По его мнению, только гению Толстого было дано по-настоящему осмыслить слабость и относительность человеческого разума…»[935]. Так в образе одного персонажа сочетаются психологизм Толстого и приметы персонажа Достоевского, а значит – Алданов способен соединять приемы совершенно разных художников слова.

По контрасту приведем слова Ж.-Ф. Жаккара и У. Шмида о самобытном И. А. Бунине и его отношении к Достоевскому: «Иначе обстоит дело у Ивана Бунина. Он критикует Достоевского, наоборот, за плохое художественное исполнение хорошего плана. Все литературное творчество Бунина в первую очередь ориентировано на Толстого. <…> В последних в своей жизни записях Бунин выражает свою позицию в сжатой формуле: “Переч<итал> Достоевск<ого> – не то” (РАЛ – Русский архив, Лидский университет, Великобритания. MS 1066/444)»[936]. Алданов преодолел стилистическую однобокость традиции Бунина, оказавшись на пересечении композиционных приемов Толстого и Достоевского. Если в романах он часто пишет «под Толстого», то в очерках, особенно в очерках с сюжетом об убийстве, ощущает психологическую зависимость от гения Достоевского.

Особого внимания заслуживает аспект композиционных повторов. Тассис отмечает, что Алданова в романе «Ключ» «интересуют Порфирий

[934] Алданов М. Указ. соч. Кн. 4. С. 320.

[935] Аверин Б. В. От Толстого до Набокова. Из истории русской литературы. Санкт-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипсит», 2014. С. 213.

[936] Достоевский и русское зарубежье XX века. Указ. соч. С. 21.

Петрович и его метод…»: «В “Ключе” Порфирий Петрович появляется в двух ипостасях. <…> Сергей Федосьев, бывший глава Охранки… Николай Яценко, который сознательно отказывается от метода Порфирия Петровича»[937]. Три встречи Федосьева с Брауном повторяют три встречи Порфирия Петровича с Раскольниковым.

Тассис, на наш взгляд, опрометчиво пишет, что в романе «Начало конца», изображая план совершения убийства, само убийство и последствия, Алданов «соперничает»[938] с Достоевским, представившим историю убийства Раскольникова. Мы полагаем, что зарубежный исследователь не совсем точно установил целесообразность композиционных повторов, использованных Алдановым: «В романе “Начало конца” Алданов во всем противоречит Достоевскому. Хотя он меняет и время и место действия, линия Альвера только второстепенная. <…> …Он скрупулезно следует тексту Достоевского, до такой степени, что часто включает в свой собственный текст отдельные слова, обороты и другие подробности, взятые из романа Достоевского. <…> Его Альвера – современный двойник Раскольникова. <…> Алданов приложил все усилия для того, чтобы принизить Альвера и исключить какое-либо проявление жалости к нему со стороны читателя. Он сознательно и последовательно рисует портрет подлого и отталкивающего убийцы, который отличается от Раскольникова тем, что никогда не испытывает ни малейшего угрызения совести»[939]. Альвера механически повторяет шаги Раскольникова, желая доказать, что мнительный герой и писатель-гуманист над ним не властны. Его фигура – это гипертрофированный облик современника, представляющего угрозу для человечества в целом, Альвера – образ бессердечного, беспощадного и эгоистичного убийцы.

Вообще постоянное обращение Алданова к различным приемам Достоевского – от выстраивания сюжета до группировки системы персонажей, – это и есть особый прием, который, с учетом проявления в публицистике, очерках, литературной критике и художественной прозе, может быть назван «диалог с Достоевским».

---

[937] Тассис Ж. Роман «Преступление и наказание». Указ. соч. С. 154.
[938] Там же. С. 158.
[939] Там же.

Но наряду с этим Алданов использует средства индивидуализации персонажей – прием Толстого. Б. М. Эйхенбаум отмечал эту особенность стиля Толстого: «Совсем иное у Толстого: его люди – не типы и даже не вполне характеры; они “текучи” и изменчивы, они поданы интимно – как индивидуальности, наделенные общечеловеческими свойствами и легко соприкасающиеся»[940]. В романе Алданова «Живи как хочешь» русский эмигрант, писатель Яценко так сообщает о своей эстетической позиции и способе создания уникальных персонажей в противовес любителю типов Пемброку: «… изображать характеры гораздо труднее, чем изображать “типы”. В знак высшей похвалы о писателе говорят: “его образы стали нарицательными именами!” Похвала, по-моему, не большая. Какой-нибудь Скалозуб, или Держиморда, или унтер Пришибеев стали “нарицательными”, они “типы”, но князь Андрей и Наташа Ростова не “типы”, и ни один герой Толстого нарицательным не стал: для этого почти всегда нужно огрубление, к которому Толстой был неспособен»[941]. Сделать своего персонажа уникальной личностью с особой историей – это художественная задача Алданова, которая выполняется «по рецепту» Толстого.

Сравнение, метафора, метонимия или меткая деталь – это и прием индивидуализации, и средство оживления персонажа, которое Алданов вспоминал в статье «О слоге Толстого»: «Этим искусством оживлять человека при помощи одной фразы, вложенной в его уста, никто не владел так, как Толстой. Когда столичный адвокат Фонарин сообщает Нехлюдову: “теперь губернатора нет, правит должностью **виц**”, когда графиня Екатерина Ивановна говорит, что в Сенате теперь заседают “Ге, Фе, Де, tout l’alphabet”… внутри этих людей точно зажигается мощный волшебный фонарь. Из всех черт и признаков высокого искусства дар “оживления”, думаю, самый важный и самый драгоценный»[942].

Еще один писательский прием, вернее, принцип, распространяющийся на стиль Алданова, – это обыгрывание в повествовании фактов писательской

---

[940] Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования. Статьи. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 657.

[941] Алданов М. Указ. соч. Кн. 5. С. 114.

[942] Алданов М. А. О слоге Толстого // Сегодня. 1930. № 317 (16 нояб.). С. 3.

биографии. Тот же писатель из романа «Живи как хочешь», Яценко, несмотря на понимание скромности своего дара, соотносит свой стиль со стилем Толстого: «И, быть может, это одна из причин, по каким нам трудно писать *о себе,* как всю жизнь о себе писал Толстой в своей почти наивной уверенности гениального человека, что *все* в его жизни интересно другим людям, даже его успехи или неуспехи по сельскому хозяйству в “Анне Карениной”»[943]. Вместе с тем даже декларативные фразы Толстого о писательстве становятся для Яценко важными тезисами собственной художнической жизни: «Толстой говорил, что писать надо тогда, когда *нельзя* не писать, как нельзя не кашлять, если простужен»[944]. В романе «Истоки» Черняков окажется в кабинете Достоевского и среди различных удивляющих его вещей обнаружит брошюру с заключительными главами «Анны Карениной». Только проницательный читатель может понять, что таким образом объясняется и последующая раздражительность хозяина кабинета. Черняков с удивлением будет соотносить увиденного Достоевского с тем образом, который сформирован литературой и журналистикой, и обнаружит не духовную глыбу отечества, не «знатока человеческой души в ее взлетах и падениях»[945], а одинокого человека, страдающего от болезни сына, будет вспоминать «негромкий глуховатый голос», смущающий «сверлящий» взгляд «маленьких странных глаз»[946], «восковое страшное лицо гипнотизера» и что «в мрачном кабинете Достоевского, он, к собственному изумлению, поддался чарам гипнотизера»[947]. В этом эпизоде обыгрывание фактов писательской биографии происходит на основе преобладающих мотивов изображения: смущения, гипноза, кладбищенского порядка. И вместе с тем в этих фразах Алданов ищет тот «фонарь» оживления персонажа, который так легко зажигал Толстой.

Вместе с тем, отказываясь от автобиографичности, Алданов как в тетралогии «Мыслитель», так и в других сериях романов и отдельных художественных очерках придерживается толстовского правила изображать

[943] Алданов М. Указ. соч. Кн. 5. С. 322.
[944] Там же. С. 421.
[945] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 5. С. 43.
[946] Там же. С. 42.
[947] Там же. С. 55–56.

личную историю, будь то история авантюриста Штааля, разведчика Шелля или история семьи Кременецких, Ласточкиных, Дюммлеров.

Е. И. Бобко в монографии, обстоятельно раскрывающей различные аспекты рецепции Толстого в творчестве Алданова, особое внимание уделяет интертекстуальному анализу романа «Истоки», вступающего в разнотемный диалог с «Анной Карениной»: «Диалог Алданова с Толстым можно охарактеризовать как принцип архитектоники романа, определяющий его сюжетно-композиционную организацию, своеобразие системы героев, особенности поэтических приемов создания образов героев, формы авторского присутствия в тексте»[948]. Диалогичность, распространяющаяся на меньшее количество приемов, используется Алдановым как в литературном исследовании «Толстой и Роллан», в книге философских диалогов «Ульмская ночь», так и в последних романах «Бред», «Самоубийство». Поэтому можно сказать гораздо шире: прием диалога с Толстым Алданов использует не только в художественном творчестве, но и в публицистике.

Прием, с помощью которого Алданов в XX столетии обновляет традиции Толстого и Достоевского, – это кинематографизация романа.

Важно учесть, что Алданов использовал как громадную эпическую форму – серию романов, так и малую прозу для выражения своих идей и эстетических предпочтений. Для него поиск своего жанра, адекватной формы связи с читателем было насущной задачей.

Обратим внимание на высказывания, к сожалению, вышедшего из литературоведческой моды В. Днепрова. Он, на наш взгляд, недооценен именно в осознании жанра романа. В статье «Роман – новый род поэзии» Днепров писал: «Толстой завершил формирование эпического романа нового времени, Достоевский – формирование романа драматического. Художественная вселенная Толстого «многомирна» в отличие от «одномирной» вселенной Достоевского…»[949]. Достоевский дает скрещение прошлого и будущего времени, его персонаж – «человек необыкновенный», автор разгадывает «душу» персонажа. У Толстого, напротив, господство

[948] Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. Саратов, 2011. С. 101.

[949] Днепров В. Идеи времени и формы времени. Указ. соч. С. 139–140.

настоящего времени, его персонаж – «человек обыкновенный», внутреннего мира персонажа открыт автору.

Именно Днепров обращает внимание на кино как форму, способную передать адекватным языком современный роман: «…кино обладает возможностью перевести на свой специфический язык все разнообразие свойственных роману видов изобразительности… уловить его ритм и даже характерные черты его стиля. Оно может ввести голос рассказчика, внутренний монолог. <…> Эстетический строй кино существенно близок к строю романа… новейшее искусство романа и кино основано на переключениях, перепадах, сдвигах поэтической установки»[950].

Мы полагаем, что Алданов, имевший опыт театральных постановок своих пьес, изучавший возможность экранизации своих произведений, задумывался о том, как выстраивать современный роман. Очевидно, что задачи других видов искусства начинают сказываться на поэтике романа «Живи как хочешь», на эстетической позиции персонажа писателя Яценко. Тот отметает возможность союза с кинематографистами, решая, что кинематограф отравит его как писателя. Однако сами тексты романов Алданова несколько иные. Драматическое начало эпического текста, диалоговая стихия, обилие сцен с резонерами-идеологами, многообразие точек зрения, необыкновенные в психологическом смысле герои, вставки сценария и пьесы в композицию романа – все эти черты напоминают о традиции Достоевского в выстраивания текста современного романа.

Вместе с тем склонность к историческому видению событий, панорамность мышления, использование образов обычных людей, интерес к настоящему времени и политическим событиям, концептуальность и постоянная оглядка на приемы Толстого, на высказывания его героев, близкий подход к детали – все это наводит на мысль о зависимости Алданова от повествовательной техники Толстого. Роман «Живи как хочешь» – один из таких синтетических текстов Алданова.

Таким образом, можно заключить, что Алдановым наследуются приемы организации художественного времени, создания образов персонажей, психологии изображения человека как от Достоевского, так и от Толстого.

---

[950] Днепров В. Идеи времени и формы времени. Указ. соч. С. 168.

На основе традиций Достоевского и Толстого Алданов создает занимательный психологический роман, роман культуры с кинематографическими чертами, объединяющий элементы поэтики писателей разных стилей.

Обращаясь к традициям выстраивания эпического текста, Алданов использует приемы как Достоевского, так и Толстого. В большинстве случаев герои Алданова пытаются показать свое превосходство, интеллектуальную зрелость, волю высшего порядка, они живут как бы над опытом Раскольникова, Карамазовых. Но герои-интеллектуалы Алданова, даже положительные персонажи, еще испытывают или достигают раздвоения личности. Если вспомнить слова В. Днепрова, «у Достоевского личность в ее «высших экземплярах» основана на раздвоении, а у Толстого стороны личности обладают большими степенями свободы, они лежат в разных плоскостях и сводятся в характер мягче… Мир зла со всеми его уродствами, но и мир красоты»[951].

В романе «Бред» алдановский герой-авантюрист, разведчик Шелль, сознательно добивается раздвоения личности. Он тайно принимает снадобье, выводящее его на время из реальности и погружающее в видения: «Это и снотворное, или что-то в этом роде. Оно дает сон с виденьями. Даже не сон, а какой-то реальный бред. Его почти не отличишь от действительности. Я иногда в этом бреду вижу человека как живого: представляю себе его прошлое, его характер, привычки, тайные и явные помыслы. Это мне иногда оказывало услуги в работе. Я ведь разведчик-психолог. Да и что такое бред? В нашем мире всё бред»[952], в минуты депрессии он играет на виолончели. В начале повествования мы видим его только глазами иных людей, так, полковник № 1 говорит о Шелле: «В старых романах о вас было бы, верно, сказано, что вы “человек с опустошенной душой”»[953], он же видит изредка проступающую черту великана Шелля – готовность выразить агрессию, показать силу. Во время «привыкания» к Шеллю его внешность внушает опасение Наташи: «…его наружность вызывает во мне безотчетную тревогу»[954]. Но в целом это

[951] Днепров В. Идеи времени и формы времени. Указ. соч. С. 200.
[952] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 416.
[953] Там же. С. 417.
[954] Там же. С. 463.

40-летний интеллектуал, родившийся где-то в Российской Империи, живущий на чужбине, одинокий, изучающий психологию душ, думающий о справедливости, о смысле жизни, способный на отчаянные поступки, – одном словом, живущий не так и не там. Это ли не продолжение типа лишнего человека?

И. И. Виноградов в работе «Философский роман Лермонтова» писал: «Господствующим типом эпох безвременья, прежде всего таких, что длились долго и отличались особенной мрачностью, всегда был тот тип человеческой личности, который известен у нас, в истории русской общественной мысли, под горьким названием “лишнего человека”»[955]. И у Алданова это образ, так сказать, «потаенного» русского эмигранта, ведь Шелль – это образ лишнего человека, умного, даровитого, на пятом десятке лет все еще ищущего себя в жизни, в нем угадываются и черты личности с несколько иным вариантом поведения, качества другого алдановского героя – персонажа трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», химика Брауна. Браун тоже деятельная натура, ищущая себе применения, приложения своих духовных сил, но живущая и умирающая в эмиграции понапрасну.

Порочный, избалованный авантюрным образом жизни Шелль – тем не менее человек принципов и скрытого нравственного стержня, так в одном случае он проговаривается об этой своей основе: «А вот я не донесу. Каков бы я ни был, у меня есть свой кодекс чести. Так сказать, “бусидо” японских самураев, – хмуро сказал Шелль»[956].

Именно с его азартной натурой связано самое несчастное существо, – это Эдда, в прошлом любовница Шелля. По сюжету романа она, едва окрыленная успехом, случайно погибает во время берлинского восстания 1953 г.

В отличие от искушенного шпиона юная Эдда показана доверчивой, инфантильной, неизменной в своей наивности. Это воплощение притягательной, манящей красоты, которую мужчины лишь используют и доводят до гибели. Несмотря на легкомысленность, она заявляет о своих

[955] Виноградов И. И. Философский роман Лермонтова // Виноградов И. И. Духовные искания русской литературы. Москва: Русский путь, 2005. С. 16.

[956] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 424.

принципах, о том, что ценит «характеры»: «Терпеть не могу людей с мелкими страстями, с самоанализом…»[957]. Ее желание – упиваться возможностями жизни, властвовать ситуацией: «…хочу играть жизнью, волноваться, торжествовать над людьми. Весь смысл жизни в том, чтобы побеждать…»[958]. Но в случае Эдды все вышло наоборот.

В одной из сцен она словно пытается заявить о своей зрелости, независимости, пытается показать неуступчивый творческий характер манипулирующему ею любовнику. Шелль, отмечая одаренность Эдды, советует ей бросить авантюры и всерьез заняться сочинительством:

«– Зачем тебе это? Пиши стихи, ты талантливая поэтесса.

– Поэзией жить нельзя. Особенно русской.

– Я тебе и говорил, что ты должна писать по-французски. И пиши прозу. Впрочем, нет, прозы не пиши. Есть писатели, навсегда погубленные Достоевским, и есть писатели, навсегда погубленные Кафкой… А тебя погубили оба»[959].

В этом признании рокового воздействия Достоевского сказывается и ощущение того, что столь решительный эффект оказался возможен из-за легковерия и наивности юной Эдды, легко подверженной обманам. Американский исследователь за алдановским героем (Шелль называл в тайне Эдду «супердурой») часто повторял, что она глупа: «Rapacious, beautiful in a tawdry way, full of literary mannerisms, uncommonly stupid besides, she presents a positive caricature of the Dostoevskian infernal woman, with a generous admixture of broadly comic elements» («Алчная, кричаще красивая, полная литературной манерности, необычайно глупая, она являет собой положительную карикатуру на инфернальных женщин Достоевского с щедрой примесью широко комических элементов» (перев. с англ. наш. – *В. Ш.*))[960].

Циничное отношение Шелля к Эдде вырастает и на почве ее увлечения идеями, почерпнутыми у Достоевского, вот как о ней про себя думает Шелль:

---

[957] Там же. С. 438.

[958] Там же.

[959] Там же. С. 431.

[960] Lee C. Nicholas. The Novels of Mark Aleksandrovič Aldanov. The Hague: Mouton&Co. N.V. Publishers, 1969. P. 314.

«Долго несла чушь, в которой что-то было об ее идеях, об его сложной загадочной душе, о Достоевском и о Сартре»[961] .

Таким образом, Шелль объясняет отсутствие возможности простодушной девушки к саморазвитию, ко взрослению воздействием писателей экзистенциальной философии. Но не задумывается о своем фатальном на нее воздействии. Он использует простодушную Эдду в хитроумной шпионской операции, и, как следствие, она совершенно не заслуженно погибает в толпе мятежных берлинцев. У Ч. Н. Ли есть, на наш взгляд, очень точное высказывание, многое открывающее в образе этой, казалось бы, совершенно не нужной героини: «Below her tawdry, flashy exterior Aldanov clearly shows a pitifully lonely woman longing for real love and morality just as much as Sell'» («Под ее роскошной внешностью Алданов ясно показывает жалко одинокую женщину, жаждущую настоящей любви и морали так же, как и Шелль» (перев. с англ. наш. – *В. Ш.*))[962].

Алданов в приемах наделения своих героев целостностью, внутренней зрелостью почти следует за Толстым. По словам В. В. Днепрова, «…в толстовском способе изображения жизни скрывается философия во многом более глубокая и верная, чем его объявленная философия истории»[963]. Так и у Алданова: его философия случая и скептическое миросозерцание жизни иногда оказываются помрачены светом одного эпизода, одного образа. В романе «Бред» такой светлый образ – это образ Наташи. Наташа – героиня, которой открыта истина и которая, обретя ее, готова жить дальше. У Толстого 1890-х гг., по словам Н. Д. Тамарченко, «герой, открывший истину, резко противопоставляется остальным; мир изображается в его кругозоре»[964]. У Алданова этого противопоставления не происходит. Наташа, познавшая истину, становится лишь скромной, волшебной помощницей главного героя.

Как уже отмечалось, для выполнения разных художественных задач Алданов избирает как исторических, так и вымышленных героев. Если

---

[961] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 432.

[962] Lee C. Nicholas. The Novels of Mark Aleksandrovič Aldanov. The Hague: Mouton&Co. N.V. Publishers, 1969. P. 327.

[963] Днепров В. Идеи времени и формы времени. Указ. соч. С. 213.

[964] Тамарченко Н. Д. Лев Толстой // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. Москва: Наследие, 2000. С. 366–367.

Толстой «исходит из того, что всего полнее отражает истину человеческой природы человек обыкновенный…»[965], то Алданову вымышленные персонажи нужны именно в продолжение такой традиции. Художественный путь Толстого «прямо противоположен пути Достоевского, полагавшего, что как раз человек необыкновенный… заключает в себе человеческую природу в наибольшей полноте и ясности…»[966]. Алданов же идет и по пути Достоевского, изображая исторического героя, чтобы в большей мере представить возможности человеческой природы, воли, проявления талантов, и совмещает, казалось бы, несоединимое.

Ф. М. Достоевский на примере своего героя учил, что жизнь надо любить больше, чем смысл жизни. Персонажи Алданова тоже этого хотят, особенно женские персонажи хотят любить жизнь (Муся Кременецкая в трилогии, героини романа «Начало конца», «Живи как хочешь»), но автор испытывает большую любовь к смыслу жизни, и потому его мужским персонажам-атеистам не устроить свое счастье: не завидна участь Штааля, Брауна, Лейдена, Шелля и многих других.

Ситуацию отпадения от веры Л. Н. Толстой представил в «Исповеди». Это же сделал Алданов в своей трилогии (образа Брауна). Толстой не успел пережить всех ужасов хотя бы одной мировой войны, поэтому остался в логичном признании того, что ответы, даваемые верою, имеют преимущество ответов по смыслу. Но именно войны и революции не позволяют алдановским рефлексирующим персонажам найти примирение с собой. Философия случая стала такой спасительной субстанцией, заполняющей внутреннюю пустоту «алдановского» человека. И эта философия, конечно, воздействовала на позицию Алданова-читателя, Алданова, воспринимающего русскую классическую литературу.

Толстовский Оленин открывает для себя истину: «…счастье… в том, чтобы жертвовать собой»[967]. Герои Алданова и такую истину не познают, разве что Шелль, персонаж «Бреда», неожиданно проявляет готовность жить для любимой, но не успевает ей помочь.

---

[965] Днепров В. Идеи времени и формы времени. Указ. соч. С. 239.

[966] Там же.

[967] Толстой Л. Н. Казаки // Толстой. Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 6. Казаки. Москва: Государственное изд-во «Художественная литература», 1936. С. 82.

Если считать, что мерилом праведности жизни является отношение к смерти, то герои Алданова не только оказываются в состоянии отрешиться от всего земного, но и ради сохранения человеческого достоинства могут добровольно принять смерть, как это сделала Анна Каренина, и ради сохранения достоинства уходят из жизни в романе «Самоубийство» муж и жена Ласточкины.

И все же, есть та черта, которая при всем различии классиков, объединяет их, а заодно отличает от Алданова: «…герои Л. Толстого и Достоевского вырабатывают свои убеждения, ищут и находят связь с вечностью»[968]. Но у Алданова подобного обретения связи с вечностью не обнаруживается: жизнь человека не обретает веры, кроме единственного случая Наташи – персонажа романа «Бред», одного из последних у Алданова. Но и в этом случае Наташа представлена как персонаж, уже уверовавший в бога, приобщения к богу во время событий романа читатель так и не увидит. Можно отметить, что в положительных героях Алданова приготавливается духовная почва для появления веры, но вера так и не прорастает.

Если говорить о стилистике и традициях приемов, то следует отметить, что подобно Толстому в «Войне и мире», Алданов часто использует антитезу внешности и внутреннего содержания: в его изображении красивые люди некрасивы внутри. Действительно, ничего нельзя сделать с тем, что Элен Курагина с ее грязной душой внешне прекрасна и достойна чьего-то обожания. Иллюзия, что красота есть добро, разбивается Алдановым и в тетралогии «Мыслитель», и трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», во многих других романах и рассказах. Герои Алданова, так же как герои Толстого, не пошлы. Но читателю слишком много дано знать о жизни их бессознательного. Мы согласны с В. Днепровым, что «реалистическое изображение личности, проникающее в тайники ее внутренней жизни, исключает идеального героя…» и что «у Толстого… человек не остается во всех своих сторонах на одном нравственном уровне»[969]. На наш взгляд, его наблюдение сформулировано так,

[968] Линков В. Я. Тургенев – писатель социального реализма // Тургеневские чтения: сб. статей. Москва: Русский путь, 2006. Вып. 2. С. 18.

[969] Днепров В. Идеи времени и формы времени. Указ. соч. С. 142.

что дает возможность понять и специфику прозы Алданова как наследника творчества Толстого.

Совмещение этих традиций оказалось не искусственной эклектикой и не писательской модой, оно определено необходимостью оглядываться на ориентиры, на источники идей, приемов. Выстраивать свое творчество как диалог со знаменитыми предшественниками – дело более простое, нежели быть самостоятельным творцом, зачинателем новых приемов, но уж таков потенциал таланта Алданова.

4.3.3. Толстой в статьях и письмах Алданова периода эмиграции

Алдановское восприятие Л. Н. Толстого уникально. Читательская реакция Алданова превратила его в критика: первые крупные литературные эссе начинающий автор написал о создателе «Войны и мира»: «Толстой и Роллан» (1915), «Загадка Толстого» (1923). В этих эссе Алданов не только продемонстрировал эрудицию, но и показал зрелые суждения о литературе и мировидении писателей XIX столетия. На нескольких соседних страницах он обозревает творчество самых известных авторов позапрошлого века: П. Я. Чаадаева, Н. М. Языкова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, А. И. Герцена, Ф. И. Тютчева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого[970]. Благодаря словам Н. К. Михайловского о Г. И. Успенском, Алданов вывел свое заключение между соотношением понятий «честь» и «совесть», определив, что Толстой – «образец человека “совести”»[971].

Затем критическая реакция была дополнена художественным словом: тетралогия «Мыслитель», трилогия «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», романы «Истоки», «Повесть о смерти», «Самоубийство». Была у Алданова попытка и кинематографического осмысления Толстого. Книги о Толстом так и остались единственными самостоятельными литературно-критическими изданиями Алданова. Имя Толстого оказалось самым упоминаемым среди имен всех писателей, которых цитировал или вспоминал Алданов. Алданову о Толстом были интересны любые детали. Как напишет в последствии критик «Нового

[970] Алданов М. Толстой и Роллан. Т. 1. Петроград: Типо-лит. «Энергия», 1915. С. 285–288.

[971] Там же. С. 294.

русского слова» о позднем романе «Истоки»: «Даже мелочи, незаметные ненаблюдательному глазу, очень любопытны у пытливого автора, хотя и подносит он их без малейшего подчеркивания в порядке случайной обмолвки. Алданов знает, что в майской книжке “Русского вестника” от 1875 года не было напечатано продолжения романа Анны Карениной, в этом журнале помещавшегося»[972].

Неудивительно, что о воздействии автора «Войны и мира» на Алданова создано немало статей и монографий, больше всего «написано о рецепции Толстого, наблюдаемой в романах и рассказах Алданова»[973], об этом издано изрядное количество трудов зарубежных и отечественных алдановедов[974]. Вместе с тем статьи Алданова, посвященные Л. Н. Толстому, должным образом еще не прочитаны. Отчасти причина этого в том, что они опубликованы в малодоступных эмигрантских журналах и сборниках, соответственно, последними их читателями могли быть только современники Алданова. После определенных поисковых усилий нам удалось прочесть алдановские статьи на тему Толстого, напечатанные в Германии, Франции, Великобритании и США в период с 1921 г. по 1942 г., поэтому содержание некоторых из них впервые вводится в научный оборот.

Интересен в них не сам факт обращения Алданова к творчеству и личности Толстого, а заострение внимания на восприятии гения в разное время (при его жизни, после смерти), в разных культурных и языковых средах (Россия, Европа, США). Рассуждения о восприятии Толстого-писателя, Толстого-мыслителя связаны с многочисленными характеристиками Алданова произведений русской классической литературы XIX в. – мыслями

---

[972] Камышников Л. Роман без героя. («Истоки» М. А. Алданова. «Новый журнал». Книга шестая) // Новое русское слово. 1944. № 11272. 02 января. С. 8.

[973] Шадурский В. В. Художественные приемы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в творчестве Марка Алданова // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 13. DOI: 10.35785/2072-9464-2019-48-4-13-31

[974] Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. Саратов, 2011. 180 с.; Макрушина И. В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика. Уфа: Гилем, 2004. 186 с.; Дэвидсон П. Переосмысление русской литературной традиции пророчества в диаспоре: Бунин, Набоков и Вячеслав Иванов // Век диаспоры. Траектории зарубежной западной литературы (1920–2020): сб. статей. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 90–141; Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. 405 p.

и суждениями об А. С. Грибоедове, А. С. Пушкине, Н. В. Гоголе, Ф. И. Тютчеве, А. И. Герцене, Н. И. Тургеневе, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Н. С. Лескове, А. Н. Островском, Ф.М. Достоевском, А. П. Чехове.

Более того, заслуживает особого внимания позиция Алданова по отношению к так называемым периодам творчества Толстого – Толстого «зрелого» (время «Войны и мира»), Толстого «позднего» (время назидательных рассказов), или Толстого-писателя и Толстого-мыслителя, Толстого «до кризиса» и Толстого «после кризиса».

Интересно, что в одном художественном тексте, в одном его абзаце Алданов может «перемешать» эти разные периоды творчества Толстого; так, рецензируя очередной роман Алданова, проницательный П. Пильский заметил это: «Писатель достигает обыкновенно не то, что он хотел. Своей Анне Карениной Толстой приуготовил трагический конец: она бросается под поезд. Один герой “подумывает о самоубийстве, другой идет на свое турецкое самоубийство, а вся книга так и дышит любовью к жизни. Напротив, “Воскресенье”, или там в сказочках, – с затаенной ворчливостью объясняет Браун, – все умиляются, очищаются, просветляются, но читателю хочется повеситься от тоски”. <…> Браун не говорил бы о литературе и Толстом, если б Алданов не любил литературы и Толстого»[975]. Случай эрудированного пессимиста Брауна – это чуткая реакция алдановского персонажа на разные виды пафоса, проступающие в строках Толстого.

Алданов никогда не отличался публичностью своей литературной деятельности, но в камерных мероприятиях участвовал. Парижская хроника запечатлела, что «7 июля 1921 г. в Русском народном университете состоялась лекция проф. М.А. Ландау-Алданова “Русская литература на рубеже XIX в. и XX в. “Воскресенье” Л. Н. Толстого»[976]. Это означало, что, с одной стороны, интерес и популяризация творчества Толстого, а с другой – репутация Алданова в зарубежье как специалиста по Толстому обязывала его заниматься литературно-общественной деятельностью.

[975] Пильский П. Новая книга «Современных записок» // Новое русское слово. 1934. № 7972 (25 ноября). С. 8.

[976] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997. Т. 1: 1920–1929. С. 24.

Первая из известных нам его зарубежных публикаций – рецензия[977] о жизнеописании Л. Н. Толстого, которое Алданов, после сравнения с художественными биографиями на английском, французском и немецком языках, называет эталоном жанра: «П. И. Бирюков в своем труде, заслуживающем особого уважения и признательности, задался целью собрать факты и документы с относительно малым количеством комментариев»[978]. Алданов прекрасно понимает, что во многом через подобные биографии в читательской среде формируется образ писателя. Одним из неудачных способов формирования этого образа Алданов долгие годы будет считать публикацию писем, потому что в них личность писателя часто мельчает и становится невыносимо приземленной. Тем не менее, к чести П. И. Бирюкова, публикация неизданных писем Толстого и автобиографических записок делает их «выигрышными»: «…удивительны в особенности потому, что он в них ничего не теряет»[979]; дневники называются «необыкновенно интересными»[980] при понимании того, что знаменитым писателям их вести трудно и лучшие дневники оставляют люди, литературой на занимавшиеся. Читая записные тетради последних десятилетий жизни писателя, Алданов отмечает, что Толстой не мог не знать о том, что все они будут напечатаны, а значит – не мог не воспринимать свои записи как литературные произведения. По логике Алданова, и читатель должен осознавать, что исповедальность дневника писателя условна. Несмотря на почтительное отношение к П. И. Бирюкову, критик в ожидании выпуска четвертого тома толстовской биографии проявит иронию: «В нем будет человек, нашедший истину и навсегда успокоившийся в perfugium tuttisimum изобретенной им веры»[981]. Скепсис Алданова связан с недоверием к шаблонному изображению Толстого, к пониманию его пути как некоей эволюции, к желанию видеть в творчестве писателя стройную концепцию. Алданов, как показали еще ранние его работы, отстаивает видение Толстого как носителя парадоксов: «Готовые, не по мерке

[977] Алданов М. А. [Рецензия на книгу] Бирюков П. И. Л. Н. Толстой: в 3 т. Берлин, 1921 // Современные записки. 1921. № 8. С. 374–376.

[978] Там же. С. 375.

[979] Там же.

[980] Там же.

[981] Там же. С. 376.

шитые мировоззрения всегда были органически чужды природе Льва Николаевича»[982]. И в этом убеждении он последователен на протяжение многих лет.

В «Загадке Толстого»[983] Алданов успел написать о незыблемости своей концепции и обратил внимание на отсутствие новых публикаций, которые бы могли ее изменить: «Если б я теперь стал наново писать книгу об авторе “Войны и мира”, я написал бы ее иначе. Но общую концепцию “загадки Толстого”, данную в моем труде, я продолжаю считать правильной, несмотря на ряд сделанных в печати возражений. Не появилось за истекшие 10 лет и новых, относящихся к Толстому, материалов, которые шли бы с ней вразрез»[984].

Однако следующая его публикация[985] положила начало нескольким статьям с названиями «О Толстом», которые уже учитывали и новые материалы об авторе «Войны и мира». Это обзорная статья, предметом ее рассмотрения стали 4 издания, вышедшие в Москве, и 1 монография, увидевшая свет в Праге. Общим в этих изданиях является восприятие наследия Л. Н. Толстого. Д. П. Маковицкий, врач семьи писателя, верный ученик Толстого, оставивший свои «Яснополянские записки», удивляет Алданова тем, что стал «поверенным дум»[986], хотя в «Толстом он мог понять только главу толстовцев»[987]. Воспринимая содержание записок Маковицкого за 1904–1906 гг., Алданов примеривает на себя роль толстовца и заявляет, что с такой позиции он бы не опубликовал воспоминания о Толстом, потому как «глава церкви» и основатель «законченной морально-философской системы»[988] поражает «бесконечной противоречивостью свободных бесед»[989]. Одни только замечания Толстого о конституции как несчастье для русского народа, его защита черной сотни – это факты, совершенно не совместимые с

[982] Алданов М. А. Загадка Толстого. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1923. С. 105.

[983] Там же. 127 с.

[984] Там же. С. 4.

[985] Алданов М. О Толстом // На чужой стороне. Историко-литературный сборник / под ред. С. П. Мельгунова. Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1923. № 3. С. 246–253.

[986] Там же. С. 247.

[987] Там же.

[988] Там же.

[989] Там же.

толстовством и это те обстоятельства, которые можно было связать с недальновидностью писателя. Однако Алданов пытается показать Толстого более глубоким, нежели он представлен в книге воспоминаний, более того, он как будто берется его защищать от тех дурных мыслей, которые может вызвать это издание: «Умнее Толстого не было человека на свете. <…> Сам Лев Николаевич, конечно, хорошо знал и свои противоречия, и главный источник их – противоречия жизни»[990]. Этот тезис – о жизненности творчества, его идей, образов – Алданов будет вспоминать часто и станет использовать при характеристике творчества других писателей.

В рецензии он выделит важные аспекты для понимания темы Толстого. Так, в книге Т. Л. Сухотиной-Толстой акцентирует внимание на письмах И. С. Тургенева к Толстому, и одно из них с забавным предостережением Толстого от зависти к Тургеневу. Рассуждая о сборнике «Памятники творчества и жизни», Алданов хвалит «очень ценную и интересную работу по воссозданию художественной лаборатории Толстого, производимую В. И. Срезневским»[991]. В исследовании В. Ф. Булгакова «Толстой-моралист» Алданов обнаруживает «добросовестное выполнение» задачи, которая состояла в прослеживании «духовной эволюции»[992] писателя, и со всей своей деликатностью не избежит иронии в отношении такой рецепции писателя: «Толстой иконописный. Есть и такой»[993].

Очевидно, что некоторые литературно-критические идеи по поводу Толстого Алданов высказывает на основе эмигрантских публикаций, открывающих биографию и творчество автора «Войны и мира». Так, в первом же номере «Современных записок» была напечатана статья Т. И. Полнера «О Толстом»[994], рассказавшая о посещении московского дома писателя, о восприятии Толстого в Италии и о работе над его рукописями для издания собрания сочинений. В этом информативном материале представлены

[990] Там же. С. 250.
[991] Там же. С. 252.
[992] Там же.
[993] Там же.
[994] Полнер Т. И. О Толстом: Клочки воспоминаний // Современные записки. 1920. № 1. С. 107–124.

текстологические наблюдения, которые будут востребованными Алдановым в статье «Посмертные произведения Толстого»[995].

В 1928 г. отмечалось 100-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Алданов, естественно, не мог оказаться в стороне и готовил разнообразные материалы для публикации в честь Толстого. Известность и авторитет Алданова привлекали к нему разных издателей, а потому по установленной договоренности отрывки из материалов, предназначенных для публикации в журнале «Современные записки», появились в рижской газете «Сегодня» под тем же заглавием «О Толстом»[996]. Таким образом, статья «О Толстом» вышла в один год сразу в двух популярных изданиях – западноевропейском и восточноевропейском, что обеспечило определенный резонанс алдановской публикации в читательских кругах эмиграции. Однако статья в отрывках, опубликованная в «Сегодня», не представляет интереса при существующем полном варианте журнальной публикации[997]. Более того, ее содержание нами раскрывалось в контексте всей рецепции Толстого, проявленной Алдановым в статьях на страницах этой рижской газеты: «Удивительно в них и то, что Алданов, при каждом удобном случае говоря о своей любви к писателю Толстому, находит его сильные и слабые стороны, объясняя толстовский смысл последних. Наконец, в эссе есть эпизоды, где Алданов не без оснований, находя весомые аргументы, критикует Толстого»[998].

Вместе с тем статья в «Современных записках», хоть и была пространной, но характера обзора не имела, материал о Толстом вышел в виде жанра замечаний. Думается, что невозможность оформить свои мысли и суждения о литературе в какую-то систему и привела Алданова к идее воплотить свое противоречивое восприятие жизни в виде книги диалогов А. и Л. («Ульмская ночь. Философия случая»). Этот опыт организации диалогов двух резонеров – Писателя и Химика – у Алданова уже был в сборнике 1918 г. «Армагеддон». В самом начале своих замечаний Алданов поделился с общей

[995] Алданов М. А. Посмертные произведения Толстого // Современные записки. 1926. № 28. С. 430–436.

[996] Алданов М. А. О Толстом // Сегодня. 1928. № 244 (9 сент.). С. 8.

[997] Алданов М. О Толстом // Современные записки. 1928. № 36. С. 264–273.

[998] Шадурский В. В. Марк Алданов о Льве Толстом (на материале публикаций в газете «Сегодня») // Рецепция личности и творчества Льва Толстого: коллективная монография. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. С. 275.

проблемой исследователей Толстого: «…в систему его не приведешь. Он и слишком огромен, и слишком изменчив»[999]. Тем более Алданова возмущает позиция одного иностранного издателя, отозвавшегося о славе Толстого с явным непониманием значения его творчества: «констатировано», она «теперь не в высшей своей точке»[1000]. Алданов изучает судьбу признания и славы Толстого, обращая внимания на удивительно положительную роль, сыгранную временем: «Время сделало свое время. Слава стала настоящей и вечной, независимой от биржевых расценок»[1001]. Но его отношение к Толстому вовсе не школьно-восторженное, оно аналитически оправданное. Алданов разделяет в наследии Толстого художественное творчество и его философские идеи. Именно это разделение, по логике критика, и дает возможность, с одной стороны, адекватно осознать величину гения Толстого, с другой стороны, предотвратить или избежать дурных интерпретаций его наследия. То, что человечество прошло «мимо его морально-философских взглядов»[1002], Алданов называет оправданным, но ведь и сам Толстой на человечество не возлагал особенных надежд. Естественным для не очень умного человечества Алданов считает положение вещей, когда политики низко оценивали философию Толстого. Перефразируя критика, вполне естественно, что в России XX в. комсомольцев стало значительно больше, чем толстовцев. Понятно и то, что «умственные аристократы» Европы по-разному воспринимали романы Толстого, предпочитая ему то Тургенева, то Достоевского. Алданов старается быть объективным в собственной оценке творчества Толстого, выделяя тексты, в которых «искусство достигло предела»[1003], и не укоряя писателя за «примитивы», созданные им в последние годы жизни.

Оценивая Толстого-историка, Алданов деликатно называет его проблемой «некоторый недостаток беспристрастности»[1004]. Но излишняя эмоциональность Толстого, по Алданову, не обусловлена субъективностью

[999] Алданов М. О Толстом // Современные записки. 1928. № 36. С. 264.
[1000] Там же.
[1001] Там же. С. 265.
[1002] Там же.
[1003] Там же. С. 267.
[1004] Там же. С. 267.

точки зрения или произвольностью толкования факта. Отзываясь об образе Екатерины II, созданном Толстым в рассказе «Федор Кузьмич», зная, что совесть исторического романиста не позволила бы Толстому ничего выдумать, Алданов удивлялся сделанному выбору источников для изображения императрицы. В воспоминаниях о Толстом одного из его друзей Алданов обнаружил решение разгадки, коим оказались рукописи из Публичной библиотеки, а именно: копии письма одного из случайных фаворитов Екатерины. В письме в А. В. Амфитеатрову 24 апреля 1927 г. Алданов искренне пожалеет о выборе источника, сделанном великими классиками: «Не вызывает во мне доброжелательства… образ Екатерины, хоть и ее, я думаю, Л. Толстой и Пушкин (Дашковская рукопись) изобразили чрезмерно мрачно и жестоко»[1005]. Следовательно, так называемая пристрастность Толстого не определяется не вольной выдумкой, а характером использованного источника.

Алданов пишет, что ни одна из страниц художественной прозы Толстого не устарела, но о дневниках великого писателя отзывается в «диахронии»: отмечая превосходство, так сказать, «молодого» над «пожилым»: «Надо прочесть дневники его молодости – и тотчас за ними те, которые он писал стариком. Скажу прямо: первые интереснее вторых. Толстой вообще не был мастером дневника (есть ведь и такие)»[1006]. Правда, Алданов оговаривает свое наблюдение, намекая на возможность проявления в этих дневниках добавлений Черткова.

Другой полемичный аспект: Алданов использует наблюдение Томаса Манна, обратившего внимание на то, что искусство в «Войне и мире» достигло предела. По его мнению, Толстой, словно осознав эту тенденцию, в последние годы жизни пытался перейти к «примитиву», «очень серьезно подумывал о кинематографе». Но сам Алданов, категоричный поклонник ритуалов, сложной культуры, многообразия, такие творческие решения Толстого не мог одобрить: «…в направлении примитива искусство пойти не может… Лучшее из того, что было создано в последнее время, идет к дальнейшему усложнению»[1007].

[1005] «Парижский философ из русских евреев» (Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову). Указ. соч. С. 545.

[1006] Алданов М. О Толстом // Современные записки. 1928. № 36. С. 268.

[1007] Там же. С. 267.

Алданов отмечает парадоксальность некоторых сентенций Толстого, не уместных среди близких людей.

Вот он, хоть и не называет, но цитирует книгу Горького «Лев Толстой», вспоминая, как Лев Николаевич говорил Леониду Сулержицкому: «Ты, Левушка, ничего не читаешь, это нехорошо, потому что самонадеянно, а Горький читает много, это тоже нехорошо, – это от недоверия к себе», и реконструирует реакцию «преданного ученика», который «вероятно, недоумевал – и не без основания. Сам Толстой читал бесконечно много и, кажется, скорбел, что от этой дурной привычки труднее отстать, чем от карт или от вина: “Я сам интеллигент и вот уже тридцать лет ненавижу в себе интеллигента”. Но он не только читал, он также писал, – что было, разумеется, еще прискорбнее: “Я много пишу и это нехорошо, потому что от старческого самолюбия, от желания, чтобы все думали по-моему”»[1008].

Но именно эта парадоксальная ситуация оказывается «к лицу» Толстому, который свободен, который может позволить себе быть искренним, путанным, но честным. Алданов отмечает этот недостаток, но возводит его в достоинство: «Как быть с его бесчисленными противоречиями? Он сам прекрасно знал их за собою. Он чувствовал и то, что противоречия эти не “от ума”, что идут они к его душе, – “детски-ясной душе Толстого”, как писал один мудрый его последователь...»[1009].

Обращаясь за примером к другому толстовскому парадоксу, Алданов цитирует общеизвестный фрагмент из книги А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого. (Записки за пятнадцать лет)»:

«За чаем Елизавета Валериановна сказала Марии Николаевне, своей матери, чтобы она выпила молока, и та стала пить. Лев Николаевич сказал:

– Как это, Машенька, ты пьешь? По мне, если скажут: пей молоко, – захочу хересу, а скажут пить херес, – я молока захочу»[1010].

Очевидно, что свободолюбие Толстого выражалось в сохранении человеческого достоинства, в непозволительности манипулировать личностью, в невозможности подчинения, но эмоциональный тон, с которым

[1008] Там же. С. 270.
[1009] Там же.
[1010] Там же.

Толстой произнес свою парадоксальную фразу, совершенно не сопоставим с тоном родственного общения, интимным контекстом. Его утверждение кажется обидным и высокомерным.

В той же статье Алданов рассуждает о национальных антипатиях и «классовых» симпатиях писателя, об антипатиях «профессиональных», искренне удивляясь, «почему адвокаты Толстого всегда хуже, чем судьи, хуже, чем прокуроры», почему в них больше хамства и пошлости?

Но один из главных вопросов – вопрос об итогах жизни писателя: «Был ли он счастлив в последние годы жизни? <...> Думаю, что жить ему было тяжело и с каждым годом все тяжелее. <...> В будущую жизнь он верил плохо»[1011]. Алданов цитирует слова Толстого, вошедшие в его биографию, составленную П. И. Бирюковым: «Как-то спросил себя: верю ли я? Точно ли верю в то, что смысл жизни в исполнении воли Бога, воля же в увеличении любви (согласия) в себе и мире, и что этим увеличением, соединенным в одно любимого – я готовлю свою будущую жизнь? И *невольно ответил, что не верю так, в этой определенной форме.* Во что же я верю? – спросил я. Искренне ответил, что в то, что надо быть добрым: смиряться, прощать, любить. В это верю всем существом»[1012]. Но опять-таки Алданов не завершает свою мысль чужой цитатой, а интерпретирует приводимое высказывание: «Перед неожиданностью этой замены будущей жизни добротой, перед этим бешеным логическим скачком, невольно теряешься. Он говорил еще и не то. Он себя спрашивал, нельзя ли вообще обойтись без Бога, хотя бы в целях единения “с безбожниками и агностиками”. Правда, от этой мысли он отказался. Но почему? От нее, по словам Льва Николаевича, ему становилось слишком тяжело. Да ведь, может быть, тяжело и безбожникам и агностикам?»[1013].

В финале статьи, вновь оценивая дневники писателя, Алданов дает объяснение тому, почему записи, сделанные Толстым в конце жизни, стали неинтересными: в них перестал быть виден Толстой-художник, ощущение живой жизни вытеснено толстовством, более того, такие заметки вместо

[1011] Там же. С. 273.
[1012] Там же.
[1013] Там же.

Толстого мог вести его друг и помощник В. Г. Чертков. Алданов обнаруживает то, что окупает тенденциозность дневников и «примитивных» произведений Толстого, – это его самокритичность. Недостатки Толстого он видит в его антипатиях и симпатиях, его удивительные по своей нецелесообразности поступки Алданов перечисляет очень осторожно, начиная с деликатного предложения: «Менее всего в нем понятна мне…»[1014]. Такая мягкая форма критики предпочтений Толстого сохраняется и в том месте статьи, где Алданову нужно вспомнить о «классовой» симпатии писателя к «настоящей» аристократии и о нелюбви к среднему классу, представителем которого по своему происхождению был сам Алданов.

Другой статьей Алданова в 1928 г. на тему Толстого была рецензия, опубликованная в «Современных записках»[1015]. В ней отмечается раздвоенность наблюдения за читательским интересом. Если в эмиграции интерес к Толстому, как и к Достоевскому, только растет, то, по информации «органа советской печати», в СССР этот интерес падает. Алданов дает детальную характеристику собраниям сочинений Толстого и Достоевского, выпущенным рижским издательством «Жизнь и культура», отмечая, что это издание «является самым полным из всех до настоящего времени выпущенных в России и за границей»[1016]. Критик с пониманием относится к тому факту, что в условиях эмиграции и при отсутствии рукописей писателей невозможно выпустить академическое собрание сочинений, тем не менее наиболее полная публикация текстов художественных произведений, обстоятельный биографический очерк, вводная статья и указатели, иллюстрации дают возможность представить имена русских классиков в книжной культуре эмиграции весьма достойно. В этой же рецензии Алданов высказывает пожелание от всех читателей эмиграции увидеть в напечатанном состоянии и произведения других классиков XIX в.: «Сочинения Гончарова, Островского, Салтыкова, Писемского, Некрасова, Лескова достать теперь почти

[1014] Там же. С. 270.

[1015] Алданов М. [Рецензия на книги] Толстой Л. Н. Полное собрание художественных произведений. Рига: Жизнь и культура, 1928; Достоевский Ф. М. Полн. собр. худож. произведений: в 12 т. Рига: Жизнь и культура, 1928 // Современные записки. 1928. № 37. С. 525–526.

[1016] Там же. С. 525.

невозможно»[1017]. Очевидно, что собрание сочинений Толстого как наиболее удачное издание должно было бы стать ориентиром для издательских проектов в русском зарубежье.

Конечно, выход статьи о писателе в юбилейный год, тем более если это статья Алданова о Толстом, можно воспринять как один из обязательных ритуалов канонизации классика. Однако, мы уже заметили, эта статья выходит с оглядкой на восприятие Толстого в СССР. А там это восприятие связано с нанизыванием идеологического клише: «“Классово не нашим”, согласно ленинским оценкам, представал в год своего 100-летнего юбилея и Л. Толстой. Его чествовали как знатока народной жизни, “человека глубокой совести, смелого революционера, потрясавшего колонны государственного порядка царской России”, осуждая при этом за “толстовство”, за “крестьянскую революционность”, несовместимую с “боевым коммунистическим учением”»[1018].

Вместе с тем очевидно, что и в статьях Алданова, живущего в условиях политической свободы, наблюдается другая тенденция: выхолащивание из жизни и творчества Толстого социального содержания, будто бы создатель «Плодов просвещения» интересовался только эстетикой приема и миросозерцанием.

Очередная статья Алданова на тему Толстого, написание которой можно датировать тоже 1928 г., вышла с небольшим опозданием (январь 1929 г.) на английском языке под заглавием «Some Reflections on Tolstoy and Tolstoyism» («Некоторые размышления о Толстом и толстовстве»)[1019]. Великобританский научный журнал «The Slavonic and East European Review» выпустил специальное приложение, посвященное к 100-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, и алдановский материал оказался представлен в солидном окружении английских рецензий, статей о романе «Семейное счастье», публикаций Льва Шестова и А. М. Ремизова, отразивших разные аспекты

[1017] Там же. С. 526.

[1018] Кознова И. Е. Русская литературная классика в идентификационных представлениях советской культуры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (51). С. 85.

[1019] Aldanov M. A. Some Reflections on Tolstoy and Tolstoyism // The Slavonic and East European Review. 1929. Vol. 7, no. 20 (Jan.). P. 482–491.

творчества Толстого. Однако если присмотреться внимательнее, то можно увидеть, что опубликованный Алдановым материал – это перевод ранее изданной статьи[1020], и этот вариант новой статьи отличается некоторыми купюрами, эпитетами и примерами, которые, по мнению автора, могут быть более понятными англоязычному читателю, а также дополнением к финальной части.

Интересны и три новых детали. Во-первых, если в статье 1923 г. говорилось о воспоминании А. И. Куприна о встрече с Л. Н. Толстым на пароходе, то в новом варианте это место заменено воспоминанием И. А. Бунина о кратковременной встрече с Львом Николаевичем. Очевидно, что укрепившаяся дружба с Буниным обязывала Алданова продвигать его творчество к английскому читателю и даже через литературно-критические статьи. Во-вторых, Алданов выпустил нелицеприятный факт из биографии сына Л. Н. Толстого – А. Л. Толстого, который покинул театр военных действий при падении Порт-Артура и отправился на родину. И наконец, третье: в дополнении к финалу английской статьи Алданов поместил два заключительных абзаца, взятых из книги «Загадка Толстого»[1021], основной мотив которых состоит в признании неразрешимости тайны Толстого и мрачном понимании того, что вопреки биологической концепции, признающей жизнь индивида повторением своего вида, человечество никогда не сможет пройти путь Толстого.

Известно, что в конце 1920-х гг. Алданов участвовал в работе над сценарием по фильму «Александр I», в основе сценария были мотивы романа Толстого «Война и мир»[1022]. Р. Янгиров, цитируя парижскую газету «Последние новости» от 13 мая 1928 г., отмечает, что «проект был отложен из-за дефицита средств и недостатка исторических материалов»[1023]. Думается, что неуспех этого мероприятия серьезно опечалил Алданова, которому, конечно, хотелось внести свой вклад в кинематографическое представление Л.

[1020] Алданов М. О Толстом // На чужой стороне. Указ. соч. С. 246–253.

[1021] Алданов М. А. Загадка Толстого. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1923. 127 С. 126–127.

[1022] Янгиров Р. М. «Рабы Немого»: очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом. 1920–1930-е годы. Москва: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2007. С. 211, 289, 423.

[1023] Там же. С. 423.

Н. Толстого. Еще более печальной эта ситуация стала после краха всего кинематографического плана, Янгиров со ссылкой на ту же газету от 9 октября 1928 г. написал: «После того как Алданов отошел от работы, новый вариант сценария был разработан Норбертом Фальком и Константином Миклашевским, однако и он остался неосуществленным»[1024].

Номер рижской газеты «Сегодня» от 16 ноября 1930 г. был посвящен памяти Л. Н. Толстого, 20-летию его смерти. Публикуемые материалы рассказывали об уходе писателя из Ясной Поляны, о болезни и кончине Толстого, о судьбе его завещания. Были напечатаны статьи Л. Л. Толстого, И. А. Бунина, публиковались фотографии станции Астапово, похорон, автографов Толстого. Вышедшая в этом номере статья Алданова оказалась в траурном, почти трагическом контексте. Алданов посвятил статью не идеям, не мировоззрению, не значению творчества, а исключительно стилю Толстого: «В начале этот язык удивляет своей неправильностью…»[1025]. Он отмечает речевые недоразумения Толстого, в частности приводит отрывок из романа, в котором на одно предложение приходится четыре «что»: «Ни один учитель гимназии не мог бы поставить удовлетворительную оценку за такую фразу…»[1026]. Но, обращая внимание на эти сознательные «недоразумения» Толстого, Алданов объясняет, что тот очень легко мог сказать то же самое правильнее, однако к жестким формулярам, к регламенту языка, «к учебникам грамматики относился с совершенным презрением»[1027]. Алданов отыскивает равновеликое объяснение масштабу человека, который сам способен задавать моду в правилах и нормах, объясняет это особым стилем, который, сперва озадачив, впоследствии очаровывает: «У него своя грамматика, как у него все свое. Наряду с четырьмя «что» в одной фразе, изумительные, ни с чем не сравнимые, стилистические чудеса»[1028]. Перефразируя Алданова, хочется сказать: нарочито искусственный язык Толстого – это неповторимая форма выражения непредвзятой мысли, честной эмоции, не окованной правды, это волшебство наблюдательности, «чудо изобразительности».

[1024] Там же.
[1025] Алданов М. А. О слоге Толстого // Сегодня. 1930. № 317 (16 нояб.). С. 3.
[1026] Там же.
[1027] Там же.
[1028] Там же.

Есть еще одно объяснение такой «неряшливости» Толстого. А. Компаньон, рассуждая о стиле писателей, заметил: «Вместо того чтобы отбрасывать свои старые значения, приобретая новые, это слово накапливало их и сегодня может получать их все вместе; когда мы говорим о стиле, то имеем в виду, сразу или по отдельности, все эти значения – и норму, и украшение, и отклонение, и тип, и симптом, и культуру»[1029]. У Алданова отношение к Толстому, как у верующего: он его принимает целиком, со всеми «плюсами» и «минусами», и, как герменевт, обосновывает несколько уровней прочтения стиля Толстого: от очевидного, разламывающего норму языка, до скрытого, почти эзотерического. Такая позиция объясняет многое: от нарочитых грамматических ошибок до известного приема остранения.

Начав статью с определения места романа «Война и мир» рядом с «Илиадой», Алданов обратил внимание на этот уникальный способ толстовского высказывания, который трудно перевести на иностранные языки. Этот уникальный слог Алданов называет «одним из главных очарований», «доступным только русским читателям»[1030]. Нарочитая неправильность грамматики, раздражавшая современных Толстому критиков, Алдановым называется исключительно толстовской, потому как только в такой свободной форме и мог выражаться сложный гений писателя.

Далее в статье представлена характеристика галлицизмов, архаизмов, французского языка Толстого.

Ради изучения слога Толстого Алданов готов провести своеобразный стилистический анализ, мечтает о книге, в которой «следовало бы посвятить одну главу его галлицизмам, другую его архаизмам». И в этом случае он подходит к Толстому не апологетически, но, напротив, аналитически. Так, некоторые из используемых им «стилистических архаизмов» «бесспорно, должны быть восстановлены в правах», это «отвращение ото лжи», «отвращение от насилия»; в то же время «есть, разумеется, архаизмы, совершенно не соответствующие духу русского языка», как, например, «пара дней». Алданов мечтает об исследовании не только французского языка

[1029] Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. С. 203.

[1030] Алданов М. А. О слоге Толстого // Сегодня. 1930. № 317 (16 нояб.). С. 3.

Толстого, но и французского языка его героев. Главным волшебством Толстого Алданов называет не идеи, не пророчества, а «искусство оживлять человека при помощи одной фразы, вложенной в его уста». Алданов обращается к серии любимых эпизодов, в которых одна фраза своей вместительностью и светопроводностью создает живой образ, в частности он цитирует «краснолицего жандарма» из «Воскресения»: «В Казани я вам доложу, была одна, – Эммой звали, родом венгерка, а глаза настоящие персидские, шику было столько, что хоть графине…». Критик подытоживает свои наблюдения: «…внутри этих людей точно зажигается мощный волшебный фонарь. Из всех черт и признаков высокого искусства дар “оживления”, думаю, самый важный и самый драгоценный»[1031].

Очевидно, что такая статья, объясняющая трудные и неудобные для понимания явления художественных произведений Толстого, в юбилейном номере газеты стала не только самой убедительной, но и самой светлой.

Вместе с тем надо понимать, что оценка Толстого, выносимая Алдановым, как и восторженное восприятие его стиля, не остались незамеченными современниками. Более того, они не только могли выступать с совершенно противоположными мнениями в периодической печати, но обсуждать алдановское воодушевление за его спиной.

Так, благодаря фундаментальному изданию редакционной переписки, осуществленному О. Коростелевым и М. Шрубой, выясняются факты неприятия крупной общественной фигурой – адвокатом О. О. Грузенбергом – и творчества Алданова и его литературно-критических приоритетов. В архиве журнала «Современные записки» сохранилось письмо Грузенберга в адрес М. В. Вишняка, соредактора журнала, написанное 17 января 1930 г. В этом письме известный еврейский защитник, находящийся, с его слов, в добрых с Алдановым отношениях[1032], высказывает свою антипатию к интернациональной еврейской интеллигенции и, ко всему прочему, пространно рассуждает о нелюбимых литераторах. В. Ф. Ходасевичу

[1031] Там же.

[1032] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. С. 517.

достается за его «купорос», который убил в нем «всякую художественность», М. А. Алданову – за его «кислотный ум»[1033]:

«Алданов не усвоив ничего из *художеств[енного] гения* Толстого, усвоил его *второстепенный* (а м. б., еще ниже) стиль: неуклюжий, чудовищно-неправильный, с немецким построением фразы и полной неспособностью выпутаться из придаточных предложений. Если критики не отмечают этих печальных свойств *стиля* Толст[ого], – то или из влюбленности в его худож[ественный] гений или еще по той причине, по которой я для печати никогда не позволю себе написать то, что излагаю в интимном письме: *из-за пиэтета*»[1034].

Очевидно, что творчество Алданова, его пафос, да еще и защита стиля Толстого раздражали Грузенберга и, вероятно, в эмиграции вызывали негодование у многих. И пускай такое язвительное мнение никогда не могло быть услышано Алдановым, необходимо признать, что сторонников у алдановской позиции могло быть очень мало, а потому и самому создателю «Армагеддона» нужно было быть более убедительным и объективным, чтобы не растерять своего читателя. Есть и еще один тонкий нюанс этого восприятия: сам Грузенберг не желает произносить публично то, о чем искренне и доверительно пишет в частном письме, вовсе не по причине безмерного уважения Алданова, а из-за пиетета, то есть общепринятого благоговения перед Толстым, которое он, будучи публичной фигурой, не станет нарушать. Не случайно это слово он выделяет на письме курсивом и подчеркивает его натянуто-пафосное звучание. Этот «пиэтет» – по сути признак канонизации Толстого в зарубежье. Если же говорить о Толстом не как об объекте мифологизации, а как объекте канонизации, то Алданова, с его «конструктивной» критикой и апологетическим отношением к стилю создателя «Анны Карениной», действительно можно отнести к числу адептов канонизации Толстого. Если вспомнить возможные механизмы канонизации писателей и произведений, которые обозначил И. Н. Сухих, то из всего его набора в этом случае точно подойдут следующие: «первоначальные мнения критики (если она авторитетна и способна, как замечал Тургенев, к

[1033] Там же. С. 516.
[1034] Там же.

“критическому отдалению предмета”)»; «историко-литературные исследования, наращивающие культурную почву путем разнообразных интерпретаций и переакцентуаций…»; «разнообразные научные и просветительские акции (конференции, публичные лекции…)»[1035]. Собственно, этим и занимался Алданов как до Октябрьской революции, так и в эмиграции.

Подводя итог одной группе мыслей, исследователь дает определение категории «канон»:

«Канон – результат *коллективных усилий* по вычленению из множества, безмерного моря авторов и произведений *классики*, образцов, определяющих направление, ориентиры и статус национальной культуры»[1036].

Действительно, Алданов не просто воспринимал Пушкина и Толстого, а участвовал в их канонизации, причем в канонизации Толстого – наиболее активно. Соответственно, и нежелание видеть пятна на солнце, кроме тех, что видишь сам, определяет и поведение в отношении Толстого. Одно дело играть роль на суде над Анной Карениной в эмигрантском круге, совершенно другое отвечать на письмо, где стилистическое мастерство канонизируемого ставится под угрозу. Об этом нам придется говорить несколько ниже, характеризуя дело Фишера.

Такой канонизации содействовали и литературные спектакли-суды, в которых Алданов, как человек, имеющий образование в области права, был незаменимым участником. Парижская хроника отметила такое событие, которое 29 марта 1931 г. организовало Объединение русских адвокатов. Это был «спектакль-процесс “Суд над Катюшей Масловой” (из романа Л. Н. Толстого “Воскресение”. Вст. слово М. Л. Гольдштейна “Толстой и суд совести”. В ролях: …Присяжные – М. А. Алданов, А. Алехин, А. И. Куприн, И. Лукаш…»[1037] Запечатлено в хронике и другое событие, организованное

[1035] Сухих И. Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. Вып. 3. С. 331–332.

[1036] Там же. С. 332.

[1037] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997. Т. 2: 1930–1934. С. 172.

журналом «Числа» в 1932 г.: 25 марта 1932 г. проведена беседа на тему: «“Ответственен ли Толстой за большевизм?” Докладчик Г. Адамович. В прениях примут участие М. Алданов, В. Варшавский, З. Гиппиус, Д. Мережковский»[1038]. Таким образом, Алданов сочетал выражал свое отношение к Толстому как на бумаге, так и в зале воображаемого суда, а значит – его рецепция творчества Толстого приобретала и общественно-литературную форму.

Неудивительно, что в упомянутой выше книге очерков «Земли, люди» Алданов тоже не смог обойтись без обращения к Толстому. В частности, очерк «В Англии» содержит довольно остроумное объяснение работы банков, основа его берется из толстовской пьесы «Власть тьмы»: «Митрич объясняет косноязычному старцу Акиму, что такое банк <…>»[1039]. Алданов весьма положительно оценивает эти слова Митрича, отмечая, что он «…довольно точно определяет сущность банковского дела, хотя судит о нем, быть может, и без надлежащей исторической перспективы <...>»[1040]. Высказывание персонажа Толстого становится фоном для последующей характеристики романа Теодора Драйзера «Финансист», а вложившая в банк деньги предполагаемая Анисья становится метафорой, описывающей состояние современного Алданову мира: «Это ничего, если недоволен святой старец Аким. Худо, когда недовольна Анисья. А сейчас международная Анисья недовольна, очень недовольна»[1041].

Последняя из «толстовских» публикаций Алданова в газете «Сегодня» датируется 1935 г.[1042] Эссе выстроено как воспоминание от посещения усадьбы Толстого в 1912 г. и как реакция на самокритичные записи в его дневнике.

[1038] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997. Т. 2: 1930–1934. С. 295. (25 марта 1932 г. «Числа». Беседа на тему: «Ответственен ли Толстой за большевизм?» Докладчик Г. Адамович. В прениях примут участие М. Алданов, В. Варшавский. Гиппиус, Мереж…),

[1039] Алданов М. Земли, люди. Берлин: Слово, 1932. С. 230.

[1040] Там же. С. 231.

[1041] Там же.

[1042] Алданов М. А. Ясная Поляна. (Из воспоминаний) // Сегодня. 1935. № 322 (22 нояб.). С. 3.

Алданов сожалеет, что не видел «дома, где родился Толстой и где происходит действие лысогорских глав “Войны и мира”»[1043], рассуждает о «тонком эстетическом чувстве» создателя сада «старого князя Волконского», пишет о предках Льва Николаевича, ссылаясь на уже описанные биографами факты, эмоционально находясь под воздействием «гипноза Толстого и “Войны и мира”» и поэтичностью парка Ясной Поляны, отчасти соглашаясь со словами, что «поэтический дар всецело определяется местом, в котором прошли детство и юность человека: коренной городской житель поэтом быть не может».

В дневниках писателя он обнаруживает «усадебные» наблюдения, вроде тех, что сделаны 7 июля 1854 г.:

«После я облокотился на балкон и глядел на свой любимый фонарь, который так славно светит сквозь дерево… Хозяйская хорошенькая дочка так же, как и я, лежала в своем окне, облокотившись о локти. По улице прошла шарманка, и когда звуки доброго, старинного вальса, удаляясь все больше и больше, стихли совершенно, девочка до глубины души вздохнула, приподнялась и быстро отошла от окошка. Мне стало так грустно – хорошо, что я невольно улыбнулся и долго еще смотрел на свой фонарь, свет которого заслоняли иногда качаемые ветром ветви дерева, на дерево, на забор, на небо, и все это мне казалось лучше, чем прежде»[1044].

Алданов отмечает путь этой фразы к «Юности» или «Войне и миру», в которых он бы стирал клише.

Ему обидно, что пока не оценена «разносторонняя и глубокая ученость Толстого», «сокровищница знаний», притом что его часто поучали современники, даже в пору его славы:

«Главное только, – учил Толстого Дружинин, – избегайте длинных периодов. Дробите их на два и на три, не жалейте точек. С частицами речи поступайте без церемоний, слова «что, который, это» марайте десятками. При затруднении берите фразу и представляйте себе, что вы ее кому-нибудь хотите передать гладким разговорным языком».

[1043] Там же.
[1044] Там же.

Алданов вспоминает письмо А. В. Дружинина Л. Н. Толстому 6 окт. 1856 г.[1045]. Но очевидно, что ритм прозы Толстого узнаваем по этим самым периодам, а вот рекомендации его «наставника» оказались невостребованными.

Среди других противоречий, связанных с писателем, – представления о достатке и финансовом благополучии: «У Толстого понятия и о бедности, и о богатстве были всю жизнь странные. Сто двадцать тысяч дохода Бетси Тверской казались ему пределом богатства», а «… в письме к женщине, на которой он хотел жениться, нарочно пугает ее, что жить они будут бедно: карета будет извозчичья»[1046].

Казалось бы, в обычной газетной статье Алданов не напишет чего-то нового и серьезного. Но его добросовестность обязывает делать все серьезно, статья о Толстом получается с новизной, в ней проявляется исследовательский подход, композиция материала очень продумана. И еще в ней одно достоинство. О прогнозах и предвидениях писателей Алданов писал неизменно скептически, но здесь, наверное, впервые высказывается положительно о тех тенденциях, которые сформулировал Толстой:

«Это не значит, конечно, что он возлагал надежду на социальную революцию. По совести, я не знаю, на что собственно он мог серьезно возлагать надежды. Если бы он обличал только грехи общественного устройства! Он недоволен был – не без основания – и человеческим материалом. Некоторые его страницы теперь, в 1935 году, читаешь с чувствами странными и смешанными. “Есть и всегда было у всех людей, находящихся в обладании своих духовных сил, нечто такое, что они считают святым, и чего не могут уступить ни за что и во имя чего они готовы перенести лишения, страдания и даже смерть”. Но где, – спрашивал Толстой, – где негнущаяся кость в обществе, у правящих классов, у интеллигенции? А “общественные деятели, консерваторы, либералы, социалисты, анархисты толкуют о том, как устроить разумное и нравственное общество!.. Да какое же разумное и нравственное общество можно составить из таких людей? Как из гнилых и кривых бревен, как ни перекладывай их, нельзя построить дома, так и из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество”»[1047].

[1045] Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1978. Т. 1. С. 267–268.

[1046] Алданов М. А. Ясная Поляна. Указ. соч.

[1047] Там же.

Эти слова Толстого окажутся созвучны произведению, которое Алданов создает в 1930-е гг., пьесе под заглавием «Линия Брунгильды», в которой речь ведется о тех нравственных принципах, которые человечеству нужно удерживать, о пределах, за которые нельзя переступать.

Самое главное, конечно, в этой статье – не только очарование поэзией парка и усадьбы, не мление от толстовского языка, который развивался в яснополянском благолепии, здесь Алданов пытается ответить на один из самых сложных вопросов о пути Толстого, об исходе Толстого: «В этой обстановке он прожил и проработал всю жизнь. Уйдя отсюда, он прожил неделю. Так ли уже нам нужен астаповский финал? Так ли уж мы дорожим в нем Буддой! Оставим “Войну и мир”, “Казаков”, “Воскресенье”, откинем мысленно Астапово, – это будет тот же или почти тот же Толстой. А что было бы Астапово без “Войны и мира”?»[1048]. Мнение Алданова определенно: одним, тем более последним, фатальным поступком Толстого невозможно перечеркнуть завоевания его творчества, величие его искусства.

Нами обращалось внимание на обретение Толстым спасительного религиозного сознания. Вместе с тем получается, что свое мировидение, запечатленное в художественных образах, Толстой подкрепил верой, но личностный кризис писателя оказался непомерной тяжестью, грузом, возникшим от аналитического осознания горьких событий, выпадающих на долю человека в начале XX в. Алданов рассказал читателям о практически идеальных условиях для жизни писателя в Ясной Поляне, но отметил и силу противоречия, толкнувшего Толстого на выход из этой мнимой идиллии: «Ему верно и уйти отсюда было нужно отчасти потому, что так не соответствовала эта органическая обстановка Ясной Поляны его почти безнадежному настроению. Конечно, и легенда имеет свою ценность. Мы дорожим и ею. Но еще больше мы дорожим во Льве Николаевиче другим: “Исследователем, Я поставил тебя среди народа Моего, как выбирающего виноград, чтобы ты знал и исследовал путь их”»[1049]. Алданов цитирует книгу пророка Иеремии (Иер. 6:27), смысл очевиден и приближен к делу Толстого: быть избранным

[1048] Там же.
[1049] Там же.

первопроходцем, главным на пути, видеть дальше, больше остальных и нести за всех ответственность.

И все же Алданов с горечью осознает то, что вся нравственная и художественная сила Толстого оказывается невостребованной, ее воздействие недолговечное, да и распространяется лишь на художников слова и любителей словесности:

«В литературе его влияние и теперь очень сильно, – пожалуй, и вечно в обычном, условном смысле этого слова (т.е. может продлиться и сто лет). Но в жизни я нигде влияния Толстого не вижу»[1050].

Алданов был вовлечен в процесс выдвижения Бунина на соискание Нобелевской премии, с этим связана особая публикация 1933 г., в которой он объяснял, почему такую премию не получил Толстой: «… по моим наблюдениям… русская аристократия, за исключением изуверов, в душе боготворила Толстого-писателя, как ни враждебно она относилась к его политической и философской проповеди: “Я его учение ненавижу, он был анархистом худшего сорта,” – говорил мне один наш правый соотечественник, - но он был наш человек и наш писатель, он нас и нашу жизнь описывал, да как описывал! В нем была Рюрикова кровь, кровь князей Волконских, Горчаковых, Щетининых. Все в нем наше, и даже французский язык его, это наш французский язык”»[1051]. Можно сказать, что Алданову повезло выполнить историческую миссию: принести пользу в деле получения Нобелевской премии Бунину, своеобразному преемнику Толстого в русской литературе.

Целая серия статей толстовской тематики, опубликованная в парижской газете «Последние новости» в 1937 г. под названием «Печоринский роман Толстого»[1052], связана одним сюжетом – романом Толстого с В. В. Арсеньевой. Основу для своих очерков Алданов обнаружил в недавно опубликованных дневниках писателя, вышедших в 47-м томе полного собрания сочинений в 1937 г. в Москве. Теневая сторона характера Толстого, запечатленная в записях с 1854 по 1857 гг., становится интересной именно потому, что записи

[1050] Там же.

[1051] Алданов М. Выбор Шведской академии: И. А. Бунин // Иллюстрированная Россия. 1933. 25 ноябр. № 48 (446). С. 3.

[1052] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 38–67.

«объясняют путь этого столь необыкновенного, ни на кого не похожего человека»[1053]. Алданов тщательно следит за описываемыми Толстым переживаниями, пытается обнаружить в нем некую эволюцию в отношении людей, но вердикт не меняется: «…в нем было немало от лермонтовского Печорина»[1054].

Интенсивная общественная деятельность, которую вел Алданов, переехав в США, предполагала его очное участие в разнообразных литературных событиях. Среди тех, что зафиксировала американская пресса, – участие писателя в литературном вечере о Толстом, устроенном Толстовским фондом весной 1941 г.[1055]

В «Новом журнале», основанном в Нью-Йорке М. Алдановым совместно с М. Цетлиным, была опубликована рецензия на американское издание романа «Война и мир» (1942 г., № 3). Рецензия подписана криптонимом А. С учетом того, что при выпуске первых номеров вся редакторская и публикационная нагрузка ложилась на плечи учредителей, Алданов и Цетлин осуществляли большую часть работы самостоятельно, печатали много материалов от своего имени или от имени редакции. Осознавая, что тема Толстого – это предмет длительных изысканий Алданова, прекрасно знавшего английский язык, можно с большой долей вероятности предположить, что данная рецензия принадлежит именно ему, а за криптонимом таится его псевдоним. Более того, очевидно, что из русских граждан, находившихся в то время в Нью-Йорке, так хорошо издания Толстого мог знать только Алданов.

Первый же абзац рецензии содержит горестную мысль о том, что успешной продаже (400 000 экз.) роман Толстого обязан «походу Гитлера на Москву»[1056]. Однако рецензент поражен не только своей ужасной догадкой, но и качеством издания книги. Англоязычный выпуск в новом переводе адресован не специалистам, а широкому кругу читателей, а потому не

[1053] Там же. С. 38.
[1054] Там же. С. 48.
[1055] Правление. Отчет Толстовского фонда. О чеховском спектакле // Новое русское слово. 1941. № 10262. 15 марта. С. 4.
[1056] А. [Алданов М.?] [Рецензия на книгу] War and Peace, by Leo Tolstoy. New York: Simon and Schuster, 1942 // Новый журнал. 1942. № 3. С. 388.

содержал вариантов, записей, пометок Толстого – всего того, чего можно было бы предложить историку литературы. Тем не менее издание серьезно представило русский роман рядовым американцам. Видимо, для облегчения восприятия и понимания оригинальное предложение издателей явило не только текст романа, но и карты, планы, хронологический указатель, «указатель действующих лиц и их взаимоотношений, а также множество подстрочных примечаний»[1057]. Рецензент со знанием дела констатирует, что «такого издания “Войны и мира” нет ни на одном языке, не исключая и русского»[1058]. Он же указывает и на недостаток, который издатель наверняка посчитал выигрышным «для облегчения чтения», а именно: каждую главу романа предваряло кем-то выдуманное заглавие. Такими приемами массовой литературы издание Саймона-Шустера умудрилось портить целостное восприятие композиции романа Толстого. Рецензент обращает внимание и на другие огрехи издательства в подготовленных примечаниях и в совершенном переводе. Но в целом работу, проведенную издательством, он оценивает высоко, для него главное ощущать радость от того, что даже в переводах «эта поистине бессмертная книга завоевала весь мир»[1059]. В финале статьи он приводит реплики англоязычных художников слова в отношении Толстого, самой звучной из них оказываются слова писательницы Сэквил-Уэст: «Толстой среди романистов то же, что Шекспир среди поэтов: он головой выше всех»[1060]. Таким образом, взыскательный рецензент получает удовлетворение от текущего состояния дел с восприятием творчества Толстого в западном мире.

Нужно понимать, что алдановское внимание к изданиям, переводам и характеристикам произведений Толстого не было праздным любопытством. Темы, образы Толстого, диалогичность его мышления сопровождали Алданова всю жизнь, они были частью его духовного мира, возможно, замещавшей веру и религиозность. Алданов был творческим учеником Толстого и в собственной прозе, а это иная, художественная разновидность рецепции творчества гения.

[1057] Там же. С. 388.
[1058] Там же.
[1059] Там же.
[1060] Там же.

О том, как Алдановым наследуются толстовские приемы организации художественного времени, создания образов персонажей, психологии изображения человека, а также о склонности к историческому видению событий, многоплановости творческого мышления, использованию образов обычных людей, интересе к настоящему времени и политике, мы уже писали в различных работах[1061].

В истории литературы остался запечатленным и особенный факт, когда литературная критика отстаивала роман Алданова, делая акцент на следовании традициям русской классики. Антибольшевистский пафос романа «Начало конца», переведенного в 1942 г. на английский язык под заголовком «Пятая печать», был воспринят с ожесточением антигитлеровскими силами. От издателей и автора требовали изменений в тексте. Были опубликованы обвинения коммунистов, полагавших, что книга Алданова оказывает вред союзникам, воюющим против Гитлера, а также ответ 4 редакторов «Клуба месяца», подтверждавших, что роман «Пятая печать» – «одна из наиболее выдающихся книг, изданных за последние несколько месяцев… Характеры в ней нарисованы в традиции Тургенева и Толстого…<…> М. Алданов с самого первого дня вторжения Гитлера в Россию является горячим сторонником всемерной помощи русскому народу»[1062].

Кроме такого текста, вовлеченного в политику даже историей своей публикации, у Алданова, как уже выше было замечено, есть романтическая история о русской девушке и безродном шпионе: в романе «Бред» Наташа и Шелль ведут не только любовные, бытовые разговоры, но и делятся литературными наблюдениями. Циничный разведчик Шелль судит о русской литературе, как профессиональный критик: «Лучшая пьеса в русской литературе, по-моему, “Плоды просвещения”, особенно первые два

[1061] Шадурский В. В. Марк Алданов о Льве Толстом (на материале публикаций в газете «Сегодня») // Рецепция личности и творчества Льва Толстого: коллективная монография / сост. и науч. ред. Л. Е. Бушканец. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. С. 271–284; Шадурский В. В. Художественные приемы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в творчестве Марка Алданова // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 13–31. DOI: 10.35785/2072-9464-2019-48-4-13-31

[1062] [Б. п.] Поход коммунистов на М. Алданова // Новое русское слово. 1943. № 11013. 18 апреля. С. 1.

действия»[1063]. Алданов создает фантастический образ начитанного авантюриста, который не только оценивает произведения Толстого, но еще разбирается в поэзии и театре, по сути появляется образ интеллектуального «русифицированного» супермена, что, конечно, делает серьезный текст печального романа по-настоящему бредовым.

Творческая рецепция Толстого в прозе Алданова оказалась и смелой, и уникальной. Традиции эпического романа Толстого он пытался совместить с драматическим романом Достоевского. Различные аспекты восприятия Толстого в творчестве Алданова детально раскрыты в работах О. Лагашиной[1064] и Е. И. Бобко[1065]. Много убедительных идей произнесено при анализе романа «Истоки»:

«Диалог Алданова с Толстым можно охарактеризовать как принцип архитектоники романа, определяющий его сюжетно-композиционную организацию, своеобразие системы героев, особенности поэтических приемов создания образов героев, формы авторского присутствия в тексте»[1066].

Диалогичность Толстого была основной коллизией литературного исследования «Толстой и Роллан», она прошла через все творчество Алданова и достигла апогея в книге философских диалогов «Ульмская ночь», в последних романах «Бред», «Самоубийство». Прием диалога с Толстым Алданов использует как в художественном творчестве, так и в публицистике, литературной критике. Эту диалогичность личности и творчества Толстого Алданов объясняет следствием его смелого отражения жизни, беспощадного воплощения правды. Критик восторженно относится к творчеству Толстого, предлагая в большей степени его ценить за самые сложные произведения. Недостатки и слабости Толстого в мировоззрении, стиле, по мнению Алданова, обусловлены особым феноменом писателя, который мог позволить себе то, чего невозможно было бы увидеть ни у одного русского писателя. Внутренняя свобода и честность Толстого отличает его от всех русских

[1063] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 659.

[1064] Лагашина О. Марк Алданов и Лев Толстой: К проблеме рецепции. Таллинн: ТЛÜ КИРЯСТУС, 2010. 266 с.

[1065] Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. Саратов, 2011. 180 с.

[1066] Там же. С. 101.

писателей XIX в. К сожалению, по разным причинам современные литературоведы прошли мимо литературно-критических работ Алданова и на этот аспект рецепции Толстого не смогли обратить внимание. Между тем видение Алданова могло бы существенно обогатить отечественное литературоведение в понимании Толстого.

Так, в фундаментальной работе Н. Д. Тамарченко высказывалось сожаление о несколько схематичном восприятии творчества Толстого в XX в.:

«Во-первых, сложилось убеждение в том, что так называемое учение Толстого и его художественные произведения представляют собой две автономные, не сливающиеся (в некоторых случаях – сосуществующие в одном тексте) стихии. Поэтому они рассматривались либо отдельно, либо в качестве сторон внутреннего конфликта. Лишь недавно впервые в авторитетном издании высказано возражение против "категорического разделения сфер деятельности позднего Толстого", при котором "принимаются" его художественные произведения и "целиком отвергается" его доктрина, например, об этом статья В. А. Келдыша[1067]. На все, написанное "поздним" Толстым, этот традиционный подход давно уже не распространяют. Но в отдельных произведениях ("Воскресение" "Фальшивый купон") подобного рода неразрешенные противоречия усматриваются и до сих пор.

Во-вторых, вся публицистика Толстого 1890-х–1900-х гг. представлялась простым продолжением его деятельности, начавшейся после так называемого "перелома" (кризиса рубежа 1870-х–1880-х гг.)»[1068].

Исследователь научным языком формулирует ту диалогичность и парадоксальность, которую отметил в творчестве Толстого Алданов. Так, рассуждая о повести «Крейцерова соната», которую в большинстве случаев критика и литературоведение воспринимали как одноплановое морализаторское произведение, Тамарченко говорит, что только на первый взгляд кажется, что эта повесть «просто выражение в беллетристической форме авторских готовых ответов на актуальные жизненные вопросы»[1069]. Он

[1067] Келдыш В. А. Поздний Толстой // История всемирной литературы: в 9 т. Москва: Изд-во «Наука», 1994. Т. 8. С. 25–29.

[1068] Тамарченко Н. Д. Лев Толстой // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1 / ИМЛИ РАН. Москва: Наследие, 2000. С. 336.

[1069] Там же. С. 351.

вслед за В. Днепровым обозначает эту, казалось бы, странную и неуместную эклектику – соединение в одном тексте драматических и эпических начал:

«В чем же смысл и функция этого противоречия “эпического” и “драматического” принципов, заложенного в двуплановости изображения? Задача драмы – вовлечь читателя-зрителя в ход поэтического “расследования” и “суда”, завершающийся так называемым катарсисом. Ее цель – не вердикт, который выносится совершенно извне и оттого легко формулируется, а глубоко непосредственное эмоциональное соучастие слушателя-зрителя в катастрофе героя. Подобное соучастие как бы разрушает дистанцию, обозначенную рампой. Таков и финал повести (“Крейцерова соната” – *В. Ш.*)…»[1070].

Таким образом, Н. Д. Тамарченко словно продолжает мысли Алданова и Днепрова о диалогизации творчества Толстого, с научной точки зрения определяя механизм и варианты этой диалогизации. Более того, он, сам того не зная, углубляет и распространяет идеи Алданова о близости и некой взаимопотребности, взаимодополняемости приемов Толстого и Достоевского.

Говоря о другом тексте Толстого, романе «Воскресение», Н. Д. Тамарченко напишет:

«Анализ структуры изображенного мира в романе вновь приводит нас к проблеме “Толстой и Достоевский”, особо значимой, по-видимому, для всего “позднего” творчества писателя. Двух авторов сближают не только роль случайности в сюжете и обращение к уголовной фабуле, но и, что самое важное, – отождествление (в связи с проблемой преступления и наказания) подлинной жизни с любовью в ее христианском понимании, смерти – с разрушением межчеловеческих связей и, следовательно, «воскресения» – с их восстановлением. И Достоевский, и Толстой – в его последнем романе – были связаны с традицией сложившегося в эпоху позднего романтизма “социально-криминального” романа (Бальзак, Э. Сю, отчасти А. Дюма, Гюго, Диккенс)»[1071].

Сблизить приемы Толстого и Достоевского помогла традиция западноевропейской литературы. Но то же самое произошло и в творчестве Алданова, который использовал приемы Толстого, Достоевского наряду с традициями французской литературы как XIX, так и XX вв.

Однако это дает возможность понять и еще некоторые нюансы в творчестве Толстого:

[1070] Там же. С. 350.
[1071] Там же. С. 363.

«Эволюция прозы Толстого 1890-х гг. – в основной ее линии, которую мы до сих пор прослеживали, – привела к достаточно жесткой иерархии в системе персонажей (герой, открывший истину, резко противопоставляется остальным; мир изображается в его кругозоре) и в стилистической структуре (слово этого героя имеет функции, близкие прямому авторскому слову). Видимо, это и было проявлением того “кризиса повествовательного эпического слова”, с которым М. М. Бахтин связывал переход “позднего” Толстого к драме и который привел также к радикальной перестройке повествования и стилистики в прозе писателя начала XX века»[1072].

Соответственно, если драма – в основе Достоевского, а эпос – в основе «докризисного» Толстого, то поздний Толстой обнаруживает сильную потребность в драматическом начале. У Алданова в романе «Живи как хочешь» писатель Яценко, пытаясь преодолеть рамки романа, ищет новые формы, в том числе в драматургии, и автор помещает его пьесу в структуру своего романа – это сильное подобие того, что происходило в творчестве позднего Толстого. Не случайно и то, что в своих нехудожественных произведениях Алданов часто обращался к «Хаджи Мурату» Толстого, то есть рассказу, «свидетельствовавшему о рождении формы “конспективной” (П. В. Палиевский) или “сжатой” (В. А. Келдыш) эпопеи»[1073].

Вместе с тем следует признать и другое. Если прислушаться к мнению Н. Д. Тамарченко, то придется признать в Толстом одну особенность, связывающую его с литературой Серебряного века, проявление этой особенности литературовед связывает с религиозной философией Толстого:

«Для русской литературы и в целом культуры “серебряного века” поздний Толстой – религиозный философ, стоявший у истоков духовного Ренессанса этой эпохи; писатель, произведения которого, как и романы Достоевского, проникнуты нравственно-религиозными проблемами. Неслучайно рубеж веков ознаменован книгой Д. С. Мережковского “Л. Толстой и Достоевский”. Религиозно-философская эстетика начала века разработала намеченное Толстым противопоставление искусства Нового времени – искусству средневековому (в пользу последнего)»[1074].

Алданов, безусловно, изучивший работу Мережковского, вряд ли мог согласиться с мыслью о признании толстовской основы русского символизма.

[1072] Там же. С. 366–367.
[1073] Там же. С. 382.
[1074] Там же. С. 383.

Более того, он не обрадовался бы этому, так как считал религиозные искания Толстого повредившими ему как художнику.

Алданов постоянно следил за публикациями на тему Л. Н. Толстого, особенно связанными с его биографией, читал книги, как издававшиеся в эмиграции, так и в СССР. Одним из неприметных фактов, не еще отрефлексированных наукой о литературе, является случай, описанный в монументальном издании редакционной переписки журнала «Современные записки. М. А. Осоргин в письме В. В. Рудневу 28 сентября 1936 г., зная о нелюбви Алданова к дискомфорту, ссорам и скандалам, беспокоится о судьбе статьи литературоведа В. М. Фишера, которая первоначально направлялась Алданову, а по истечение года вместе с другими материалами оказалась у Осоргина. Со слов Михаила Андреевича, статья была «об ошибке в “Анне Карениной”»[1075] и Алданов, получив ее, «как будто, хотел что-то по этому поводу сообразить, опровергнуть, что ли, но вряд ли будет, так как Фишер, по-видимому прав»[1076]. Осоргин любопытствовал, будет ли Руднев публиковать этот материал Фишера, – в «Современных записках» эта статья не появилась. Мы не имеем возможности ознакомиться с содержанием статьи, в чем-то уличающей автора «Анны Карениной», но реконструировать обстоятельства ее хода стоит попытаться. Вероятно, Фишер со своим наблюдением по поводу толстовского романа обратился к Алданову, зная его как наиболее компетентного в теме Льва Толстого литератора. Будучи человеком деликатным, он долго выжидал ответ Алданова, который тому мог быть очень неприятен. Алданов мог быть застигнут врасплох и не знал, что ответить в защиту Толстого, и занял совершенно не привычную для себя (он отвечал на все письма) тактику выжидания. Видимо, она оправдала себя, и в итоге неприятные наблюдения Фишера не увидели света.

Почему об этом, не приведшем к результату небольшом происшествии приходится вспоминать в диссертации? Как раз потому, что с большой долей вероятности в наблюдении Фишера было то, что могло бы помешать канонизации автора «Анна Карениной». Алданов, не рискуя связываться с

[1075] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 4. С. 409.

[1076] Там же.

неутомимым и литературно образованным Фишером, проигнорировал его наблюдение, чтобы оставить Толстого на пьедестале мастера, сохраняя его каноническую репутацию.

Алданов мог себе это позволить, потому что Толстой объяснял многое в жизни. Так, даже в рецензии на книгу, давая характеристику видному политическому деятелю, революционеру В. М. Зензинову, он находит нужный комментарий в романе Толстого. Алданов цитирует толстовский отзыв о революционерах: «те, из этих людей, которые были выше среднего уровня… представляли из себя образец редкой нравственной высоты…». Он сообщит, что «знал в жизни много революционеров» и с полным убеждением говорит: «ничего вернее всей этой страницы “Воскресения” никогда никем, ни у нас, ни на западе о революционерах сказано не было»[1077].

Таким образом, очевидно, что Алданов постоянно подпитывался новой информацией и сверял новые факты со своей концепцией в отношении Толстого. Образ Толстого как противоречивой личности в литературной критике Алданова с каждой публикацией детализировался и усложнялся, основу для этих усложнений давали публикации биографических материалов, воспоминания друзей Толстого, новые документы. Множество страниц будет уделено Толстому в обобщающем труде Алданова – книге философских диалогов «Ульмская ночь» – именно потому, что знания об авторе «Войны и мира» переполняли его и отчасти проясняли собственное противоречивое мировидение.

В периодике Алданов-критик обозначал идеи и художественные приемы Толстого, которые стал применять в собственном художественном творчестве. Внимательно изучая приемы Толстого, Алданов приглядывался к ним, а впоследствии использовал в своих рассказах, очерках, романах. Не избежало этой участи и мировидение Алданова. Основной принцип алдановской прозы – диалогичность – сформировался не без воздействия Толстого. Алданов на уровне идей и стиля превратился в писателя-парадоксалиста, приобретшего объективность и противоречивость своего литературного кумира. Газетные и журнальные статьи Алданова, не имея строгих литературоведческих задач и

[1077]Алданов М. А. [Рецензия на книгу] Зензинов В. М. Пережитое, Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 414 с. // Новый журнал. 1953. № 35. С. 310–313.

не демонстрируя четких методологических подходов автора, в форме свободных эссе представили своеобразную концепцию видения личности и творчества Л. Н. Толстого – трактовку, созданную исследователем, тоже имеющим аналитическое восприятие поворотных современных событий. Публикации не могли иметь по-настоящему научного характера, некоторые детали и примеры в них повторялись, но в целом эти эссе сыграли и популяризаторскую роль, и выполнили просветительскую функцию. Человек, побывавший в Ясной Поляне, имеющий друга – И. А. Бунина, – столько ценимого Толстым, знаток творчества Толстого, прочитавший множество дневников и научных изысканий, наконец, писатель, литературная карьера которого началась с книги в честь автора «Войны и мира», – это лучший кандидат для «юбилейных», тематических публикаций или даже цикла статей. Именно таких познавательных статей умного собеседника жаждал читатель-эмигрант. А для Алданова писание таких эссе было важно еще и по писательским соображениям: литературно-критическое обращение к Толстому в свободной форме позволяло высказать то, что по разным причинам не могло войти в художественную прозу или в очерки, к которым Алданов тяготел все годы творчества.

В концепции Алданова представлена отнюдь не гармоническая картина мира личности, напротив, обозначены противоречия, показаны причины парадоксов Толстого – как в его стилистических решениях, так и в его душевных метаниях.

Интересно, что, как в случае с Пушкиным, Гоголем, в письмах Алданова и Набокова обозначилась своеобразная дискуссия о Льве Толстом. Рассуждая о литературе, писателям пришлось говорить не только о творчестве писателя, но и поступках его дочери Александры Львовны. Она возглавляла Толстовский фонд, оказывавший помощь русским, переселившимся в США. Отрывок из ее романа «Предрассветный туман» был опубликован в первом номере «Нового журнала». Набоков необыкновенно остро отреагировал на это сочинение (письмо от 21 января 1942 г.). Алданов в ответном письме от 23 января отметил, что гнев Набокова был несправедлив. Но тень антисемитизма, которую едва бросил этот роман, осталась Набоковым не прощенной. Так, в письме от 6 мая 1942 г. он продолжает злословить по этому поводу; однако

письмо автора «Приглашения на казнь» – это не однобокая инвектива, а многоходовая шахматная задача, которая не дает покоя Алданову. Набоков пишет:

«...для приза пошлости и мещанской вульгарности я по-прежнему выбираю Александру Толстую. <...> Не принимайте, дорогой друг, этих резкостей к сердцу. <...> А все-таки “Madame Bovary” метров на 2000 выше “Анны К.”»[1078].

Алданов всеми силами пытается отстоять не только литературную репутацию дочери Толстого, но и художественное первенство на литературном Олимпе самого Льва Николаевича. В письме от 13 мая 1942 г. он будет спорить с Набоковым:

«Вы преувеличиваете значение композиции и особенно новизны композиции. За исключением “Войны и мира” почти все, кажется, классические произведения русской литературы в композиционном отношении не очень хороши – и не новы. <...> Французы – мастера... и “Мадам Бовари”, разумеется, в композиционном смысле на 2000 метров выше “Анны Карениной”... Но если отводить композиции и новизне композиции не первое, а второе место? Будете ли Вы серьезно утверждать, что Эмма Бовари имеет ту же степень “жизненной правды”... какую имеет Анна Каренина? И можно ли читать флоберовское самоубийство после самоубийства Анны. Нет, нет, дорогой друг, не отрицайте: Лев Николаевич был не без дарования»[1079].

Возвращаясь к теме канонизации писателей, мы можем обратить внимание на инструмент, с помощью которого Алданов оценивает право писателя на эту канонизацию: «степень “жизненной правды”». Толстой более убедителен в ней, чем даже Пушкин, именно потому Алданов на стороне убедительного Толстого.

Но ответ Набокова не заставил себя долго ждать, уже в письме через неделю, 20 мая 1942 г., им написано:

«Вы спрашиваете, кого я бы выбрал из беллетристов. Тех же, что и Вы. Я только против беллетристающих дам. В худшей бунинской вещи есть всегда строки, “исполненные прелести неизъяснимой”, как выражались в пушкинскую пору… <...> Вы совершенно неправы, говоря, что “почти все классические произведения нашей литературы в

[1078] Набоков В. В. Письмо М. А. Алданову. 6 мая 1942 г. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски…»: Из переписки В. В. Набокова и М. А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 132.

[1079] Алданов М. А. Письмо В. В. Набокову. 13 мая 1942 г. Там же. С. 133.

композиционном отношении не очень хороши и не новы". А 'Шинель"? А "Дама с собачкой"? А "Петербург"? Да, мэакульпа, смерть Эммы... непревзойденно хороша. В общую "жизненную правду" я не верю; по-моему, у каждой жизни своя правда и у каждого писателя своя правда»[1080].

Набоков, опубликовавший в 1937 г. свое эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие», выбирал для канонизации именно создателя «Евгения Онегина»: «Сегодня больше чем когда-либо поэт должен быть так же тверд, спокоен и угрюм, как того хотел Пушкин сто лет назад»[1081]. Хотя, по сути, и Пушкин, и Толстой – одинокие люди, горделивые художники, в равной степени достойные канонизации.

Словно не замечая, что Набоков его неприятно дразнит, Алданов вновь идет по следу и в письме от 31 мая 1942 г. продолжает дискуссию:

«Что касается смерти Эммы Бовари, то я, помнится, говорил Вам, что и мне эта сцена кажется изумительной. Но в отношении Толстого все же это не тот, по-моему, класс: "полутяжеловес" и "тяжеловес", вульгарно выражаясь, имею в виду самоубийство Анны, сцену в Мытищах, охоту Ростовых и пр. Думаю, что Флобер сам это почувствовал, когда прочел "Войну и мир", – это видно из его письма»[1082].

В целом можно заключить, что аналитическое мнение Алданова о восприятии Толстого повлияло на литературную атмосферу русского зарубежья, на читательские приоритеты, на формирование образа личности великого писателя в читательской среде русской эмиграции и помогало канонизации писателя.

4.4. А.П. Чехов в художественном мире Алданова

Интерес эмиграции к А. П. Чехову имел разные формы, от театральных постановок до издания сочинений и публикаций статей о творчестве и жизни писателя. Наиболее полным, на наш взгляд, исследовательским отражением чеховской рецепции в литературе эмигрантов является научная деятельность А. В. Громовой (Ярковой), подробно изучившей этот аспект в связи со своим

[1080] Набоков В. В. Письмо М. А. Алданову. 20 мая.1942 г. Там же. С. 134.
[1081] Набоков В. В. Пушкин, или Правда и правдоподобие // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. Москва: Независимая газета, 1996. С. 423.
[1082] Алданов М. А. Письмо В. В. Набокову. 31 мая 1942 г. Там же. С. 134.

интересом к главному знатоку творчества Чехова в зарубежье – Б. К. Зайцеву. Она обратила внимание на особое отношение Зайцева к Чехову, которое обусловлено даже исторически: «В отличие от Пушкина, Гоголя и Тургенева, Чехов был старшим современником Зайцева»[1083]. Более того, именно Зайцев тщательнее других писателей эмиграции следил за публикациями о Чехове и сам «опубликовал свыше полутора десятка статей о Чехове в изданиях Русского зарубежья, а также в иностранной периодике на французском и немецком языках»[1084]. А. В. Громова отметила особенность восприятия Чехова, определенную у Зайцева тем, что создатель «Чайки» был наследником традиций «золотого века» русской литературы, «гуманистом, неизменно сочувствовавшим людям»[1085]. Подобное сочувствие, сострадание к человеку у Алданова будет связываться со снисходительностью. Другое дело, что в биографии Чехова Зайцев «подчеркнул его неосознанное религиозное чувство»[1086], о присутствии которого с большой долей условности будет вспоминать и доктор И. Н. Альтшуллер. Вместе с тем Зайцев настаивает на христианской основе в творчестве и жизни Чехова, а с этим утверждением Алданов вряд ли мог согласиться. В целом масштаб интереса Зайцева к восприятию Чехова впечатляет: он читал и то, что выходило о Чехове в эмиграции, и то, что о нем становилось известно в зарубежных странах, и то, что было в СССР. Для нас важно понимание Зайцева о неоднозначности восприятия и интерпретации чеховских произведений: они зависят как от возраста читателя, так и от историко-культурных условий его проживания. Даже к нему «глубокое постижение Чехова пришло не сразу»[1087], а религиозную основу творчества Чехова в начале XX в. не хотели замечать, потому что в это время «религиозность считалась “неинтеллигентной” и “реакционной”»[1088].

[1083] Яркова А. В. Жанровое своеобразие творчества Б. К. Зайцева 1922–1972 годов. Литературно-критические и художественно-документальные жанры. Санкт-Петербург: ЛГОУ им А. С. Пушкина, 2002. С. 68.

[1084] Там же. С. 70.

[1085] Там же. С. 71.

[1086] Там же.

[1087] Там же. С. 75.

[1088] Там же.

Алданов воспринимал Чехова по-разному: и как читатель произведений, и как исследователь, анализирующий публикации о фактах жизни автора «Чайки», и как критик, и как писатель.

Чтобы понять специфику алдановского варианта рецепции жизни и творчества А. П. Чехова, нужно обратить внимание на историко-литературный контекст, и хотя бы на ближнее окружение, реагировавшее на Чехова в журнале «Современные записки».

Одна из первых публикаций, размещенных в разделе «Культура и жизнь», принадлежит И. Н. Альтшуллеру[1089]. Интересно, что среди черт личности Чехова доктор Альтшуллер назовет те, которыми впоследствии будут характеризовать Алданова: «Для Чехова составляло величайшее удовольствие помогать другим…»[1090]. У Чехова не было дворянских корней, но тем не менее о нем сказано: «…от всей его фигуры веяло благородством и изяществом»[1091]; не могло быть и дворянских корней у Алданова, но это благородство и достоинство, порядочность составили ему репутацию «последнего джентльмена» русской эмиграции. Альтшуллер у Чехова выделяет «необычайную деликатность и боязнь кого-нибудь задеть, обидеть»[1092], при том что свое мнение писатель не только имел, но и мог высказать, но «в крайне осторожной форме». Алданова же за его деликатность упрекали чуть ли не в трусости. Альтшуллер отмечает и другое чеховское качество, очень важное для Алданова, – любовь к Л. Н. Толстому. Чехов всегда хотел устроить свой «угол» и побыть в одиночестве, в тишине. Алданов несколько раз в жизни вынужден был поменять страну проживания и никогда не имел своего угла, но много времени проводил за чтением, творчеством и писанием писем. В этом же очерке Альтшуллер высказывается на тему Чехова и религии: «…веру потерял и вообще не верит в интеллигентскую веру», но говорил, что «четвертое измерение может, окажется, и существует, и какая-нибудь загробная жизнь»[1093]. Мы уже отмечали, что Алданов, будучи атеистом

[1089] Альтшуллер И. Н. О Чехове: (Из воспоминаний) // Современные записки. 1930. № 41. С. 470–485.

[1090] Там же. С. 473.

[1091] Там же. С. 475.

[1092] Там же. С. 477.

[1093] Там же. С. 479.

(специфика образования только укрепляла в таком мировидении: Чехов – врач, Алданов – химик), размышлял о вопросах религии и даже создавал положительных героев верующими людьми (Наташа в романе «Бред»). Конечно, невозможно провести какую-то аналогию между двумя совершенно разными писателями, но очевидно другое: Алданов очень внимательно, с большим любопытством относился ко всему, что было связано с Чеховым. Обнаруживая с ним какие-то общие черты, он чувствовал себя увереннее – как личность и как писатель. Алданов – любитель изучения парадоксов, выяснения разных видов счастья – в этой статье мог обнаружить очень ловкий способ объяснения того, почему после тесного общения с Художественным театром и после женитьбы Чехову стало хуже: «Его несчастьем стало счастье, выпавшее на его долю к концу жизни и оказавшееся непосильным дня него…»[1094]. Альтшуллер обратил внимание на фатальные последствия этих триумфов для здоровья Чехова. Такое объяснение могло только увеличить скепсис Алданова, страдавшего от пессимистического взгляда на человечество.

В том же номере «Современных записок» опубликован большой очерк М. О. Цетлина «О Чехове»[1095]. Критик оценивает недавно изданные письма А. П. Чехова и пытается с их помощью воссоздать «единый и цельный образ» писателя[1096]. Если в творчестве этот образ утончается и одухотворяется, то в письмах упрощается и огрубляется. Цетлин написал историю жизни Чехова, выбрав наиболее примечательные факты и дав им свои характеристики: «Можно сказать, что жажда культурного дела, вера в культуру была у Чехова религиозной. И поскольку она не зиждилась на религиозных основах, а заменяла религию, она была признаком времени (времени “малых дел”), была одним из общераспространенных “интеллигентских предрассудков”»[1097]. Заметим, что у Алданова, не способного обрести веру, культурное делание, подобно чеховской природе, и стало тем, что заполнило духовные пустоты его жизни. Цетлин называет Чехова «одним из самых духовно-свободных русских

[1094] Там же. С. 482.

[1095] Цетлин М. О Чехове (1904–1929) // Современные записки. 1930. № 41. С. 486–500.

[1096] Там же. С. 486.

[1097] Там же. С. 497.

людей»[1098], а ум его – «быстро подмечающим все, что условно и неправдиво»[1099]. Обращаем внимание, что очерк Цетлина о Чехове написан уже после того, как вышла рецензия Алданова на издание, представившее чеховскую переписку, а потому некоторые мысли критика могут показаться не оригинальными. Вместе с тем Цетлин словно дополняет Алданова, выдвигая новые идеи для выстраивания своеобразной писательской иерархии: «Очень медленно и очень постепенно выяснилось, что Чехов – более русский, более существенный для России писатель, чем Тургенев»[1100]. Он открывает секрет того, как Чехов, который своим мировоззрением связан с интеллигенцией 1880-х гг., не ограничивается только своим временем, не приковывается только к своей нации. Особенность его восприятия новыми поколениями, а также иностранным читателем объясняется тонкими обстоятельствами: «…за условностью и приблизительностью исторической схемы скрывается большая социально-психологическая правда. <…> Восьмидесятники были среди декабристов, существуют и теперь»[1101]. О такой правде как о принципе искусства литературы рассуждал в своих статьях и рецензиях и сам Алданов. Думается, он был вполне солидарен с мыслью Цетлина о том, что «восьмидесятник Чехов оказался и очень русским, и общечеловеческим писателем»[1102]. Возможно, общность эстетических взглядов и мировоззренческих принципов сближала Цетлина и Алданова настолько, что они не только находили единодушие в оценке произведений русской классической литературы, но и обнаружили возможность солидарных действий, сотрудничества в условиях новой эмиграции и создания «Нового журнала» в США.

Стоит обратить внимание и на статьи самого плодовитого критика русской эмиграции – П. М. Бицилли, который в «Современных записках» опубликовал «тридцать статей и семьдесят пять рецензий»[1103].

[1098] Там же

[1099] Там же. С. 498.

[1100] Там же. С. 499.

[1101] Там же. С. 500.

[1102] Там же.

[1103] Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2003. С. 219.

Статья, опубликованная в парижском журнале «Числа» в 1930 г. (№ 1, с. 162–168), предлагает «трактовки некоторых постоянных литературных типов»[1104], среди которых животное, дитя, ученый, «чистая» женщина, врач, еврей, по-особенному изображенные Чеховым. Что важно для понимания алдановской рецепции Чехова: Бицилли сопоставляет автора «Вишневого сада» с создателем «Евгения Онегина» и обнаруживает их тонкую связь в разных произведениях. Тайна жизни не была для них главным «предметом» изображения, «не заслоняла от них самой жизни», «в плане “презренной” прозы Пушкин очень напоминает Чехова»[1105]; Алданову как раз было важно следовать правде миросозерцания этих художников, которые не превратились в философов или политиков, сохранив свою независимость, свою самость.

В другой статье[1106] Бицилли рассуждает о процессах восприятия писателей, причем в качестве примеров он использует Гоголя и Чехова. Перефразируя Чехова, сказавшего о том, что от некоторых людей нужно отдыхать, он высказывается по-чеховски в отношении произведений литературы: «От одних отдыхать приходится потому, что при чересчур частом восприятии притупляется впечатление: от других, напротив, потому, что личность творца нас начинает подавлять собою. В обоих случаях действует закон ритмики духовной жизни…»[1107]. По сути дела, это нелитературоведческое объяснение феномена восприятия текста – то, которое через несколько десятилетий будет представлено на другом языке рецептивной эстетикой и феноменологией. Любопытно, что Чехову в этом примере отводится особое место: «Чехов может служить примером первого случая. Примером второго – любой из истинно-великих писателей... Данте, Шекспир, Гете, Достоевский, Толстой, Гоголь и Пушкин в литературе составляют исключение из этого общего правила…»[1108]. Бицилли у разных писателей устанавливает зависимость приемов изображения жизни от отношения к этой жизни; у Гоголя видение пошлой жизни приводит к особому

[1104] Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии. Москва: Русский путь, 2000. С. 412–417.

[1105] Там же. С. 417.

[1106] Бицилли П. М. Гоголь и Чехов (Проблема классического искусства) // Современные записки. 1934. № 56. С. 298–308.

[1107] Там же. С. 298.

[1108] Там же. С. 299.

ее описанию в произведениях: он изображает ее «...“романтически”, а не “классически”»[1109]. Чехов же в своем творчестве пользовался «формулой, кроющей в себе, как в зерне, всю философию классического, т.е. честного, порядочного, ответственного искусства»[1110]. По сути дела, Бицилли словно продолжает, распространяет слова Алданова о правдивости настоящего искусства, только в его изложении слово «искусство» приобрело прилагательные «честное», «ответственное». «Романтической тяге к бесконечному», которая, по мысли Бицилли, обнаруживается у Гоголя, он противопоставляет чеховскую «выдержку, самообладание, способность к самоограничению, чувство меры» как признаки «проявления одной общей духовной тенденции – к совершенству»[1111]. Для критика классик – это не столько тот, чьи произведения признаны хорошими и достойными школьной программы, сколько тот, чьи произведения могут быть названы совершенными. Именно чеховские произведения Бицилли называет классическими, не в плане безупречного формального совершенства, а потому что «в них нет ничего, от чего бы нас покоробило, эстетически или морально, ничего сказанного некстати, ни одного слова, которое хотелось бы, чтобы не было произнесено»[1112]. И напротив, нежелательные слова критик находит и у Достоевского, и у Тургенева, и у Толстого.

Позднее Бицилли издаст отдельную монографию о Чехове[1113], но ее содержание уже вряд ли могло стать известно Алданову, ранее переехавшему в США.

Вместе с тем в вышеупомянутом журнале «Числа» (1930/1931, №4) была опубликована статья известного театрального деятеля, князя С. М. Волконского «Пушкин или Чехов?»[1114], реакцию на которую от Алданова следовало бы ожидать хоть в какой-то форме. Однако и по сей день фактами возможной реакции на статью Волконского мы не располагаем. А между тем

[1109] Там же. С. 301.
[1110] Там же. С. 306.
[1111] Там же
[1112] Там же. С. 307.
[1113] Бицилли П. М. Творчество Чехова: Опыт стилистического анализа. София: Universitetska pechatnitsa, 1942. 138 с.
[1114] Современное переиздание: Волконский С. М. Пушкин или Чехов? // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 357–366.

Волконский «договаривает» за недавно опубликованными статьями Бунина и Адамовича: «нет настоящего *художественного* воплощения, когда нет ясно ощущаемой личности»[1115]; если у Пушкина это воплощение очевидно, то у Чехова его «не чувствуется»[1116]. К тому же Волконский поднял очень щепетильную тему – присутствие государственности в художественном мышлении писателя: «Пушкин сумел подняться выше материала, когда свой патриотизм “кристаллизовал в *государственности*”»[1117]. Обращая внимание на отношение Чехова к политическим событиям, например, к Русско-японской войне, Волконский осмеливается утверждать об «оскудении того чувства “государственности”, которое так сильно жило в Пушкине»[1118]. Алданов, читавший крупнейшие парижские газеты и журналы, не мог не знать о существовании этой оригинальной статьи, однако, как видно из его критического творчества и переписки, не отметил ее своей рефлексией. Если это было игнорированием, то все же не в пользу Алданова, умевшего и любившего рассуждать о государственности и патриотизме: в последующем литературно-критическом творчестве от мог бы отозваться об этой публикации, определив свои эстетические и мировоззренческие приоритеты. Вместе с тем можно допустить, что столь провокативная дилемма была неприятна Алданову и он в силу своей деликатности и учтивости и по отношению к Пушкину и – в первую очередь – по отношению к Чехову предпочел промолчать.

Среди других форм чеховской рецепции в европейском зарубежье были театральные постановки, в которых вряд ли мог участвовать Алданов, но о которых он, конечно, знал: так, 30 ноября 1929 г. русская колония в Париже ставила водевиль А. Чехова “Юбилей”»[1119]. Кстати, известно, что Алданов стал одним из учредителей основанного в Париже 30 июня 1938 г. Общества друзей русского драматического искусства[1120].

[1115] Там же. С. 360.

[1116] Там же. С. 361.

[1117] Там же. С. 363.

[1118] Там же. С. 363–364.

[1119] Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997. Т. 1. С. 617.

[1120] Внутриредакционная переписка // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. С. 795.

В США 1940-х гг. («Новый журнал», «Новое русское слово») читатель мог тоже узнать о разных формах чеховской рецепции, в том числе о литературно-критических статьях младшего поколения эмиграции. В «Новом журнале» Виктором Черновым опубликован целый цикл статей о Чехове[1121]. В одной из них представлен очерк, показывающий «беспощадную искренность»[1122] писателя и объясняющий загадку его личности, основанной на противоречиях. В другой – говорится о роли, которую сыграл Н. А. Лейкин в судьбе Чехова: «Старый, опытный литературный «смехач» принялся по своему образу и подобию формировать молодого, готовя в нем себе “смену”…»[1123], об общении с Д. В. Григоровичем, о предупреждении Скабичевского «против литературных омутов[1124]», о начале «великого и драматического духовного выпрямления»[1125] Чехова.

В «Новом русском слове» следили за чеховской «темой» Русского Парижа и даже анализировали статью М. Курдюмова в «Современных записках»[1126], вышедшую накануне публикации писем О. Л. Книппер к Чехову: «Ее письма раскроют роль и положение второго участника всей этой пленительной и печальной истории»[1127].

Восприятие идей, приемов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в творчестве Алданова осмыслялось неоднократно разными литературоведами, этому посвящен материал предыдущей части диссертации. Но исследований по теме, заявленной в данном параграфе, проводилось мало. Поэтому актуальность изучения объясняется, с одной стороны, безусловным значением Чехова в творческой судьбе Алданова, а с другой – отсутствием понимания этого значения.

Как упоминалось выше, алдановское наследие разнородно: его составляют художественные произведения, публицистика, литературная

[1121] Чернов В. А. П. Чехов: к сорокалетию его смерти // Новый журнал. 1944. № 7. С. 342–354; Чернов В. Литературные мытарства Чехова // Новый журнал. 1945. № 10. С. 214–225; Чернов В. Чехов и Суворин // Новый журнал. 1945. № 11. С. 231–253.

[1122] Чернов В. А. П. Чехов. Указ. соч. С. 345.

[1123] Чернов В. Литературные мытарства Чехова. Указ соч. С. 215.

[1124] Там же. С. 222.

[1125] Там же. С. 225.

[1126] Курдюмов М. Роман Чехова // Современные записки. 1935. № 57. С. 438–451.

[1127] Трубников П. [Пильский П.] О Любовных увлечениях Чехова // Новое русское слово. 1935. № 8076 (10 марта). С. 8.

критика, труды по химии и обширный эпистолярий. И фактически во всех работах, исключая естественнонаучные, Алданов либо вспоминает слова Чехова, либо цитирует его персонажей, либо использует приемы, сходные с теми, что в чеховских рассказах, пьесах и письмах. Даже историки кино смогут почерпнуть информацию, которая представляет кинематографические аспекты взаимоотношений Алданова и представителя чеховской фамилии – Михаила Чехова[1128].

Но голоса персонажей А. П. Чехова, сюжетные ситуации его произведений, встречающиеся в алдановских текстах, – это настоящие находки для литературоведов, пытающихся осознать степень валентности чеховского наследия.

В данном разделе диссертации отмечаются те маркированные отсылки к творчеству и личности Чехова, которые содержатся в публицистике, очерках, рассказах, повестях и романах Алданова. Вместе с тем дана попытка охарактеризовать и те эпизоды, в которых Чехов может существовать имплицитно.

Небольшие детали из чеховских произведений и биографии встречаются в одной из первых публицистических работ Алданова – «Армагеддоне». Затем они появляются в очерках «В. Г. Короленко», «Убийство Урицкого», «Из воспоминаний секретаря одной делегации», «Воспоминания о Максиме Горьком», «Памяти А. И. Куприна», «С. В. Рахманинов», «Д. С. Мережковский», «М. А. Осоргин», «Печоринский роман Толстого», «Король Фейсал и полковник Лоуренс»[1129] («чеховский чиновник, желая отбить у молодых людей охоту ухаживать за его женой, распускал слухи, что она находится в связи с полицеймейстером» – вспоминается рассказ «В почтовом отделении»).

Интересно, что упомянутый очерк о Толстом появился в газете «Последние новости», 1937 г. за 12, 14, 16, 19, 26 сентября. Алданов говорит о записных книжках писателя, впервые опубликованных в советском издании:

[1128] Переписка М. Алданова с М. Чеховым и А. Тамировым (по материалам Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой») // Кинограф. 2002. № 11. С. 313; Byckling L. Михаил Чехов в Холливуде: Размышления и письма к Марку Алданову // Studia slavica finlandensia. Helsinki, 1991. Т. 8. С. 1–26.

[1129] Алданов М. А. Армагеддон. Указ. соч. С. 385.

«Они полны черновых заметок для писательской работы, – это та самая литературная кухня, которую Чехов полунасмешливо изобразил в “Чайке”. Если не ошибаюсь, от Толстого первого в русской литературе остались столь пространные страницы “тригоринщины”. <…> Эти записи Льва Николаевича в большинстве тоже весьма неблагожелательны к людям»[1130]. Алданов напомнил о неприятном эффекте «тригоринщины» в прозе Толстого. Но в обзорной статье «М. Алданов. Молодые поэты. Всев. Иванов. Анри де Монтерлан. Г-жа де Ноайль», напечатанной десятью годами раньше в журнале «Звено», Адамович оценил по тому, «тригоринскому» критерию и саму прозу Алданова. В частности, характеризуя роман «Заговор», критик написал: «Ему пришлись не по вкусу советы писателя из “Чайки”» – по одной какой-нибудь мелочи дать представление о целом. Целое для него остается целым»[1131]. В одной из предыдущих частей нами упомянута критическая статья Адамовича, упрекнувшего Алданова в дурном следовании Достоевскому. Здесь же, напротив, решение идти своим путем критик называет правильным и успешным.

Определяя в характере персонажа «Трех сестер» черты бретера и циника, Алданов писал: «Несмотря на всю художественную красоту, на редкую словесную прелесть “Бэлы”, “Максим Максимыча”, “Тамани”, чеховский Солёный навсегда стал между нами и героем нашего времени»[1132].

Очерки Алданова – это тексты, которые публиковались в прессе русского зарубежья, и, притом что художественность в них сведена к минимуму, они наполнены значительным литературным содержанием. В отсылках к Чехову удается обнаружить одну закономерность: они приводятся как аргументы, как способ подкрепления алдановских суждений.

В пору своего писательского взросления Алданов опубликовал рецензию на книгу «Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой» (Берлин: Слово, 1924), вышедшую в 20-й год памяти Антона Павловича[1133]. Как

[1130] Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 2. С. 41–42.

[1131] Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные беседы. Книга вторая («Звено»: 1926–1928). Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. С. 252.

[1132] Алданов М. Указ. соч. Кн. 2. С. 49.

[1133] Алданов М. [Рецензия на книгу] Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой. Берлин: Слово, 1924 // Современные записки. 1924. № 20. С. 422–423.

выясняется, алдановский интерес к новинкам биографической и исследовательской литературы, связанной с именем Чехова, будет постоянным. Он проявится и в «Загадке Толстого», и в статье «О романе», и в книге философских диалогов «Ульмская ночь».

Стоит отметить, что в едкой рецензии на книгу Книппер-Чеховой Алданов возмущается тем фактом, что опубликованы личные письма писателя. Такая публикация осуждается Алдановым по нескольким причинам. Первая – этическая: «Читать чужие письма запрещается, по-видимому, только при жизни их авторов»[1134]. Вторая – информативная: «Что сказал бы Чехов, творец насыщенной, перенасыщенной художественной прозы, о книге в 400 слишком страниц, в которой ничего нет»[1135]. Третья – антихудожественная; от писателя Чехова не остается и следа: «В устах одного из самых замечательных представителей мировой литературы высокого юмора эти шутки производят странное впечатление»[1136]. Четвертая причина – общее тягостное впечатление: «…главное, чувствуешь, как скучно было Чехову жить. …Его письма к О. Л. Книппер напоминают дневники Николая II»[1137].

Кстати, эссе «Загадка Толстого» Алданов завершает словами персонажа «Трех сестёр»: «…может быть, “через двести-триста лет” наступит черёд “толстовства”. А дальше? Дальше не загадывал и Вершинин…»[1138]. Критик словно надеется, что потребность общества в наследии Толстого появится, но случиться это может так же не скоро, как воплотятся мечты чеховских «лишних людей», поэтому и к словам Вершинина о нескором наступлении счастья он относится иронично.

Ассоциативное мышление Алданова часто сводит в одном публицистическом или литературно-критическом пассаже фамилии Достоевского и Толстого, Толстого и Чехова. Так, в статье 1927 г., посвященной памяти профессионального революционера С. А. Иванова, Алданов сначала расскажет о взаимоотношениях народовольца с Толстым, а потом, характеризуя незначительных людей 1870-х гг. с преобладающим

[1134] Там же. С. 422.
[1135] Там же.
[1136] Там же. С. 423.
[1137] Там же.
[1138] Там же. Кн. 6. С. 140.

«чувством долга»[1139], назовет эту их черту «очень скучной» и отраженной в художественных образах Чехова[1140].

В «Ульмской ночи» собеседник, обозначенный литерой «А», цитирует только что опубликованную в СССР книгу «Чехов в воспоминаниях современников»[1141]. Смысл этой цитаты – в аргументации мысли, что настоящая русская литература никогда не «говорила красиво», то есть была лишена выспренности стиля: «Чехов сказал: “Ну какой же Леонид Андреев писатель? Это просто помощник присяжного поверенного, которые все ужасно как любят красиво говорить”»[1142]. Другой участник диалогов среди примеров разных «бескрайностей и безразмерностей в подлинном искусстве» после упоминания поступка Настасьи Филипповны, бросившей в печь сто тысяч рублей, приводит еще одну ситуацию из чеховского сюжета: «И даже у гораздо более трезвого и “европейского” Чехова тоже кто-то сжигает деньги, правда, всего лишь шесть тысяч»[1143]. Может быть, поэтому Дюммлер, персонаж алдановского романа «Живи как хочешь», размышляя о психологии русских, относит Чехова к перечню писателей, которые «и в жизни, и в политике никакие не бескрайние, а очень умеренные люди»[1144].

Творческое сознание Алданова таково, что даже в очерках, не связанных с литературой, писатель обращается к чеховским ассоциациям. Например, в книге «Земли, люди» уже упомянутая путевая заметка «В Англии» содержит следующее высказывание повествователя: «Чеховская жизнь в Тильбери – от парохода к пароходу»[1145]. Очевидно, что эпитет «чеховская» в отношении к жизни английского городка-порта напоминает неторопливую, но ритмичную жизнь крымского курорта, на жизнь которого оказывают волны прилива и отлива отдыхающих.

В статье «О романе» Алданов приводит различные примеры эпигонства и вспоминает чеховское выражение «Здесь лежит Тригорин. Хороший был

[1139] Алданов М. Памяти С. А. Иванова // Современные записки. 1927. № 31. С. 388.
[1140] Там же. С. 389.
[1141] Чехов в воспоминаниях современников. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 568 с.
[1142] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 322–323.
[1143] Там же. С. 347.
[1144] Там же. Кн. 5. С. 459.
[1145] Алданов М. Земли, люди. Берлин: Слово, 1932. С. 200.

писатель, но он писал хуже Тургенева»[1146], иронию которого вряд ли оценят во Франции и Англии.

Аллюзии Алданова связаны с такими разными рассказами, как «Унтер Пришибеев», «Дама с собачкой», «Сирена», пьесами – «Три сестры», «Вишневый сад», «Чайка»; они часто соотнесены с сюжетными ситуациями и чеховскими персонажами.

Наконец, стала и общеизвестной фраза Алданова о Чехове, произнесенная в 1956 г. в интервью русской службе «Голоса Америки»: «Если бы Чехов дожил до октябрьского переворота, то он, думаю, стал бы эмигрантом и писал бы в наших либеральных изданиях и в западных или занимался бы, оставшись в России, медициной»[1147]. Это высказывание нам придется еще раз охарактеризовать далее.

Наиболее глубоко об авторе «Дамы с собачкой» Алданов написал в статье, переведенной на английский язык и изданной в американском научном журнале[1148]. Статья под заглавием «Reflections on Chekhov» («Размышления о Чехове») приурочена к 95-летию со дня рождения писателя. Издатель А. А. Чернышев поместил в собрании сочинений Алданова русскоязычный автограф статьи под заглавием «О Чехове». В Доме-музее Марины Цветаевой сохранился и ее черновой вариант, в котором есть алдановская правка: вместо фразы «литературная судьба Чехова была в некоторых отношениях странная» критик написал «литературная судьба Чехова была необычна»[1149], таким образом даже здесь он попытался быть по-чеховски лаконичным и деликатным.

Из статьи становится ясно, что в своей «табели о рангах» отечественной прозы Алданов отвел Чехову четвертое место – за Толстым, Гоголем и Достоевским, отметив, что и «в рассказах, и в театре он создал свой жанр, свой ритм, свою фразу»[1150]. По мнению Алданова, театральные пьесы Чехова хуже его рассказов, а самая слабая – «Чайка», которая «и в сравнение не идёт с

[1146] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 443.

[1147] Там же. С. 601.

[1148] Aldanov M. Reflections on Chekhov // Russian Review. 1955. Vol. XIV (april), no. 2. P. 83–92.

[1149] Алданов М. А. О Чехове. Машинопись авторизованная. США, Западная Европа [Вторая половина 1950-х гг.] ДМЦ КП-826/2. Л. 3.

[1150] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 478.

“Дядей Ваней”». Конечно, алдановская точка зрения на чеховские пьесы очень напоминает точку зрения Л. Н. Толстого. Алданова, которого некоторые нынешние литературоведы относят лишь к беллетристам, авторам исторических романов, когда-то сам Бунин выдвигал кандидатом на Нобелевскую премию. И в этой статье Алданов говорит о близком самому себе: о превратностях судьбы наследия писателя, о метаморфозах в восприятии читателя, каким бы он ни был: профессионалом или неискушенным обывателем, французом или гражданином СССР. Он скептически относится к возможностям постижения Чехова иностранным читателем. По его мнению, англичанину и немцу невозможно понять дух и быт рассказов «Палата № 6», «Скучная история», «Архиерей», «Душечка Ему досадно, что «пустяковая» драматургия Чехова удостаивается сценического воплощения, скромная известность перерастает в мировую славу, а глубоко художественные рассказы остаются непереведенными и непонятыми. Тем не менее, сравнивая Чехова с Толстым, Алданов скажет: «Чехов одновременно и писатель для элиты и для большой публики – это высшая заслуга»[1151].

Еще один аспект статьи в том, что Алданов у Чехова отмечает то качество, которое характерно ему самому: деликатность в общении с людьми. Джентльменская обходительность была свойственна Алданову настолько, что позволяла ему дружить с таким неуживчивым человеком, как И. А. Бунин, и общаться с такой сложностью личностью, как В. В. Набоков. Еще Алданов видит в Чехове человека с «великим жизнелюбием», «любящим веселиться с людьми», это среди живущих в XX в. стало редким достоинством.

Конечно же, Алданову нравится в Чехове отсутствие всякого мифотворчества и неприятие идеологических догм; характеризуя политические взгляды Чехова, он говорит только об одном – его желании видеть Россию свободной страной:

«Помню, до революции известный московский артист, светоч Художественного театра, толковал мне значение общеизвестных мечтательных фраз из чеховских пьес, даже таких, как “через двести-триста лет” или “небо в алмазах”: он “жаждал конституции”»[1152].

[1151] Там же. С. 482.
[1152] Там же. С. 485.

Алданов не только писатель, создавший свое представление о мире в художественных образах, но и публицист, который открыто выражал свое мировоззрение по разным аспектам жизни общества. Пускай Чехов не был таким человеком, но даже у него «нежелание формулировать круг определенных идей не означало отсутствия мировоззрения»[1153]. Чехов оказался свободен от догм и тенденций, о такой неполитической, художнической свободе мечтал и сам Алданов.

Во время работы Бунина над книгой о Чехове Алданов сообщал американскому издателю о желании автора «Темных аллей» выпустить двухтомник, в составе которого были бы личные воспоминания о Чехове. Эту книгу, по словам Алданова, Бунин пишет «теперь чуть ли не целый день и рассчитывает кончить к Рождеству. У него нашлось много неизданных писем, по-новому освещающих и главную любовь всей жизни Чехова и весь ее характер, – он ведь, кажется, последний еще живой личный друг Чехова»[1154]. То есть Алданов предстал в роли своеобразного посредника не только в издании последней бунинской книги, но и в передаче читателю бунинского восприятия Чехова.

Неудивительно, что в речи, подготовленной к вечеру памяти И. А. Бунина, перечисление русских писателей, которыми тот восхищался, Алданов завершит упоминанием Чехова[1155].

Когда нью-йоркское «Издательство имени Чехова» решит выпустить в свет незавершенную рукопись И. А. Бунина «О Чехове», то по просьбе В. Н. Буниной тот же Алданов подготовит предисловие[1156], в которое почти дословно войдут многие фразы из его свежей статьи. Но эти слова будут в ином контексте: Алданову важно увидеть сходство в биографиях и творческих судьбах двух великих писателей. Характеризуя поступки Бунина в 1920–1940-

---

[1153] Яркова А. В. Жанровое своеобразие творчества Б. К. Зайцева 1922–1972 годов. Литературно-критические и художественно-документальные жанры. Санкт-Петербург: ЛГОУ им А. С. Пушкина, 2002. С. 69.

[1154] Алданов М. А. Письмо к Вредену Н. Р. США, штат Нью-Йорк, г. Нью-Йорк. 09.09.1953 г. ДМЦ КП-746/54. Л. 1.

[1155] Алданов М. А. Воспоминания о И. А. Бунине. [1953–1954 гг.] ДМЦ. КП-826/3. Л. 3.

[1156] Алданов М. А. Предисловие // Бунин И. А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 7–20.

е гг., в предисловии к книге И. А. Бунина «О Чехове» Алданов писал: «Я уверен, что так вел бы себя и Чехов, если б дожил»[1157]. Пафос этого предисловия может быть объяснен близостью трех больших художников, тем обстоятельством, что Чехов – друг Бунина, а Бунин – друг Алданова. Именно Чехов дает возможность Алданову лучше понять только что ушедшего из жизни друга. Именно Чехову Бунин обязан и своевременной оценкой своего дарования, и поддержкой в жизни. Вместе с тем Алданов полагает, что как художник Чехов не оказал большого влияния на Бунина. Отмечается даже бунинское неприятие драматургии Чехова:

«Пьесы его мне всегда были ненавистны. Ах, Толстой, Толстой! В феврале 1897 года он был в Птб. И сказал Суворину: “Чайка” Чехова вздор, ничего не стоящий… “Чайка” очень плоха… Лучшее в ней – монолог писателя, это автобиографические черты, но в драме они ни к селу, ни к городу»[1158].

Сохранилась переписка Алданова с его старшей современницей, Е. Д. Прокопович-Кусковой, об этом подробно написано в нашей статье[1159]. В ней обсуждалась бунинская книга о Чехове. Так, в письме от 31 января 1956 г. Кускова прямо выскажется о том, что ей не нравится характеристика дневника Авиловой: «Противное впечатление. Как это не противно Бунину?»[1160]. Алданов, как известно, не поддержавший мнения публикаторов чеховской биографии, не разделяет и позицию умершего друга, в этом отношении проявляя солидарность с Кусковой:

«Почему же мне Вас “ругать” за Ваш отзыв о книге покойного Ивана Алексеевича! Во многом я с Вами согласен. Вера Николаевна и Зуров, по-моему, должны были выпустить всю последнюю часть, где только цитаты из других авторов, с двумя-тремя словами примечаний. Если б Иван Алексеевич был жив, то он этого не допустил бы, да и во всяком случае просмотрел бы примечания и заметил бы одно очень неприятное фактическое противоречие с той его страницей, которую он написал давно и которая теперь только перепечатана! Они не заметили и оказали плохую услугу памяти И. А. Мне они последней

[1157] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 546.

[1158] Там же. С. 552–553.

[1159] Шадурский В. В. Забота М. А. Алданова о репутации И. А. Бунина (по архивным материалам) // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества. Москва: ИМЛИ РАН, 2021. С. 483–496. DOI: 10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-483-498

[1160] Прокопович-Кускова Е. Д. Письмо к Алданову М. А. [Швейцария, г. Женева]. 31.01.1956 г. ДМЦ КП 782/2. Л. 2.

части предварительно не послали, издательство их почему-то торопило. Я ее увидел только в вышедшей книге и чрезвычайно пожалел. А вот не могу с Вами согласиться относительно любви Чехова и Авиловой. Чехов был Чехов и любил одну из тех женщин, которых он так изумительно изображал в своих художественных произведениях. Авилова не была героиней, не была и “отрицательным явлением”, много в ней было и привлекательного, и их роман трогает, – быть может, больше, чем если бы они оба вели себя драматично. Образцов драматической любви в жизни Чехова не было, а в его книгах было немного. С Буниным он тут сходился лишь отчасти. Так, по крайней мере, мне кажется»[1161].

Из этого послания видно, что Алданов проявляет деликатность к деталям чеховской биографии, но это отношение не порождает слепого восхваления и не допускает мифотворчества.

Рациональные рассуждения, изложенные Алдановым в статьях, рецензиях и очерках, вводятся в прямую речь его персонажей, выражающих авторское сознание. Кроме того, в своих художественных произведениях Алданов использует приемы, которые, на наш взгляд, он мог позаимствовать у Чехова.

Художественные тексты Алданова связаны с такими рассказами Чехова, как «В почтовом отделении», «Умный дворник», «Унтер Пришибеев», «Хирургия», «Сирена», «Зиночка», «Дама с собачкой», «Дочь Альбиона», «Огни». Многие аллюзии восходят к «Шуткам в одном действии» – «Медведю» и «Предложению», пьесам – «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад».

В рассказе «Павлинье перо» изображен образованный, начитанный, остроумный француз, который, владея слогом Соломона, часто обращается к своей любовнице, красавице-еврейке, называя ее собакой. Произносится это в разных ситуациях, но всегда в шутку, с непременными поцелуями и восклицаниями. Дарси может, как владыка, снизошедший до общения с презренной плебейкой, произнести: «Ты не смеешь поправлять твоего господина… Ты собака!»[1162]. Он может исполнить роль щедрого хозяина недостойной рабыни: «Разумеется, ты этого совершенно не стоишь,

[1161] Алданов М. А. Письмо к Прокопович-Кусковой Е. Д. [Франция, г. Ницца] 10.02.1956 г. ДМЦ КП 783/3. Л. 1.

[1162] Алданов М. Указ. соч. Кн. 3. С. 458–459.

собака»[1163]. И может, восхищаясь «Хабанерой» в исполнении любимой Суламифи, называть ее собакой «восторженно». Сама игривая форма обхождения – лексически и интонационно – очень напоминает обращение Чехова в письмах к Книппер: «милая моя собака»[1164] (28 декабря 1900 г. (10 января 1901 г.)), «пиши, собака! Рыжая собака!»[1165] (11 (24) января 1901 г.), «милая собака»[1166] (17 (30) января 1901 г.). Алданов, не любивший тона многих чеховских писем («В устах одного из самых замечательных представителей мировой литературы высокого юмора эти шутки производят странное впечатление»)[1167], мог подарить этот тон репликам циничного персонажа.

«Странные сближенья» наблюдаются между некоторыми сценами алдановских произведений и сценами, впервые выстроенными Чеховым.

Так, в романе «Пещера» есть эпизод, который очень напоминает эпизод из «Дамы с собачкой». В чеховском рассказе Гуров после утоления страсти обращается к Анне Сергеевне на «ты», и та начинает плакать. У Алданова в гостиничном номере происходит общение Брауна и Муси Клервилль, только допускается инверсия деталей ситуации и настроения. Во-первых, Муся соблазняет Брауна. Во-вторых, последствия этого события выглядят искусственными:

«Потом она плакала. Он сидел в кресле с безжизненным лицом, ничего не говорил и не слушал ее. Думал, что если она сейчас перейдет на ты и скажет: “любишь ли ты меня?”, то ее надо было бы тут же убить. Муся говорила, что никогда не была так счастлива, как сейчас, в своем падении.

– В чем падение? – с досадой спросил он и подумал, что слова “я пала” звучат у нее приблизительно так же неестественно, как какой-нибудь “Finis Poloniae” в устах раненого героя»[1168].

У Чехова после события в номере персонажи продолжают встречаться, история их любви только начинается. У Алданова же гостиничное

[1163] Там же. С. 461.

[1164] Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Т. 9. Москва: Наука, 1980. С. 166.

[1165] Там же. С. 179.

[1166] Там же. С. 184.

[1167] Алданов М. [Рецензия на книгу] Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой. Берлин: Слово, 1924 // Современные записки. 1924. № 20. С. 423.

[1168] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 4. С. 353.

происшествие оказалось последней встречей героев: Муся восторгается обретением долгожданного счастья, а Браун готовится к самоубийству: он больше не вспомнит о глупенькой красавице.

Еще одна история Алданова некоторыми чертами напоминает о «Даме с собачкой» и чеховской пьесе «Три сестры» – рассказ «Истребитель». В событиях 1945 г. на Южном берегу Крыма принимают участие два вымышленных персонажа, с которыми связано раскрытие любовной интриги рассказа. Иван Васильевич, учившийся в Москве на медицинском факультете, заболевший на службе воспалением легких, вынужденно оказался в Крыму, где пережил и 1917 г., и основные события Великой Отечественной войны. Марья Игнатьевна, с которой сводит его судьба, с умилением называет чудаковатого «истребителя насекомых» чеховским персонажем. Ему, любящему русскую классику, соотнесение с «лишними людьми» приятно: «Он и хотел походить на полковника Вершинина, но ни малейшего сходства с ним в себе не находил»[1169]. Обратим внимание, что в несобственно-прямой речи алдановского героя Вершинин назван именно полковником. Вместе с тем эти сопоставления не столько позволили вжиться в образы, сколько ближе почувствовать сходство или различия литературы и реальности. Алданов приводит нам внутренний монолог Ивана Васильевича, пытавшегося даже писать литературные заметки о литературе, в том числе и о Чехове:

> «Критики говорят, что у Чехова в пьесах ничего не происходит. А у него что ни пьеса, то выстрелы, самоубийства, дуэли, пожары. Вот со мной действительно за всю мою жизнь ничего не случилось»[1170].

Тайно влюбленный в Марью Игнатьевну, он получает от судьбы подарок: подозрения в заболевании раком рассеиваются. Казалось бы, восторг от радостной новости должен ускорить предложение руки и сердца и читатель дождется счастливого соединения героев. Но автор лишает рассказ благополучной концовки. Он остается по-чеховски открытым и печальным: по нелепой случайности Иван Васильевич и Марья Игнатьевна не смогут объясниться и уже никогда не поженятся: «Критики говорят, что у Чехова в пьесах ничего не происходит».

[1169] Алданов М. Указ соч. Кн. 3. С. 268.
[1170] Там же.

Любопытно, что Алданов напоминает Чехова не только принципами построения сцен, сюжетных линий, но и обхождением с маленькими словесными деталями. Одна деталь в алдановском тексте буквально «рифмуется» с деталью из тех же «Трех сестер».

В списке действующих лиц чеховской комедии указано, что Вершинин – подполковник, батарейный командир. Но в тексте пьесы его трижды называют полковником. Сначала 80-летняя нянька Анфиса, встретив неизвестного офицера, извещает: « Милые, полковник незнакомый!»[1171] Только Тузенбах, как военный, догадывается, кто это, и потому точно представляет его по званию: «Подполковник Вершинин»[1172]. Во второй раз Вершинина называет полковником учитель Кулыгин. Получив отказ от Ирины принять в подарок книжечку, которая у нее уже есть, он пытается всучить свое писание незнакомцу: «…или вот лучше отдай полковнику. Возьмите, полковник. Когда-нибудь прочтете от скуки»[1173]. Произнося тост за Вершинина, тот же персонаж в третий раз назовет его полковником и не получит никаких замечаний. Вряд ли это обращение Кулыгина можно воспринять, как шутку: он не обладает чувством юмора, скорее просто не разбирается в знаках воинских различий, и это тоже странно, не в пользу его наблюдательности и образованности: ведь отец трех сестер был когда-то и полковником, и генералом.

Другое дело, почему Вершинин не реагирует на то, что его постоянно в разговорах «повышают» в ранге. Ситуация с таким «повышением» уже была много лет назад. Маша вспоминает: «Вы были тогда поручиком и в кого-то были влюблены, и вас все дразнили почему-то майором...»[1174]. Почему же Вершинина дразнили майором? Чехов, сведя такое количество воинских званий в одной пьесе, вряд ли мог сделать это случайно. Заметим, что чин «майор» существовал в дореволюционных войсках только до 1884 г. и только в пехоте; Вершинин же «батарейный командир», следовательно, он, будучи артиллеристом и военным инженером, никогда не стал бы майором. Почему же он «влюбленный майор»? Можно было бы предположить, что Чехов сделал

[1171] Чехов А. П. Указ. соч. Сочинения. Т. 13. Москва: Наука, 1978. С. 126.
[1172] Там же. С. 126.
[1173] Там же. С. 133.
[1174] Там же. Сочинения. Т. 13. Москва: Наука, 1978. С. 127.

ошибку, не зная истории воинских званий и их современного состояния. Но эту ошибку могли бы заметить режиссеры, актеры, читатели, и Чехов имел бы возможность скорректировать текст. Можно было бы подумать, что в этом прозвище скрыт намек, аллюзия на какой-то известный любовный романс, но что это за произведение? Ну и наконец, могло быть, что шутливое повышение в звании льстило самолюбию Вершинина, а обыгрывание этого самолюбия и должен был заметить внимательный читатель или зритель. Мы склоняемся именно к третьей версии ответа. Кстати, персонаж алдановского рассказа «Истребитель» этой словесной игры не заметил, для него Вершинин – именно полковник.

В романе «Пещера» происходит превращение подобного рода. Английского офицера, только что получившего чин подполковника (полковник – по-французски “colonel”, по-английски “colonel”, подполковник – на французском “lieutenant-colonel”, по-английски “lieutenant colonel”), швейцар гостиницы, «пробывший четыре года солдатом», называет полковником. И делает это не раз на французском языке: «Mon colonel n’est pas encore rentré»[1175]. Офицеру это показалось «не то что фамильярно, а несколько странно для такой гостиницы»[1176]. Клервилль удивлен такому обхождению, но не препятствует ему, как и чеховский подполковник. Читателю же должно стать ясно, что льстивый швейцар тонко играет на самолюбии молодого офицера.

Образцами маркированных отсылок к Чехову являются эпизоды романа «Самоубийство». Савва Морозов, размышляя над обстановкой своего дома, вспоминает:

«Сам Чехов насмехался над моим “безвкусием”, над фрачными лакеями. Добрые люди так мне рассказывали. Может, и врали. Точно дело во фраках! Все мы живем угнетением других людей, и Чехов тоже, и сам это отлично понимает, он умнее и Немировича, и Максима. Да и он о моем безвкусии не говорил бы, если б я был князь. Впрочем, и в самом деле, незачем было покупать мебель английского аристократа»[1177].

[1175] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 4. С. 48.
[1176] Там же.
[1177] Там же. Т. 6. С. 62–63.

Еще одна отсылка к чеховскому кругу общения связана с другим персонажем, Тонышевым. Тот, показывая свою осведомленность в театральном деле, высказывается о Художественном театре следующим образом:

«На нем у нас коллективное умопомешательство. Театр хороший, и артисты есть талантливые, но нет гениальных артистов, как Давыдов. Он величайший актер из тех, кого я видел, а я видел, кажется, почти всех. Да и актрис таких, как Ермолова или Садовская, у них нет. Книппер или Андреева, если говорить правду, артистки средние. И ничего не было уж такого умопомрачительного в постановке “Федора Иоанновича”. Не говорю о Станиславском, он большой талант. Но Немирович-Данченко мало понимает в искусстве»[1178].

В другом эпизоде, обращаясь к театральной теме, Тонышев не только рассуждает о постановках, но и мыслит чеховскими ассоциациями: «Я когда-то видел в Киеве малороссийскую труппу. Они тоже ставили макулатуру, такую же, как та, что преобладала и в наших столичных театрах. Но как ставили и как играли! Заньковецкая могла дать нашей Комиссаржевской “десять очков”, как говорится в чеховской “Сирене”»[1179]. Таким образом, даже известный фразеологизм алдановский герой возводит к комическому рассказу Чехова. Учитывая вышеприведенные примеры, можно заметить: категоричные нелицеприятные замечания Алданов высказывает не напрямую, а заставляет это делать своих персонажей.

В романе «Бред» и вовсе разведчик Шелль неожиданно показывает глубокие литературные познания и даже произносит целый монолог-характеристику чеховского творчества, причем в его драматической иерархии пьесы Чехова – только после Толстого, Гоголя и Островского занимают четвертое место:

«Они хороши, особенно “Дядя Ваня”. Чехов создал “новый жанр”, но эффекты дешевые, такие же милые старые няни, такие же гитары и бубенчики, как в старых пьесах, такие же элементарные люди с “нет, вы подумайте” или с “двадцатью двумя несчастьями”»[1180].

[1178] Там же. С. 95.
[1179] Там же. С. 96.
[1180] Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 659.

Конечно, Алданов использует стандартный литературный прием, выражая точку зрения, в данном случае – критику – от лица персонажа, но в этой позиции можно было бы узнать интонации и слова его друга – И. А. Бунина. Возникновение у Чехова прогрессивного студента из пьесы А. Н. Островского воспринимается не как наличие преемственной связи, как дешевый прием:

«А передовой добродетельный студент Трофимов, – он, кстати, точное повторение передового добродетельного студента Мелузова из “Талантов и поклонников”. Никогда таких студентов и не было»[1181].

От Шелля достается нескольким драмам Чехова: «Вишневому саду», «Иванову», «Трем сестрам». Свой упрек он выказывает и повести «Скучная история»:

«В “Скучной истории” профессор видит главную свою беду в том, что каждая мысль, каждое чувство живут в нем особняком и что нет у него общей идеи, – “а если нет этого, то, значит, нет и ничего”. То есть будь он либералом, марксистом или народником, то всё было бы в совершенном порядке, история “скучной” не была бы!»[1182].

Раздражение связано не только с тем, что Чехов не отличился оригинальными приемами, но и с тем, что с его мыслями сделали в Советской России, судьба правдивого художника печальна, пока у власти большевики – так думает рефлексирующий на литературные темы Шелль.

Еще одна возможность сближения творчества Чехова и Алданова, по мнению Чарльза Николаса Ли, – в общих стилевых тенденциях. Ли отметил несколько черт, указывающих на преемственность Чехова в рассказах Алданова.

По мнению Ч. Н. Ли, Алданов «выводит характеры чрезвычайно разнообразного психологического склада»[1183]. Он поступает подобно Алёхину

[1181] Там же. С. 659.
[1182] Там же. С. 660.
[1183] Ли С. Н. Рассказы Марка Алданова // Алданов М. А. Собр. соч.: в 6 кн. Москва: Новости, 1994. Кн. 3. С. 21.

в чеховском рассказе “О любви”, который считает, что нужно «индивидуализировать каждый отдельный случай»[1184]. Американский исследователь полагает, что «абстрагируясь от специфических черт конкретного персонажа, Алданов интересуется в первую очередь тем, согласуется ли придуманное им явление с действительностью»[1185]. Казалось бы, связь приемов двух писателей умозрительная, однако Ч. Н. Ли настаивает на очевидности этой связи. По его мнению, в методе изображения характера Алданов идет вслед за Чеховым и противостоит Толстому. Цель Алданова – «определить слагаемые, из которых составляется образ персонажа. В этом смысле он разделяет понимание Чеховым свойства характера, которое известный литературовед-эмигрант Д. Мирский называл “демократическим” и которое подразумевает поиски однородных компонентов “человека в целом” и одновременно индивидуальных штрихов в каждой человеческой личности»[1186]. Напомним, что, характеризуя героев Чехова, Д. Святолполк-Мирский отметил:

«Их нельзя узнать *по голосу*, – как можно узнать героев Толстого или Достоевского. Все они похожи друг на друга, сделаны из одного материала – общечеловеческого, – и в этом смысле Чехов самый “демократичный”, самый “всеобщий” из всех писателей. Потому что похожесть всех мужчин и женщин у него, конечно, не признак слабости, а выражение его глубокого убеждения в том, что жизнь однородна, а явление индивидуальности только разрезало её на водонепроницаемые отсеки»[1187].

По логике американского ученого, Алданов, создавая персонажей, пытается быть не просто честным, но и максимально объективным, как бы взвешивает их на чеховских весах, не прибегая к идеологическим и религиозным объяснениям поступков. Он не использует толстовских приемов «неприкрытого морального осуждения».

Ещё до М. А. Алданова и Д. П. Святополк-Мирского об этой особенности Чехова в своем критическом этюде писал Ю. И. Айхенвальд:

[1184] Чехов А. П. Указ. соч. Сочинения. Т 10. Москва: Наука, 1977. С. 66.
[1185] Ли С. Н. Рассказы Марка Алданова. Указ. соч. С. 21–22.
[1186] Ли С. Н. Рассказы Марка Алданова. Указ. соч. С. 22.
[1187] Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2005. С. 614.

«…удивительное сочетание объективности и тонко-интимного настроения составляет самую характерную и прекрасную черту литературной манеры Чехова… …Чуткий и честный, не искажая реальности, он, однако, освещает её больше изнутри, касается её интимно, берёт от жизненных фактов только их лирическую квинтэссенцию»[1188].

Ч. Н. Ли отмечает, что главные герои философских рассказов Алданова – таких как «Ночь в терминале», «Рубин», выступают поборниками «морали снисхождения»[1189]. В их поступках проявляется чеховское сочувствие к человеку. Вместе с тем Алданов «делает вид, будто воспринимает своих героев без чеховского сочувствия, но и без толстовского осуждения»[1190]. Подобно Гранитову, персонажу рассказа «Павлинье перо», он сохраняет маску кажущейся беспристрастности. Он судит своих героев, исходя из принципов рационализма и нравственности (умно ли? полезно ли? целесообразно ли?). Маска же идеально подходит, когда нужно в комичном виде представить ограниченность зла.

Еще одна черта, сближающая рассказы Алданова с чеховскими, – то, что большинство его персонажей оказываются добродушными материалистами со здоровой страстью к жизни. Эта страсть к жизни окрыляет их, поднимая над пошлостью, над страданиями и одиночеством. В рассказах Алданова, не в пример его романам, речь о духовных ценностях идет «редко и бегло». Алданов в статье «О Чехове» вспомнит и о будничном факте неприятия высоких разговоров: «Когда Мережковский пытался разговаривать с ним на высокие темы, Чехов насмешливо предлагал выпить водки»[1191]. Алдановские персонажи могут терпимо относиться к фальши, но только во имя страдания и любви («Рубин»). Те герои, которые оправдывают преступления во имя идеалов и не считаются с человеческим достоинством, свободой личности, мгновенно разоблачаются и без масок предстают в уродливом виде.

[1188] Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Указ. соч. С. 326.
[1189] Ли С. Н. Указ. соч. С. 21.
[1190] Там же. С. 22.
[1191] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 488.

В двух произведениях Алданова обыгрываются топос и символика вишневого сада. Видимо, это тоже не случайно. Исследователь Э. А. Полоцкая полагает, что подобные упоминания в литературе после Чехова стали почти что постоянной принадлежностью интертекстов:

«Творческое воздействие Чехова на преемников сказалось, в частности, в литературных реминисценциях и “цитатах” из его произведений. Писателям разных стран и художественных стилей оказались особенно близки проблемы человеческого бытия в последних чеховских пьесах, а прежде всего – в “Вишневом саде”»[1192].

У Алданова появляются сюжетные ситуации чеховской пьесы и обыгрываются приемы драматургии писателя.

Так, в рассказе «На “Розе Люксембург”» американский лейтенант Гамильтон, влюбившийся в русскую женщину, строит план – жениться, «купить ферму с садом» на юге России: «Она говорила о вишнях! Вокруг домика будет вишневый сад – какая чудесная пьеса Чехова! – я буду работать в этом саду»[1193]. Восторженный американец даже не подозревает, насколько утопичен его проект, который видится воплощением красивой мечты. Этот романтический разлад между мечтой и действительностью А. П. Чеховым доведен в развязках пьес до «жестокой смелости», когда становится ясно, что история не может завершиться благополучно. Высказывание В. Б. Катаева в отношении чеховской драматургии можно применить и к алдановской прозе:

«Разговоры героев о будущем, о смысле жизни, о необходимости веровать находятся в резком контрасте с нелепостью реального положения спорящих, с их повседневным поведением, вступают в разлад с реальным ходом событий, с развязками их судеб. В своих мечтах, в требованиях к жизни они явно не хотят думать о “соразмерности”, о посильности и исполнимости желаний»[1194].

[1192] Полоцкая Э. А. Антон Чехов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. Москва: Наследие, 2000. С. 445.

[1193] Алданов М. Указ. соч. Кн. 3. С. 185–186.

[1194] Катаев В. Б. «Жестокая смелость»: Поэтика обманутого ожидания // Чеховские чтения в Оттаве: сб. научн. тр. Тверь; Оттава: Лилия Принт, 2006. С. 13.

Как сочтены дни чеховского сада, как невозможно будущее трех сестер и будущее персонажей рассказа «Дама с собачкой», так и сочтены последние мгновения иллюзии семейного счастья между офицером США и военным доктором из СССР. Алогичность бытия, абсурдность жизни становятся следствием поведения «недотеп», людей, не имеющих ладить друг с другом, потерявших адекватную коммуникацию:

«Разобщение людей в условиях расшатавшегося мира, с мотивами конца старой жизни и ожиданием общественных перемен, отвечало духу литературы XX в., в которой эти проблемы предстали со всей остротой. Отсюда – органичность обращения к Чехову как к литературному предшественнику, остро чувствовавшему начало катастрофы целой исторической эпохи»[1195].

Еще большее следствие из этого разобщения – распад государства, эмиграция – и стало предметом осмысления в алдановских произведениях.

Но вместе с тем персонажи Алданова становятся критиками приемов Чехова, так происходит в романе «Живи как хочешь». Виктор Яценко, персонаж-писатель, работая над своей пьесой, выносит строгую оценку чеховской комедии:

«Впрочем, по совести, я не знаю, какие есть в современном театре *превосходные* пьесы. Хорошие есть, а превосходных нет. “Вишневый сад” Чехова тоже неизмеримо ниже уровня его рассказов, что бы ни говорили о нем иностранные поклонники»[1196].

Тот же Яценко, не видя возможности воплощения драматических произведений, размышляет:

«…театр, быть может, самый искусственный жанр… …Неестественны, банальны, почти нелепы… остроумные отточенные диалоги французских драматургов, и разные сверчки, и рубка вишневых садов за сценой, и трогательные речи трогательных чеховских девушек, и даже монологи толстовского Никиты. За два часа на сцене совершается больше событий, чем в жизни за десятилетие. Сцена всегда огрубляет и не может не огрублять»[1197].

[1195] Полоцкая Э. А. Антон Чехов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. Москва: Наследие, 2000. С. 445–446.

[1196] Алданов М. Указ. соч. Кн. 5. С. 35–36.

[1197] Алданов М. Указ. соч. Кн. 5. С. 420–421.

В этом монологе мятущегося писателя даже знаменитая чеховская ремарка из финала «Вишневого сада» оказывается подвергнута иронии.

Кстати, в том же романе успешный кинопродюсер, предлагая Виктору Яценко устроить его судьбу в Голливуде, в качестве аргумента обращается к Чехову:

«Вы думаете, старик Пемброк предлагает мне заняться пошлостью: всякий шпионский фильм – это пошлость! А вы помните, что сам Чехов всю жизнь мечтал о том, как написать хороший водевиль! И может быть, его, на беду, от этого отговорили разные пуристы, думавшие, что всякий водевиль непременно пошлость»[1198].

Чеховедами в разных работах давалась характеристика музыкальности произведений Чехова[1199]. Музыкальность в значительной степени определяет и подтекст алдановского сюжета, и даже систему образов Алданова. В рассказах, очерках, романах разных лет в качестве персонажей появляются Бетховен, Вагнер, Лист, Рахманинов; звучит музыка, на фоне которой раскрывается психология героев «не музыкантов».

Муся Клервилль, героиня трилогии Алданова «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», чувствует, как важна была бы музыка в ее жизни: «Муся понимала, что музыкальность в ней – самое чистое и лучшее, то, что старомодные люди, не смущаясь, называют иногда в ученых разговорах “святая святых”»[1200]. Но Муся живет расчетливо, слишком приземленно. Неудивительно, что, добившись желанного уединения с Брауном, она ухватывается за его слова о высокой музыке – и разыгрывает желание исполнить ему вторую сонату

[1198] Там же. С. 193.

[1199] Бордова И. А. Музыкальный факт, как составляющая поэтики Чехова // «100 лет после Чехова»: материалы научно-практической конференции, Ярославль, май 2004 г. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2004. С. 65–70; Гусихина Н. П. Музыкальная культура в ранней прозе А. П. Чехова // «100 лет после Чехова»: материалы научно-практической конференции, Ярославль, май 2004. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2004. С.182–184; Иванова Н. Ф. Проза Чехова и русский романс: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филологических наук. Новгород, 1998. 24 с.; Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

[1200] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 4. С. 67.

Шопена. Но вместо музицирования состоялось банальное совокупление в коньячном угаре.

Участники диалога из книги «Ульмская ночь» рассуждают о возможных творческих взаимоотношениях Чехова и П. И. Чайковского. Знают, что молодой Чехов посылал композитору свои рассказы с надписью «от будущего либреттиста»[1201]. Алдановские персонажи-резонеры приходят к заключению, что композитор, предпочитавший «напряженные драматические сюжеты, души, начиненные динамитом», не мог бы написать музыку ни к одному произведению Чехова, «если не считать “Черного монаха”»[1202]. Следуя их логике, можно сказать, что Чайковский, умерший в 1893 г. и, конечно, не имевший возможности прочесть повесть Чехова (первая публикация в январе 1894 г.), только в «Черном монахе» смог бы оценить и значение музыки, и напряженность драматического сюжета чеховского произведения.

Следует отметить мировоззренческую близость Алданова и Чехова. Во-первых, внимание на моральные проблемы и на их решения. Пьер Ламор, соглядатай европейской истории конца XVIII в., произносит слова о преподнесении правды, очень похожие на высказывания наиболее разумных чеховских героев: «Я не отношу себя к той скверной породе людей, которая *всегда говорит правду*, – это одна из многочисленных форм дурного воспитания»[1203]. Чеховский скептицизм и отсутствие склонности к созданию концепций органично близки Алданову, философия которого основана на признании его величество Случая. Персонаж рассказа «Ночь в терминале», ироничный Макс Норфольк, словно продолжает чеховские мысли:

«Одна из особенностей нашей счастливой эпохи еще и в том, что среди нас есть слишком много людей, много переживших. Разумеется, они во многих случаях ровно ни в чем не виноваты, но от этого ни им, ни нам не легче. Они теперь живут не только вне морали, но, что гораздо хуже, вне логики. Их действия больше не подчиняются закону причинности»[1204].

[1201] Алданов М. Указ. соч. Кн. 6. С. 391.
[1202] Там же.
[1203] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 1. С. 487.
[1204] Алданов М. Указ. соч. Кн. 3. С. 328.

Норфольк, размышляя о сочувствии к людям, говорит: «…человек лучше, гораздо лучше своей подмоченной репутации. Он только очень слаб и очень несчастен»[1205].

В чем-то и алдановские представления о счастье близки чеховским. В романе «Пещера» химик Браун об исключительных людях и о счастье говорит так: «Отличие обыкновенных людей от необыкновенных отчасти состоит в том, что обыкновенные могут ясно изложить, какой у них – в кавычках – “идеал счастья”»[1206]. В том же романе приводятся слова Декарта, известного своим взвешенным скептицизмом. Можно сказать, что их мы слышим в рассказах «Палата № 6» и «Черный монах» – в историях о печальной участи критического сознания и одержимости идеей: «Большинство людей живет без всяких мыслей, стоящих этого слова, и здесь ничего худого нет. Опаснее те, что раздавлены одной мыслью. Их тоже довольно много в мире»[1207].

В своих книгах Алданов судит героев, исходя из принципов рационализма и нравственности, не прибегая к идеологическим и религиозным объяснениям поступков. Алдановские персонажи во многом продолжают мысли чеховских героев – о счастье, о преподнесении правды, о необъяснимости мучений и страданий современного человека, о печальной участи критического сознания и одержимости идеями.

Интересно наблюдение П. Пильского по поводу стиля Алданова и его умения придерживаться «золотой середины», когда он бывает лаконичнее и деликатнее и Толстого, и Чехова. Рассуждая о поведении персонажа в романе «Пещера», критик заметил, что всего лишь «…промелькнуло необрисованное и нерассказанное “падение” Вити, – на этом со строгой внимательностью остановился бы, например, Толстой, этой темы не упустил бы и Чехов»[1208]. Очевидно, такое наблюдение польстило Алданову и следует признать, что оно объективно.

Скептицизм, жизнелюбие, естественнонаучная обстоятельность в художественном творчестве – это те черты, которые, как нам представляется,

---

[1205] Там же. С. 354.

[1206] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 4. С. 345.

[1207] Там же. С. 386.

[1208] Пильский П. Новая книга «Современных записок» // Новое русское слово. 1934. № 7804. 10 июня. С. 8.

у Алданова общие с Чеховым. Андрей Седых вспоминал о работе с Алдановым в газете «Последние новости»: «Чем-то Марк Александрович напоминал мне чеховского героя, который, чтобы ни случилось, говорил: “Ох, не к добру это, не к добру!”»[1209]. Вероятно, критик вспоминает слова Карповны из чеховской повести «Моя жизнь»: «Ох, не к добру, сердечные, не к добру…»[1210] («…Карповны, доброй, но мрачной старушки, которая всегда предчувствовала что-нибудь дурное, боялась всех снов вообще и даже в пчелах и в осах, которые залетали к ней в комнату, видела дурные приметы»[1211]). Это ироническое отождествление заставило бы Алданова улыбнуться.

Многие из чеховских художественных принципов должны были войти в сознание Алданова: желание быть беспристрастным, объективным, стремление видеть в отдельном человеке общее и специфическое. И в то же время у Алданова проявляется видение вещей в разоблаченном состоянии.

Заслуживает исследовательского интереса и обращение Алданова к произведениям Чехова в немногочисленных драматических опытах, к которым можно отнести пьесу Алданова «Линия Брунгильды», поставленную на сцене и вышедшую отдельным изданием, а также вставные пьесы в структуре романа «Живи как хочешь».

Театральная жизнь эмиграции первой волны была весьма интенсивной и разнообразной, спектакли по русской классической литературе с успехом шли в театрах, организованных в центрах русского «рассеяния». Примечательно, что большую часть репертуара составляли драматические произведения эмигрантов-современников, и на то были особые причины. Эти причины, наряду с содержанием наиболее известных пьес, уже раскрыты отечественными литературоведами[1212]. Удивительно, что драматургия открыла неожиданные грани таланта авторов, заслуживших признание совсем

[1209] Седых А. Заметки об Алданове // Новое русское слово. 1956. № 15835. 4 нояб. С. 7.

[1210] Чехов А. П. Моя жизнь // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1977. Т. 9. С. 270.

[1211] Там же. С. 217.

[1212] Злочевская А. В. Драматургия русского зарубежья первой волны в контексте литературного процесса XX века // Русская литература. 2004. № 3. С. 86–109; Кодзис Б. Драматургия первой волны русской эмиграции // Новый журнал. 2011. № 263. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2011/263/ko20-pr.html; Сечкарев В. М. Случай и судьба: Пьеса Марка Алданова «Линия Брунгильды» // Новый журнал. 2001. Кн. 222. С. 141–152.

в других жанрах – эпических или лирических. Однако даже в этом контексте, среди создателей драматических произведений, имя Марка Алданова звучит странно. Каким образом автор исторической прозы, рационалистичный ученый, мог оказаться в стане драматургов?

Ожидать от Алданова написания произведений для театра было бы странным делом для читателя зарубежья, но у писателя были попытки создания сценариев – в частности по произведениям Толстого. Он долго пишет пьесу «Линию Брунгильды», которая смогла получить сценическое воплощение на разных театральных площадках; более того, в структуре романа «Живи как хочешь» Алданов разместит две вставных пьесы.

А. Чернышев указывает, что над драмой «Линия Брунгильды» Алданов работал в 1929–1930 гг. и лишь в 1937 г. после постановок и переработки опубликовал ее сначала в журнале[1213], а потом в книге[1214]. Вторая и третья пьесы Алданова не являются самостоятельными произведениями, они могут быть восприняты как части общего текста, очень опоздавшего к читателю: роман «Живи как хочешь» создавался в 1949 г., а первое издание состоялось только в 1952 г.

Действие «Линии Брунгильды» происходит в 1918 г. «В небольшом местечке, служившем тогда пограничной станцией между большевистской Россией и занятой немцами Украиной…»[1215], оказываются бежавшие из большевистской России актеры провинциальной оперетты. Чтобы проехать на Украину, артистам нужны деньги и разрешение на проезд. Рассчитывая на возможность получить какие-то средства, труппа задумывает устроить спектакль. Получение пропуска на проезд, как и разрешение на постановку, зависело не только от воли коменданта, но и, как выясняется позднее, от исторического момента. Свой временный приют артисты нашли в здании, где когда-то был дом умалишенных, в нем-то и разворачиваются мелодраматические события.

[1213] Чернышев А. Алдановские «Десять лет спустя» // Алданов М. Указ соч. Москва: Новости, 1995. Кн. 5. С. 11.

[1214] Алданов М. А. Бельведерский торс. Линия Брунгильды. Париж: Русские записки, 1938. 189 с.

[1215] Алданов М. А. Линия Брунгильды // Русские записки. 1937. № 1. С. 9.

Но сюжетная канва оказывается не самым интересным местом в пьесе. Вызывают интерес приемы организации текста в целом и паратекста в частности. Поэтика драмы, кажется, раскрывается совершенно просто и прозрачно, уже замечено, что «Алданов в “Линии Брунгильды” следует чеховской традиции. Его пьеса – двуплановая: внешний, бытовой срез событий и внутренний, нравственно-психологический. Бегство из Петрограда, попытки поставить оперетту, появление новых персонажей, – все это подспудно сосуществует с нравственно-психологическим развитием действия»[1216]. Вероятно, чем больше степень литературности, тем выше уровень пьесы. Но если в целом Алданов недооценивал чеховские пьесы, могло ли быть так, что какие-то приемы Чехова он все равно использовал в собственном творчестве? Ведь случай с Достоевским показателен в этом отношении. На наш взгляд, такие приемы Алданов использовал, и самые очевидные применены в паратексте.

Уже в списке действующих лиц пьесы «Линии Брунгильды» словно предусмотрены разные возможности действия. Интересные подробности: в дюжине героев Алданова есть всего два эпизодических персонажа, возраст которых не определен: немецкий вестовой и лакей. В остальных случаях дана информация о героях в точных цифрах: «приближается к 60 годам», «18 лет», «65 лет», «32 лет», «35 лет», «48 лет», «лет 40» и наконец в двух случаях указана связь с понятием возраста: «еврейский юноша» и «спекулянт – человек неопределенной национальности и неопределенного возраста»[1217]. По имени, отчеству, фамилии названы только два персонажа в возрасте за 50, а Иваном Александровичем заслужил именоваться только один герой – 35-летний мужчина, примкнувший к труппе в Пскове, с непонятным прошлым и еще более темным настоящим, но весьма остроумный, владеющий револьвером и мастерством игры на фортепиано. Алданов, подобно Чехову, придает символическое значение деталям, обозначающим возраст и статус действующих лиц.

[1216] Кодзис Б. Драматургия первой волны русской эмиграции // Новый журнал. 2011. № 263. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2011/263/ko20-pr.html.

[1217] Алданов М. Указ. соч. Кн. 5. С. 538.

Ремарки Алданова объемны, это почти чеховские описания. Благодаря их обстоятельности не только визуализируются интерьер, движения героев, но и передается атмосфера, эмоциональный фон событий. Через них, как в самих действиях, передается музыка, не случайно и один из главных героев этой пьесы – прекрасный пианист. Вообще персонажи алдановской драмы много напевают, поют, музицируют. Пожалуй, только в одном эпизоде музыкальность сведена к анекдотичности:

«Ксана. Вы любите музыку?
Ершов *(зевая).* Страстно.
Ксана *(смеется).* Сейчас видно»[1218].

Почти каждая реплика действующего лица сопровождается краткими авторскими указаниями, которых так много в чеховских пьесах: «с неудовольствием», «с любопытством», «с волнением», «торжественно», «рассеянно», «с жаром», «мечтательно», «таинственно», «рассеянно», «солидно», «польщенно», «умиляюще», «миролюбиво». Интересно, что этот прием сохранится и в других драматических текстах, которые будут принадлежать алдановскому персонажу-писателю в романе «Живи как хочешь».

Естественно, что исследователи обратили внимание на самый броский элемент паратекста – заглавие пьесы – и на мифологический подтекст, который формирует опера Вагнера. Однако нужно учесть и тот факт, что о линии Брунгильды, упоминаемой как в прямом, так и в символическом значении, говорит персонаж, приобретающий зловещие черты. Можно ли верить ему? И как понять такую символизацию? С одной стороны, линия Брунгильды – это система неприступных немецких оборонительных сооружений, выстроенных на восточном фронте, а что с другой? Германский офицер Фон Рехов, комендант пограничного городка, где застряли артисты, пафосно произносит пафосные слова, которые обыгрываются в пьесе как минимум в трех сюжетных линиях:

[1221] Там же. С. 592.

«…в тетралогии Вагнера бог Вотан окружил стеной, неприступной стеной огня, свою виновную, но любимую дочь Брунгильду. <…> У каждого свой рок. И своя линия Брунгильды... В душе у каждого порядочного человека должна быть линия Брунгильды: то, чего он не уступит, не отдаст, не продаст ни за что, никогда, никому... Это подлинная правда человека»[1219].

Юная беззаботная актриса Ксана, видящая себя в будущем благородной замужней дамой: «Я хочу иметь мужа, а не любовника! Хочу иметь свой дом, хочу иметь детей»[1220], даже не предполагает, что в считанные дни падет жертвой страсти.

Другой персонаж пьесы Иван Александрович, вероятно, в прошлом офицер русской армии, должен любыми способами пробираться на Юг России, где формируется армия сопротивления большевикам, но влюбляется в Ксану и остается ради нее на месте даже в минуту грозящей ему смертельной опасности – гибели от рук Рехова и его солдат. Фон Рехов должен выполнить свой воинский долг: никого не пропустить через кордон, но, оказывается, и он, ослепленный страстью, способен на благородный поступок, правда, более похожий на служебное преступление: он избавляется от своего соперника, врага, выпуская его за границу.

Кому же нужна линия Брунгильды, если все ее преодолевают? Иван Александрович над этими моральными ограничениями смеется. Ксана несколько страшится. Но вот обиженный Фон Рехов, обойденный и любовью, и благодарностью, посвятит свою жизнь мести обидчикам и отомстит за нарушение своей линии: «Поэты говорят, что в минуты прозрения человек познает Бога… Бывает и так, что он познает черта!»[1221]. Он обещает славу делам своей ненависти. И в эпилоге читатель поймет, кто будет ярым помощником фюрера в деле реванша Германии.

А. В. Злочевская написала, что

«…в построении пьесы реализован принцип, намеченный еще А. П. Чеховым: “Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди

[1219] Там же. С. 566.
[1220] Там же. С. 553.
[1221] Там же. С. 592.

обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни…”. У М. Алданова на уровне «подводного течения» вершится история, совершается мировая катастрофа, в то время как люди, не зная и не понимая этого, продолжают жить обыденными заботами, интересами повседневной жизни, своими чувствами и желаниями»[1222] .

Итак, правда, открываемая в тексте, а точнее, в эпилоге, отвергает, казалось бы, незыблемый символ – категоричное заглавие, опрокидывая его серьезный смысл в бессмыслицу. Но от этого только грустнее.

В основном тексте пьесы комичность многим сценам придает поведение «глупорожденной» кухарки Марины, эротоманки, падкой на мужчин. Но ее роль еще и в другом – показать лицемерие высокопарного Фон Рехова, который готов ночь напролет рассуждать о неприступности дочери бога Вотана, а потом мимоходом «воспользоваться» простодушной Мариной, последнее как раз и передают элементы паратекста:

«**Марина**. Это книги.

Фон Рехов *(с ужасом).* Книги? Какие книги? Ах, от Ершова? *(Берет книги и кладет их на стол. Смотрит на нее.)*

Долгая немая сцена.

Посидите со мной, красавица. *(Берет ее за руку.)*»[1223].

Такие комичные помощники сохранятся и в других драматических экспериментах Алданова.

Но стоит обратить внимание и на детали текста, которые по-чеховски переключаются из фона действия в фон текста – в ремарки и наоборот. Так, шестая картина завершается счастливой кульминацией: война закончилась миром, дорога открыта, влюбленные Иван Александрович и Ксана целуются и, предвкушая радость совместного будущего, поют романс А. Апухтина

[1222] Злочевская А. В. Роль аллегорического подтекста в драматургии русской эмиграции (на материале пьес И. Сургучева «Реки Вавилонские», М. Алданова «Линия Брунгильды» и А. Ренникова «Борис и Глеб»). URL: http://www.bogoslov.ru/text/2868913.html.

[1223] Алданов М. Указ. соч. Кн. 5. С. 594.

«Ночи безумные, ночи бессонные…». Но многословная ремарка смазывает радость:

«Занавес опускается. За занавесом пение продолжается. Когда романс (или часть его) кончается, пауза в полминуты. Затем тот же романс (или та же часть его) начинается снова: поет голос Ксаны (если возможно, несколько измененный), но мужской голос совершенно иной»[1224].

В эпилоге постаревшая Ксана уже заканчивает романс с неожиданно другим мужчиной.

Есть и еще нечто чеховское: следы рассказов в драматургии. При всей продуманности ремарок Алданова, в них остается некая неопределенность. С одной стороны, это позволяет частичку свободы режиссеру, вспоминается: «тот же романс» (или та же часть его»). С другой стороны, выглядит как забытая деталь рассказа, памятна ремарка в эпилоге: «Все они постарели лет на двадцать. Девять часов вечера. Уже никого нет (или еще никого нет)»[1225]. Как это «уже» или «еще» можно представить на сцене? Это можно только прочесть, значит, и пьеса ориентирована на прочтение, на визуальное восприятие читателем, а стало быть, эпическая составляющая создает возможность постижения пространства, времени и позволяет ощутить пустоту пространства, отсутствие людей, одиночество героя.

Отметим, что пьеса Алданова появилась в печати уже после нескольких спектаклей, она была опубликована в первом номере журнала «Русские записки», собиравшемся в Париже и печатавшемся в Шанхае. О постановке пьесы отзывы публиковала рижские газеты «Сегодня» и «Сегодня вечером»[1226]. Та же газета оказалась внимательна и к печатной версии пьесы[1227]. Не остался в стороне и соавтор «Русских записок», приобретший к

[1224] Там же. С. 599.
[1225] Там же. С. 599.
[1226] Мерич Арс. (Даманская А. Ф.) На премьере «Линии Брунгильды» М. Алданова // Сегодня. 1937. 53 (22 февр.). С. 3; Пастухов В. «Линия Брунгильды» М. Алданова в Русском театре // Сегодня вечером. 1937. № 72 (31 марта). С. 4.
[1227] Волковыский Н. [Рецензия на книгу: Алданов М. Бельведерский торс. Линия Брунгильды. Париж: Русские записки, 1938] // Сегодня. 1938. № 11 (11 янв.). С. 8; Пильский П. Покушение на жизнь папы. Новая книга М. Алданова «Бельведерский торс» [Рецензия

тому времени солидный литературно-критический багаж Г. Газданов[1228]. И наверное, лучшим признанием того, что алдановское произведение оказалась удачным, явилось свидетельство современника, очень острого на язык: «Пьеса, можно сказать, очень сценична: как полагается, с песнями и плясом… имела вполне заслуженный успех. Но ошибка редакции “Русских записок” заключалась в том, что она эту пьесу напечатала. Пьеса пишется для сцены; если она хороша, надо ее посмотреть в театре, если дурна, не надо смотреть. Но печатать – рискованно. И, во всяком случае, нельзя было начинать новый журнал, открывать первый номер, – пьесой!»[1229]. Так чеховские приемы помогли пьесе Алданова обрести успех у зрителя и читателя.

О том, как важны были для даже опытных писателей поиски себя в драме, говорит переписка Алданова и Набокова. Так, в 1938 г. Алданов пишет Набокову, который тоже думал о театральном воплощении своей пьесы «Событие»:

> «Думаю, что пьеса поправит Ваши дела. Моя “Линия Брунгильды” принесла мне больше, чем я думал, хотя ни на один язык пока не переведена (да и не годится для этого)… Оказалось, что русских театров не так уж мало. Большая часть их ставит пьесу один или два раза» [1230].

Поиски эти были связаны отнюдь не с новой художественной тенденцией, а с желанием хоть что-то заработать. Именно потому пьесы эмигрантов при всей своей литературной составляющей должны быть притягательны для массового зрителя и по возможности – смешны и остроумны, должны были обеспечить автору коммерческий успех.

Стоит отметить и особенность использования имени Чехова в переписке Алданова с этим взыскательным читателем и бесцеремонным критиком, которая продолжится в 1940–1950-е гг. Как о Достоевском, так и о Чехове в

на книгу: Алданов М. Бельведерский торс. Линия Брунгильды. Париж: Русские записки, 1938] // Сегодня. 1938. № 259 (19 сент.). С. 3.

[1228] Газданов Г. [Рецензия на книгу: Алданов М. А. Бельведерский торс. Линия Брунгильды. Париж: Русские записки, 1938] // Русские записки. 1938. № 10. С. 194–195.

[1229] Мирный В. С. [Яновский В. С.] «Русские записки» [№ 1 и 2] // Иллюстрированная Россия. 1938. 19 февр. № 9 (667). С. 16.

[1230] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. С. 145.

переписке Алданова с Набоковым не встречается ни слова, речь пойдет только об одноименном издательстве имени Чехова, организованном в США. Алданов, некогда думавший написать книгу о Достоевском, проговаривался о своем плане, но Набоков эту линию общения не поддержал. О Чехове мог быть еще более откровенный разговор, но его не стал начинать и сам Алданов. В переписке с другими писателями Алданов оказывается более открытым. В распространенной форме, иногда даже с указанием недостатков, он может написать о Пушкине, Тургеневе, но не делает этого в письмах Набокову. Думается, одна из причин этого – умение не подливать масла в огонь темпераментного Набокова-критика и нежелание лить воду на мельницу растущих амбиций Набокова-писателя, который ощущал не только возможность признания, но и приступ мировой славы.

Что касается продолжения драматического опыта Алданова, теперь уже в романе «Живи как хочешь», его главный герой, писатель Николай Яценко, размышляет над тем, как художнику отстоять свое имя и в то же время развиваться, какие создавать произведения и как взаимодействовать с кинематографом. Современники охвачены апатией, вместо радости победы над Гитлером – опустошение и ожидание новой мировой войны; Яценко же создает пьесу «Рыцари свободы», в основе которой сюжет о событиях XIX в. – наполеоновской поры: подготовка и подавление восстания приверженцев свободы. Устами алдановского писателя, ищущего способ объединить достоинства элитарной и массовой литературы, определяется и жанр этого текста – «романтическая комедия». О своем произведении Яценко скажет просто: «Я написал в романтическом духе историческую пьесу на современную тему»[1231]. Интересно, что и сама пьеса представляется «устно». Автор читает свою пьесу вслух потенциальному покупателю – голливудскому продюсеру. Потому список действующих лиц мы здесь не видим, но о них говорится еще до чтения самой драмы. Но даже при устном представлении читателю этой драмы из пролога и пяти картин ощутим алдановский паратекст: это те же пространные ремарки, дающие описание интерьера, содержащие музыкальное оформление, в частности романс Мартини «Plaisir d’Amour», который становится лейтмотивом произведения. Но в отличие от

[1231] Алданов М. Указ. соч. Кн. 5. С. 62.

чеховского музыкального лейтмотива, этот еще и приобретает сюжетную нагрузку. В нотах романса оказывается спрятан ключ к шифру, которым пользуются заговорщики. Кроме того, Алданов почти все реплики персонажей сопровождает привычными указаниями к интонациям: «сердито, не слушая ее, решительно, с легким вздохом, с гордостью». Частота их применения прежняя, как в «Линии Брунгильды».

Яценко исходил из представления, что все «…романтическое довольно чуждо современному человеку»[1232], но его пьеса словно утверждает обратное: человечеству нужны ритуалы, мечта о свободе, а значит – романтическое мировоззрение неизбывно, необходимо. Тайное общество «Рыцари Свободы» тоскует по своему кумиру, томящемуся на острове Святой Елены, и готовит восстание в провинциальном городке Сомюре. Среди организаторов восстания – историческое лицо, генерал Лафайет, участник войны за независимость США.

Образы в этой пьесе создаются более зримыми, визуальными, передаются характерные для Алданова натуралистические подробности (запах, вкус пищи). Так, главная героиня, опьяненная своей молодостью и красотой, игривая и легкая, умудряется в одном высказывании совместить несоединимое: и мелочь и, серьезное:

«**Лина. Бернару**: «Я все счастливее с каждым днем! (*Целует его снова.)* От меня не пахнет чесноком?»[1233]

При всем том, что есть персонажи с непередаваемой внешностью, сохраняющие по условиям конспирации имена в тайне (это первый Разведчик, Второй Разведчик), пьеса содержит образы поистине комедийные, чеховские. Как старина Фирс все еще заботливо прислуживает далеко не мальчику Гаеву, так и у престарелого Лафайета есть прислужница – заботливая няня Луиза, которая видит насквозь всех людей и ворчит на протяжении всего действия. Вот как в ее подаче обыгрывается тайный жест рыцарей – обмен знаками на пальцах:

[1232] Там же. С. 62.
[1233] Там же. С. 73.

«**Луиза** *(входит и, увидев Лафайета в кресле, с яростью поднимает три пальца).* У него подагра и болезнь мочевого пузыря, а он устраивает заговоры!..» [1234]

Наполеон умер. Восстание не удалось. Заговорщики пойманы. Кто-то лишился жизни. Кто-то переменил судьбу. Торжествует печальная повседневность, мечты о свободе и рыцарстве остаются разговорами. Но даже за разговоры и мечты о свободе заплачено жизнью – это большая цена. Поэтому финальная встреча героев – встреча через много лет, которая выполняет функции эпилога, передает неистощимый пафос старого Лафайета. «Они восторжествовали на десять, на пятнадцать, пусть на двадцать лет – потом они будут сметены. Они побеждены, потому что их идея мертва и ничтожна. Мы победили, потому что наша идея вечна: она отвечает самым святым, самым насущным, самым благородным требованиям человеческой природы»[1235]. Однако эти слова произносит саламандра судьбы, человек, который при всем многообразии исторических событий, в которых он принимал участие, умудрился не пролить ни капли своей крови и сохранить финансовое состояние.

Вторая пьеса персонажа-драматурга Яценко будет написана уже по тем канонам, которые лучше устроят продюсера, но не принесет радости автору, она даже названием своим окажется чужеродной – «The Lie Detector» («Детектор лжи»). Впрочем, это уже сценарий фильма, уход в кинематограф. В ее списке действующих лиц только 7 персонажей, возраст которых раскрывается в действии, только два героя названы по имени, а остальные – по социальной принадлежности или профессиям. В ремарках 6 картин вряд ли удастся найти что-то от классики (разве что в одной из сцен герои немного поговорили о «Войне и мире» Толстого), но тем не менее можно обнаружить привычную многословную описательность, постоянство авторских инструкций и вездесущий музыкальный фон (опять-таки один из главных героев играет на рояле, поет), мелодию или песенку – лейтмотив. Так, барон любит напевать «Whether you young, whether you old…» («Молоды вы или стары…»)[1236]. И когда вопрос о выделении ему 50 000 решается положительно,

[1234] Там же. С. 87.
[1235] Там же. С. 144.
[1236] Там же. С. 336.

уже старый Макс пользуется его любимой мелодией: «Макс наливает себе виски. Напевает: «…Whether you young, whether you old…»[1237]

Но одна деталь все же выделяется: в ремарках к репликам алдановского героя ощущается, как звук наполняет пространство, меняет пространство, на сцене это сделать непросто, зато легко с использованием камеры и микрофона:

«Тот же вечер. Одиннадцатый час. Когда занавес поднимается, слышны звуки рояля. Кто-то играет (очень хорошо) фантазию из “Кармен”. Салон барона. Дверь соседней комнаты отворена. Играют именно там»[1238].

Подобно музыке в чеховских пьесах, играющей в отдалении (о чем сообщают ремарки), звучит и музыка в драматическом произведении Алданова.

Отсутствие же в тексте традиционных возможностей передачи психологии героев, кинематографическая редукция паратекста драмы мешает Николаю Яценко воплощать свой дар писателя, именно потому он порвет с Голливудом, но выиграет как романист.

Интересно, что этот роман Алданова рассматривался В. А. Шварц как претендент на издание и оказался выпущенным в свет в 1952 г. «Издательством имени Чехова». Опубликованный текст внушил оптимизм издателям, недооценивавшим жанр романа в послевоенное время: «Вы заставили меня усомниться в моем убеждении. Вот пришли Вы со своим романом и показываете, что наши современники могут быть героями именно романа»[1239]. В. А. Шварц отметила ту роль, которую сыграла в успехе алдановского романа вставная «чеховская» пьеса: «Очень интересна вставленная в роман пьеса “Рыцари свободы”, активизирующая не только Надю, но и других действующих лиц»[1240]. Таким образом, элементы чеховской драматургии помогли Алданову создать новый тип романа, который составил

[1237] Там же. С. 386.
[1238] Там же. С. 352.
[1239] Шварц (Александрова) В. А. Письмо к Алданову М. А. Машинопись авторизованная. Нью-Йорк, 31.03.1952 г. ДМЦ КП-735/18. Л. 1.
[1240] Там же. Л. 1.

конкуренцию господствующему жанру рассказа, и сам Алданов в последние годы жизни перешел к романной форме.

Преимущество и достоинство опубликованных алдановских пьес как раз в том и состоит, что многочисленные авторские ремарки, списки действующих лиц раскрывают новые возможности паратекста. Благодаря паратексту Алданов в большей степени показывает свою сосредоточенность на Чехове, а его пьесы приобретают новые смыслы. В этом отношении мы согласимся с неожиданным предположением Ю. В. Доманского о том, что «смыслопорождающие возможности у слова в драме больше, чем у слова в эпике, что может быть связано с двунаправленностью драматургического слова, с поливидовой его природой; в частности, делением слова в драме на звучащее и незвучащее…»[1241]. Вероятно, у Алданова не все получилось. А может быть и другое: именно в напечатанном варианте драма Алданова передает больше возможностей для изображения деталей, нюансов, интонаций – всего того, что в театре режиссер может проигнорировать, а зритель – не заметить, пропустить, прозевать. Как следствие, алдановские сочинения таковы, что романтика и ирония взаимопроникают, избавляя произведения от излишней серьезности, напыщенности. Но при этом сохраняется занимательность повествования и не теряется глубина содержания.

Диалоги рассказа «Палата № 6» слышны в романах Алданова «Ключ» и «Бегство», рассуждения из рассказа «Черного монаха» – в романе «Пещера». Скептицизм, жизнелюбие, естественнонаучная обстоятельность в художественном творчестве – это те черты, которые, как нам представляется, объединяют художественное мироощущение Алданова с чеховским.

Алданов следит за человеческой пошлостью, изучает виды счастья в жизни, но очень часто пошлость обесценивает счастье, лишает его одухотворенной силы. Многие его произведения печальны своими развязками: в рассказах «На “Розе Люксембург”», «Истребитель» созданные друг для друга люди не могут быть вместе из-за непреодолимых, иногда не осознаваемых препятствий. Вспоминаются слова того же В. Б. Катаева о

[1241] Доманский Ю. В. Чеховская ремарка: некоторые наблюдения. Москва: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2014. С. 117.

чеховских персонажах и концовках драматических произведений: «…отказ от благополучной развязки есть разновидность “иронии жизни”. Экзистенциальная ирония господствует в поздних произведениях Чехова…» [1242]. Нам представляется, что и Алданов придерживался этой «экзистенциальной иронии» в течение всей своей творческой жизни: от создания повести «Святая Елена, маленький остров» до романов «Истоки» и «Бред»:

«Чехов не просто представляет своих героев как пародии на традиционных любовников и разлучников. Его герои не только смешны в своей неспособности добиться счастья… Каждый из них по-своему достоин счастья: вызвать сочувствие к их положению, их мечтам и надеждам входит в стратегию драматурга»[1243].

О таком сочувствии к человеку, о снисходительности к нему писал Алданов как в частях своей тетралогии «Мыслитель», трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», так и в рассказах. Многое в этом сожалении, вызванном невозможностью человеческого счастья, у Алданова от Чехова.

Вслед за Чеховым Алданов интересуется в первую очередь тем, согласуется ли придуманное им явление с действительностью, насколько оно правдиво. Здоровая страсть к жизни его героев превышает разъедающую страсть к сомнению и рефлексии, окрыляет их, поднимая над пошлыми ситуациями, спасая от одиночества, страданий и метафизической тоски.

Ю. И. Айхенвальд отмечал привычку у Чехова «выпускать свои темные снимки мира»:

«Без конца – только смерть положила конец – он рисовал эти страшные образы, и его глаза, раскрытые на ужас, как будто сами не ужаснулись, только отуманились. Если видишь то, что видел Чехов, нельзя быть спокойным»[1244].

[1242] Катаев В. Б. «Жестокая смелость»: Поэтика обманутого ожидания // Чеховские чтения в Оттаве: сб. научн. тр. / редкол. Ю. В. Доманский, Д. Клейтон. Тверь; Оттава: Лилия Принт, 2006. С. 16.

[1243] Там же. С. 16.

[1244] Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Указ. соч. С. 325.

Эта одержимость художественным видением может показаться аберрацией гоголевского типа, но Алданов, так же как Чехов, всегда стоял на стороне сил, борющихся за добро. Может быть, этой отзывчивости, тревожности, неравнодушию к проблемам жизни человека Алданов отчасти обязан Чехову.

Во время Второй мировой войны он создает не романы и портреты исторических лиц, а публицистику и рассказы на злободневные темы. Вместе с тем Алданов интересуется Чеховым, переписывается с Б. Зайцевым, который пишет книгу о Чехове в начале 1950-х гг. Более того, в письме 25 августа 1952 г. своему адресату, который, как известно, был дружен с создателем «Чайки», он дерзнул упрекнуть Чехова в некоей сюжетной зависимости от своего предшественника:

«Недавно я перечитывал Островского. И меня поразило необыкновенное сходство между добродетельным передовым студентом “Вишневого сада” и добродетельным передовым студентом “Талантов и поклонников”… Разумеется, даже мысль о плагиате не возникает и возникнуть не может. Но это, по-моему, поразительный пример шуток, которые бессознательная память может сыграть с писателем»[1245].

В том же письме Алданов не стесняется высказаться о своих предпочтениях в чеховском творчестве: «Я, кстати, “Вишневый сад” всегда любил гораздо меньше, чем “Дядю Ваню”»[1246] . И все же нужно отметить, что Алданов любил чеховские произведения, хотя его персонажи и критикуют пьесы Чехова.

Необходимо обратить внимание на следующее: речь о преемственности чеховского наследия в творчестве Алданова должна вестись минимум в двух аспектах. Маркированные отсылки к персонажам, конфликтным схемам, сюжетным линиям произведений Чехова – все то, что составляет очевидное присутствие «чужого слова», свидетельствует о генетических связях, о зависимости стиля и художественного мышления Алданова от литературного предшественника. С другой стороны, общие мировоззренческие принципы,

[1245] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/october/1998/6/vos.html.

[1246] Там же.

свойства образного зрения, слуха показывают типологическое сходство в даровании двух писателей, в способах постижения и представления бытия.

В исторических романах 1920-х гг. – серии «Мыслитель», посвященной событиям времени Великой Французской революции и свержению с трона Павла I, в историко-философских повестях 1930-х гг. – «Бельведерский торс», «Пуншевая водка», в романе «Истоки» Алданов не использует отсылок к русской классике и к Чехову в частности. Конечно, естественная причина в том, что Чехов не обращался к историческим сюжетам и тем самым не создал повода для Алданова, взыскательно относившегося к изображению исторических фактов. Вместе с тем Алданов, пытающийся постигнуть психологию людей ушедших времен, избавляет своего повествователя от литературных напластований. Например, упоминание имен А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого приводится не в основном тексте, а в примечании[1247]. Чем дальше повествование от современности, тем меньше в нем литературных ассоциаций. Если повествование определено временем дочеховской поры, то и чеховских примет в сюжетах и системе образов Алданова мы не обнаружим. И наоборот: чем ближе изображаемые события к современному читателю, тем больше в речи повествователя появляется сопоставлений с литературными сюжетами, персонажами, идеями писателей.

Толстой, по мнению, Алданова, глубоко постигнул психологию отдельного человека и массы, но многие попытки рационального постижения жизни, и особенно – своего чувствования жизни, Толстому не удались. Они выглядят нелепыми и беспомощными не только в глазах человека, пережившего 3 русских революции и 2 мировых войны; они выглядят смешными даже для рассудительного интеллигента 1913 г. Иное с Чеховым, в значительной степени продолжившим традицию «диалектика души». Чехов, благодаря своему уму, ироничности, показал мироощущение, сочетающее сердечную заботу о человеке и какое-то сверхразумное постижение жизни, не поддающейся рациональному истолкованию. По словам Д. П. Мирского, сказанным в статье «Чехов», он был «…сосредоточен на “дифференциалах” сознания, его меньших, подсознательных, невольных, разрушительных и

[1247] Алданов М. А. Указ. соч. Т. 4. С. 128.

растворяющих силах»[1248]. Чехов в творчестве Алданова и стал современным, актуальным преобразователем идей, художественных принципов русской классики и последнего великого романиста – Л. Н. Толстого.

Используя аллюзии на произведения Чехова, наряду с аллюзиями на Гоголя, Достоевского, Тургенева, Толстого, Алданов решает свою художественную задачу. По словам А. Чернышева,

«…люди его привлекали не своей несхожестью, а тем, что повторяются. Подобный не свойственный русской классике XIX в. ракурс естествен для середины XX столетия, эпохи массового общества, для эмигранта, который воочию видел, в особенности в США, как в людях вырабатывается унифицированный взгляд на вещи, индивидуальность стирается»[1249].

Отсутствие у Чехова склонности к созданию концепций близко Алданову, философия которого основана на признании его величество Случая и отказе видеть всеобщую обусловленность, детерминизм.

Произведения Алданова, связанные с русской классической литературой и творчеством Чехова в частности, приобрели еще одно художественное качество – высоту культуры. Еще В. Днепров писал:

«Роман культуры был подготовлен не столько отдельными гениальными проникновениями в акт живописного творчества... сколько работой многих великих писателей – в их число непременно войдут Толстой, Тургенев, Достоевский, Флобер, Мопассан, Чехов, Бунин, Горький...»[1250].

Совершенно твердо можно сказать, что Чехов по своим мировоззренческим и художественным установкам стал одним из тех авторов, которые существенно обогатили культуру произведений Алданова и вывели их из беллетристики в ранг высокой литературы. Более того, Чехов, не написавший ни одного романа, оказался среди тех авторов, кто повлиял на

[1248] Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2005. С. 614.

[1249] Чернышев А. Алдановские «Десять лет спустя» // Алданов М. А. Указ. соч. Кн. 5. С. 10–11.

[1250] Днепров В. Идеи времени и формы времени. Указ. соч. С. 177–178.

развитие в алдановском творчестве внутренней культуры, благодаря чему уже произведения Алданова превратились в романы культуры. Интересна в этой связи мысль Г. П. Струве: «…из всех зарубежных романистов старшего поколения Алданов остался всех верней традиции романа, всего меньше повинен в лирической его деформации…»[1251]. Алданову удалось объединить русскую романную традицию с зарубежной и за счет этого избежать кризиса жанра, даже после тяжелейшего времени Второй мировой войны он нашел в себе силы отказаться от очерков и политических рассказов и сохранить верность роману как жанру.

Таким образом, рационалист Алданов художественными средствами попытался показать ограниченность разума в раскрытии проблем современного человека. Чехов в творчестве Алданова становится современным, актуальным преобразователем идей и художественных принципов русской классики. Имя Чехова Алданов оберегает очень деликатно и трепетно.

[1251] Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; Москва: Русский путь, 1996. С. 183.

Заключение

Представленная нами рефлексия по поводу рецепции русской классической литературы в творчестве М. А. Алданова определена желанием осознать как можно больше связанной литературной информации, часть которой – это наследие русских писателей девятнадцатого столетия, другая часть – отражение этого наследия в творческой деятельности автора двадцатого века. Алданов словно проверил своим творчеством идеи писателей-предшественников, живучесть их образов, сюжетов и оценил разные читательские восприятия.

На наш взгляд, представленные наблюдения и выводы позволяют заключить, что русская литература XV–XIX вв. привлекала Алданова не столько спектром идей и стилистических традиций, приемов поэтики, сколько своей атмосферой, обаянием личностей писателей, их нравственной высотой, широтой сердечности и глубиной заботы о своем читателе – прежде всего о русском человеке. По словам М. В. Строганова, «…литература привлекает современника обаянием личности человека прошлых веков, и в этом ее ничем не заместимое значение»[1252]; Алданов по сути изучал разные способы претворения русской национальной литературы в сознании людей разного происхождения и разных поколений – у русского дореволюционного читателя, у современного читателя-иностранца, у русского читателя-эмигранта. Он понимал, насколько потенциал значения, «заряд духовности» русской классики доходил до человека, в какие превращался смыслы и чем обусловлены разные восприятия и трактовки произведений. Интеллектуальная, аксиологическая и стилистическая составляющие произведений русских авторов, объединяясь, образовывали ту атмосферу, которую Алданов передавал в своей документальной, литературно-критической и художественной прозе. Эта атмосфера позволяла читателю-эмигранту выдерживать равновесие между трагичной реальностью и духовными исканиями; ее наличие придавало силы человеку культуры,

[1252] Строганов М. В. Памяти Герцена. На полях журнала «Русское богатство» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 323.

человеку, читающему книги и живущему восприятием художественных произведений.

Предметом нашей рефлексии стали временные рамки той литературы, которая повлияла на творчество Алданова. Это произведения Русского Средневековья – допетровской Руси (Нил Сорский, протопоп Аввакум), авторы эпохи классицизма (М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, Г. Р. Державин), писатели первой половины XIX века (А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь), прозаики второй половины XIX в. (А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский) и, конечно, Л. Н. Толстой и А. П. Чехов – гении, открывающие XX век. Анализ сочинений Алданова был выстроен по хронологическому принципу течения самой русской литературы: от древнерусских текстов до произведений Чехова.

Проведенный анализ произведений Алданова, начиная с ранних и завершая поздними (которые были опубликованы уже после смерти автора), позволил определить у писателя широкий спектр восприятия и увидеть богатую репрезентативную рецепцию русской литературы, осуществленную в его публицистических и литературно-критических статьях, в переписке и художественной прозе.

В первой главе обозначены терминологические и источниковедческие решения для описания алдановской рецепции русской классической литературы.

Вторая глава показала, какова основа той концепции, которую формирует Алданов, целостно воспринимая русскую классическую литературу XIX столетия. Восприятие доклассического периода русской литературы в этой части диссертации рассмотрено на примере нескольких текстов Нила Сорского, протопопа Аввакума и писателей XVIII в.

Сочинения преподобного Нила Сорского, цитируемые в различных текстах Алданова, создают духовную альтернативу событиям современной цивилизации, несут в себе «заряд духовности» и добра. Писателя заинтересовало особенное отношение подвижника к проблеме власти и к свободе. Алданов представляет учение Нила Сорского как современное,

актуальное, считая его важной частью духовной культуры человека, пережившего катаклизмы революций и мировых войн.

Алдановское изображение Аввакума имеет амбивалентный характер. В первых публицистических работах Алданова Аввакум наделен отрицательными чертами для того, чтобы выразить неприятие гиперболического преемника «огнепального протопопа» – В. И. Ленина. Алданов видит в Аввакуме гениального писателя и одновременно воспринимает его как разрушителя естественного хода истории. Эта позиция вполне соотносится с той, которая была в XVIII в. свойственна просветителям, видевшим в Аввакуме врага прогресса и просвещения, с той лишь разницей, что они отвергали всю книжную культуру старообрядцев. Алданов не принимает идеи Аввакума, борющегося на сохранение традиций уходящего мира, но также не принимает идеи Ленина, сметающего традиции прошлого. По мнению Алданова, характеры этих исторических деятелей объединены разрушительной страстью. В 1930–1950-х гг. аввакумовская рецепция меняет свой характер: вместо деталей из произведений протопопа, вызывающих негативные эмоции, Алданов использует мотивы его сочинений для портретирования исторических героев и вымышленных лиц. Наблюдения за тем, как осуществлялась рецепция Аввакума в творчестве Алданова, позволяют говорить о постоянной соотнесенности образа Аввакума, аллюзий на его творчество и жизнь с образом Нила Сорского, других писателей допетровской Руси. В свою очередь, эта соотнесенность свидетельствует о сильном интересе и глубокой погруженности Алданова в духовный мир древнерусской литературы. Использование этого «заряда духовности» нужно было Алданову для культурной и духовной самоидентификации, для ощущения себя частью русской культуры.

Обращение Алданова к русским писателям XVIII в. оказывается несистемным, фрагментарным, спорадическим. Алданова привлекали вольнолюбие, просветительские идеи, прогрессивные взгляды писателей-классицистов, но отражать эти взгляды в своем творчестве он не стал. Также невозможно сказать, что кто-то из этих писателей серьезно повлиял на мировоззрение Алданова, на принципы его поэтики. Вероятно, это обусловлено отдаленностью автора от времени участников событий.

Алдановым продемонстрирован опыт прочтения их произведений, показано применение этого опыта в собственных художественных текстах и в переписке. Ломоносов и Державин превращены Алдановым в художественные образы: Ломоносов представлен одним из главных героев повести «Пуншевая водка», Державин – эпизодическим персонажем тетралогии «Мыслитель». В целом рецепция русского классицизма была необходима литературе русской эмиграции и Алданову в частности как средство идентификации, подтверждения верности принципам свободомыслия и просвещения.

В третьей главе нами изучена рецепция русской литературы начала XIX в., осуществленная в документальной и художественной прозе Алданова.

Восприятие грибоедовского слова в творчестве Алданова связано с его представлением о том, как ум человека, желающего открыть истину, становится опасным оружием, способным привести к несчастью и навредить человечности, в творческом сознании автора запечатлелся только текст пьесы «Горе от ума». Зато упоминания имени А. С. Пушкина, как и диалог с поэтом, часто встречаются на страницах алдановских текстов разных жанров.

При изучении пушкинской темы в публицистике, литературной критике Алданова обнаружено, что полноценного образа поэта и какой-то концепции видения Пушкина Алданов не создает. Не проявлена в этом отношении и какая-либо методология Алданова-критика. Мы видим не системные обзоры, а спорадические публикации на пушкинские темы, возникновение которых объясняется разными интересами критика. И все же Пушкин, в сравнении с тем, каким его видят другие писатели русского зарубежья, Алдановым воспринимается иначе. Выбор пушкинских текстов, критический подход к ним отличаются у Алданова от реакции современников[1253], тяготение к наследию Пушкина у него было не только устойчивым, но и разноплановым. Алданов не мифологизирует личность и творчество Пушкина, как критик он не боится указать на промахи Пушкина в тех или иных вещах, и потому автор «Капитанской дочки» не становится примером в создании литературных

[1253] См. информацию о многочисленных публикациях эмигрантов в кн.: Филин М. Д. Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография. Москва: Дом-Музей Марины Цветаевой, 2004. 430 с.

произведений. При всех указаниях Алданова на ошибки Пушкина мы видим трезвую оценку его личности и творчества, сочетающуюся с почтительным отношением к поэту.

В художественных произведениях Алданова многие персонажи знакомы с творчеством Пушкина, они соотносят события личной и общественной жизни с событиями, изображенными Пушкиным, обнаруживают у классика слово или ситуацию, близкие их мировосприятию, проявляют отношение к этим ситуациям.

Имя поэта упоминается разными персонажами алдановской прозы, начиная с трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера» и продолжая в романе «Начало конца», а затем в послевоенных текстах – романах «Истоки», «Живи как хочешь», в итоговой книге философских диалогов «Ульмская ночь», в романе «Самоубийство». Тайна торжества случая, приоткрытая в пушкинской повести «Пиковая дама», является основой алдановского представления о случае в истории.

Персонажи Алданова во многом продолжают мысли Пушкина и его героев. Их единичные критические высказывания всегда «санкционированы» автором, но, чтобы не было «снижения» Пушкина в глазах читателя, Алданов отстраняется от мировоззрения своих персонажей.

Благодаря внимательному чтению пушкинских произведений он обогащал свое творчество и помогал читателю становиться разумнее. Конструктивный характер критики в отношении пушкинского творчества, внимание к личности и судьбе великого поэта в значительной степени сказались на художественном творчестве самого Алданова, на уровне его культуры. Рецепция Пушкина проявилась прежде всего на интертекстуальном уровне, вместе с тем рецепция осуществлялась и глубже: пушкинское мировидение, художественные приемы и принципы дали Алданову многое для роста прозы, для перерастания границ беллетристики и вхождения в литературу первого ряда. В этом отношении он выступил не только как комментатор, интерпретатор произведений Пушкина, но и как преемник содержания и поэтики его прозы.

Особое восприятие личности и творчества М. Ю. Лермонтова проявлено Алдановым в литературно-критических статьях, рецензиях, где упоминалось

имя поэта, и в художественной прозе: в трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», в романах «Бред» и «Самоубийство».

Ассоциации с главным персонажем романа «Герой нашего времени» пригодились Алданову для написания статьи, в которой отражается темная сторона личности молодого Л. Н. Толстого, поведение Толстого названо своеобразной болезнью – «печоринством». Алданов упоминает не только известный роман Лермонтова, но и поэму «Демон», стихи «Тамбовская казначейша».

Рационалисту Алданову трудно согласиться не с романтическими героями Лермонтова, а с романтическим типом поведения взрослых современников. Изображая персонажей, экзальтированных и воспитанных романтическими стихами, Алданов прибегает к сатире, как это происходит в романе «Живи как хочешь». Выбор стихов Лермонтова, которые читают его персонажи, в б*о*льшей степени помогает раскрытию их психологии. В романе «Бред», как и в алдановской трилогии, мы также видим фаустианско-демонического героя – шпиона Шелля, влюбившегося в молодую русскую женщину. Необычные образы Лермонтова сказываются на самооценке, рефлексии алдановских персонажей, рассуждающих о естественности или искусственности положений, в которые они попадают. Более всего аллюзий на личность и творчество Лермонтова обнаружено в романе «Самоубийство».

Противоречивость рецепции Лермонтова в творчестве Алданова имеет определенную историю и вписывается в культурный контекст; ему, наряду с психологизмом, важна особая воодушевленность Лермонтова. Алданову не суждено было получить дар веры, но его прозе свойственна потаенная особенность, необычная для рационального писателя. Она состоит в том, что алдановских персонажей наполняет великая тоска лермонтовского Печорина, неизбывная печаль и сожаление, что человеку, живущему чистым сознанием, жизнь не приносит подлинной радости. Именно потому из всех поэтов, писавших о душе, Алданов всерьез мог читать только Лермонтова, который словно объяснял, почему ему не хватало веры в чудо, почему не было возможности обрести успокаивающую веру.

В отношении рецепции Гоголя, раскрытой в творчестве Алданова, можно высказать различные наблюдения, суть большинства их – в отражении

эксцентричного поведения героев, в передаче романтического события. «Гоголевского» в текстах Алданова немало.

В романе «Заговор» история алдановского персонажа Штааля становится кривым зеркалом сюжета о Башмачкине. Повесть «Тарас Бульба» получает экспрессивные оценки алдановских персонажей в очерках «Убийство Урицкого» и в «Картинах октябрьской революции». В романе «Истоки» гоголевский текст помогает создавать персонажу-террористу романтический ореол мученика, гибнущего в борьбе за свободу. Разнообразны способы «освоения» гоголевской поэмы «Мертвые души»: от риторических приемов (использование цитат в качестве аргументов) до применения в характеристике персонажей (критика характеров романа). В книге «Армагеддон» Алданов использует ассоциации с поэмой Гоголя для выражения «геополитических» наблюдений. Мысли об относительности в политике приобретают большую убедительность благодаря ассоциации с гоголевскими образами. В письме Адамовичу 15 июля 1947 г. гоголевского «боголюбивого откупщика Муразова» Алданов назовет одним из «крайних» персонажей в русской литературе[1254] и по сути увидит в нем исключение из правил. Интерпретация Гоголя встречается в романе «Начало конца», одного из главных героев которого, профессионального революционера Вислиценуса, раздражает «болтливость» автора «Мертвых душ», которого он называет обманщиком – талантливым, гениальным, но без идеалов. Аллюзии на гоголевскую поэму встречаются в романах «Истоки» и «Самоубийство». Гоголевская тема стала предметом обсуждения Алданова с Н. Тэффи, В. В. Набоковым.

Вместе с тем, воспринимая Гоголя как мастера, Алданов не становится ни его апологетом, ни продолжателем его традиций, более того, он полемизирует с ним. Точка зрения Гоголя на путь России Алдановым будет оспорена. Алданов – не только критик вольностей Гоголя в обращении с историей, он противостоит гоголевскому стилю, в котором сочетание романтической восторженности с натуралистичностью сцен воспринимается им как искусственное. Алданов не прощает Гоголю любой фальши, хотя

[1254] «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. С. 158.

именно Гоголь и два тома «Мертвых душ» помогли Алданову оживить своих героев, выразить диалектику характеров в романах «Начало конца», «Истоки», «Самоубийство». Но Алданов никогда бы не согласится с идеалами позднего Гоголя, как и в целом – с религиозным смыслом человеческой жизни.

В четвертой главе мы исследовали восприятие А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова в литературно-критической деятельности и художественном творчестве Алданова.

Позиция Алданова в отношении к традиции Герцена была заявлена еще в отрывках ранней книги «Огонь и дым». Самым большим герценовским интертекстом обладает роман «Истоки». В романах «Бред», «Самоубийство» тексты Герцена превращаются в объекты для цитирования. С точки зрения Алданова, нахождение писателя на родине или на чужбине не сказывается на его «внутреннем моральном значении», Герцен – как раз из тех писателей, у которых эмиграция такое моральное значение «не отняла». Благодаря его деятельности Алданов демонстрирует убежденность в правоте своего выбора жизни за пределами родины. Рецепция герценовского «слова» проявляется в публицистике, литературно-критических статьях, очерках, романах Алданова. Она становится многоаспектной: цитаты из Герцена становятся то аргументом, то инструментом критики, то средством рефлексии главного персонажа. Свободолюбивая публицистика Герцена воспринимается Алдановым с большим уважением. На наш взгляд, именно поэтому алдановское отношение к либеральным ценностям отчасти обусловлено воздействием Герцена. И тем не менее Герцен для Алданова – это не безусловный гений, а писатель, политик, который пусть и делал ошибки, но совершил главное – своим примером утвердил традицию российского свободного слова, столь ценимую русскими эмигрантами – ценность, которой, на их взгляд, столь не доставало советскому писателю и читателю.

В другом параграфе этой главы нами замечено, что алдановская рецепция Тургенева в сравнении с рецепцией Герцена – это еще более длительный и более сложный процесс. Алданов цитировал его письма, использовал образы его романов и повестей как в литературной критике, публицистике, так и в художественной прозе. Вместе с тем ощущение

собственного литературного дара и права на критическое суждение дало Алданову возможность высказывать мнение не только о достоинствах Тургенева-писателя, но и о недостатках приемов его поэтики. Отношение Алданова к Тургеневу не изменяется, однако от рецепции тургеневских идей и мотивов в публицистике и литературной критике (в 1918–1940-х гг.) Алданов переходит к рецепции художественных образов Тургенева в больших эпических формах (в 1950-е гг.). Доброта, нравственность героев тургеневских произведений, деликатность художественного слова писателя словно передаются миру персонажей романов Алданова. Тургеневскую искусственность в номинации персонажей, в построении некоторых сцен, сентиментальную слащавость стиля Алданов именует «литературным шоколадом». Но даже рассуждения о наличии «литературного шоколада» в творчестве Тургенева не бросают тень на его величие, они показывают разные возможности его восприятия, в том числе живое, неравнодушное постижение тургеневских образов и стиля в литературно-критической и художественной прозе Алданова.

В четвертой главе многое посвящено рассмотрению стилистической эклектики, тому, как традиции Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого оказались отрефлексированы в критике Алданова и даже использованы в его творчестве.

Показано, как умные, рефлектирующие герои Алданова страдают от внутренней пустоты. Но Алданов, как и Достоевский, пытается найти в человеке силы, которые бы могли уберечь его от нравственной катастрофы, от слепого эгоизма. Казалось бы, герои Алданова найдут такое спасение в альтруизме. Но сознательное самопожертвование обнаруживается только у нескольких женских персонажей Алданова (Кременецкая в трилогии, Ласточкина в «Самоубийстве», Наташа в «Бреде» – их судьбы вызывают жалость, нежели восхищение), в то время как персонажи мужчины, желая сохранить достоинство, уходят из жизни добровольно. Такие уходы – предвестие страшных патологий человечества, которые не прекращаются даже в новом столетии. Не разделяя христианских принципов Достоевского, Алданов видел искусственность многих ситуаций, над разрешением которых бился Достоевский как политик и общественный деятель, и к тому же сомневался в перспективе религиозных идей. При всем многолетнем интересе

Алданова к жизни и творчеству Достоевского какой-либо «эволюции», изменения отношения к нему не наблюдается. Достоевский, представленный Алдановым в качестве персонажа в романе «Истоки», изображен в виде болезненного и тщеславного резонера, с которым пытается дискутировать приват-доцент Черняков. В целом творчество Алданова содержит уточнения и дополнения аксиоматики Достоевского. В отношении Алданова к Достоевскому видна некоторая тенденция, с годами лишь менялся способ выражения этого отношения: от непосредственного в дневниковых и путевых записках до исключительно художественного.

В диссертации утверждается, что образ Толстого как противоречивой личности в литературной критике Алданова с изданием каждой новой статьи или очерка усложнялся, основу для этих дополнений давали публикации биографических материалов, воспоминания друзей Толстого, новые документы, которые издавались в эмиграции и в СССР. Множество страниц отведено Толстому в обобщающем алдановском труде «Ульмская ночь» именно потому, что знания об авторе «Войны и мира» переполняли Алданова и отчасти проясняли его собственное противоречивое мировидение.

В периодике Алданов-критик обозначал идеи и художественные приемы Толстого, которые стал применять в своих рассказах, очерках, романах. Газетные и журнальные статьи Алданова представили своеобразную концепцию видения личности и творчества Толстого. Публикации не могли иметь по-настоящему научного характера, некоторые детали и примеры в них повторялись, но в целом эти эссе выполнили просветительскую функцию и содействовали популяризации наследия Толстого и концепции его жизни. Алдановым представлена отнюдь не гармоническая картина мира личности Толстого, напротив, обозначены противоречия, показаны причины парадоксов Толстого – как в его душевных, мировоззренческих терзаниях, так и в неоднозначных художественных решениях. В диссертации утверждается мысль, основной принцип алдановской прозы – диалогичность – сформировался под воздействием Толстого. Алданов сам на уровне идей и стиля превратился в писателя-парадоксалиста, приобретшего объективность и противоречивость своего литературного кумира. В целом алдановское восприятие Толстого и трактовка его произведений, оценка стиля повлияли на

литературную атмосферу русского зарубежья, оказали воздействие на читательские приоритеты, на формирование в русской эмиграции канонического образа Толстого как писателя-парадоксалиста, а также на трансляцию этого образа зарубежному читателю.

В диссертации показано, что Алданов использовал в своем творчестве приемы Толстого, Достоевского наряду с традициями французской литературы как XIX, так и XX в., этим объясняется, почему разные приемы поэтики, различные ритмы прозы и разные способы изображения в таком сплаве оказались соединенными и оригинальными. Совмещение традиций Толстого и Достоевского оказалось не искусственной эклектикой и не писательской модой, оно определено необходимостью оглядываться на ориентиры, на источники идей, приемов в независимости стереотипов научного рассмотрения их поэтики и от предпочтений эмигрантских других писателей.

В исследовании определено, что Алданов, осознавая свое место в истории русской литературы, объединял в творчестве приемы беллетристики с приемами литературы первого ряда, высокой литературы русской классики, за счет этого его произведения, не теряя художественности, становились популярными. Это осознание давало ему уверенность полемизировать с теми писателями русской литературы XIX в., которые были неубедительны в своих идеях или эстетических приемах. Разумеется, Алданову можно поставить в вину, что выстраивать свое творчество как диалог с великими предшественниками – дело более простое, нежели проявить стилистическую самостоятельность, нежели стать зачинателем новых приемов, идей и традиций, но уж таков потенциал таланта Алданова как комментатора и интерпретатора.

Будучи рационалистичным человеком, Алданов мог бы воспринять русскую классическую литературу как иллюзию, как художественное отвлечение человечества от насущных вопросов жизни, как вымысел, подаривший образцы литературных героев, ведь жизнь не складывается из подражаний персонажам романов и повестей. Тем не менее его рационализм совершенно не похож на рационализм К. Маркса и З. Фрейда, по-своему толковавших поведение человека XIX столетия: «По их мнению, вина

цивилизации XIX века заключается в том, что она своими ложными ответами ввела в заблуждение “человека потребностей” (homo economicus, homo natura)»[1255]. Очевидно, что Алданов, любивший прежде всего XIX век за его усложненность и высокую культуру, не мог согласиться с упрощением жизни по Марксу или Фрейду. Трагичным примером такого облечения жизни в упрощенную форму стала судьба персонажа романа «Начало конца», который с ненавистью воспринимал и дворянскую культуру, и творчество Гоголя, и прозу Достоевского. Вислиценус, обиженный марксист, называет литературу средством, травившим интеллигенцию. Его цинизм объясняется ненавистью к прошлому строю и ко всем его «попутчикам», в рассуждениях героя о литературе проступает классовая ненависть, приходящие же ему на смену чекисты устраняют его самого, как ненужный механизм, давно выполнивший функцию, как мешающий мусор.

В различных произведениях Алданова эпизоды смонтированы так, что рядом упоминаются имена Достоевского и Толстого. В своем творчестве Алданов использует приемы создания психологизма, применяемые Достоевским и Толстым. Используя термин, распространенный на алдановское творчество Е. Бобко, отметим, что «аналитический психологизм»[1256] проявляется Алдановым в романах «Начало конца», «Живи как хочешь», «Самоубийство». В романе «Живи как хочешь» в гипертрофированном образе Альвера, представляющего угрозу для человечества, сочетаются психологизм Толстого и приметы персонажа Достоевского. Постоянное обращение Алданова к различным приемам Достоевского в публицистике, очерках, литературной критике и художественной прозе – от выстраивания сюжета, до группировки системы персонажей – превратилось в особый прием, который можно назвать «диалогом с Достоевским». Но наряду с этим Алданов использует средства индивидуализации персонажей, характерные для Толстого. Сделать своего персонажа уникальной личностью с особой историей – это художественная задача Алданова, которая выполняется «по рецепту» Толстого, об этом

[1255] Старобинский Ж. Поэзия и знание: история литературы и культуры. Т. 1. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 53–54.

[1256] Бобко Е. И. Указ. соч. С. 147.

заявляет алдановский герой романа «Живи как хочешь». В романе «Истоки», создавая портрет Достоевского и представляя его высказывания, Алданов показывает его психологический облик, обращает внимание на мировоззрение Достоевского, которое сам не может разделять. В словах персонажа Чернякова, направленных против мысли Достоевского о ненависти Европы к России, об особой мессианской роли русского православия, слышна позиция Алданова, который не может принять взглядов автора «Преступления и наказания». В образе Чернякова Алданов представил себя и смоделировал собственное поведение, как если бы он сам оказался в гостях у Достоевского. И все же, изобразив скептически настроенного к предсказаниям Достоевского, но в целом недальновидного персонажа, Алданов прибегнул к самоиронии, на фоне которой Достоевский выглядит поистине великим. Следовательно, можно заключить, что алдановская рецепция Достоевского – это гораздо более сложный процесс, нежели у Бунина.

С помощью приемов «кинематографизации» в романе «Живи как хочешь» Алданов обновляет традиции Толстого и Достоевского. Драматическое начало эпического текста, диалоговая стихия, обилие сцен с резонерами-идеологами, многообразие точек зрения, необыкновенные в психологическом смысле герои, вставки сценария и пьесы в композицию романа, различные виды монтажа – все эти черты напоминают о традиции Достоевского в выстраивании текста современного романа. И одновременно склонность к историческому видению событий, панорамность мышления, создание образов простых людей, интерес к настоящему времени и политическим событиям, концептуальность и постоянная оглядка на приемы Толстого, на высказывания его героев, близкий подход к детали наводят на мысль о зависимости Алданова от повествовательной техники Толстого.

В большинстве случаев герои Алданова, апеллируя к персонажам Достоевского, пытаются показать свое превосходство, интеллектуальную зрелость, волю высшего порядка, они живут как бы над опытом Раскольникова, Карамазовых. Даже положительные алдановские персонажи испытывают раздвоение личности. Главные герои Алданова, так же как герои Толстого, поддаются соблазнам, проходят на своем жизненном пути что-то вроде «диалектики души». Подобно Толстому в «Войне и мире», Алданов

часто использует антитезу внешности и внутреннего содержания: в его изображении красивые люди некрасивы внутри. Алдановский рассказчик так же снисходителен к своим персонажам, как и повествователь в произведениях Толстого.

В связи с этим мы приходим к выводам, что на основе традиций Достоевского и Толстого Алданов создает занимательный психологический роман, роман культуры, объединяющий элементы поэтики писателей разных стилей с кинематографическими чертами. При различном отношении к классикам Алданов использовал их приемы в собственном романном творчестве, совмещая традиции эпического романа Толстого и драматического романа Достоевского. Алдановым наследуются приемы организации художественного времени, создания образов персонажей, психологии изображения человека как от Достоевского, так и от Толстого. Объединив разнородные художественные стихии в своем творчестве, Алданов смог достичь особых эстетических эффектов. Диалогичность и напряженность сцен, монтаж мизансцен у него – от Достоевского, наделение их объективным видением, а иногда использование приема остранения – от Толстого.

Рецепция Достоевского и Толстого в творчестве и литературной критике Алданова осуществилась уникальным способом. Не принимая мировидение Достоевского, Алданов пользовался приемами его поэтики, постоянно апеллировал к сюжетам и образам Достоевского как в романах, так и в литературно-критических статьях. Интересно, что в одном произведении Алданов находил способ выразить отношение и к Достоевскому, и к Толстому. Очевидно, что Толстой был более интересен Алданову как писатель, с которым можно было вступить в конструктивный диалог. Алданов имел возможность критически воспринять мировидение Толстого, выраженное в его публицистике и личных высказываниях, однако толстовские изобразительные приемы, умение «оживлять» образы Алданов не только высоко оценивает, но даже защищает тогда, когда сам Толстой этого не собирался делать, оставив некоторые сцены в черновиках. Усвоение приемов Достоевского при отрицании его философии производит впечатление «формальной» рецепции его творчества, рецепция произведений Толстого на этом фоне выглядит более глубокой и разносторонней.

Итак, в целом использование приемов русской классики в творчестве Алданова мы связываем с его консервативным мировоззрением и ориентацией на нравственно-эстетическое наследие русской литературы XIX в. Объединив традиции Достоевского и Толстого (пусть и в эклектичном виде), Алданов попытался примирить, казалось бы, несовместимые друг с другом художественные системы. Он преобразовал традиции русской классики, что, с одной стороны, определялось его интеллектуальными и духовными потребностями, с другой стороны, это преобразование дало возможность выйти его прозе на новый художественный уровень и, преодолев вкусовые разобщения поклонников Толстого и Достоевского, традиционализма и модернизма, привлечь к творчеству массового читателя эмиграции.

Заключительный параграф диссертации о творчестве А. П. Чехова в восприятии Алданова подчеркивает два аспекта: первый – как осуществлялась рецепция Чехова в алдановской прозе, второй – какие конкретные приемы чеховского происхождения мог использовать Алданов в своем драматическом опыте. Алданов раскрыл несколько направлений чеховской рецепции: и как читатель, воспринимающий публикации фактов жизни Чехова, и как критик, и как писатель.

Специфика алдановского варианта рецепции жизни и творчества Чехова представлена нами в историко-литературном контексте русского зарубежья. Факты чеховской биографии вспоминаются Алдановым в рецензиях и литературно-критических статьях, в книге «Ульмская ночь». Ему как писателю важно было следовать правде миросозерцания Чехова, который не превратился ни в морализатора, ни в философа, ни в политика, сохранив свою независимость, свою самость.

Мы обратили внимание на детали из чеховских произведений и биографии, упоминаемые в публицистических работах и очерках Алданова. В отсылках к Чехову удалось обнаружить закономерность: они приводятся как аргументы и способ подкрепления алдановских суждений. Алданову нравится в Чехове отсутствие всякого мифотворчества и неприятие идеологических догм; характеризуя политические взгляды Чехова, он говорит о его желании видеть Россию свободной страной.

В своих художественных произведениях Алданов использует приемы, которые он мог позаимствовать у Чехова. Художественные тексты Алданова связаны с чеховскими рассказами «В почтовом отделении», «Умный дворник», «Унтер Пришибеев», «Хирургия», «Сирена», «Зиночка», «Дама с собачкой», «Дочь Альбиона», «Огни». Многие аллюзии восходят к «Шуткам в одном действии» – «Медведю» и «Предложению», пьесам – «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад». Чеховские мотивы угадываются в романе «Пещера», в рассказах «Павлинье перо», «Истребитель», обсуждение чеховских произведений осуществляется в романе «Бред». Алданов напоминает Чехова не только принципами построения сцен, сюжетных линий, но и обхождением со словесными деталями: детали из «Трех сестер» отзываются в романе «Пещера». В романе «Самоубийство» изображен Савва Морозов, воспоминающий свое общение с Чеховым. Герои философских рассказов Алданова – «Ночь в терминале», «Рубин» – выступают поборниками «морали снисхождения» (Ч. Н. Ли); в их поступках проявляется чеховское сочувствие к человеку. Большинство его персонажей оказываются добродушными материалистами со здоровой страстью к жизни. Музыкальность, свойственная Чехову, в значительной степени определяет и систему образов Алданова. Вместе с тем персонажи Алданова становятся критиками приемов Чехова (Яценко, роман «Живи как хочешь»).

Нами отмечена мировоззренческая близость Алданова и Чехова: в обозначении моральных проблем и их решениях, чеховский скептицизм и отсутствие склонности к созданию концепций органично близки Алданову, философия которого основана на признании его величество Случая; алдановские представления о счастье сходны с чеховскими.

В 1930–1940-е гг. Алданов получил опыт создания драматических произведений, написал пьесу «Линию Брунгильды», в структуре романа «Живи как хочешь» им вмонтированы две вставные драматические части. Алданов, подобно Бунину, недооценивал чеховские пьесы, но, как и в случае с Достоевским, приемы поэтики предшественника он все же использовал в своих текстах, причем самые очевидные применены в паратексте пьесы «Линии Брунгильды». В романе «Живи как хочешь» писатель Яценко создает пьесу «Рыцари свободы», которая словно бы написана по «лекалам» чеховских

«комедий». Преимущество и достоинство опубликованных алдановских пьес состоит в том, что многочисленные авторские ремарки, списки действующих лиц раскрывают новые возможности паратекста. Благодаря паратексту Алданов в большей степени показывает свою сосредоточенность на Чехове, а его пьесы приобретают новые смыслы. Более того, чеховские приемы помогают Алданову усовершенствовать жанр романа в эмиграции послевоенного времени. Как следствие, в алдановских сочинениях романтика и ирония взаимопроникают, избавляя произведения от излишней серьезности, напыщенности, но сохраняя при этом занимательность и не теряя глубины. Рационалист Алданов художественными средствами попытался показать ограниченность разума в раскрытии проблем современного человека. Чехов в творчестве Алданова становится современным, актуальным преобразователем идей и художественных принципов русской классики. Автор разоблачает своих персонажей, демонстрируя, что они живут неправильно, нелогично, неестественно, нарушая правду жизни и законы естества. Алданов обнаружил опасный симптом обезличивания современников и попытался об этом сообщить читателю.

А. Чернышев обратил внимание на всеохватность алдановской рецепции русской классики. Главный герой романа «Бред» напоминает графа Сен-Жермена, «воспетого Пушкиным»[1257]. Способность к историческому прогнозу, политическая дальновидность писателя усиливались литературной аргументацией: «Алданов любил вспоминать слова Гоголя “Писатель современный, писатель нравов должен быть подальше от своей родины”»[1258]. Очевидно, что Алданов был лишен многих талантов: точности и прозрачности пушкинского слова, сложной и богатой ассоциативности Гоголя, толстовского умения оживлять героев одной фразой,

«…ему не дано было создать художественных образов такой глубины и обобщающей силы, как Базаров, Раскольников, Пьер Безухов. Он был человеком живого и

[1257] Чернышев А. Предисловие [к двум неопубликованным главам из повести М. Алданова «Бред»] // Дружба народов. 1998. № 11. С. 92.
[1258] Там же. С. 92.

трезвого ума, “для литературы, быть может, и слишком трезвого”, как выразился один современник»[1259].

Но именно потому Алданов оказался художником слова, способным совместить разные, подчас взаимоисключающие, приемы, сделать это не эклектично, а органично.

В художественной прозе и очеркистике своеобразную объективность для выражения своего отношения к русской классике Алданов, на наш взгляд, приобрел за счет приема разделения обобщенного автора (имплицитного автора) и нарратора, что в целом, по мнению, В. И. Тюры характерно для классических произведений XIX в., где

«…носителем смыслового комплекса… оказывается отнюдь не нарратор, именующий себя “автором”, …но имплицитный субъект эстетической интенции»[1260].

Диалогичность, излюбленный Алдановым философский способ мышления и рассмотрения одной ситуации минимум с двух сторон, проявленный как в ранней книге «Армагеддон», так и в позднем трактате «Ульмская ночь», доведен писателем до художественной формы реалистического романа. Любимые жанры Алданова – русский реалистический роман и повесть «…изначально базируются на инстанции интенционального автора как субъекта истинного знания о действительной жизни»[1261]. В рамках формы этого романа и повести существовали различные алдановские повествователи, нарраторы и, конечно, обобщенный безликий автор, с иронической и отстраненной позиции смотрящий на героев и события истории. С учетом изложенных наблюдений и проведенного анализа можно сказать, что Алданов вольно или невольно наследовал этот прием из классической русской прозы, органически – как в романах, так и в очерках сделав его своим.

[1259] Там же. С. 93.

[1260] Тюпа В. И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 25.

[1261] Там же. С. 26.

Проведенный анализ различных аспектов рецепции русской классической литературы позволяет заключить, что Алданову удалось усовершенствовать русскую романную традицию и за счет этого избежать кризиса жанра романа. После тяжелейшего времени Второй мировой войны он нашел в себе силы отказаться от очерков и политических рассказов и сохранить верность роману как жанру, используя приемы поэтики классиков русской литературы XIX в.

Прочитанные Алдановым и преломленные в его художественном опыте произведения русской классики стали одним из способов сложного восприятия действительности. Поскольку русская классика, являясь неотъемлемой частью культуры русского зарубежья, включает в себя множество мировоззрений и творческих позиций писателей, без ее сложности представить Россию невозможно. Алданов, будучи патриотом, любил русскую литературу как часть культуры своей многообразной и непростой родины, а его восприятие отечественной литературы привело к созданию оригинальной мировоззренческой и эстетической концепции, помогающей выживать в условиях эмиграции как писателю, так и читателю. Позиция ответственного носителя, хранителя и распространителя культуры, культуртрегера отличает Алданова от других крупных писателей русского зарубежья, например от И. А. Бунина или от В. В. Набокова.

В диссертации проведен мысль, что использование традиций русской классической литературы XIX в. позволило Алданову проявить свою эрудицию и образованность, удовлетворить амбиции автора высокохудожественной прозы, расположить к себе широкие круги эмигрантов первой волны и вместе с тем выдвинуться в первый ряд писателей литературы русского зарубежья. Рецепция русской классической литературы в творчестве Алданова не только определила эстетическую, художественную потребность писателя, но и позволила утвердить его собственное миропонимание, признание свободы человека как условие для проявления воли в борьбе с иррациональными силами бытия.

Различные аспекты восприятия русской классики помогли реализовать Алданову свои таланты читателя, публициста, литературного критика, создателя эпических и драматических произведений. Благодаря традиции Л.

Н. Толстого Алданов реализовал себя как мастера большой эпической формы (в терминологии И. К. Кузьмичева – «традиционного эпоса нового времени»[1262]); объединяя традиции Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, он усовершенствовал «романический эпос»[1263]; продолжая традиции, заложенные Н. М. Карамзиным, И. С. Тургеневым, А. П. Чеховым, развил «очерковый эпос» [1264].

Обозначая перспективы диссертационного исследования, стоит предложить выполнение задачи по сопоставлению уже выявленных результатов рецепции русской классики в СССР и в русском зарубежье в 1920–1950-е гг. Очевидно, что речь не может идти о каком-то практическом использовании или измеримости этих результатов, однако предположим, что эта разница будет очевидна в духовном, ментальном отношении.

В советской культуре в 1920-е гг. «многозначный потенциал русской классики, ее философичность и нацеленность на формирование национального мировоззрения были редуцированы и мифологизированы»[1265]. В русском зарубежье в это время дело обстояло несколько иначе: Алданов был своеобразным популяризатором отечественной литературы XIX в. для интеллигентной читательской публики, а использование наследия классиков этой литературы привело к актуализации этого наследия в писательском сообществе. Восприятие, интерпретация произведений русских писателей XIX столетия увеличивали их присутствие и значимость в духовной атмосфере русского зарубежья и в целом в культуре стран Запада.

Но в 1930-е гг. ситуация изменилась. По словам И. Е. Кознової,

«…последовавший во второй половине 1930-х гг. поворот в официальной мемориальной политике, связанной с вниманием не только к революционному, но и к “историческому” прошлому, привел к коррекции оценок писателей прошлого. Наряду с русской историей русская классика выступила в качестве всенародного достояния и

[1262] Кузьмичев И. К. Типология современного эпоса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2000. № 1 (Литературоведение. Русская литература). С. 21.

[1263] Там же.

[1264] Там же.

[1265] Кознова И. Е. Русская литературная классика в идентификационных представлениях советской культуры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (51). С. 81.

символа национальной идентификации; классики составляли единое целое с советским народом»[1266].

И напротив, позиции писателей русского зарубежья, в том числе Алданова, опиравшихся на литературную классику, в период духовного размежевания, смены эмигрантских поколений, укрепления фашистских сил и роста антикоммунистических настроений потеряли уверенность и связь с философичностью русской классической литературы и ее нацеленностью на формирование национального сознания: эмигранты оказались разобщенными, их малочисленными, переживающими депрессию.

Эти направления мысли нуждаются в уточнении и возможных корректировках.

Ф. Степун отмечал, что «память – величайшая духовная сила, в ней основа всякой традиции, всякой культуры, она же – мерило благородства»[1267]. Алданов, конечно, был знаком со словами Степуна, потому как в этом же номере журнала публиковались отрывки из романа «Чертов мост». Благодарная память – это основа алдановской рецепции русской литературной классики, своеобразной попытки продления России на чужбине, особой формой преемственности, которая позволила сохранить связь с родиной. В связи с этим мы предполагаем, что из возможных путей наследования русской классической традиции Алданов выбрал самобытный путь без опоры на религию, которую по своей духовной сути заменила русская классическая литература, ставшая средством сохранения духовности и инструментом укрепления национальной идентичности; различные способы осуществления рецепции русской классики сформировали в творчестве Алданова особенный образ России в виде образа русской литературы.

[1266] Там же. С. 87.

[1267] Первое издание: Степун Ф. Мысли о России // Современные записки. 1925. № 23. С. 368, последующие издания этой статьи под заглавием «Советская и эмигрантская литература 20-х годов» отразили только ее часть, а именно журнальные страницы 355–371, например: Степун Ф. А. Встречи. Москва: Аграф, 1998. С. 215.

Список литературы

Источники

1. Алданов М. [Рецензия на книгу] Бирюков П. И. Л. Н. Толстой: в 3 т. Берлин, 1921 // Современные записки. 1921. № 8. С. 374–376.
2. Алданов М. Большая Лубянка. Москва: ОЛМА-Пресс, 2002. 412 с.
3. Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе / подгот. текстов и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 12. С. 164–175.
4. Алданов М. [Рецензия на книгу] Волконский С. М. Мои воспоминания. Лавры. Странствия. Родина: В 2 т. Берлин: Медный всадник, 1923–1924 // Современные записки. 1923. № 17. С. 483–484.
5. Алданов М. Выбор Шведской академии: И. А. Бунин // Иллюстрированная Россия. 1933. 25 ноябр. № 48 (446). С. 2–3.
6. Алданов М. Голландские домики. Путевые впечатления // Новое русское слово. 1931. № 6776 (16 авг.). С. 2, 7.
7. Алданов М. [Рецензии на книги] Гроссман Л. Путь Достоевского. М.: Современные проблемы, 1928; Гроссман Л. Достоевский на жизненном пути. М.: Никитские субботники. М., 1928 // Современные записки. 1929. № 38. С. 527–528.
8. Алданов М. Звездочеты с Босфора: Новая книга Андрея Седых // Новое русское слово. 1948. № 13148. 25 апреля. С. 8.
9. Алданов М. Земли, люди. Берлин: Слово, 1932. 295 с.
10. Алданов М. Из записной тетради // Современные записки. 1930. № 44. С. 353–365.
11. Алданов М. Короленко // Современные записки. 1922. № 9. С. 50–54.
12. Алданов М. К юбилею Гете // Современные записки. 1932. № 49. С. 263–270.
13. Алданов М. Лонжюмо // Современные записки. 1936. № 60. С. 428–434.

14. Алданов М. [Рецензия на книгу] Нехлюдов А. В. Старые портреты: Семейная летопись. Париж: Книжное дело «Родник», 1933 // Современные записки. 1933. № 51. С. 469–470.
15. Алданов М. О Доме Тургенева в Париже, его похоронах и его месте в литературе // Сегодня. 1933. № 243. 3 сент. С. 2.
16. Алданов М. О «Памятнике» // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 218–223.
17. Алданов М. Ответ М. А. Алданова // Новое русское слово. 1944. № 11286. 16 января. С. 8.
18. Алданов М. О Толстом // На чужой стороне. Историко-литературный сборник / под ред. С. П. Мельгунова. Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1923. № 3. С. 246–253. ДМЦ КП-699/26
19. Алданов М. О Толстом // Современные записки. 1928. № 36. С. 264–273.
20. Алданов М. Отрывки // Дни. 1924. 8 июня. № 481. С. 2–3.
21. Алданов М. Памяти С. А. Иванова // Современные записки. 1927. № 31. С. 385–390.
22. Алданов М. [Рецензия на книгу] Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой. Берлин: Слово, 1924 // Современные записки. 1924. № 20. С. 422–423.
23. Алданов М. Повесть о смерти. Бред / сост., подгот. текста и предисл. А. А. Чернышева. Москва: Гудьял-Пресс, 1999. 692 с.
24. Алданов М. Посмертные произведения Толстого // Современные записки. 1926. № 28. С. 430–436.
25. Алданов М. При чтении Тургенева: (Несколько заметок) // Современные записки. 1933. № 53. С. 412–417.
26. Алданов М. Пушкин на итальянской сцене // «В краю чужом…»: Зарубежная Россия и Пушкин: статьи, очерки, речи / сост., предисл. и коммент. М. Д. Филина. Москва: Русскій міръ; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 112–114.
27. Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1994–1996.
28. Алданов М. [Рецензия на книги] Толстой Л. Н. Полное собрание художественных произведений. Рига: Жизнь и культура, 1928; Достоевский

Ф. М. Полн. собр. худож. произведений: в 12 т. Рига: Жизнь и культура, 1928 // Современные записки. 1928. № 37. С. 525–526.
29. Алданов М. Толстой и Роллан. Т. 1. Петроград: Типо-лит. «Энергия», 1915. 315 с.
30. Алданов М. [Рецензия на книгу] Тургенев И. С. Полное собрание художественных произведений: В 10 т. Рига: Жизнь и культура, 1930 // Современные записки. 1931. Кн. 46. С. 508–510.
31. Алданов М. [Рецензия на книгу] Ходасевич В. Ф. Державин. Париж: Современные записки, 1931 // Современные записки. 1931. № 46. С. 496–497.
32. Алданов М. [Рецензия на книгу] Hofmann M. L. Pouchkine / traduction de Nicolas Pouchkine. Paris: Payot, 1931 // Современные записки. 1932. № 48. С. 478–479.
33. Алданов М. А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / сост. Т. Ф. Прокопов. Москва: НПК «Интелвак», 2006. С. 5–112.
34. Алданов М. А. Бельведерский торс. Линия Брунгильды. Париж: Русские записки, 1938. 189 с.
35. Алданов М. А. Воспоминания о И. А. Бунине. 3 лл. [1953-1954 г.] ДМЦ. КП-826/3.
36. Алданов М. А. Загадка Толстого. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1923. 127 с.
37. Алданов М. А. [Рецензия на книгу] Зензинов В. М. Пережитое, Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 414 с. // Новый журнал. 1953. № 35. С. 310–313.
38. Алданов М. А. Из записной тетради (отрывки) // Новое русское слово. 1951. № 14206 (18 марта). С. 2.
39. Алданов М. А. Линия Брунгильды // Русские записки. 1937. № 1. С. 9–92.
40. Алданов М. А. О Бунине // Новый журнал. 1953. № 35. С. 130–134.
41. Алданов М. А. Огонь и дым. Париж: Изд-во «Франко-русская печать», 1922. 189 с.

42. Алданов М. А. О новой книге Бунина [Рец. на кн.:] Бунин И. Избранные стихи [1900–1925]. Париж: Современные записки, 1929 // Последние новости. 1929. 18 июля. № 3039. С. 3.
43. Алданов М. А. О слоге Толстого // Сегодня. 1930. № 317 (16 нояб.). С. 3.
44. Алданов М. А. О Толстом // Сегодня. 1928. № 244 (9 сент.). С. 8.
45. Алданов М. А. О Чехове. Машинопись авторизованная. 12 лл. США, Западная Европа [Вторая половина 1950-х гг.] ДМЦ КП-826/2.
46. Алданов М. А. Письмо к Гольдштейну Д. 1 л. [Франция, г. Ницца] 26.01.1956 г. ДМЦ КП-748/2.
47. Алданов М. А. Письмо к Прокопович-Кусковой Е. Д. 1 л. [Франция, г. Ницца] 10.02.1956 г. ДМЦ КП 783/3.
48. Алданов М. А. Письмо к Вредену Н. Р. 1 л. США, штат Нью-Йорк, г. Нью-Йорк. 09.09.1953 г. ДМЦ КП-746/54.
49. Алданов М. А. Предисловие // Бунин И. А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 7–20.
50. Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1991.
51. Алданов М. А. Французская карьера Дантеса // Последние новости. 1937. № 5801. (10 февр.) С. 3.
52. Алданов М. А. Черный бриллиант (О Достоевском) // Жар-Птица. Берлин; Париж: Рус. искусство, 1921. № 4/5. С. 33–35.
53. Алданов М. А. Ясная Поляна. (Из воспоминаний) // Сегодня. 1935. № 322 (22 нояб.). С. 3.
54. Бердяев Н. А. Русская идея. Париж: YMCA-PRESS, 1971. 258 с.
55. [Б. п.] В русском Париже // Новое русское слово. 1945. № 12122. 04 июля. С. 4.
56. [Б. п.] День русской культуры // Возрождение. 1933. Т. 8. № 2905. 16 мая. С. 4.
57. [Б. п.] Дискуссия о русских журналах // Новое русское слово. 1942. № 10699. 07 июня. С. 4.
58. [Б. п.] Неужели в Москве забыли о свободолюбии Пушкина? // Новое русское слово. 1937. № 8785. 23 февраля. С. 3.

59. [Б. п.] Полвека со дня смерти Достоевского // Новое русское слово. 1930. № 6412. 17 авг. С. 10.
60. [Б. п.] Поход коммунистов на М. Алданова // Новое русское слово. 1943. № 11013. 18 апреля. С. 1.
61. Валишевский К. «Вокруг трона» / пер. с фр. Москва, 1909. URL: http://az.lib.ru/w/walishewskij_k_f/text_vokrug_trona.shtml (дата обращения: 26.09.2024).
62. Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем: в 22 т. / под ред. М. К. Лемке. Петроград: Государственное изд-во, 1920. Т. XV. 620 с.
63. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1954–1965.
64. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [Москва; Ленинград]: Изд-во АН СССР, [1937–1952].
65. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. Москва: Русская книга, 1994.
66. Гольдштейн Д. Н. Письмо The institute for the study of the history and culture of the USSR к Алданову М. А. 1 л. [Франция, г. Париж]. 24.01.1956 г. ДМЦ КП-748/1.
67. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Издание Разряда изящной словесности Имп. акад. наук, 1911–1917.
68. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Нотабене, 1995–2006.
69. Державин Г. Р. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Народное образование, 2015–2018.
70. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972–1990.
71. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Москва: Academia, 1934. 497 с.
72. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Москва: Гослитиздат, 1960. 480 с.
73. Житие протопопа Аввакума. Санкт-Петербург: Наука, 2019. 456 с.
74. «…Интерес к вам есть…» (неосуществленные проекты поездки М. А. Алданова в Израиль и его издания на иврите) / публ. А. А. Чернышева; вступ. заметка и коммент. В. Хазана // Архив еврейской истории / гл. ред.

О. В. Будницкий. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. Т. 6. С. 237–261.

75. И. С. Тургенев. Из неизданной переписки с Б. М. Маркевичем и А. П. Философовой / публ. писем П. Устимовича; предисл. и коммент. Н. М. Мендельсона // Звенья. Москва – Ленинград: Academia, 1935. Т. V. С. 282–303.

76. «Как редко теперь пишу по-русски…»: Из переписки В. В. Набокова и М. А. Алданова (1940–1956) / предисл. А. Чернышева и Н. Ли; публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 121–146.

77. Ландау-Алданов М. А. Огонь и дым (отрывки) // Грядущая Россия. 1920. № 1 (янв.). С. 151–177.

78. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954–1957.

79. М. А. [Алданов М. А.] [Рецензия на книгу] Временник Общества друзей русской книги / ред. Г. Д. Лозинский, Я. Б. Полонский. Париж, 1932. Кн. 3 // Современные записки. 1932. №. 50. С. 466–467.

80. М. А. [Алданов М. А.] [Рецензия на книгу] Герцен А. И. Былое и думы: в 5 т. Берлин: Издательство «Слово», 1921 // Современные записки. 1921. № 4. С. 373–376.

81. М. А. [Алданов М.] [Рецензия на книгу] Alexander Block. Die Zwolf / пер. Вольфганга Грегера. Берлин: Изд-во «Нева», 1921 // Современные записки. 1922. № 12. С. 361.

82. Набоков В. В. Переписка с Михаилом Карповичем. 1933–1959 / предисл., сост., примеч., перевод с англ. А. А. Бабикова. Москва: Литфакт, 2018. 160 с.

83. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. Москва: Независимая газета, 1996. 440 с.

84. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н. И. Канищева. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2012. 1111 с.

85. «…Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения…»: Переписка Г. В. Адамовича с М. А. Алдановым (1944–1957) / предисл., подг. текста и коммент. О. А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени

Александра Солженицына. 2011. Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 290–478.
86. Нил Сорский. О восьми главных страстях и победе над ними. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2346 (дата обращения: 16.03.2018).
87. «Они служили своим идеям, и служили им с честью…» (Из политической переписки М. Алданова) / подгот. текстов, примеч. и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 6. С. 113–140.
88. Оцуп Н. А. Дневник в стихах: 1935–1950. Париж: [Б. и.], 1950. 366 с.
89. «Парижский философ из русских евреев» (Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову) / публ. Э. Гарэтто, А. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 22. Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 1997. С. 539–621.
90. Переписка М. Алданова с М. Чеховым и А. Тамировым (по материалам Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой») / публ., предисл. и примеч. А. Чернышева // Кинограф. 2002. № 11. С. 218–227.
91. Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым / публ. А. Звеерса // Новый журнал. 1983. № 152. С. 153–191.
92. Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным / публ. и комментарии М. Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 258–287; № 81. С. 110–147.
93. Предание и Устав. [Сочинения] Нила Сорского / вступ. ст. М. С. Боровковой-Майковой. Санкт-Петербург: Тип. М. А. Александрова, 1912. XL, 92, XXXI с. URL: https://dlib.rsl.ru/01003794187 (дата обращения: 16.03.2018).
94. «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/october/1998/6/vos.html (дата обращения: 31.05.2019).
95. Поучение Владимира Мономаха // «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). Москва: Художественная литература, 1969. С. 146–171.
96. Прокопович-Кускова Е. Д. Письмо к Алданову М. А. 3 лл. [Швейцария, г. Женева]. 31.01.1956 г. ДМЦ КП 782/2.
97. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние. 1977–1979.

98. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Москва; Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1938–1951. Т. 1. 1938. 506 с.
99. Ремизов А. М. Огонь вещей. Москва: Советская Россия, 1989. 528 с.
100. Солоневич И. Л. Народная монархия. Москва: Алгоритм, 2011. 624 с.
101. Толстой Л. Н. Казаки // Толстой. Л. Н. Полное собрание сочинений Т. 6. Казаки. Москва: Государственное изд-во «Художественная литература», 1936. С. 3–150.
102. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. / сост., вступ. ст. и примеч. С. А. Розановой. 2-е изд., доп. Москва: Художественная литература, 1978. Т. 1–2.
103. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960–1968.
104. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1978–2018.
105. Ходасевич В. Ф. Фрагменты о Лермонтове // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Согласие, 1996.
106. Хомяков А. С. О современных явлениях в области философии (Письмо к Ю. Ф. Самарину) // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. 3-е изд. Москва: Университетская типография на страстном бульваре, 1900. Т. 1. С. 287–318.
107. Цветаева М. Мой Пушкин // Современные записки. 1937. № 64. С. 196–234.
108. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. URL: http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html (дата обращения: 15.12.2017).
109. Чаадаев П. Я. Философические письма. URL: https://library.khpg.org/files/docs/1462098690.pdf (дата обращения: 15.10.2023).
110. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1974–1983.
111. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 568 с.
112. Шварц (Александрова) В. А. Письмо к Алданову М. А. Машинопись авторизованная. Нью-Йорк, 31.03.1952 г. 2 лл. ДМЦ КП-735/18.

113. «Этому человеку я верю больше всех на земле...» / подгот. текстов и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 3. С. 115–156.
114. А. [Алданов М.?] [Рецензия на книгу] War and Peace, by Leo Tolstoy. New York: Simon and Schuster, 1942 // Новый журнал. 1942. № 3. С. 388.
115. Aldanov M. Reflections on Chekhov // Russian Review. 1955. Vol. XIV (april), no. 2. P. 83–92.
116. Aldanov M. A. Some Reflections on Tolstoy and Tolstoyism // The Slavonic and East European Review. 1929. Vol. 7, no. 20 (Jan.). P. 482–491.

Библиографические источники и справочники

117. Алданов [Ландау] Марк Александрович // Литература русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указатель публикаций 1986–1990 гг. Москва: Рудомино, 1993. Вып. 1, ч. 1. С. 26–29.
118. Алексеев А. Д. [Алданов Марк] // Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940: материалы к библиографии / отв. ред. и авт. предисл. К. Д. Муратова; Ин-т русской литературы РАН. Санкт-Петербург: Наука, 1993. С. 11–14.
119. Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968: в 2 т. / сост. Л. А. Фостер. Boston: G. K. Hall & CO, 1970. Т. 1: А–К. С. 115–124.
120. В. В. Набоков: Библиографический указатель / Автор-составитель Г. Г. Мартынов; вступ. ст. В. П. Старка. СПб., 2001. 496 с.
121. Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 552 с.
122. Гентшке В. Л. Русское зарубежье: материалы к библиографическому указателю = Russian diaspora: materials to bibliographic index / В. Л. Гентшке, И. В. Сабенникова, А. С. Ловцов; Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 432 с.
123. Казак В. Лексикон русской литературы XX века. Москва: РИК «Культура», 1996. 492 с.

124. Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918–1991 / под общ. ред. В. И. Харламова: в 3 частях. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1997. Ч. 1. А–К. 624 с.
125. Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940 / ред. А. Н. Николюкин. Москва: РОССПЭН, 1997. Т. 1. Писатели русского зарубежья. 511 с.
126. Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940 / ред. А. Н. Николюкин. Москва: РОССПЭН, 2002. Т. 3. Книги. 712 с.
127. Мартынов Г. Г. В. В. Набоков: Библиографический указатель произведений и литературы о нем, опубликованных в России и государствах бывшего СССР (1920–2006). СПб., 2007. 508 с.
128. Псевдонимы русского зарубежья: материалы и исследования / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 656 с.
129. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. Москва: Российская политическая энциклопедия, 1997. 748 с.
130. Русское Зарубежье = L'Emigration Russe: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / под общ. ред. Л. А. Мнухина: в 4 т. Москва: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997.
131. Русское Зарубежье = L'Emigration Russe: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция / под общ. ред. Л. А. Мнухина: в 4 т. (5–8). Москва: Русский путь; Paris: YMCA-Press; 2000–2002.
132. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы. 1917–1996 гг. / сост. А. И. Бардеева, Э. А. Брянкина, В. П. Шумова; Рос. гос. б-ка; Отдел литературы Русского Зарубежья. Москва: РОССПЭН, 1999. 464 с.
133. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 1917–1995 гг. / науч. ред. Л. А. Шилов. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 1996. 199 с.

134. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 1917–1995 гг.: дополнения и новые поступления за 1996–1999 гг. / науч. ред. Г. В. Михеева. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 2001. 96 с.
135. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 952 с.
136. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.
137. Указатель имен к росписи содержания «Современных записок» / сост. О. Коростелев при участии М. Шрубы // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 450–483.
138. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. 1016 с.
139. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 4. 1152 с.
140. Хроника. Чехословакия. Т. 1–2. Хроника научной, культурной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике / под общ. ред. Л. Белошевской. Прага, 2000. Т. 1. 1919–1929; Прага, 2001. Т. 2. 1930–1939.
141. Cristesco D. Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov = Марк Александрович Алданов, библиография / établie par D. et H. Cristesco; sous la direction de T. Ossorguine; introduction de Marc Slonim. Paris: Inst. d’etudes slaves, 1976. XIII, 87 p.

Научная литература. Критика и воспоминания

142. А. Л. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // Северный вестник. 1887. № 2. С. 55–56.
143. Аверин Б. В. От Толстого до Набокова. Из истории русской литературы. Санкт-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипсит», 2014. 390 с.
144. Адамович Г. «Живи как хочешь»: Новый роман М. А. Алданова // Новое русское слово. № 14834. 1952. 7 дек. С. 8.
145. Адамович Г. В. Одиночество и свобода / сост., послесл. и прим. О. А. Коростелева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. 476 с.
146. Адамович Г. В. Собрание сочинений. «Комментарии» / сост., послесл. и прим. О. А. Коростелева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 757 с.
147. Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные беседы. Книга первая («Звено»: 1923–1926) / вступ. ст., сост. и прим. О. А. Коростелева. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 575 с.
148. Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные беседы. Книга вторая («Звено»: 1926–1928) / Вступ. ст., сост. и прим. О. А. Коростелева. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 510 с.
149. Адамович Г. «Освобождение Толстого» // Последние новости. 1937. № 6025. (23 сент.) С. 3.
150. Азаров Ю. А. Русский народный университет в Париже // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. Москва: РОССПЭН, 2000. С. 398–399.
151. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Москва: Республика, 1994. 602 с.
152. Александрова В. Литературные портреты Алданова // Новое русское слово. 1956. № 15835. 4 нояб. С. 2, 7.
153. Александрова В. «Новый журнал». Книга седьмая. Литературная часть // Новое русское слово. 1944. № 11684. 23 апреля С. 8.
154. Альтшуллер И. Н. О Чехове: (Из воспоминаний) // Современные записки. 1930. № 41. С. 470–485.
155. Андреев Н. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом: Опыт постановки проблемы // Русская литература в

эмиграции = Russian emigre literature / под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург: Питтсбугский ун-т, отд. слав. яз. и лит., 1972. VIII. С. 15–38.
156. Антисемитизм. Москва: Изд-во «Крафт+», 2003. 360 с.
157. Антон Крайний [Гиппиус З. Н.] Литературная запись: Полет в Европу // Современные записки. 1924. № 18. С. 123–138.
158. Аполлонио К. Секреты Достоевского: чтение против течения. Санкт-Петербург: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 320 с.
159. Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: их литературные труды и идеи в Древней Руси. Санкт-Петербург: Тип. И. Вощинского, 1882. Ч. 1. 320 с.
160. Базанов В. Г. «Гремел мой прадед Аввакум!» (Аввакум. Клюев. Блок) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. Москва: Наука, 1976. С. 334–348.
161. Бахрах А. Тайна Грибоедова [Рецензия на книгу] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. Москва, 1947 // Русские новости. 1948. № 139 (30 янв.). С. 4.
162. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 423 с.
163. Белобровцева И. И еще раз о традиционалисте Михаиле Булгакове // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 352–358.
164. Бем А. Л. Грибоедов и Достоевский // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: сборник статей под редакцией А. Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. Москва: Русский путь, 2007. С. 415–429.
165. Бем А. Л. Толстой в оценке Достоевского // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. Москва: Русский путь, 2007. С. 518–534.
166. Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; Москва: Прогресс-Традиция, 1997. 400 с.
167. Березовая Л. Г. Культура русской эмиграции 20–30-е гг. URL: http://ricolor.org/europe/stati/ruev/4/ (дата обращения: 01.04.2015).

168. Бицилли П. М. Гоголь и Чехов (Проблема классического искусства) // Современные записки. 1934. № 56. С. 298–308.
169. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии / сост., вст. ст., коммент. М. Васильевой. Москва: Русский путь, 2000. 608 с.
170. Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Саратовский гос. соц.-экон. ун-т. Саратов, 2011. 180 с.
171. Бордова И. А. Музыкальный факт, как составляющая поэтики Чехова // «100 лет после Чехова»: материалы научно-практической конференции, Ярославль, май 2004 г. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2004. С. 65–70.
Боровкова-Майкова М. С. Нил Сорский // История русской литературы: в 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1945. Т. II. Ч. 1. С. 317–322. URL: http://feb-web.ru/feb/irl/default.asp?/feb/irl/il0/il0.html (дата обращения: 25.10.2018).
172. Бушмин А. Преемственность в развитии литературы: Монография /2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1978. 224 с.
173. Быстрова О. В. Парижские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. Москва: РОССПЭН, 2000. С. 303–307.
174. Васильева С. А. Пушкинские традиции в «Хронике четырех поколений» В. С. Соловьева // «Чужое: мое сокровище!»: сборник статей памяти В. А. Кошелева. Великий Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2022. С. 43–51.
175. Вейдле В. [Рецензия на книгу: М. А. Алданов. Бегство. Изд. «Слово». Берлин] // Современные записки. 1932. № 48. С. 472–475.
176. Вейнбаум М. Литературный фонд // Новое русское слово. 1946. № 12631. 27 ноября. С. 3.
177. Величковский А. Леонардо да Винчи и Ломоносов // Парижский вестник. 1942. 26 июля.
178. Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы миросозерцания. Москва: Наследие, 2000. 448 с.

179. Виноградов И. И. Философский роман Лермонтова // Виноградов И. И. Духовные искания русской литературы. Москва: Русский путь, 2005. С. 16–56.
180. Вишняк М. Годы эмиграции: 1919–1969. Париж – Нью-Йорк. (Воспоминания). Stanford: Hoover inst. press, Stanford univ., 1970. 276 с.
181. Волковыский Н. [Рецензия на книгу: Алданов М. Бельведерский торс. Линия Брунгильды. Париж: Русские записки, 1938] // Сегодня. 1938. № 11 (11 янв.). С. 8.
182. Волконский С. М. Пушкин или Чехов? // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 357–366.
183. Вязинкин А. Ю. Феномен «русского нигилизма» в идейном наследии А. И. Герцена // Философская мысль. 2019. № 5. С. 37–48. DOI: 10.25136/2409-8728.2019.5.30228
184. Газданов Г. [Рецензия на книгу: Алданов М. А. Бельведерский торс. Линия Брунгильды. Париж: Русские записки, 1938] // Русские записки. 1938. № 10. С. 194–195.
185. Ганошенко М. Е. Рецепция русской классической литературы в современных франкоязычных изданиях // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. Москва: Индрик, 2017. С. 459–487.
186. Ганфман М. Тургенев в наши дни // Сегодня. 1933. № 243. 3 сент. С. 2.
187. Гольденберг А. Х. Ад и Рай Гоголя (к проблеме интерпретации творчества писателя в критике Русского Зарубежья) // Н. В. Гоголь и Русское зарубежье: Пятые Гоголевские чтения: сб. докладов. Москва: Книжный дом «Университет», 2006. С. 89–101.
188. Горбачева Н. Н. Сибирские реалии в прозе М. Алданова 1930-х годов // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2002. № 2. С. 157–161.
189. Горбачева Н. Н. XX век в прозе М. Алданова: постановка проблемы // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 1997. Вып. 3. С. 134–138.
190. Громова А. В. Проза Б. К. Зайцева: поэтика жанра и стиля. Москва: МГПУ, 2018. 404 с.

191. Гусихина Н. П. Музыкальная культура в ранней прозе А. П. Чехова // «100 лет после Чехова»: материалы научно-практической конференции, Ярославль, май 2004. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2004. С.182–184.
192. Демкова Н. С. Предисловие // Житие протопопа Аввакума. Санкт-Петербург: Наука, 2019. С. 5–12.
193. Днепров В. Идеи времени и формы времени. Ленинград: Советский писатель, 1980. 598 с.
194. Долгих Т. Д. Историческая повесть М. Алданова «Пуншевая водка» // Художественный текст и историко-культурный контекст: (на материале русской литературы XX в.): межвузовский сб. науч. трудов. Пермь: ПГПУ, 2000. С. 100–116.
195. Долгих Т. Д. Система цитат и реминисценций в повести М. Алданова «Пуншевая водка» // Карамзинский сборник: Россия и Европа: диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 263–273.
196. Долгих Т. Д. Цитаты и реминисценции в повестях М. Алданова // Русская литература 1920-х годов. Художественный текст и историко-культурный контекст: материалы межвуз. научн. конф. памяти И. А. Смирина. Пермь: ПГПУ, 2002. С. 140–157.
197. Доманский Ю. В. Чеховская ремарка: некоторые наблюдения. Москва: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2014. 120 с.
198. Домогацкая Е. Г. «Дневник в стихах: 1935–1950» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 3. Книги. Москва: РОССПЭН, 2002. С. 442–443.
199. Достоевский и русское зарубежье XX века / под ред.: Ж.-Ф. Жаккара, У. Шмида. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. 280 с.
200. Дронова Т. И. Марк Алданов // Русская литература 1920–1930 годов. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1 № 2 / редкол. А. Г. Гачева и др.; ред.-сост. С. Г. Семенова и др. Москва: ИМЛИ РАН, 2016. С. 440–539.
201. Дронова Т. И. Путь парадоксов Марка Алданова: монография. Москва: Флинта, 2020. 256 с.
202. Дэвидсон П. Переосмысление русской литературной традиции пророчества в диаспоре: Бунин, Набоков и Вячеслав Иванов // Век диаспоры.

Траектории зарубежной западной литературы (1920–2020): сб. статей / под ред. М. Рубинс. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 90–141.
203. Ерофеев В. В. Вера и гуманизм Достоевского // Ерофеев В. В. В лабиринте проклятых вопросов: эссе. Москва: Союз фотохудожников России, 1996. С. 49–75.
204. Ерофеев В. Найти в Достоевском человека // Найти в человеке человека: Достоевский и экзистенциализм. Москва: Зебра Е; ЭКСМО, 2003. С. 17–99.
205. Желтова Н. Ю. Державинская традиция в русской литературе первой трети XX века // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Межд. научн. конф. Тамбов: Издательский дом ТГУ им Г. Р. Державина, 2010. С. 48–55.
206. Жильцова Е. А. Роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского в творческом восприятии И. А. Бунина и М. А. Алданова // Вестник Новгород. гос. ун-та. Сер.: Филология. История. 2010. № 57. С. 34–37.
207. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. Часть I // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1881. Январь–Март. Кн. 1. С. 25–80.
208. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учеб. пособие / под ред. Г. В. Жиркова; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2003. 320 с.
209. Замалеев А. Ф. Интуиции русского ума: Статьи. Выступления. Заметки. Санкт-Петербург: Университетская книга, 2011. 216 с.
210. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Ленинград: Эго, 1991. Т. 1. С. 33–55.
211. Злочевская А. В. Драматургия русского зарубежья первой волны в контексте литературного процесса XX века // Русская литература. 2004. № 3. С. 86–109.
212. Злочевская А. В. Роль аллегорического подтекста в драматургии русской эмиграции (на материале пьес И. Сургучева «Реки Вавилонские», М. Алданова «Линия Брунгильды» и А. Ренникова «Борис и Глеб»). URL: http://www.bogoslov.ru/text/2868913.html (дата обращения: 28.01.2015).
213. Злочевская А. В. Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века: моногр. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2002. 185 с.

214. Золотусский И. Прости, Отечество! // Литературная газета. 2005. № 1.
215. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. Статьи о русской литературе. Москва: Языки русской культуры, 2000. 880 с.
216. Иванова Н. Ф. Проза Чехова и русский романс: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филологических наук. Новгород, 1998. 24 с.
217. Ильин В. Чудо архангельского мужика // Новое слово. 1940. 24 нояб.
218. Исаков С. Г. Эстонские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. Москва: РОССПЭН, 2000. С. 508–511.
219. Иустин, архимандрит. Вместо предисловия // Преподобный Нил Сорский. Устав о скитской жизни. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 3–4.
220. Казнина О. А. Путь: орган русской религиозной мысли // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 5. Москва: ИМЛИ РАН, 2013. С. 5–96.
221. Казнина О. А. Русские газеты и журналы в Великобритании // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. Москва: ИМЛИ РАН, 2004. С. 148–267.
222. Казнина О. А. «Русский в Англии» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. Москва: РОССПЭН, 2000. С. 386–388.
223. Казнина О. А. Цветаева // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / отв. ред. Ю.А. Азаров. Вып. 4. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 219–268.
224. Камышников Л. Роман без героя. («Истоки» М. А. Алданова. «Новый журнал». Книга шестая) // Новое русское слово. 1944. № 11272. 02 января. С. 8.
225. Камышников Л. Русская эмиграция в отражении М. Алданова // Новое русское слово. 1939. № 9485. 24 января. С. 2, 4.
226. Карпович М. М. [Рецензия на книгу] Алданов М. Истоки. Париж: YMCA-Press, 1950. Т. 1–2] // Новый журнал. 1950. №. 24. С. 286–288.

227. Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). Москва: Русский путь, 2012. 352 с.
228. Карпович М. М. М. А. Алданов и история // Новый журнал. 1956. Кн. 47. С. 255–260.
229. Катаев В. Б. «Жестокая смелость»: Поэтика обманутого ожидания // Чеховские чтения в Оттаве: сб. научн. тр. / редкол. Ю. В. Доманский, Д. Клейтон. Тверь; Оттава: Лилия Принт, 2006. С. 5–16.
230. Келдыш В. А. Поздний Толстой // История всемирной литературы: в 9 т. Москва: Изд-во «Наука», 1994. Т. 8. С. 25–29.
231. Кибальник А. С. Из пушкинианы писателей первой русской эмиграции. Владимир Набоков. Пушкин. Марк Алданов. Французская карьера Дантеса // Новый журнал. 1993. № 1. С. 80–86.
232. Кизеветтер А. А. Алданов. «Чертов мост» [Рецензия на книгу] Алданов М. Чертов мост. Берлин: Слово, 1925 // Современные записки. 1926. № 28. С. 476–479.
233. Кнорринг Н. Что читают в эмиграции. Цифры Тургеневской библиотеки // Новое русское слово. 1931. № 6692 (24 мая). С. 10.
234. Кодзис Б. Драматургия первой волны русской эмиграции // Новый журнал. 2011. № 263. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2011/263/ko20-pr.html (дата обращения: 28.01.2015).
235. Кознова И. Е. Русская литературная классика в идентификационных представлениях советской культуры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (51). С. 81–93. DOI 10.21685/2072-3024-2019-3-8.
236. Кожурин К. Я. Протопоп Аввакум в русской литературе и поэзии. URL: https://protopop-avvakum.ru/protopop-avvakum-v-russkoy-literature-i-poezii/ (дата обращения: 15.08.2020).
237. Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл / пер. с франц., предисл. С. Зенкина. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
238. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Москва: Статут, 2014. 487 с.
239. Котельников К. Д. Русский Берлин 1919–1933: проблемы и механизмы адаптации русской эмиграции в Германии / монография. М.: ДПК-Пресс, 2022. 238 с.

240. Кудрявцева Т. В. Русская литература в Германии: культурные горизонты // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретация / ред.-сост. М. Ф. Надъярных, В. В. Полонский; отв. ред. А. Б. Куделин. Москва: ИМЛИ РАН, 2015. С. 9–55.
241. Кузьменко О. Н. Адреса русской эмигрантской литературы в Париже (от Адамовича до Яновского). Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 296 с.
242. Кузьмичев И. К. Типология современного эпоса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2000. № 1 (Литературоведение. Русская литература). С. 19–27.
243. Кузнецов С. В. Рецепция русской классической литературы в немецкоязычных славистических изданиях и прессе конца XX – начала XXI веков // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. Москва: Индрик, 2017. С. 385–427.
244. Курдюмов М. Роман Чехова // Современные записки. 1935. № 57. С. 438–451.
245. Лагашина О. Марк Алданов и Лев Толстой: К проблеме рецепции. Таллинн: ТЛÜ КИРЯСТУС, 2010. 266 с.
246. Канищева Н. И. Предисловие // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М.: РОССПЭН, 2012. С. 3–33.
247. Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск: Экономпресс, 2001. 352 с.
248. Леман Ю. Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени / пер. Н. Бакши, А. Жеребина. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.
249. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. Т. 3: 1875–1881.
250. Ли С. Н. Рассказы Марка Алданова // Алданов М. А. Собр. соч.: в 6 кн. Москва: Новости, 1994. Кн. 3. С. 5–25.

251. Ли Ч. Н. Марк Александрович Алданов: Жизнь и творчество // Русская литература в эмиграции = Russian emigre literature / под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург: Питтсбугский ун-т, Отд. слав. яз. и лит., 1972. VIII. С. 95–104.
252. Линков В. Я. Тургенев – писатель социального реализма // Тургеневские чтения: сб. статей / сост. и научн. ред. Е. Г. Петраш. Москва: Русский путь, 2006. Вып. 2. С. 9–27.
253. Лифарь С. Третий праздник Пушкина // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. II. С. 56–67.
254. Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / сост. и предисл. М. Д. Филина; ред. и коммент. В. А. Кожевникова. Москва: Русскій міръ, 2001. 320 с.
255. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 380–388.
256. Мазунин А. И. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XIV. С. 408–412.
257. Маймин Е. А. Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого // Труды Отдела древнерусской литературы. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 501–505.
258. Макрушина И. В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика / АН Респ. Башкортостан. Отд-ние гуманит. наук, Стерлитамакский гос. педагогический ин-т. Уфа: Гилем, 2004. 186 с.
259. Маркович В. М. Вопрос о литературных направлениях и построение русской литературы XIX века // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения: в 2 т. Москва: Наследие, 1997. Т. 1. С. 241–249.
260. Мартынов А. В. Письма Марка Алданова из США военного периода // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е. Р. Пономарев, науч. ред. Е. Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М. С. Щавлинский, Д. В. Зайцев. С. 458–469. https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-458-469

261. Марченко Т. В. Бунин и Франция. Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2020. 80 с.
262. Марченко Т.В. Поэтика совершенства: О прозе И. А. Бунина. Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. 208 с.
263. Мерич Арс. (Даманская А. Ф.) На премьере «Линии Брунгильды» М. Алданова // Сегодня. 1937. 53 (22 февр.). С. 3.
264. Мирный В. С. [Яновский В. С.] «Русские записки» [№ 1 и 2] // Иллюстрированная Россия. 1938. 19 февр. № 9 (667). С. 16.
265. Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 615 с.
266. Мирский Д. О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка) // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 338–350.
267. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. Статья пятая. Прозаики старшего поколения. М. А. Алданов // Литература в школе. 1991. № 2. 34–42.
268. Михайлов О. Н., Азаров Ю. А. Журнал «Современные записки»: литературный памятник русского зарубежья // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 5–57.
269. Млечко А. В. Символика «хаоса истории» в романах М. Алданова и «русский текст» «Современных записок» («Мыслитель», «Ключ. Бегство. Пещера», «Начало конца») // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2003–2004. Вып. 3. С. 74–86.
270. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / сост. и послесл. В. М. Толмачева. Москва: Республика, 1995. 607 с.
271. Мочульский К. В. [Рецензия] The life of the Archpriest Avvakum by himself. Translated from the seventeenth century Russian by Jane Harresson and Hope Murrlees with a preface by Prince D. P. Mirsky. London, 1924 // Звено. 1925. № 117. 27 апр. URL: https://religion.wikireading.ru/102685 (дата обращения: 15.08.2020).
272. Николаев Д. Д. Русские периодические издания в Германии // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С.173–247.

273. Николина Н. А. «Сказка о всех пяти земных счастьях»: «Пуншевая водка» М. А. Алданова // Русский язык в школе. 2006. № 5. С. 55–62.
274. Окутюрье М. «Тарас Бульба». Украинская модель русского патриотизма // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 2. 282–288.
275. Орлова Ю. А. Историософская повесть М. А. Алданова: проблематика, образная система, мотивные ряды: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филологических наук. Тамбов, 2015. 23 с.
276. Орлова Ю. А. Историософская повесть М. А. Алданова: проблематика, образная система, мотивные ряды: диссертация на соискание ученой степени канд. филологических наук. Владивосток, 2015. URL: http://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/2015/orlova/orlova-dissertacia.pdf (дата обращения: 07.04.2017).
277. Офросимов Ю. Коллекция писем и автографов Б. В. Штюрмера // Новое русское слово. 1935. № 8076 (10 марта). С. 8.
278. П. Б. [Бартенев П. И.] [Примечание ред. к статье Б. Садовского «И. С. Тургенев»] // Русский архив. 1909. Вып. I–IV. С. 627–629.
279. Панарин С. Гарибальди в России: от восхищения к забвению? URL: http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/p16.html (дата обращения: 07.04.2017).
280. Пастухов В. «Линия Брунгильды» М. Алданова в Русском театре // Сегодня вечером. 1937. № 72 (31 марта). С. 4.
281. Переверзенцев С. В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии: монография. Москва: Вече, 2019. 608 с.
282. Перейра Н. Г. О. Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). Москва: Русский путь, 2012. С. 7–23.
283. Пестерев С. К. Способы создания образа человека в малой прозе М. А. Алданова: диссертация на соискание ученой степени канд. филологических наук. Томск, 2017. 261 с.
284. Петухов Т. М. Русская классика в англоязычных изданиях (Великобритания и США) последних десятилетий // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов

под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. Москва: Индрик, 2017. С. 435–458.
285. П. П. [Петр Пильский] Немецкий критик о русских зарубежных писателях // Новое русское слово. 1934. № 7679. 04 февр. С. 8.
286. Пильский П. Новая книга «Современных записок» // Новое русское слово. 1934. № 7972 (25 ноября). С. 8.
287. Пильский П. Покушение на жизнь папы. Новая книга М. Алданова «Бельведерский торс» [Рецензия на книгу: Алданов М. Бельведерский торс. Линия Брунгильды. Париж: Русские записки, 1938] // Сегодня. 1938. № 259 (19 сент.). С. 3.
288. Полнер Т. И. О Толстом: Клочки воспоминаний // Современные записки. 1920. № 1. С. 107–124.
289. Полонский Я. П. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину (из воспоминаний) // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 358–406.
290. Полоцкая Э. А. Антон Чехов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1 / ИМЛИ РАН. Москва: Наследие, 2000. С. 390–456.
291. Пономарев Е. Эмигрантика за тридцать лет: от возникновения до рассвета // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 378–396. DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_378
292. Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. Москва: Литфакт, 2019. 340 с. (Академический Бунин; вып. 2).
293. Правление. Отчет Толстовского фонда. О чеховском спектакле // Новое русское слово. 1941. № 10262. 15 марта. С. 4.
294. Прохоров Г. М. Преподобный Нил Сорский и его место в истории русской духовности // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / изд. подгот. Г. М. Прохоров. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 5–42 URL: http://predanie.ru/prohorov-gelian-mihaylovich/book/97568-prepodobnye-nil-sorskiy-i-innokentiy-komelskiy-sochineniya (дата обращения: 16.03.2018).

295. Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939 / [предисл. О. Казниной; перевод А. Ратобыльской]. Москва: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
296. Ревякина А. А. «Годы эмиграции: 1919–1969. Париж – Нью-Йорк (Воспоминания)» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 3. Книги. Москва: РОССПЭН, 2002. С. 134–135.
297. Робинсон А. Н. Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века // Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: исследование и тексты. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3–135.
298. Рогачевская Е. Марк Алданов в журнале «Современные записки»: финансовые и творческие аспекты сотрудничества // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 104–119.
299. Розанов Ю. В. Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 437–447. URL: http://poetica.pro/journal/article.php?id=2682 (дата обращения: 20.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2682
300. Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. Москва: Памятники исторической мысли, 2003. 255 с.
301. Рубинс М. Невыносимая легкость диаспорического бытия // Век диаспоры: Траектории зарубежной западной литературы (1920–2020): Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–50.
302. Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов / сост. и ред.: Ю. Абызов, Б. Равдин, Л. Флейшман. Stanford: Stanford University Press, 1997. Vol. 13–17.
303. Русский Берлин. 1920–1945: Международная науч. конференция, 16–18 дек. 2002 г. / сост.: М. А. Васильева, Л. С. Флейшман; науч. ред. Л. С. Флейшмана. Москва: Русский путь, 2006. 463 с.
304. Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. Серия «Универсалии культуры». Вып. VII: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. Москва: Флинта: Наука, 2016. 456 с.

305. Савич О. Г., Эренбург И. Г. Мы и они: Франция. Берлин: Петрополис, 1931. 294 с.
306. Сараева Е. Л. Понятие мещанства в текстах А. И. Герцена и Иванова-Разумника: диалог идей // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Том I (Гуманитарные науки). С. 27–33.
307. Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2005. 964 с.
308. Седых А. Заметки об Алданове // Новое русское слово. 1956. № 15835. 4 нояб. С. 2, 7.
309. Сечкарев В. Пушкин и Гоголь в произведениях Алданова // Отклики: сб. статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В. Сечкарев. Нью-Хэвен, 1986. С. 170–185.
310. Сечкарев В. М. Случай и судьба: Пьеса Марка Алданова «Линия Брунгильды» // Новый журнал. 2001. Кн. 222. С. 141–152.
311. Слобин Грета Н. Проза Ремизова. 1900–1921. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. 206 с.
312. Слоистова М. С. Типология и стратегии креативной рецепции на примере английской поэзии и прозы постмодерна // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 110–119. DOI: 10.17072/2073-6681-2020-2-110-119
313. Смолич И. К. Великий старец Нил Сорский // Путь. 1929. № 19 (ноябрь). С. 57–69.
314. Созина Е. К. Текст Достоевского в литературе чеховской «артели» восьмидесятников // Традиции в контексте русской литературы: сб. статей и материалов. Череповец: ЧГУ, 1997. С. 70–77.
315. Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 464 с.
316. Соколов А. Н. Православная Церковь и старообрядчество. Нижний Новгород: Кварц, 2012. 430 с.
317. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. (29 т.). Москва: Соцэкгиз, 1960. Кн. 3. (Т. 5–6). 815 с.
318. Сорокина В. В. Европейский модернизм и русский модерн // Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология». 2010. № 1. С. 99–115.

319. Сорочан А. Ю. Преодоление времени: «классические» и «модернистские» концепции // Безвременье как сюжет: Статьи и материалы / Ред.-сост. С. А. Васильева, А. Ю. Сорочан. Тверь: Издательство М. Батасовой, 2017. С. 3–9.
320. Сорочан А. Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореферат дис. доктора филологических наук: 10.01.01. Тверь, 2008. 38 с.
321. Сочива Т. А. Апокалиптические мотивы в «Книге толкований и нравоучений» протопопа Аввакума Третьи Мяндинские чтения: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции, 8–9 июля 2015 г., г. Сыктывкар / отв. ред. Т. Ф. Волкова; ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина». Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 44–50.
322. Старобинский Ж. Поэзия и знание: история литературы и культуры. Т. 1. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
323. Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
324. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
325. Степун Ф. Мысли о России // Современные записки. 1925. № 23. С. 342–371.
326. Степун Ф. А. Встречи. Москва: Аграф, 1998. 256 с.
327. Стрельникова А. А. Австрийская литература XIX – начала XX вв. О поисках ценностных ориентиров: осмысление русской классики // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретация / ред.-сост. М. Ф. Надъярных, В. В. Полонский; отв. ред. А. Б. Куделин. Москва: ИМЛИ РАН, 2015. С. 56–87.
328. Строганов М. В. Памяти Герцена. На полях журнала «Русское богатство» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 312–325. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-18-312-325
329. Строганов М. В. Парадоксы культуры: работы разных лет. Санкт-Петербург: Издательство «Росток», 2022. 402 с.

330. Строганов М. В. Современные задачи изучения Грибоедова и как к ним подойти. URL: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8885 (дата обращения: 10.10.2018).
331. Строганов М. В. Этому берегу // Памяти Герцена / ред. М. В. Строганов, Е. Г. Милюгина. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. С. 6–8.
332. Строев А. Ф. К вопросу о восприятии И.А. Бунина во Франции в 1933 г. // Литературный факт. 2020. №2 (16). С. 200–228. DOI 10.22455/2541- 8297-2020-16-200-228
333. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; Москва: Русский путь, 1996. 448 с.
334. Суражский Н. (Брешко-Брешковский Н. Н.). Четыре звена Марка Алданова (От нашего парижского корреспондента) // Для Вас. 1934. № 39 (22 сент.) С. 3–4 URL: http://www.russianresources.lt/archive/Bresko/Bresko_22.html (дата обращения 10.10.2018).
335. Суровова Л. Ю. Эмигрантская периодика о детях и для детей: начало, развитие, направления, итоги // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 5. Москва: ИМЛИ РАН, 2013. С. 407–472.
336. Сухих И. Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. Вып. 3. С. 329–336.
337. Сытина Ю. Н. Проблемы теоретической и исторической поэтики в трудах И. А. Есаулова: методология, концепция, новые категории русской филологии // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. С. 18. № 2. С. 7–24. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7722
338. Тамарченко Н. Д. Лев Толстой // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1 / ИМЛИ РАН. Москва: Наследие, 2000. С. 336–389.
339. Тартак И. Л. О Новом Алданове («Десятая симфония» М. Алданова) // Новое русское слово. 1931. № 6811 (20 сент.) С. 10.
340. Тартак И. Л. «Современные записки», книга 43-я // Новое русское слово. 1930. № 6412. (17 авг.). С. 10.

341. Тассис Ж. Достоевский глазами Алданова // Достоевский и XX век / под ред. Т. А. Касаткиной: в 2 т. Москва: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 382–405.
342. Тассис Ж. Роман «Преступление и наказание» в двух романах М. А. Алданова // Достоевский и русское зарубежье XX века / ред. Ж.-Ф. Жакар, У. Шмид. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. С. 147–158.
343. Томсинов В. А. Сперанский. Москва: Молодая гвардия, 2006. 464 с.
344. Трубилова Е. М. Русские периодические издания в Латвии. Газета «Сегодня» // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 290–328.
345. Трубников П. [Пильский П.] И. А. Ильин об искусстве, Л. Толстом, Достоевском, Шмелеве, Бунине, Алданове: новая книга И. А. Ильина «Основы художества» [Рецензия на книгу: Ильин И. А. Основы художества. Рига: Русск. Акад. изд-во, 1937] // Сегодня. 1937. № 293 (25 окт.). С. 3.
346. Трубников П. [Пильский П.] О Любовных увлечениях Чехова // Новое русское слово. 1935. № 8076 (10 марта). С. 8.
347. Трудный путь: зарубежная Россия и Гоголь. Москва: Русскій міръ, 2002. 444 с.
348. Трунин С. Е. Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX – начала XXI вв. Минск: Логвинов, 2006. 154 с.
349. Труфанова И. В. Г. Р. Державин и В. В. Набоков // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Межд. научн. конф. Тамбов: Издательский дом ТГУ им Г. Р. Державина, 2010. С. 126–130.
350. Трущенко Е. Ф. «Грядущая Россия» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры / глав. ред. А. Н. Николюкин. Москва: РОССПЭН, 2000. С. 108–110.
351. Туниманов В. А. Достоевский в художественных произведениях и публицистике М. А. Алданова // Туниманов В. А. Достоевский и русские писатели. Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 236–271.
352. Туфанова О. А. «Кто ково любитъ, тотъ о томъ печется…»: мотив любви к детям в творчестве протопопа Аввакума // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 89–100. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-56- 89-100.

353. Тэффи Н. А. После юбилея (отрывки впечатлений и разговоров) // Трудный путь: Зарубежная Россия и Гоголь / сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. Москва: Русскій міръ, 2002. С. 231–245.
354. Тюпа В. И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 22–39. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-1-22-39
355. Ульянов Н. И. Ignorantia est // Воздушные пути. 1960. № 1. С. 223–247.
356. Унковский В. «Юность Павла Строганова» (письмо из Парижа) // Новое русское слово. 1934. № 7914 (29 сент.). С. 4.
357. Уральский М. Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции / предисл. С. Пестерева, С. Гарциано. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. 802 с.
358. Уральский М. Молодой Алданов // Новый журнал. 2018. № 292. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2018/292/molodoj-aldanov.html (дата обращения: 30.01.2020).
359. Уральский М. Л., Мондри Г. Достоевский и евреи / предисл. С. Алоэ и Л. Сальмон. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 888 с.
360. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / Сост., вступ. ст. и комм. М. Д. Филина. Москва: «Русскій міръ», 1999. 288 с.
361. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Москва: Московский рабочий, 1990. 268 с.
362. Федякин С. Комментарий к Алданову. Знаменитый писатель – и «маленький человек» // Независимая газета. 1996. 24 авг. С. 7.
363. Филин М. От составителя // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. Вып. I. С. 5–50.
364. Филин М. Д. Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография. Москва: Дом-Музей Марины Цветаевой, 2004. 430 с.
365. Филин М. Д. Пушкиниана Русского Зарубежья, 1918–1940: материалы для библиографии // Московский пушкинист. Москва: Наследие, 1996. Вып. 2: Ежегод. сб. С. 305–327.

366. Фрезинский Б. Я. «Мы и они. Франция» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 3. Книги. Москва: РОССПЭН, 2002. С. 663–664.
367. Хьюз Р. Ходасевич: ода русскому четырехстопному ямбу. URL: https://www.ruthenia.ru/reprint/blok_xiii/hjus.pdf (дата обращения: 30.01.2020).
368. Целкова Л. Н. Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция. Москва: Русское слово, 2011. 232 с.
369. Цетлин М. О Чехове (1904–1929) // Современные записки. 1930. № 41. С. 486–500.
370. Чернов В. А. П. Чехов: к сорокалетию его смерти // Новый журнал. 1944. № 7. С. 342–354.
371. Чернов В. Литературные мытарства Чехова // Новый журнал. 1945. № 10. С. 214–225.
372. Чернов В. Чехов и Суворин // Новый журнал. 1945. № 11. С. 231–253.
373. Чернышев А. Алдановские «Десять лет спустя» // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 кн. Москва: Новости, 1995. Кн. 5. С. 5–14.
374. Чернышев А. [Вступительная статья] Исторические портреты. Адам Чарторыйский в России. Ольга Жеребцова // Наше наследие. 1991. № 4. С. 78–94.
375. Чернышев А. Предисловие [к двум неопубликованным главам из повести М. Алданова «Бред»] // Дружба народов. 1998. № 11. С. 90–93.
376. Чернышев А. А. Открывая новые горизонты. Споры у истоков русского кино. Жизнь и творчество Марка Алданова. Москва: Паблит, 2017. 358 с.
377. Шраер М. Д. Бунин и Набоков. История соперничества. Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. 222 с.
378. Шраер М. Д. Бунин и Набоков. Ученичество – мастерство – соперничество. 1917–1977. Москва: Альпина нон-фикшн, 2023. 464 с.
379. Шиюй Ван. Интервью с Олегом Коростелевым // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 437–447.
380. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования. Статьи. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 558–680.

381. Юрченко Т. Г. «Свидетель многих лет…» [Вступительная статья] // Терапиано Ю. К. Встречи: 1926–1971. Москва: Intrada, 2002. С. 5–16.
382. Янгиров Р. М. «Рабы Немого»: очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом. 1920–1930-е годы. Москва: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2007. 496 с.
383. Яркова А. В. Жанровое своеобразие творчества Б. К. Зайцева 1922–1972 годов. Литературно-критические и художественно-документальные жанры. Санкт-Петербург: ЛГОУ им А. С. Пушкина, 2002. 211 с.
384. Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С. 34–84.
385. Byckling L. Михаил Чехов в Холливуде: Размышления и письма к Марку Алданову // Studia slavica finlandensia. Helsinki, 1991. Т. 8. С. 1–26.
386. Grabińska Gizela (Грабиньска Гизела). «Русские путешественники» Николая Карамзина и Марка Алданова (“Russkie puteszestvenniki” Nikolaja Karamzina i Marka Aldanova). (Publication in a book) // Rosja literacka od Karamzina do Sołżenicyna. Warszawa, 2004. P. 61–74. (Studia Rossica, XV).
387. Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. 405 p.
388. Lee C. Nicholas. The Novels of Mark Aleksandrovič Aldanov / University of Colorado. The Hague: Mouton&Co. N.V. Publishers, 1969. 389 p.
389. Lee C. Nicholas. The philosophical tales of M. A. Aldanov // The Slavic and East European Journal. 1971. Vol. 15, no 3. P. 273–292. https://doi.org/10.2307/306823